

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДОВ СИБИРИ

(аксиология, история, практики)

МОСКВА
2020

Материалы X Всероссийского
научного симпозиума
«ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ГОРОДОВ РОССИИ»
Омск, 30 сентября 2020 г.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРОДОВ СИБИРИ

(АКСИОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ПРАКТИКИ)

МАТЕРИАЛЫ X ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
«ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ГОРОДОВ РОССИИ»

(Омск, 30 сентября 2020 г.)

Омск
2020

УДК 911.53+930.85(470)+316.752+711
ББК 63.3+60.0+9+71.0+85.1+87.53
К90

Редакционная коллегия:

чл.-кор. АГН, д-р ист. наук **Д. А. Алисов** (отв. ред.);
академик АГН, АСН и РАЕН, д-р ист. наук **Н. А. Томилов**;
канд. ист. наук **И. А. Селезнева**;
канд. ист. наук **О. В. Петренко** (ред.);
К. Ю. Смирных (тех. ред.)

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного и при-
родного наследия имени Д. С. Лихачёва*

К90 **Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, исто-
рия, практики)** : материалы X Всероссийского научного симпо-
зиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября
2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, О. В. Пет-
ренко. — Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия,
2020. — 444 с. — DOI 10.34685/НИ.2020.32.21.014.

ISBN 978-5-86443-338-6

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников X Все-
российского научного симпозиума с международным участием «Пробле-
мы культуры городов России: культурные ландшафты городов Сибири
(аксиология, история, практики)» из 19 городов России и Республики
Казахстан. Среди них — историки, культурологи, философы, филологи,
социологи, архитекторы, географы; представители научных учреждений,
высших и средних учебных заведений, библиотек и музеев.

Материалы симпозиума предназначены для исследователей, специа-
листов, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для тех, кто ин-
тересуется историей России, ее региональными и локальными аспектами.

ISBN 978-5-86443-338-6

УДК 911.53+930.85(470)+316.752+711
ББК 63.3+60.0+9+71.0+85.1+87.53

© Сибирский филиал Российского
научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА: ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

Алисов Д. А.

Культурный ландшафт города: концепция,
структура, индикаторы.....7

Митин И. И.

Культурный ландшафт городского района: методика
комплексного исследования..... 18

Баркова В. В.

«Пространственный поворот» в изучении города:
философский аспект трансформации городского ландшафта.....24

Позднякова Е. Ю.

Городской пространственный дискурс36

Петренко О. В.

Опыт изучения городского культурного ландшафта в Институте
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
в 1992–2013 гг.: К постановке проблемы.....46

Ермолаева Ю. Н.

Город Якутск: нерешенные проблемы историографии62

Менщиков В. В.

История курганского краеведения в контексте социокультурного
развития провинциального города69

Кузеванов В. С., Сорокин А. П.

Осмысление творческого наследия историка архитектуры
В. И. Кочедамова в четырехтомном издании проекта
«Сохраненная культура»: «Труды по истории градостроительства
с комментариями современных ученых»78

Чекрыжова О. И., Брюханова Е. А.

Фотодокументы как источники для реконструкции ландшафта
городов Сибири рубежа XIX–XX вв.91

Бахтурин В. В.

Периодическая печать как источник по изучению историко-
культурного облика сибирского города в условиях юбилейных
коммемораций (на примере столетия восстания декабристов) 101

Абдрахманова К. К.
Источниковый комплекс по изучению истории городской повседневности Центрального Казахстана в послевоенное время.... 114

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА: ТРАНСФОРМАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Оглезнева Г. В.
Формирование культурного ландшафта города Киренска во второй половине XIX — начале XX вв. 126

Казанцева С. Г.
Социокультурный облик губернских городов Среднего Поволжья на рубеже XIX-XX вв. (На примере Самары и Симбирска)..... 137

Ануфриев А. В., Козлов Д. В.
Военнопленные Первой мировой войны и их место в культурном ландшафте городов Восточной Сибири..... 151

Саблин А. Ю.
Омские школы подготовки прапорщиков пехоты 162

Багирова А.Р., Чуракова О.В.
Архитектурно-градостроительный облик Архангельска в 1930-е гг.: сталинская парадигма социальной иерархии..... 169

Кузеванов В. С.
Территориальное планирование Омска в эпоху первых пятилеток 183

Коровниченко А. А.
Переустройство транспортной системы городов СССР в 1930-е гг. (на материалах Барнаула)..... 193

Козлов В. В.
Перспективы наследия социалистических городов. Потенциал типовой застройки жилых районов 1960–1980-х гг. 200

Прищепа А. И.
Об организации городского строительства в северных городах Западной Сибири в годы ее нефтегазового освоения (на примере Сургута) 216

Нуржанов А. А.
Средневековые города Казахстана: урбанистический ландшафт степной цивилизации 225

Елисафенко М. К., Дружинина А. О.
Ирбит — гордость уральского края 238

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Гефнер О. В.
Цифровизация и культурный ландшафт современного города (на примере Новосибирска)..... 243

Кузнецова А. В.
Постсоветские трансформации культурного ландшафта отдельных районов крупного сибирского города: общие черты и индивидуальные особенности (на материалах Новосибирска) .. 249

Бондарь В. В.
Опыт характеристики культурного ландшафта исторического поселения: город Армавир..... 264

Маркова О. Н.
Типы исторической застройки Армавира: к проблеме сохранения городского культурного ландшафта..... 281

Витюк Е. Ю., Загребин О. В.
Проявление идентичности территорий через архитектурное формообразование в проектах благоустройства 297

Булатова Е. К.
Нижне-Исетская набережная Екатеринбурга..... 314

Касаткина Л. А., Попова И. А., Удина И. Л.
Организация остановок общественного транспорта на примере Красноярска 325

Скосырева Н. Д.
Проблемы социализации сельской молодежи в городской среде 334

Гераськин Д. В.
Образ многоуровневого города в архитектуре и искусстве..... 341

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Алисов Д. А.
Культурный ландшафт города и историческая память: проблемы формирования и разрушения 347

Акелькина Е. А. Образ родного города 1930 — начала 1940-х гг. В автобиографической повести Н. С. Коноваловой «Девочка из Омска»	356
Арапова Е. Д. Архитектурная тема в музее истории МГУ	362
Скульмовская Л. Г. Музей как участник формирования социально-культурной среды	372
Талапин А. Н. «Реорганизация памяти»: судьба школьного музея глухих детей в Омске.....	387
Демьянов К. В. Виртуальный культурный ландшафт: некоторые способы конструирования исторической памяти российских городов в XXI в.	391
Хилько Н. Ф. Видеофестивали как средства образного отражения исторической памяти в культурном ландшафте малых городов и поселений Омской области	396
Белова А. В. Культурное наследие как ресурс ревитализации городской среды	407
Никифорова А. А. Культурные ландшафты как особая категория наследия, включенная в сферу туризма	420
Голубева О. А., Ившин К. С. Туристский кластер как фактор сохранения культурного наследия в городском ландшафте (на примере города Саранска Республики Чувашия).....	429
Сведения об авторах.....	437

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА: ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

УДК 911.53+930

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА: КОНЦЕПЦИЯ, СТРУКТУРА, ИНДИКАТОРЫ

Алисов Д. А.

Омск, Сибирский филиал

*Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Аннотация: Опираясь на результаты предшественников, автор данной статьи попытался сформулировать свои представления о культурном ландшафте города, его структуре, индикаторах и сократить «пространство споров».

Ключевые слова: культурный ландшафт города; структура культурного ландшафта; теория и методология; природные объекты; архитектурные памятники; топонимические системы; коммерциальные практики; городские праздники; городская символика; восприятие городской среды.

Невозможно раскрыть специфику формирования и развития культурного ландшафта любого конкретного города без освещения общих проблем теории и методологии. В настоящее время в комплексах наук, изучающих культурный ландшафт города, реализуются не только существенно различные методологические подходы к изучаемому объекту, но и наблюдаются весьма различные понимания базисных категорий не только в различных науках, изучающих город,

но и даже в рамках отдельно взятой научной дисциплины. Современная ситуация постмодерна в гуманитарных науках способствует росту разнообразия и эклектического взаимопроникновения различных научных школ и теоретических построений. Пространство споров в культурном ландшафтоведении непрерывно расширяется. Реакцией на это становится попытка отдельных ученых укрыться в пространстве эмпирики и фактологии.

Таким образом, эта «пестрота» не случайное явление, а закономерный результат современного состояния науки о городах. По схожему поводу великий французский историк Марк Блок заметил: «Мне кажется, мало найдется наук, которым приходится пользоваться одновременно таким огромным количеством разнородных орудий. Причина в том, что человеческие факты — самые сложные. Ибо человек — наивысшее создание природы» [1, с. 40–41].

На сегодняшний день существует большое количество определений, что же это такое **«культурный ландшафт города»**. Опираясь на результаты предшественников, автор данной статьи попытался сформулировать свои представления о культурном ландшафте города и сократить «пространство споров». Ввиду сложности объекта изучения — культурный ландшафт города — он имеет многие десятки обобщающих и рабочих определений, соответствующих различным системным характеристикам с позиций различных наук. Многие из них в той или иной степени вполне удачны. Поэтому, по мнению автора, не стоит стремиться дать единое и «единственно правильное» определение данному объекту. Пора отказаться от попыток давать простые (плоскостные) определения сложным историческим и социальным объектам. Объект — культурный ландшафт города многомерен, поэтому и его определение должно носить многомерный и открытый, а не плоский и закрытый характер.

В связи с этим предлагаем многомерный или многовекторный подход в определении того, что такое культурный ландшафт города, который опирается на опыт исследований ученых Института Наследия, и прежде всего Р. Ф. Туровского и Ю. А. Веденина [2, 3].

Согласно нашим представлениям, культурный ландшафт города имеет несколько осей формирования и развития, каждая из которых обладает своими объективными смысловыми характеристиками. Первая ось — материальная, согласно которой культурный ландшафт города представляет собой видимый результат человеческой деятельности, т. е. «очеловеченную» природу. Вторая ось развития — это антропогенная (духовная) составляющая, включающая в себя все разнообразие творений человеческого разума, культурные характеристики (искусственно созданные) городского пространства, закрепленные в материальной среде. Третьей осью его формирования и развития является Время. Данный подход опирается, главным образом, на работы Р. Ф. Туровского, который выделяет и «временную (историческую) структуру» культурного ландшафта [2, с. 27].

Такой многовекторный и многомерный подход к определению культурного ландшафта города предполагает его многоосевое развитие и наличие разных наборов теорий и методологий изучения для каждой отдельно взятой «оси его формирования» [4, с. 4–5].

В результате этого междисциплинарный подход, весьма распространенный в гуманитарных науках, начинает реально работать в качестве инструмента познания, а не существовать в виде формально предложенного набора научных дисциплин. А спор об «определениях» культурного ландшафта города утрачивает свою актуальность и становится бессмысленным. Открытому характеру объекта культурный ландшафт города соответствует и открытый характер представлений о нем. Сложные системы и явления,

включая такие, как город и городской ландшафт, требуют сложных представлений и определений.

Город, «вторая природа человека», как единое и системное целое состоит из множества подсистем, огромного числа элементов, не только системных, но и *случайных связей*. Логика развития городов различного типа и критериев выделения городов среди прочих населенных пунктов на протяжении последних столетий развивалась по линии административный центр — экономическая единица — культурное образование (точнее социокультурное). Новый век предъявил новые требования к городам и науке о них. Город наполнился не просто «жителями», а «Человеком». Он стал «культурной единицей». Во второй половине XX века в науке о городе все отчетливее начинает проявляться интерес и тенденция к изучению культурной составляющей города. Город начинает рассматриваться как субъект и результат социокультурных процессов, где Человек (социум) и город творят друг друга. Человек создает город, город формирует человека.

Таким образом, город — это не только специфически организованное пространство, но это и сложное социальное сообщество, осуществляющее свою жизнедеятельность в данном пространстве. Город — это пространство (среда) и социум (*homo sociale est*) одновременно. На пересечении этих двух «составляющих констант» и возникает **культурный ландшафт** города. Иными словами, культурный ландшафт города — это «человекопространство» противостоящее природе. Развитие культурного ландшафта идет через постоянное интенсивное взаимодействие социальных и пространственных структур города. Таким образом, современный культурный ландшафт любого конкретного города подобен бесконечно изменяющейся многомерной матрешке. В этом и заключается сложность его изучения.

В настоящее время уже невозможно говорить о единственной структуре культурного ландшафта города, поэтому приходится говорить о структурах. Город многолик и изучается с позиций разных наук и научных школ. Сколько научных школ и научных подходов к городу, столько и выявленных структур. Однако можно определить основные. Одним из первых на структуру культурного ландшафта обратил внимание Р. Ф. Туровский. Он выделил следующие типы структур ландшафта: морфологическая, временная (историческая) структура, функциональная структура [2, с. 19–35].

Однако, на мой взгляд, подобное выделение структур нарушает логику концептуальной постановки вопроса автора данной статьи о культурном ландшафте города и отчасти противоречит взглядам самого Р. Ф. Туровского. Так, он предлагает включать в морфологическую структуру культурного ландшафта не только пейзажную природную (материальную, физическую), но и нематериальную антропогенную составляющую, которая состоит не только из (преобразованных человеком. — Д. А.) материальных форм, воплощенных в материи, телесных, зримых, но и из образцов духовной культуры, духовной жизни, т. е. делится на воплощенный (материальный) и духовный (идеальный) слои [2, с. 25–27].

Изучение материального и идеального осуществляется различными науками и имеет разные теоретические и методологические основания. «Смещение» двух разных структур (материальной и идеальной) запутывает исследователей и отбрасывает их в мир хаоса, эмпирии и субъективного произвола. Поэтому их надо четко различать и говорить о морфологической структуре материального и морфологической структуре нематериального, то есть антропогенной, которая является результатом активной социокультурной деятельности главного субъекта любого

процесса — человека, точнее, *homo sociale*. Таким образом, отчасти будет снят и пересмотрен вопрос и о функциональной структуре культурного ландшафта. Ибо функциональная структура культурного ландшафта это есть не что иное, как производная от способов антропогенного воздействия человека на окружающий мир. А вот подлинно «пейзажную природную» составляющую необходимо вынести за рамки культурного ландшафта города. В культурном ландшафте города, на наш взгляд, возможно рассматривать только «преобразованную» человеком природу. Все, что находится вне «человека», культурой не является. И в данном случае природа остается природой, т. е. средой.

То, что касается взглядов на временную (историческую) структуру, то здесь на общеметодологическом уровне у нас расхождений вроде бы нет. Ввиду того что культурный ландшафт города изменяется и развивается во времени и пространстве, он со временем накапливает «исторические пласты» — свидетельства различных эпох, которые создают временную (историческую) структуру. Однако здесь следует внести существенное добавление, связанное с механизмами взаимодействия этих самых «исторических пластов», что в рамках настоящего «прошлые исторические пласты» могут существовать и существуют только в «измененном состоянии». «Прошлое» находится в настоящем только в снятом виде (по Гегелю). И хотя они отражают прошлое, они уже не являются вполне адекватными этому прошлому. «Остатки» прошлых исторических пластов (точнее, какая-то часть их) обычно рассматриваются как **культурное наследие**.

К основным **индикаторам** формирования и развития **культурного ландшафта города**, на наш взгляд, относятся географические (природные) объекты, преобразованные человеком; архитектурные памятники и сооружения; топонимические системы; коммеративные практики; городские

праздники; городская символика и символические объекты; восприятие городской среды.

Географические (природные) объекты (реки, холмы, низины) осуществляют «пространственную привязку» культурного ландшафта и создают «планировочные» основы его развития. Это еще не культурный ландшафт, а среда его формирования. Человек, преобразуя природу и интегрируя ее в городскую среду, «очеловечивает» (социализирует) материальный мир, созданный «не человеком». Тем самым превращает природный ландшафт в антропогенный, т. е. культурный. В результате этого преобразования природа становится каркасом культурного ландшафта города. Природный объект приобретает черты «второй природы» и становится соразмерным человеку. Таким образом, преобразованная человеком природа становится частью культурного ландшафта города.

Пространственная организация материальной составляющей культурного ландшафта оформляется в городских планах и структурах, где **архитектурные памятники и сооружения** служат доминантами и узловыми точками. Архитектура города, даже выстроенная по типовым схемам под влиянием человека, приобретает индивидуальные черты и образные характеристики. «Материальное» отражает и транслирует «духовное», камень городских стен наполняется человеческим теплом. Культурный ландшафт города становится зеркалом, отражающим человека.

Одним из важнейших маркеров, характеризующих различные типы культурного ландшафта, являются **топонимы и топонимические системы**, так как они «сводят» три оси формирования и развития города в конкретно-историческое целое [5, с. 25–27]. Наименования присваиваются материальным объектам культурного ландшафта (первая ось). Топонимы являются культурной (социальной) характеристикой, присваиваемой человеком городскому про-

странству (вторая ось). Топонимы закрепляют в исторической памяти культурные характеристики пространства (третья ось). Топонимические характеристики города «по причине своей нерасчлененности (цельности) позволяют «удерживать» и природные и культурные процессы в их совокупности» [6, с. 119].

Важной составной частью культурного ландшафта города являются *коммеморации и коммеративные практики*. Исследователи до недавнего времени редко обращали свое внимание на данный индикатор и не понимали его значения. Коммеморация — это «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечивания определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [7, с. 17]. Таким образом, коммеморации и коммеративные практики придают культурному ландшафту города историческую глубину и уподобляют его носителю — человеку, воспроизводя важные составляющие его жизненного цикла.

Городские праздники также являются важной составной частью символической деятельности человека, формирующей культурный ландшафт города. Праздничная культура каждого из российских городов формировалась как часть духовной составляющей культурного ландшафта. Актуальность изучения праздничной культуры в городе обусловлена ролью праздников в формировании национальной, региональной, этнической и другого рода идентичностей в социуме и отражением их в городском культурном ландшафте [8].

Городская символика и символические объекты — важнейшие составляющие культурного ландшафта любого города. По глубокому убеждению В. Г. Рыженко, «любой город в качестве “Места”, независимо от административной

функции, размеров численности населения, является центром сгущения социокультурных процессов и накопления инноваций. В нем возникает свое символическое культурное пространство, <...> обладающее некоторыми общими (типовыми) элементами, которые тоже могут расцениваться как символы» [9, с. 73].

Подобный подход к городскому ландшафту опирается, главным образом, на достижения семиотической школы. А. В. Бабаева утверждала, что «человек создает и существует в культурном пространстве как определенном символическом мире» <...> и «воспринимает знаковую систему пространства как внешний мир, не задумываясь о том, что центром пересечения символических знаков, циркулирующих текстов, является он сам» и «в процессе жизнедеятельности он создает неповторимый текст культурного пространства» [10, с. 21].

Городская мифология и образные характеристики города — следующий индикатор культурного ландшафта города. Городская мифология вырабатывает и закрепляет в сознании горожан социальные идеалы и обобщенную историческую память, которые впоследствии часто получают материальное воплощение. По определению А. Лосева, миф не выдумка, «а содержит в себе строжайшую и определенной структуры и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и *бытия вообще*» (курсив мой. — Д. А.) [11, с. 139]. Городская мифология — это «совокупность мифов об основании городов и их гибели, о деятельности культурных героев, связанных с городами... об особенностях и отличиях городов, о городских жителях и т. п.» [12, с. 54]. Примерами мифологем могут служить Петербург — «вечный город», Омск — «город-сад», Новосибирск — «научная столица Западной Сибири», Козельск — «злой город», Тюмень — «сибирская Москва», Тюкалинск — «почтовая станция на Сибирском тракте» и т. п.

В последние два десятилетия все большую популярность и применение к городскому пространству и культуре города находит образно-географический подход, предложенный в начале 2000-х гг. Д. Н. Замятиным [13]. С этой точки зрения исследование образов города и его культурных ландшафтов есть один из способов выявления и фиксации результатов взаимодействия человека и искусственно созданной человеком «второй природы».

Восприятие городской среды. «Образы города» создаются как отдельными социумами, так и отдельными личностями и, впоследствии, начинают формировать «новое» восприятие реального города. В связи с этим, рассматривая возможности создания единой науки о городе и единой теории города, А. М. Лола «восприятие городской среды» выделил в качестве новой отдельной научной дисциплины в науке о городе и предложил пути создания новой отрасли научного познания [14, с. 253–261].

Список литературы

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — 256 с.
2. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.
3. Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. — М.: Новый Хронограф, 2018. — 472 с.
4. Алисов Д. А. Культурный ландшафт города, или Некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М.: Институт Наследия, 2020. — С. 4–21.
5. Алисов Д. А. Историческая память и советский город: проблемы взаимодействия различных типов культурного ландшафта

в одном городе (на примере Омска) // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. — Омск: ОГИК музей, 2017. — С. 83–87.

6. Калуцков В. Н. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.; СПб., 2004. — С. 116–132.
7. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеративные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. — 572 с.
8. Золотова Т. Н. Праздничный код сибирского города: проблемы классификации, соотношения традиций и инноваций / Holiday Code of Siberian City: the Problems of Classification, the Ratio of Traditions and Innovations // Šventės siuolaikiniame mieste (Festivals in the modern city): straipsnių rinkinys. — Vilnius, 2013. — P. 110–124.
9. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). — Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. — 340 с.
10. Бабаева А. В. Формы поведения в русской культуре (IX–XIX века). — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — 148 с.
11. Лосев А. Диалектика мифа // Опыты: Литературно-философский сборник. — М.: Изд-во Советский писатель, 1990. — С. 137–173.
12. Горнова Г. В. Феномен города в духовном мире человека. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. — 148 с.
13. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
14. Лола А. М. Основы градovedения и теории города (в российской интерпретации). — М.: КомКнига, 2005. — 344 с.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДСКОГО РАЙОНА: МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проведено в рамках работы проектной группы «Культурная и гуманитарная география города», созданной в соответствии с «Положением о конкурсе факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ на формирование проектных групп и поддержку проектной деятельности»

Митин И. И.

Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлена методика комплексного исследования культурного ландшафта городского района, теоретико-методологическая рамка изучения культурного ландшафта в тотально урбанизированном (по А. Лефевру) пространстве как системы взаимосвязанных пространственных репрезентаций. Предложено сочетание исследовательских методов качественной социологии и культурной географии, направленное на выявление уникальности культурного ландшафта городского района.

Ключевые слова: культурный ландшафт; городской район; урбанистическая революция; уникальность; аутентичность; методика.

Культурный ландшафт — ключевое понятие культурной географии. *Культурная география* при этом определяется не только как «междисциплинарное научное направление, объектом изучения которого является пространственное разнообразие культуры и ее распространение по земной поверхности» [1, с. 18], но и как специфическая научная область, в фокусе которой лежит

исследование «представлений о географическом пространстве в разных культурных контекстах, образов различных местностей и территорий, отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди — носители той или иной культуры» [1, с. 18]. В России неравномерное развитие культурной географии [2] привело к формированию с 1990-х гг. самостоятельного научного направления — *гуманитарной географии* [3]. Она может быть определена как «совокупность тесно взаимосвязанных направлений географии, изучающих закономерности формирования и развития систем представлений о географическом пространстве (в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных, расовых групп и др.), согласно которым человек организует свою деятельность на конкретной территории» [4].

В соответствии со сложившимися в современной англо-американской новой культурной географии и российской гуманитарной географии представлениями, культурный ландшафт для целей настоящей методики понимается как *результат конструирования человеком значения места, его символического капитала, социального смысла, информации* об участке пространства [5]. Культурный ландшафт конструируется человеком посредством означивания: «Создать (to make) место, значит окружить локальность человеческим значением» [6, р. 209].

Представление о городском культурном ландшафте как об определенной *системе взаимосвязанных пространственных репрезентаций* при этом дополнительно связано с введенным А. Лефевром тезисом об урбанистической революции [7], в ходе которой изменяется само понятие города и «городского». Тотально урбанизированный культурный ландшафт в постсовременном обществе предстает как ландшафт постоянной изменчивости, многоголосицы, палимпсест или интертекст, ландшафт постгорода [8].

В этих условиях удаленные *городские территории*, периферийные районы, возникающие в пригородной или сельской среде новые микрорайоны и жилые комплексы зачастую лишены локальных пространственных репрезентаций, географических образов, способных стать основой для формирования локальных идентичностей и культуры укорененности населения. Жители этих мест не ощущают своей связи с местом проживания, не формируют сплоченных локальных сообществ и, как следствие, не стремятся изменить и адаптировать для себя свое «домашнее» пространство [9]. Городские районы массовой застройки (в них при этом проживает большинство жителей крупнейших городов России) в современном мире представляются, как правило, безликими, не формирующими собственной территориальной идентичности, «*безместьем*» [10, p. 79–119; 11, p. 161–178; 12].

По мере ускоряющегося роста городов — особенно в постурбанистическую эпоху — эти процессы все более масштабируются, приводя к формированию бесконечной городской «ткани» безликих и однообразных кварталов с неукорененными и разобщенными жителями. В основе предлагаемой методики изучения культурных ландшафтов городских районов лежит гипотеза о том, что выявление потенциальных или бытующих смыслов каждой территории, уникальных черт удаленных районов позволит сформировать основу для *стимулирования* развития районных *идентичностей* и базовые идентификаторы локального *брендинга*.

Учитывая этот контекст, *целью* подобного комплексного исследования выступает *выявление системы пространственных репрезентаций* городского района, отражающих уникальность культурного ландшафта этого района и способных стать «основаниями для стимулирования локальных идентичностей его жителей и идентификаторами территориального брендинга» [9, с. 135].

Методика опирается на принятую в качественной социологии исследовательскую стратегию кейс-стади и развива-

ет разработанную ранее методику комплексной культурно-географической характеристики территории [13].

Концептуальными основами методики служат указанные выше представления о культурном ландшафте в тотально урбанизированном пространстве, а также представление об *уникальности как ведущем атрибуте культурного ландшафта*, формирующем различия от места к месту и выступающем основой для территориальной (само)идентификации людей.

Методика включает в себя комбинацию целого ряда исследовательских методов.

Методом *анализа вторичных документов* исследуются пространственные репрезентации территории в историко-краеведческих текстах, художественной литературе, а также (при наличии) в научных источниках. Дополнительным источником анализа могут служить градостроительные документы, индицирующие особенности пространственной организации района и его территориальной структуры.

Среди *статистических методов* предпочтительна модификация разработанного А. В. Новиковым и В. Л. Каганским [14] метода регионального синдрома, модифицированного для выявления уникальных характеристик территории [13, с. 94–99].

Основным методом предлагаемой методики служит *глубинное полуструктурированное интервью*.

Интервью-гайд формируется индивидуально для каждого исследуемого городского района и включает в себя как общие для методики темы, связанные с личной историей проживания, опытами повседневности, включенности в районное сообщество, так и отличающиеся от места к месту блоки, сфокусированные на выявленные другими методами уникальные черты, выдвинутые исследовательские гипотезы, ключевые достопримечательности и знаковые места района.

Наконец, в качестве метода представления результатов исследования, а также вспомогательного метода визуализации

зации исследовательских результатов в рамках методики применяется одна из методик ментального картографирования [15] — *образно-географические карты* [16].

Каждый из указанных методов призван по-своему отобразить своеобразие рассматриваемой территории и выявить ее аутентичные черты, выявить уникальность культурного ландшафта городского района.

Список литературы

1. *Стрелецкий В. Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. — 2002. — № 4. — С. 18–28.
2. *Митин И. И.* Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. — 2011. — № 4 (5). — С. 19–25.
3. *Митин И. И.* Гуманитарная география: Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. — 2012. — Т. 1. — № 1. — С. 1–10.
4. *Замятина Н. Ю., Митин И. И.* Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. — Т. 8. Григорьев — Динамика. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. — С. 151.
5. *Лебедева Н. А., Митин И. И.* От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2019. — № 1(36). — С. 197–220.
6. *Jean D. N.* Some literary examples of humanistic descriptions of place // Australian geographer. — 1979. — Vol. 14. — № 4. — P. 207–214.
7. *Lefebvre H.* Urban revolution. — Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. — 196 pp.

8. *Mitin I.* Constructing urban cultural landscapes & living in the palimpsests: a case of Moscow city (Russia) distant residential areas // BELGEO. — 2018. — № 4. — P. 1–15.
9. *Аларушкина С. А., Борисов А. А., Воронина А. А. и др.* Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. — 2019. — Т. 11. — № 20. — С. 133–163.
10. *Relph E.* Place and placelessness. — L.: Pion Limited, 1976. — 156 pp.
11. *Tuan Y.-F.* Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. — Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2002. — 236 pp.
12. *Southworth M., Ruggeri D.* Beyond placelessness: place identity and the global city // Companion to urban design / ed. by T. Banerjee, A. Loukaitou-Sideris. — London; N.Y.: Routledge, 2011. — P. 511–525.
13. *Митин И. И.* Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: дис. ... канд. геогр. наук. — М.: Географический ф-т МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007. — 221 с.
14. *Каганский В. Л., Новиков А. В.* Новый метод выделения существенных признаков для разработки региональных классификаций // Известия АН СССР. Сер. геогр. — 1989. — № 1. — С. 112–119.
15. *Митин И. И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. — 2017. — Т. 2. — № 3 — С. 64–79.
16. *Замятин Д. Н.* Образно-географическая карта (карта географических образов) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / отв. ред. и сост. Д. Н. Замятин. — М.: Институт Наследия, 2007. — С. 322–325.

**«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ»
В ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА:
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ
ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО
ЛАНДШАФТА**

Баркова В. В.

*Челябинск, Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

Аннотация. В статье представлена авторская философская рефлексия по поводу проблемы «пространственного поворота» в изучении городских ландшафтов. Автор сопоставляет идеи современных урбанистов и классических философов, познающих город как целостный социокультурный феномен. В статье осмыслен концепт «образа города» в координатах философско-культурологического дискурса. Автор доказывает идею взаимозависимости социокультурных потенциалов человека с их репрезентацией в публичных и частных границах городских ландшафтов.

Ключевые слова: город; образ города; пространственный поворот; территориальная идентичность; городские исследования; городской ландшафт.

Предлагаемый текст является продолжением изложения наших размышлений по поводу антропологических параметров философии города. Мы анализировали историко-культурологические основания изучения города как антропологического феномена, нам удалось осмыслить полифункциональность города со своим специфическим географическим и пространственно-временным континуумом [1, 2]. В настоящей статье мы ставим несколько иную зада-

чу: раскрыть философский аспект трансформации городских пространств.

Авторитетный урбанист Лео Холлис писал, что, если город не принадлежит каждому, значит, от него нет пользы никому [3]. Это высказывание имеет глубокий философский смысл, связанный с концепцией «права на город», впервые сформулированной А. Лефевром. Данный подход заявляет город особым историческим, социальным и культурным пространством, результатом связи и взаимодействия всех элементов созданной человеком культуры. К настоящему времени количество городских жителей в развитых странах составляет 70–80% от общего числа населения. В Российской Федерации в городах проживает более 100 млн чел. Поэтому на сегодняшний день комфортность городской среды и эстетика городского пространства рассматриваются во всем мире значимыми факторами в повышении качества жизни людей, как вектор приложения их гражданской активности и ответственности, направленной на совершенствование городской пространственной среды. Тема города и проработка его конструктивных составляющих поднималась еще в античной философии в трудах Геродота, Платона, Аристотеля; христианских мыслителей Августина Блаженного, Фомы Аквинского.

Стремительный рост интереса к городу, как к самостоятельному предмету изучения, произошел только в XIX веке. Одним из первых в данном контексте к его изучению обратился Ф. де Куланж в работах по истории античности. В книге «Гражданская община древнего мира» он метафорирует античный город как ядро государства, проводит различие города и гражданской общины, описывает город как священное место, место собраний, пристань души [4]. Но эти размышления практически до XX века не находили широкого осмысления философскими науками. Безусловно, это затрудняло понимание особенностей жизне-

деятельности человека в городской среде и ее влияния на формирование мировосприятия и экзистенциального самочувствия человека, степень укорененности общечеловеческих и родовых этнических традиций в его внешнем облике и ритмах духовной и интеллектуальной жизни.

В 1980-е гг. специалисты различных дисциплин стали активно поднимать проблему роли городской архитектуры, насыщенности ландшафта местами для отдыха в публичных пространствах города, значимости эстетики публичных и частных пространств в развитии социальных и культурных явлений городской жизни. Этот процесс вошел в историю как «пространственный поворот». Понятие «пространственный поворот» было введено географом Э. Соджем для усиления внимания к категории городского пространства в социальных науках [5]. Необходимость нового концепта связана с изменением способов взаимодействия человека с непосредственно окружающим его городским пространством, характеристиками его локальности. «Пространственный поворот» дал инструментарий для означивания, концептуализации и осмысления этих тенденций.

В русле «пространственного поворота» актуализировалось обсуждение тем, поднятых когда-то Г. Зиммелем, В. Беньямином и М. Хайдеггером. С точки зрения исследователей, пространство города — это феномен, созерцаемый горожанами, но в то же время порождаемый их деятельностью в процессе социального взаимодействия. Иначе говоря, город — это не просто место, где определенным образом расположены дома, улицы, трамвайные и железнодорожные магистрали, мосты и т. п., но, прежде всего, это смысл освоения этого пространства, который непрерывно конструируется властями, инициативными группами населения, что приводит к размыванию границ городов. Границы, рамки, пределы становятся прозрачными и растяжи-

мыми (как в географическом смысле, так и в социальном). Вместе с тем теоретики XX века П. Геддес, Л. Мамфорд и Л. Вирт, стремясь обобщать знания о городе в различные исторические эпохи, рефлексировали город как единое целое, рассматривая его как системный организм. За неразберихой, шумом, суетой и беспорядком городской жизни они угадывали его определенную органическую целостность.

Город представлялся исследователям пространственно связанным образованием, воплощавшим в себе особый образ жизни (стремительный, светский, анонимный) с отчетливым разделением труда внутри него, со специфическим отношением к деревне, стране в целом и к внешнему миру, с собственной внутренней динамикой развития. Именно в эти времена Э. Гуссерль предлагает новый аспект в предметной области исследования — восприятие пространства. Размышления о восприятии пространства мы находим в ряде его трудов [6, с. 29]. Ученый первым начал выделять значения концепта «пространство» при изучении восприятия городских пространственных лакун: повседневное; идеальное; геометрическое; практическое и метафизическое пространство.

Морфология городской пространственной среды предопределяет тенденции дальнейшего развития города. Урбанист Н. П. Анциферов считает, что для постижения и учета пространственных возможностей города необходимо выявить знаки городского пространства, расшифровать их и интерпретировать, поскольку город хранит в себе слепки памяти общественно-исторического развития, отражающие мироощущение многих поколений, как населяющих его людей, так и его создававших. Город понимается им как сообщество свободных, равноправных людей, владеющих землей, с подвластной им областью, а также городской центр, который объединяет всех тех, кто признаёт его право быть [9].

Необходимость представить пространство как нечто, связанное с движениями человеческих тел в ходе повседневных перемещений в городе, приводит к тому, что проблемы этой темы приобретают философское звучание. Для философских рассуждений чаще всего было характерно изучение внеисторических и неантропогенных характеристик пространства, тогда как современный город представляет собой не просто социальное образование, но особый тип существования, где социальное находит свое воплощение в материальном, точнее говоря, где вещное и социальное невозможно разделить и дифференцировать. В философской литературе сложилось два подхода к изучению проблемы пространства. Первый рассматривает историко-философский спектр проблем. Второй нацелен на философское осмысление повседневного городского пространства. Благодаря трудам чикагской социологической школы исследования городских пространств приобрели самостоятельный характер. Н. Трифт и Э. Амин стали использовать для изучения пространственного «ритма» жизни города метафоры «транзитивности», «пористости», «соприсутствия» [10]. В. Беньямин, в свою очередь, искал истину в деталях, которыми пренебрегали в еле уловимых нюансах феномена пространства, в его конкретике. Прогулка по городу сама по себе ценна для него, потому что она позволяет увидеть город [11].

Не случайно проекты по формированию городской пространственной среды являются важной частью «Стратегии пространственного развития» в рамках «Основ государственной политики регионального развития до 2025 года» в РФ [12]. Проекты могут быть успешно реализованы через социальные сценарии, адаптирующие городское пространство к эффективному удовлетворению потребностей людей в коммуникациях, создании дружелюбных соседских пространств, способствующих социальной сплоченности.

Одним словом, осуществление трансформаций лакун пространства городской среды уже сегодня из чисто технологического процесса специализированных организаций должно быть поднято на уровень сознательной самоорганизации инициатив городского населения, представители которого, наряду с ландшафтными архитекторами, дизайнерами, художниками, культурологами, обязаны участвовать в развитии городской пространственной инфраструктуры. Горожане-активисты благодаря рефлексии, научным идеям и научным социальным сетям способны конструировать «дополнительную реальность» — реальность Urbanstudies и подлежащие трансформации городские пространства с учетом своих желаний. Представляется привлекательной идея А. Лефевра о причинах социальной и политической активности горожан в борьбе за свое право на пространство города. Между абстрактным (городское пространство как поле инвестиций бизнеса — городская земля, застройки и т. д.) и социальным пространством (местами обитания горожан) неизбежны конфликты, поскольку изменения абстрактного пространства по инициативе государства или бизнеса часто вступают в конфликт с социальным пространством горожан [13].

Изучение особенностей восприятия горожанами пространственных возможностей города, а также «образов» его внешнего вида характерно для психологии, однако идеи для создания пространственного «образа города» в данном случае были явлены из других предметных полей. Результатом подобной экспансии явилось множество терминов и понятий, определяющих городское пространство с точки зрения жителей города. Это и традиционный «образ города», и «когнитивные карты» города, и «ментальные карты», и «психологические карты» городского пространства. Картирование городского пространства по Кевину Линчу примечательно тем, что анализ «визуального города» пред-

полагает «рисование городского пространства» и выявление определенного алгоритма в прочтении города. К. Линч вводит термин «читаемость города», характеризующий степень ясности, с которой части города распознаются горожанином и складываются в общую картину [14].

К. Линч определяет своеобразные «центральные элементы» любого города: пути (коммуникации, показывающие направление перемещений наблюдателя, улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы), границы или края (барьеры и разрывы в ткани городского пространства), районы (относительно большие части города, различающиеся по своей идентичности или характеру), узлы (стратегические точки города, соединительные звенья, перекрестки и слияния путей) и ориентиры (легко идентифицируемые объекты, служащие для опознания мест, дистанционные, локальные и т. д.). Анализ по схемам К. Линча позволяет анализировать не только взаимосвязанные части города, но и создавать их целостный образ поуровнево: от локального района до более значительной территории. Именно «с легкой руки» К. Линча городские пространства стали делить на публичные, приватные и медитативные.

Стенли Милгрэм, продолжая традиции Линча в изучении пространственных карт городов, подчеркивал важность разделения знания о пространстве (информирование о его существовании, формальное представление на карте) и опыт его освоения (личностный опыт присвоения пространства). Милгрэм предлагал учитывать когнитивные, эмоциональные и интуитивные пласты восприятия картографических образов города при проведении кросс-культурных исследований, реконструкции городских карт для туристической привлекательности или выявления индексов узнаваемости и взаимозависимости городского центра и окраин. Городская пространственная среда до недавнего

времени рассматривалась как жилые кварталы вокруг мест работы и не более того [15].

Вместе с тем «пространственные стратегии» городского капитала практически не изменились и заключаются в задаче извлечения максимальной прибыли в краткосрочной перспективе. Борьба за пространство в городе приводит к конфликтам (спекулянтов недвижимостью со спекулянтами землей, домовладельцев с потребителями, общественных и частных институтов с рыночными силами), и все это обостряет чувство гражданской ответственности горожан за судьбу городских пространственных лакун и их общедоступность. Д. Харви, Д. Логан и Х. Молоч считают, что именно пространственные отношения определяют взаимоотношения между соседями в городах. Иначе говоря, социальные различия между группами отражены в пространственных отличиях между ними: тот, у кого выше позиция в социальной стратификации, в случае «пространственного конфликта» имеет больше шансов на победу.

Пространственная насыщенность публичными местами является одной из основных потребностей горожан, и эта насыщенность выступает как витальная и как социальная потребность каждого городского жителя. Город утрачивает свою жилую предикативность, когда, лишившись разнообразия городских публичных пространств, пустеет, уступает место архетипу Пустого города. Публичное пространство — это пространство улиц, площадей, парков, скверов, бульваров, набережных, свободный доступ к которому имеют все горожане. Эти места имеют свой набор повседневных практик и вызывают к жизни ритуальное поведение горожан, что свидетельствует о влиянии культурно-исторического прошлого города на экзистенциальную парадигму жителей, и ее разрушение уничтожает энергетику жизнеспособности приходящих поколений «быть здесь и сейчас».

Человек — единственный субъект живой природы, кто благодаря культуре создал себе иную среду обитания — город, который стал со временем сосредоточием высокой скученности населения, максимальной концентрации материальных объектов в пространстве городской среды, местом, ускоряющим темп и ритмы жизни. И вместе с тем человек, являясь по природе своей высокоорганизованным животным, не может выйти из-под влияния своих генетически запрограммированных механизмов реакций на возмущение среды. На определенные сигналы городской среды он отвечает вполне определенными реакциями, отсутствие последних могло бы поставить под угрозу процесс выживания вида в городской черте. Возрастание конкуренции стало мощным стимулом для выработки культурных механизмов, нейтрализующих пространственную агрессию и позволяющих горожанину существовать в мире с другими людьми, передавать поведенческие навыки адаптации к сложной жизни города, адекватно реагировать на разнообразие факты насыщенной окружающей среды, проявлять толерантность к многообразным проявлениям различных форм жизнедеятельности.

Приватное пространство — это личное пространство горожанина, доступ в которое других лиц находится строго под его контролем. Приватное пространство выполняет рекреационную функцию, в нем человек восстанавливает физические и психические ресурсы, освобождается от воздействия когнитивных перегрузок публичного пространства. Размер и качество приватного городского пространства различается в зависимости от социального и экономического статуса человека. Качество жизни в городе снижается при смешении публичного и приватного пространства.

Между публичным и приватным пространством находится зона медиативного, переходного пространства. Этот

вид пространства является местом смены поведенческих практик при переходе от приватного пространства к публичному и обратно. «Медиативные пространства» — это виды городского пространства, выполняющие посреднические функции въезда и выезда, перехода из одного типа пространства в другое, лестничные пролеты, колясочные, подъезды, дворы. Медиативные пространства являются связующим и разграничивающим элементом городской среды. Они могут быть выражены в разных архитектурных и градостроительных формах, но их определяющим признаком является сочетание двух принципов: с одной стороны, это переход между пространствами разного типа (городским-публичным и городским-приватным) или разными по структуре и функции районами города.

С другой стороны, это маркировка, выделение границ города, района, одним словом, формирование взаимосвязанной системы разнотипных медиативных пространств. Беньямин, Лефевр, де Серто считали, что «неместа», не являясь пунктом конечного назначения, на время объединяют путников, следующих каждый по своему маршруту. «Неместа» есть медиативные пространства, объединяющие как незнакомые части города, которые не связаны с воспоминаниями, знаниями о городе, субъекта, так и места настолько хорошо знакомые, что их порой не замечают в рутинной суете повседневного бытия. Особенность восприятия городских пространств и диалектики их взаимодействия, как совокупности мест и «немест», в том что логику иерархии замещает логика дополнения: «неместа» заполняют «промежутки» между местами, создавая пространственную ажурность города, его застывшие истории, которые предстоит расшифровывать горожанам. При этом архитектурный облик города, культура использования природного ландшафта, насыщенность производственной базы города, наличие зон отдыха и оздоровления, креатив-

ных учреждений демонстрируют меру развития творческих сил человека, самодостаточность городского потенциала. Одним словом, прав был древнегреческий историк Фукидид, когда утверждал, что город — это люди, а не стены.

Список литературы

1. Баркова В. В. Историко-культурологический подход к формированию антропологии пространство-временного континуума городской среды человека // Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе: сб. науч. ст. / гл. ред. И. Р. Атнагулов. — Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал»», 2018. — С. 165–175.
2. Загребин С. С. [Рецензия] // Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе: сборник научных статей / гл. ред. И. Р. Атнагулов. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал»», 2018. — 198 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. — № 61. — С. 196–198.
3. Холлис Л. «Города вам на пользу» [Электронный ресурс] // RuLit: [сайт]. URL: <https://www.rulit.me/books/goroda-vam-na-polzu-genij-megapolisa-read-505609-1.html> (дата обращения: 05.08.2020).
4. Гражданская община древнего мира (Куланж) [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikisource.org/> (дата обращения: 05.08.2020).
5. Топографии популярной культуры [Электронный ресурс] // RuLit: [сайт]. URL: <https://www.rulit.me/books/topografii-populyarnoj-kultury-read-425795-1.html> (дата обращения: 05.08.2020).
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. — Т. 1 / пер с нем. А. В. Михайлова. — М.: Академический проект, 2009. — 565 с.
7. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 400 с.
8. Гуссерль Э. Логические исследования. — Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М.: Академический Проект, 2011. — 565 с.
9. Анциферов Н. П. Непостижимый город... — Л.: Лениздат, 1991. — 338 с.
10. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. — 2002. — № 3 (34). — С. 1–25.
11. Беньямин В. Улица с односторонним движением. — М.: Ад Маргинем, 2012. — 128 с.
12. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/ (дата обращения: 08.08.2020).
13. Лefевр А. Производство пространства [Электронный ресурс] // LibCat.Ru: [сайт]. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/filosofiya/87446-anri-lefevr-proizvodstvo-prostranstva.html> (дата обращения: 09.08.2020).
14. Линч К. Образ города [Электронный ресурс] // Сайт В. Л. Глазычева: [сайт]. URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/lynch/lynch_image_of_the_city/lynch_image_of_the_city_2.htm (дата обращения: 09.08.2020).
15. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль [Электронный ресурс] // Сайт knigogid.ru: [сайт]. URL: <https://knigogid.ru/books/751796-podchinenie-avtoritetu/toread> (дата обращения: 09.08.2020).

ГОРОДСКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

Позднякова Е. Ю.

Барнаул, Алтайский государственный технический
университет имени И. И. Ползунова

Аннотация. Статья посвящена изучению городского пространственного дискурса. Городское пространство представляется как дискурсивное поле, наполненное устными и письменными речевыми произведениями, синхроничное и диахроничное одновременно, поскольку в нем функционируют как современные тексты, так и тексты, имеющие разную степень отдаленности по времени создания. Городской пространственный дискурс включает в себя разнообразные наименования городских объектов, которые, с одной стороны, представляют собой свернутый до одного слова (словосочетания) текст, а с другой — являются основой для формирования новых текстов городской среды, становясь при этом своеобразными именами-генераторами городского дискурса.

Ключевые слова: городской дискурс; городское пространство; городские наименования; ономастикон; урбоним; текст.

Следуя традиции, восходящей к трудам Ю. М. Лотмана, признаем, что город — это текст, который может быть прочитан и интерпретирован, который имеет своего автора и читателя, и можно сказать, что город не столько текст — застывший результат семиотических процессов, сколько дискурс, непрерывно порождающий новые смыслы, новые переплетения и коллизии. Как пишет Ю. М. Лотман, «город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры <...> представляет собой котел текстов и кодов, разнородных и гетерогенных, принадлежащих разным язы-

кам и разным уровням» [1, с. 325]. Сложное переплетение разнообразных речевых произведений, текстов — устных и письменных, городских наименований и вывесок, рекламы и городской мифологии формирует неповторимый городской дискурс, существующий в языковом пространстве данного города. В этом огромном «котле» города смешиваются различные культуры, тексты, переплетаются история и современность, «источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [1, с. 325].

Город «говорит с нами» своими названиями, вывесками, текстами городской среды и одновременно называет сам себя, означает свое пространство, которое затем вновь вплетается в городской пространственный дискурс. Т. В. Цивьян подчеркивает, что «во всем комплексе значений, включенных в это *говорит*, есть один несомненный: *называет*. Далее, по формуле *потеп-отеп* название становится характеристикой объекта, его смысловой сигнатурой» [2, с. 74].

Непрерывным условием существования непрерывного городского текста-дискурса является наличие автора и читателя, причем авторами текста могут быть абсолютно любые люди — жители города или приезжие (в том числе хозяева ресторанов, магазинов, кафе и салонов, простые горожане), а читателями выступают все, кто погружен в городскую среду или лишь начинает ее изучать.

Первоначальное знакомство с городским пространственным дискурсом начинается с городских наименований — с названия самого города, названий важных объектов —

магазинов, торговых центров, кинотеатров, кафе и пр., названий улиц и площадей, районов и микрорайонов города, значимых мест городского пространства. Подобное освоение города идет от центра к периферии, от названий более крупных объектов — к названиям более мелких и т. п. Кроме того, существует следующая зависимость: чем большее время человек провел в данном городе, тем выше степень его осведомленности о городском пространстве, особенностях рельефа и ландшафта городских территорий, планировки и застройки города. Значительную роль в процессе освоения и присвоения городского пространства играют собственные имена различных городских объектов. Можно утверждать, что городской ономастикон погружен в городской дискурс, включающий в себя разнообразные тексты городской среды и способствующий созданию неповторимого образа города в языковом сознании горожан и приезжих.

В процессе присвоения городского пространства человеком происходит выстраивание виртуальной модели города в его сознании. Данная виртуальная модель включает в себя как схематическую «ментальную карту» города в сознании реципиента, так и его трехмерный образ. Большое значение при этом приобретают городские наименования (урбонимы или урбанонимы), которые позволяют нанести своеобразные «маркеры» на ментальную карту и в дальнейшем служат для ориентации в реально существующем городском пространстве. Как отмечает М. В. Голомидова, «связанные с сюжетами городской жизни, со сложившимся бэкграундом в виде социальных мифов, городского фольклора и художественных произведений, урбанонимы работают на разные аспекты восприятия места и выполняют работу ключевых знаков, которые помогают развертыванию пространственного дискурса» [3, с. 13].

Проведенное нами экспериментальное исследование [4] показало, что построение образа городского пространства

в сознании человека происходит поэтапно, «на первоначальном этапе у человека формируется общее представление о городском пространстве, связанное с особенностями планировки города и его ландшафта, затем на этот обобщенный образ накладывается координатная сетка, которая сначала фиксирует лишь наиболее значимые для человека объекты-ориентиры, расположенные на маршруте его регулярного движения, последним этапом является создание трехмерной карты города в сознании человека. В дальнейшем эта карта дополняется новыми объектами, а зоны освоенного человеком пространства расширяются» [4, с. 86].

Городское дискурсивное пространство отличается многослойностью, семиотичностью, оно наполнено разнообразными устными и письменными речевыми произведениями, синхронично и диахронично одновременно, поскольку в нем функционируют как современные тексты, так и тексты, имеющие разную степень отдаленности по времени. Наименования городских объектов участвуют в формировании городского дискурса, поскольку представляют собой свернутые до одного слова (словосочетания) тексты, которые в процессе коммуникации могут быть развернуты и, кроме того, могут послужить основой для создания новых городских текстов. Совокупность городских наименований будем называть термином «городской ономастикон». Городской ономастикон складывается исторически как совокупность наименований (официальных и неофициальных), отражающих основные особенности городского рельефа, ландшафта города и прилегающих территорий, специфику городского населения, процесса заселения городских территорий и истории города. Собственные имена образуют своеобразное дискурсивное поле, в котором сосуществуют разные группы онимов, обладающих различной семантической наполненностью и вступающих в разные отношения между собой.

Если рассматривать городское пространство с позиций семиотического подхода (как текст и одновременно как дискурс), то можно выстроить иерархию имен, являющихся ключевыми знаками городского пространственного дискурса, имен-генераторов городских текстов.

Определим наиболее важные из них.

Наименование города — астионим. С именем города обычно связаны разнообразные тексты — как современные, так и относящиеся к историческому прошлому. Дискурсивное поле астионима включает в себя: а) научную и народную этимологию наименования города; б) тексты художественной литературы и средств массовой информации, посвященные городу; в) тексты «городского фольклора» — песни, частушки, анекдоты и пр.; г) неофициальные названия — прозвища города. В качестве примера приведем некоторые неофициальные варианты названия Барнаула: *Барнео (Борнео), Барнеаполь (Борнеаполь), Барнеуполь, Барнауполь, Барнаулапол (Барнаулаплъ и Барнаул-Apple), Барнео-сити (Barneocity)*. Затемненная внутренняя форма астионима дает большой простор для этимологических версий. Фонетическое сходство названия города с названием тропического острова-курорта Борнео послужило основой для неофициального наименования города — *Барнео (Борнео)* и его вариантов, образованных при помощи телескопии: *Барнеаполь* — «*Барнео*» и «*Неаполь*». В другом неофициальном варианте названия фонетическое сходство также присутствует, но проводится параллель с прозвищем другого крупного города — Нью-Йорка (*Big Apple*): *Барнаулаплъ, Барнаулапол, Барнаул-Apple*.

Официальные и неофициальные названия районов — микрорайонов — поселков, входящих в состав города. Довольно часто наименования отдельных частей города взаимосвязаны с текстами городской среды, с одной стороны, а с другой — они сами являются генераторами таких текстов,

будучи погруженными в городскую коммуникацию. Так, существуют официальные и неофициальные наименования частей городского пространства, происхождение которых становится понятным при знакомстве с историческими или современными городскими текстами, в том числе, с воспоминаниями старожилов. К примеру, поселок «*Заячья заимка*» в Барнауле возник еще в XIX в., причиной его образования было переселение крестьян из европейской части России. Несмотря на то что переселение свободных крестьян было официально разрешено, сделать это было трудно: за право жить в городе крестьяне (и другие люди) должны были заплатить огромную по тем временам сумму — 150 рублей. Немногие из них находили такие деньги, бедняки же селились за чертой города. «Так на окраине Барнаула появились “заячьи”, оттого что их обитатели селились “зайцем”, поселки» [5, с. 127]. В современном городе подобные места самовольной застройки горожане называют *Нахаловка*.

Названия площадей, проспектов, парков, скверов, улиц и пр. Городские урбонимы, заведомо обладая пространственной семантикой, неразрывно спаяны с пространственным дискурсом. Например, в Барнауле на улице, названной в честь Героя Советского Союза Георгия Исакова, долгое время существовала одноименная аллея для пешеходов. Недавно аллея получила новое имя — «Аллея любви», которое поддерживается элементами ландшафтного дизайна. Наименование сразу же приобрело большую популярность среди горожан. Отметим, что данное название является сквозным для ряда городов — аллеи с таким названием есть во многих городах России (в Ангарске, Москве, Екатеринбурге, Чебоксарах, Славгороде и др.). Существование и популярность подобных наименований, замена официозных коммеморативных наименований советского периода на более простые и понятные горожанам отражают совре-

менную тенденцию, которую можно обозначить как «сближение с человеком», очеловечивание и объяснение городского пространства.

Официальные и неофициальные названия точечных городских объектов — остановок, мест отдыха, памятников, отдельных зданий и домов и др. также могут быть описаны и интерпретированы в городских текстах.

Например, неофициальное наименование дома с характерной архитектурой — *«Дом под шпилем»* — широко известно горожанам, а сам дом является одним из символов города Барнаула. В советское время на первом этаже дома находился магазин, который горожане называли *«Магазин под шпилем»* или *«Гастроном под шпилем»*. Название *«Дом под шпилем»* не только функционирует в обиходно-разговорной речи горожан, но и присутствует в поэзии, например, в песне барнаульского барда Александра Хижняка *«В Барнауле клёны, тополя зелёны»* есть следующие строки: *«Если не бывали, значит, не видали. Значит, не слышали, значит, не гуляли. Если не бывали, значит, вы не пили. Значит, не любили гастроном под шпилем»*. Другой дом, по форме напоминающий океанский лайнер (построен в 2003 г. по проекту архитектора Л. В. Храбрых), получил неофициальное название *«Титаник»*. После землетрясения, произошедшего в начале 2000-х гг., среди горожан была популярна история о том, что *«Титаник»* дал трещину.

Названия памятников также могут послужить основой для городских текстов и легенд. Например, с памятником И. И. Ползунову, установленным на площади рядом с Алтайским государственным техническим университетом, связаны две легенды, известные среди студентов и преподавателей вуза. Согласно первой, если потереть правый ботинок памятника, то студент получит высший балл за экзамен. Вторая легенда не так широко известна: преподаватели-старожилы рассказывают, что на самом деле па-

мятник был задуман как скульптура другого великого ученого — М. В. Ломоносова, однако, ввиду отсутствия портретного сходства, был передан техническому университету (прижизненных изображений И. И. Ползунова не сохранилось).

Наименования коммерческих объектов — магазинов, торговых центров, кинотеатров, ресторанов, кафе, медицинских заведений, предприятий сферы услуг и пр. — эргонимы.

Городская эргонимия — самый «молодой» и подвижный пласт городского пространственного дискурса, который и в настоящее время продолжает свое формирование. Среди данной группы имен особо выделим наименования, построенные на основе прецедентных феноменов. Прецедентные феномены обладают большой информационной емкостью, поскольку за одним именем стоит целый текст и соответствующий ему комплекс ассоциаций: «...за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными» [6, с. 16].

Использование прецедентных имен при образовании наименований коммерческих предприятий является довольно распространенным приемом. Например, в Барнауле: *кафе русско-узбекской кухни «Алибаба»* (Алибаба — герой одной из сказок 1001 ночи); *турагентство «Арго»* (в древнегреческой мифологии — корабль, на котором аргонавты отправились в путешествие через Эгейское море за золотым руном); *клуб отдыха и развлечений «Ассоль»* (Ассоль — героиня повести А. Грина *«Алые паруса»*); *магазин детских товаров «Бибигон»* (Бибигон — герой книги К. Чуковского *«Приключения Бибигона»*); *магазин детской одежды «Вин-*

ни-Пух» (Винни-Пух — герой повестей А. Милна в переводе Б. Заходера); *пивмаркет Gerasim* (Герасим — герой известного рассказа И. С. Тургенева «Муму»); *ресторан «Наутилус»* («Наутилус» — название корабля капитана Немо из книги Ж. Верна «20 000 лье под водой») и др.

Итак, даже беглый взгляд на городской пространственный дискурс позволяет сделать некоторые выводы об особенностях его формирования и функционирования. Городское пространство наполнено объектами, различными по времени создания, относящимися к разным эпохам, отражающими разные тенденции, в том числе и политическую ситуацию, и моду и пр. Наибольшую ценность для существования городского текста-дискурса имеют городские наименования, иерархию которых можно представить следующим образом: имя города (астионим) — наименования частей городского пространства (официальные и неофициальные названия районов/микрорайонов/поселков и др.) — городская урбонимия (названия площадей, проспектов, парков, скверов, улиц и пр.) — названия отдельных городских объектов (официальные и неофициальные наименования остановок, мест отдыха, памятников, отдельных зданий и домов и др.) — городская эргонимия (наименования магазинов, торговых центров, кинотеатров, ресторанов, кафе, медицинских заведений, предприятий сферы услуг и пр.). Перечисленные наименования имеют значительный «жизненный потенциал» и обладают большой информационной емкостью, поскольку, как правило, представляют собой свернутые тексты, которые могут стать основой для создания новых текстов городской среды.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство — СПб, 2001. — 704 с.
2. Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. — 248 с.
3. Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 11–30.
4. Позднякова Е. Ю. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. — 2014. — № 2. — С. 76–86.
5. Юдаlevич М. И. Барнаул (1730–1917): Историко-публицистический очерк о дореволюционной жизни Барнаула. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992. — 215 с.
6. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. — Вып. 1. — М.: Гнозис, 2004. — 318 с.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА В 1992–2013 ГГ.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Петренко О. В.

Омск, Сибирский филиал

*Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Аннотация. В статье поднимается историографическая проблема изучения культурного ландшафта города учеными Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия) в 1992–2013 гг.

Ключевые слова: городской культурный ландшафт; Институт Наследия; историография; методология; культурное и природное наследие.

Проблема изучения городского культурного ландшафта актуализировалась в отечественной гуманитарной мысли в конце XX — первое десятилетие XXI вв., под влиянием «пространственного поворота» и возросшей популярности культурно-ландшафтных исследований. Познавательный потенциал теории культурного ландшафта, предложенной специалистами культурной географии, позволил горооведам приблизиться к комплексному, «целокупному» знанию о городе, раскрыть его историю и современное состояние как культурно освоенного (преобразованного) многослойного реального и воображаемого пространства (Места).

В практическом плане культурно-ландшафтный подход позволил рассмотреть возможные варианты гармонизации взаимодействия человека и природы, культуры и технического прогресса, опираясь на опыт предшественников, наследие и историческую память горожан.

Существенный вклад в теорию и практику изучения культурного ландшафта внесли ученые Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (далее — Институт Наследия). В данной статье предлагаем обратиться к опыту изучения этим научным сообществом культурного ландшафта города. Признавая, что интересующий нас научно-практический опыт в широких хронологических рамках (от создания института 13 апреля 1992 года до его реформирования/оптимизации в конце 2013 года) требует серьезного историографического осмысления и монографического представления, сознательно ограничим предмет постановкой проблемы, краткой характеристикой научной новизны, источниковой базы, ключевых направлений работы ученых Института Наследия. Основу методики нашего исследования составляют институциональный и культурно-антропологический подходы в историографии, а также познавательные возможности социокультурной интеллектуальной истории, предмет исследования которой — все виды творческой деятельности в динамике, в широком социокультурном, историческом контексте. Культурный ландшафт определяем как природно-культурный территориальный комплекс, результат сотворчества человека и природы. Городской культурный ландшафт — это неотъемлемая и органичная составляющая (тип) культурного ландшафта. В. Н. Калуцков относит городской ландшафт к селитебному (селенческому) типологическому ряду культурных ландшафтов, основное выделения — селитьба — формирование пространст-

венной инфраструктуры [1, с. 36], создание поселений и их устройство (М. Е. Кулешова).

Представительная историография проблемы свидетельствует о том, что, как правило, внимание исследователей привлекает культурно-ландшафтный подход, который разрабатывали и применяли в научной и практической деятельности сотрудники Института Наследия. Теоретический и практический опыт изучения культурного ландшафта города не стал предметом специального изучения.

Интеллектуальная история Института Наследия достаточно полно представлена в юбилейной литературе [2–6]. В персональных и коллективных работах ученых института дается обоснование и осмысление собственных теоретических установок [7–22] и методик осуществленных проектов, объектом которых, в частности, является культурный ландшафт города [23–27]. В сериях информационных и научных сборников Института Наследия апробируются этапы работы, подходы и полученные результаты. Отметим следующие: «Этнометодология: проблемы, подходы, концепции» (отв. ред. Л. П. Щедровицкий, изд. Институтом в 1994–2012 гг., всего — 17 вып.), «Наследие и современность» (отв. ред. П. М. Шульгин, изд. с 1995 г., к 2013 г. — 20 вып.), «География искусства» (отв. ред. О. А. Лавренова, изд. Институтом в 1994–2011 гг., 6 вып.), «Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах» (отв. ред. Д. Н. Замятин, изд. с 2004–2010 гг., 6 номеров), «Культурная и гуманитарная география» (отв. ред. И. И. Митин, изд. с 2012–2013 г., 4 вып.; формат электронный), «Архив наследия» (отв. ред. В. И. Плужников, изд. с 1999 г., 7 вып.). Теоретический и практический опыт сотрудников Института Наследия учитывается в проблемных исследованиях историко-культурного и природного наследия, культурного ландшафта, в том числе городского [28–30], востребуется в образовательной практике [31].

Все отмеченные историографические источники заслуживают исследовательского и источниковедческого внимания. Мы же представим два последних юбилейных сборника, которые были опубликованы в 2017 г. и посвящены 25-летию Института Наследия; несмотря на характерное для текстов юбилейного жанра стремление представить «юбиляра» в наилучшем свете, содержат структурированную, комплексную информацию об Институте, его деятельности и применяемых исследовательских подходах.

Сборник статей «В фокусе наследия» (М., 2017), посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, издан в Институте географии РАН, подготовлен сотрудниками Института так называемого «веденинского призыва» (Н. В. Максаковский). Составитель и ответственный редактор — кандидат географических наук М. Е. Кулешова, специалист в области теории и практики изучения, управления и правовой защиты культурных ландшафтов. Сборник содержит историографические, научно-исследовательские, мемуарно-публицистические статьи о деятельности Института Наследия и его бессменного идеолога-руководителя Ю. А. Веденина в 1992–2013 гг., а также показывает востребованность опыта НИИ у исследователей и практиков культурного и природного наследия. Структура издания включает введение, 6 разделов, заключение и приложение (всего — 688 с.). В разделе «Историография Института Наследия в исследованиях сотрудников» отмечена роль Института в изучении и сохранении наследия России (П. М. Шульгин, О. Е. Штеле), представлены результаты исследований по основным направлениям работы. Это статьи о теоретико-методологических поисках в сфере изучения и сохранения наследия (А. А. Пископпель, А. А. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий); о картографировании наследия

России (А. И. Ельчанинов); о разработке проблематики Всемирного наследия ЮНЕСКО (Н. В. Максаковский) и школьного краеведения (В. Е. Туманов); о культурно-ландшафтных исследованиях (М. Е. Кулешова) и комплексных региональных программах (П. М. Шульгин); о проблемах военно-исторического и морского наследия (С. А. Мозговой); о традиционных технологиях (М. Г. Безруков и др.) и археологическом исследовании наследия (И. П. Волков, О. В. Лопан, Е. А. Саликов). В отдельных главах осмыслены исследовательские стратегии в изучении и представлении феномена наследия, **культурных ландшафтов** (М. Е. Кулешова, В. Н. Стрелецкий, Б. Б. Родоман, О. А. Лавренова, Л. С. Богославская, И. И. Крупник) и рекреационной географии (раздел «Под сенью географии: наследие и туризм»). В разделе «Научные основы охраны наследия в действии...» отражен опыт применения научных подходов на практике, в деятельности музеев-заповедников и национальных парков. Раздел «И еще о юбиляре» содержит личные впечатления коллег и партнеров о человеческих, профессиональных и исследовательских качествах Ю. А. Веденина. «Список основных изданий сотрудников Института с 1992 по 2013 гг.» (сост. ученый секретарь Института О. Е. Штеле) и сведения об авторах помещены в «Приложение». Здесь же опубликован итоговый пресс-релиз юбилейной конференции «Роль науки в изучении и сохранении наследия», которая прошла 20 апреля 2017 г. в Москве во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. Сборник «В фокусе наследия» — уникальный источник по истории создания и деятельности коллектива Института Наследия в 1992–2013 гг., позволяющий представить динамику теоретических оснований изучения объектов наследия на протяжении двадцати лет в рамках одного научно-исследовательского коллектива. Открытой информации об интересующем нас предмете в сборнике нет. Городской культур-

ный ландшафт представлен здесь в контексте проблематики культурного ландшафта, разработки и реализации научной концепции культурного ландшафта как комплексного объекта культурного и природного наследия, как рабочего инструмента комплексных региональных программ, проектов картографирования, изучения материального и нематериального наследия городов.

Второй юбилейный сборник — «Наука о культуре: история Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия) и Центрального НИИ методов краеведческой работы (Российского института культурологии)» (М., 2017) — подготовлен коллективом авторов, состоящих в штате Института Наследия после его реорганизации в 2013/2014 гг., когда произошло объединение двух подведомственных Министерству культуры РФ научно-исследовательских институтов. Ответственный редактор — кандидат культурологии, специалист по истории паломничества и туризма, советник директора Института Наследия С. Ю. Житенев. Для достижения традиционной для юбилейных текстов цели — представить историю и основные достижения учреждения от основания в 1992 г. до 2017 г. — ставилась и решалась также актуализировавшаяся после оптимизации учреждения в 2014 г. задача подтверждения официального статуса учреждения как ведущего научно-исследовательского института по проблемам наследия в РФ. Для этого авторский коллектив стремился отметить значимость Института Наследия в социокультурной жизни страны до и после 2014 г., показать преемственность научной и практической деятельности современного коллектива, востребовавшего «наследие» Института 1992–2014 гг. и Российского института культурологии (далее — РИК). Легитимность обновленного Института подтверждается официальными поздравлениями с 25-летием от Президента РФ В. В. Путина, Председателя

Правительства РФ Д. Медведева, министра культуры РФ В. Г. Мединского. Сборник структурирован по хронологическому принципу и последовательно описывает «историю создания и деятельность» РИК в 1932–2014 гг. (Глава 1), Института Наследия в 1992–2014 гг. (Глава 2) и 2013–2017 гг. (Глава 3). Интересующая нас Глава 2 представляет историю научного учреждения через краткую презентацию его структурных подразделений. Информация выстраивается по хронологии, раскрывает персональную составляющую (по ключевым фигурам дается краткая биографическая справка), основные направления работы, издательскую и коммуникативную активность, научные и практические достижения подразделений. Приложение сборника включает знаковые тексты, иллюстрирующие высокие научно-практические цели и результаты деятельности Института. Это копии Постановления Правительства Российской Федерации от 13. 04. 1992 г. № 241 «О создании Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия» и «Концепции развития Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва на 2015–2020 гг.». Здесь же: «Справка о состоянии наукометрических параметров, публикаторской и издательской деятельности Института Наследия на 20 июля 2017 г.», библиография наиболее значимых научных изданий Института Наследия и РИК (с 1932 по 2017 гг.). В приложении 5 представлен «Перечень комплексных региональных программ сохранения историко-культурного наследия, развития музеев-заповедников и других историко-культурных территорий, разработанных в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в 1992–2009 гг.». Несмотря на достаточно широкие хронологические рамки (1935–2017 гг.) и предметную область (история двух институтов), фактическую

насыщенность и информативность сборника, авторы сумели уложиться в 272 страницы. Проблематика культурного ландшафта города здесь также не явно выражена, однако определенные фактические данные удастся обнаружить, в частности, информацию о научных интересах и реализованных проектах.

Изучение источников выявило несколько специфических факторов, во многом определивших направления научной деятельности Института Наследия.

Во-первых, это динамика политического, экономического, социокультурного и познавательного российского и мирового контекста 1992–2013 гг. Во-вторых, творческая личность лидера исследовательского коллектива — харизма, научные взгляды и интересы директора-организатора Института, доктора географических наук Ю. А. Веденина. Он создал уникальный «междисциплинарный» коллектив, объединил ученых естественно-научных и социально-гуманитарных специальностей вокруг единой цели — изучения, сохранения отечественного и мирового наследия, включения его в жизнь страны. В коллективе было принято широкое понимание наследия: как отражения исторического опыта взаимодействия человека и природы; как ресурса и фактора развития (разнообразия) общества и территорий; как носителя/кода исторической памяти; как сложной системы «культурных и природных, материальных и нематериальных ценностей, созданных и сохраненных <...> предшественниками, универсальная значимость которых не только признана современным обществом, но и рассматривается им как необходимое условие для жизнедеятельности будущих поколений» [9, с. 49]. Культурный ландшафт, в том числе городской, представлялся важной частью (феноменом, объектом, типом) наследия, это теоретически и практически обосновано в коллективной монографии «Культурный ландшафт как объект наследия» [11].

Третьим определяющим фактором стало то, что при относительно равном количестве представителей естественных и гуманитарных наук в коллективе Института Наследия в 1992–2013 гг. преобладали географы (19% сотрудников с соответствующим высшим образованием, 32% от числа остепененных), в два раза меньше было историков (соответственно, 8% и 18%). Искусствоведы, биологи, философы, филологи, культурологи составляли, соответственно, от 9% до 4% специалистов. Этот факт объясняет доминирование в научной и практической деятельности Института территориального (географического, культурно-ландшафтного, пространственного) подхода. По признанию Ю. А. Веденина [32, с. 649], О. А. Лавреновой [7, с. 341] и М. Е. Кулешовой [6, с. 164], в Институте сложилась научная школа, ориентированная на комплексное изучение наследия, на учет природоведческих и культурологических закономерностей, на концепцию культурного ландшафта и культурно-ландшафтную парадигму представления о культурном и природном наследии [32, с. 649].

В Институте Наследия разрабатывались и применялись четыре (из шести, выделяемых в России [22, с. 322–323]) подхода к исследованию культурных ландшафтов. С 1992 г. развивается информационно-аксиологическая концепция (Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский, М. Е. Кулешова), с 2001 г. — образное направление (в контексте образной географии — Д. Н. Замятин, когнитивной географии — Н. Ю. Замятина, мифогеографии — И. И. Митин, географии искусства и семиотической концепции культурного ландшафта — О. А. Лавренова). В 2007 году к сотрудникам Института присоединились известный представитель теоретической географии, автор понятия «поляризованный культурный ландшафт», доктор географических наук Б. Б. Родоман (классическое направление, «в духе классической позитивистской реальной географии» [21, с. 331])

и один из основоположников школы этнокультурного ландшафтоведения, доктор географических наук В. Н. Калущков.

Культурный ландшафт города фигурирует в работах всех отмеченных географов: в методологическом обосновании подходов и конструировании методики исследования; в качестве объекта наследия — исторического города или ландшафта, вмещающего в себя объекты материального и культурного наследия (Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова) [8, 9, 11, 34]; как органичная часть (Б. Б. Родоман), специфический территориальный культурно-природный комплекс (Ю. В. Веденин, Р. Ф. Туровский) и селитебный тип (В. Н. Калущков) культурного ландшафта. Ландшафт города становится предметом исследовательского внимания представителей образного направления при разработке и апробации методики моделирования образов города (Д. Н. Замятин); брендинга территорий и изучения взаимоотношений города и «Гения места» (Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина) [13–15, 33]; в познании города средствами мифогеографического подхода через символические значения, через восприятие и воображение, при помощи образногеографических карт/схем ускользающего, двойственного, многослойного города (постановка проблемы — город как палимпсест — И. И. Митин [17, с. 23]), и т. д.

Ландшафтный подход применялся также представителями гуманитарных наук, в частности, группой археологов во главе с С. З. Черновым при изучении культуры и исторического ландшафта средневековой Москвы [35]. Коллектив исследователей живой традиционной культуры во главе с Е. Д. Андреевой исследовал значение традиций и памяти об исторических событиях в формировании современной культуры малых городов на примере Козельска, Одоева, Дорогобужа [26]. На основе информационно-аксиологического подхода Ю. А. Веденина были определены ланд-

шафтные доминанты этих поселений — визуальная связь с окружающим сельским пространством, хозяйственные и культурные взаимосвязи с окрестными деревнями, преемственность ремесленных традиций, интерес к народным календарным обрядам, возрождение фольклорных традиций в сельских и городских коллективах [36, с. 274]. По свидетельству Ю. А. Веденина, в 1990-х гг. в Институте также проводились социологические исследования малых городов Калужской области (Боровск, Козельск, Мосальск, Обнинск, Сосенский), предмет которых — определение места наследия в системе ценностей современного горожанина [9, с. 181].

Коллективом ученых под руководством П. М. Шульгина разрабатывались комплексные региональные программы сохранения и эффективного использования наследия с целью социокультурного и экономического развития территорий. В качестве одного из рабочих инструментов применялся метод территориального планирования, который учитывал особую роль наследия в развитии региона, а также социально-экономическую, историческую, социокультурную и экологическую специфику конкретного места. Из 54-х реализованных программ 20 были посвящены городам Центральной России и Западной Сибири (Ялutorск, Ишим, Тобольск, Сургут, Нефтеюганск) [27, с. 108–111].

С 1992 г. в Институте формировалось новое направление тематической картографии — «картографирование культурного и природного наследия» (А. А. Лютый, А. И. Ельчанинов). Важными проектами этого направления стали ландшафтно-археологическое и историко-культурное картирование объектов наследия в современном культурном ландшафте, в том числе городском. Отметим уникальные карты культурного и природного наследия Москвы и Уфы, «Национальный Атлас России» [4, с. 63–65].

Комплекс историографии и источников обнаружил насыщенную историю изучения городского культурного ландшафта коллективом Института Наследия (1992–2013), выявил две исследовательские линии — теоретическую и практическую. В институте наблюдается уникальный феномен «встречи» и/или «диалога» четырех из шести существующих в российском интеллектуальном пространстве подходов к культурному ландшафту — информационно-аксиологического, образного, классического и этнокультурного. Познавательные инструменты отмеченных теоретических концепций апробировались в образных, археологических, этнокультурных, социологических исследованиях города, а также в проектах тематической картографии и комплексных региональных программах сохранения и использования наследия российских городов.

Список литературы

1. Калуцков В. Н. Культурное ландшафтоведение как направление междисциплинарных исследований // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / отв. ред. Т. М. Красовская. — М.: Географический факультет МГУ, 2009. — С. 29–39.
2. Наследие и современность: десять лет Институту Наследия: информационный сборник. — М., 2002. — Вып. 10. — 283 с.
3. История создания и деятельность Института Наследия в 1992–2014 гг. // Наука о культуре: история Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Института Наследия) и Центрального НИИ методов краеведческой работы (Российского института культурологии) / колл. авторов, отв. ред. С. Ю. Житенёв / Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М., 2017. — С. 96–157.

4. В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — 688 с.
5. Шульгин П. М., Штеле О. Е. Роль Института Наследия в изучении и сохранении национального достояния России // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 17–36.
6. Кулешова М. Е. Памяти двух десятилетий культурно-ландшафтных исследований // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 163–192.
7. Лавренова О. А. «В пространствах таятся пространства»: грани научной школы Ю. А. Веденина // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 341–358.
8. Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 1997. — 224 с.
9. Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. — М.: Новый Хронограф, 2018. — 472 с.
10. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.
11. Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
12. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003. — 331 с.
13. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — 512 с.
14. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
15. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. — М.: Институт Наследия, 2008. — 759 с.
16. Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — Смоленск: Ойкумена, 2004. — 160 с.
17. Митин И. И. Воображая город: ускользящий Касимов // Вестник Евразии. — 2007. — № 1. — С. 5–26.
18. Лавренова О. А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. — М.: Институт Наследия, 2010. — 330 с.
19. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. — М.: Новый Хронограф, 2008. — 320 с.
20. Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды: сб. тр. — Смоленск: Ойкумена. — 2007. — 368 с.
21. Родоман Б. Б. Культурный ландшафт России: географическая специфика и уникальность // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 330–340.
22. Кулешова М. Е., Стрелецкий В. Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 313–329.

23. Исторический город Ялutorовск: материалы к программе сохранения и использования историко-культурного наследия города и его окружения / отв. ред. П. М. Шульгин. — М.: Институт Наследия, 1997. — 206 с.
24. *Иванова И. Г.* Градостроительное своеобразие Торопца и пути его сохранения // *Наследие и современность*. — Вып. 8. — М.: Институт Наследия, 2000. — С. 159–186.
25. *Шульгин П. М.* Основные положения стратегии сохранения и использования историко-культурного наследия бывшего уездного города Крапивны // *Наследие и современность*. — Вып. 13. — М.: Институт Наследия, 2006. — С. 101–131.
26. Живая культура Российской провинции [в 3 книгах] / ред.-сост. Е. Д. Андреева. — М.: Институт Наследия, 1999–2011. — Кн. 1. Калужский край. Козельский район: Этнографические очерки. — 1999. — 264 с.; Кн. 2. Тульская область. Одоевский край: Очерки прошлого и настоящего. — 2007. — 386 с.; Кн. 3. Смоленская земля. Дорогобужский район: Очерки прошлого и настоящего. — 2011. — 435 с.
27. *Шульгин П. М.* Комплексные региональные программы в работах Института Наследия // *В фокусе наследия*. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 96–112.
28. *Смолицкая Т. А., Король Т. О., Голубева Е. И.* Городской культурный ландшафт: Традиции и современные тенденции развития. — М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2016. — 272 с.
29. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа): монография / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова. — М., 2020. — 334 с.
30. Культурные ландшафты современного города: сб. науч. работ / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М., 2020. — 130 с.
31. *Митин И. И., Новиков А. В.* Культурный ландшафт города: программа дисциплины // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. — URL: <https://www.hse.ru/edu/courses/375371273> (дата обращения: 20.09.20).
32. *Богданов Е. В., Кочергин А. С.* Старший товарищ, коллега и настоящий человек // *В фокусе наследия*. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 645–651.
33. *Замятина Н. Ю., Замятин Д. Н.* Гений места и город: варианты взаимодействия // *Вестник Евразии*. — 2007. — № 1. — С. 62–87.
34. *Кулешова М. Е.* Систематика культурных ландшафтов // *Культурный ландшафт как объект наследия* / отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М.: Институт Наследия; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 145–162.
35. *Чернов С. З. и др.* Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты: В 3-х т. — М., 2004–2005.
36. *Андреева Е. Д., Белошеева А. А., Ведерникова Н. М., Никитина С. Е., Рябов С. А., Черенков Л. Н.* Живые народные традиции в контексте современной культуры // *В фокусе наследия*. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. — М.: Институт географии РАН, 2017. — С. 268–289.

ГОРОД ЯКУТСК: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Ермолаева Ю. Н.

Якутск, Северо-Восточный федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена проблемам историографии Якутска. Несмотря на многовековую историю города, она до сих пор досконально не изучена и ждет своего исследователя. Указаны основные проблемы.

Ключевые слова: город Якутск; историография; проблемы; хроника; источники.

Город Якутск был основан в 1632 г. в эпоху правления царя Михаила Федоровича. Первые основатели города Якутска построили острог на правом берегу р. Лены, назвав новый острог «Ленский», который и стал в будущем центром Якутского края. В 1643 г. он был переименован в Якутск. В XVII в. он выполнял военную, административную и торговую функции, являлся центром Ленского края, был подчинен с 1708 г. Сибирской, в конце XVIII в. Иркутской губернии.

В 1633 г. численность жителей острога составляла 200 человек. Основной массой городских жителей были служилые люди — казаки, торговые, промышленные люди с семейством и слугами. В 1681 г. при воеводе И. В. Приклонском началось строительство города. Острог постепенно превращается в административный центр, где находятся все административные учреждения — казначейство, Троицкая церковь, и т. д.

Примерно со второй половины XVII в. сложилось деление на посады в Якутске. В конце 70-х гг. (XVII в.) около крепости было четыре посада (такое деление произведено воеводой Фомой Ивановичем Бибиковым). Каждый посад имел определенный социальный состав жителей. В одном жили дети боярские и служилые люди, в другом — торговые люди, в особом посаде обретались раскольники и, наконец, в последнем — ссыльные; вместе с ними была расселена и часть казаков (по-видимому, в целях надзора).

В XVIII в. начинается интенсивная миссионерская деятельность православного духовенства по всему Якутскому краю и за его пределами. Поэтому город Якутск становится форпостом Русской православной церкви на Дальнем Востоке. Все это сказалось на внешнем виде Якутска, начинается усиленное строительство церквей. «Небольшой Якутск поражает их обилием» [1, с. 41]. В XVIII в. начинается также научное изучение огромной территории. Город становится пунктом, откуда для новых исследований отправляются научные экспедиции. В XVIII в. начинается знаменитая ямская гоньба — с 27 апреля 1733 г. учреждено постоянное почтовое сообщение по трактовым дорогам: от Москвы до Тобольска — дважды в месяц; от Тобольска до Якутска — раз в месяц; от Якутска до Охотска и до Камчатки — раз в два месяца.

С XIX в. происходят изменения в планировке города, он приобретает тот культурный ландшафт, который мы можем в некотором роде наблюдать и в начале XXI в. С первой половины XIX в. градоначальники начинают принимать меры по созданию и сохранению прямолинейности улиц в городе Якутске.

В городском управлении основные изменения происходят в 1875 г., когда было введено городское положение 1870 г. О населении Якутска, начиная с XVII до XIX вв., очень мало сведений. В книге Г. А. Попова даны сведения

о народонаселении в течение трех веков [2]. По его данным в XVII в. население города росло очень медленно в основном за счет механического прироста. О XVIII в. судить трудно, так как данных фактически нет. По первой половине XIX в. о количестве населения судить также трудно, поскольку цифры даны приблизительные. Кроме того, численность жителей города Якутска из года в год колеблется, что можно объяснить традиционными сезонными миграциями якутского населения.

Одной из первых работ, посвященных теоретическим исследованиям, названным впоследствии урбан-историей, стал сборник статей «Историк и город» [3]. Первые исторические работы, которые стали изучать городскую историю, соединяя исторические и социологические методы, были опубликованы в 1950-е гг. «Город как целое» превратился в специальный предмет изучения «новой городской истории». Исследования в данной области рассматривали свой предмет в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: демографии, социологии, экономической и исторической географии, этносоциологии. В 1960-е гг. социологи и историки больше увлекались процессом урбанизации, в последующие годы городская история сделала своим предметом исследования семью, приход, общину и другие микросистемы.

Изучение истории города Якутска и интерес к ней зарождается в 1950-е гг. До начала XX в. в литературе не было данных о публикациях по истории города. Первой небольшой работой о Якутске была книга исследователя истории и этнографии народов Якутии О. В. Ионовой [4]. Она представляла собой научно-популярный очерк, изданный на якутском языке, где были освещены основные события дореволюционного и советского времени.

В 1957 г. была опубликована книга Ф. Г. Сафронова, в которой по сравнению с очерком О. В. Ионовой более под-

робно освещено возникновение Ленского острога и развитие города до 20-х гг. XIX в. [5]. Характерно для авторов то, что источниковая база была достаточно узка и недостаточно привлечены архивные данные центральных архивов. Методологическая основа исследований соответствовала классовому подходу. В 1960-е гг. публикаций было немного, они представляли собой справочные материалы [6].

Переосмысление теорий социального развития происходит с 1990-х гг. Появление новых направлений и подходов, изменение содержания и расширение источниковой базы создали новые возможности для исследования истории повседневности и междисциплинарного исследования истории города. В России понятие повседневности в исторической урбанистике появилось в середине 1980-х гг. В последние годы разработаны понятия теории предмета, структуры и содержания, методов изучения.

История города Якутска наиболее привлекательной становится с 1990-х гг., но до сих пор нет серьезной работы, в которой бы была дана оценка и характеристика этого города. Особое внимание было уделено архитектуре Якутска [7], возможно, интерес появился, во-первых, после работ Н. П. Крадина, во-вторых, после защиты кандидатской диссертации О. Г. Карамзина (в последующие годы были защищены несколько кандидатских диссертаций) [8–10]. Первым, кто обратил внимание на архитектурное наследие города, как отмечено выше, был Н. П. Крадин в статье «Старый Якутск» [8]. В 1992 г. им же был опубликован аннотированный каталог по архитектурному наследию Якутска [12].

Что касается общей истории городов Якутии, то ее до сих пор никто не проанализировал в полном объеме. Единственным исследователем, который постоянно занимается проблемами истории городов Якутии (в том числе Якутска), издает статьи и монографии, является П. П. Петров [13, 14].

В 2007 г. к 375-летию Якутска был издан третий том «сочинений» Г. А. Попова под названием «История города Якутска. 1632–1917: краткие очерки» [2], эта работа готовилась автором к 300-летию юбилею города, но по ряду причин не была опубликована вовремя. Хотя автор сам назвал свою работу краткими очерками, данное сочинение, пожалуй, остается единственной монографической работой, посвященной истории Якутска до 1917 г. По названию разделов книги можно составить представление о достаточно скрупулезной исследовательской работе Г. А. Попова: «Население города Якутска и его занятия», «Управление», «Торговая и промышленно-экономическая жизнь города», «Культурно-бытовая жизнь Якутска». Историк обращается к архивным материалам, в одном из архивных фондов им были обнаружены неопубликованные рукописи краеведа-исследователя Якутска П. П. Явловского (1868–1916), которые включают в себя события с 1632 г. по 1914 г. — «Летопись г. Якутска» и «Летопись Якутской Епархии». Автор составлял летопись в течение многих лет, но опубликовать ее так и не смог. Уже в советское время жена П. П. Явловского отдала работу для публикации, но этого так и не произошло. Долгое время считалось, что рукописи были потеряны, но благодаря Г. А. Попову они были опубликованы в 2002–2004 гг., а исследователи истории города Якутска получили возможность с ними познакомиться [15].

С 2014 г. Якутская духовная семинария начала публиковать «Сборник трудов Якутской духовной семинарии», в одном из его разделов время от времени стали публиковать статьи из истории церквей Якутии, в том числе и в городе Якутске. В данном сборнике вышли в свет работы И. И. Юргановой и других авторов.

По истории Якутска накоплено достаточное количество статей материалов конференций, опубликованных

к юбилеям города [16, 17]. В последние годы появились тексты, посвященные повседневности Якутии, но до сих пор нет фундаментальных работ, которые бы представили социологическую, экономическую и культурную историю города.

Список литературы

1. Якутия: Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / сост. А. А. Калашников. — Якутск: Бичик, 2000. — 494 с.
2. Попов Г. А. Сочинения. Т. 3. История города Якутска: 1632–1917: краткие очерки. — Якутск: Якут. гос. ун-т, 2007. — 312 с.
3. The Historian and the city / ed. by O. Handlin, J. Burchard. — N. Y., 1963. — 299 p.
4. Ионова О. В. Город Якутск. — Якутск, 1950. — 37 с.
5. Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII — начале XIX веков. — Якутск, 1957. — 71 с.
6. Сыроватский А. Якутск: исторические места и справочные материалы. — Якутск, 1961 — 35 с.
7. Попов П. В. Исторические и архитектурные памятники города Якутска // Сборник научных статей. — Якутск: Книжное издательство, 1960. — Вып. III. — С. 63–79.
8. Крадин Н. П. Старый Якутск // Памятники Отечества. — 1990. — № 2. — С. 95–109.
9. Карамзин О. Г. История развития градостроительства города Якутска в XX веке. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. — 100 с.
10. Алексеева И. Д. Архитектурно-планировочная эволюция города Якутска (XVII–XX вв.). — Новосибирск, 2006. — 28 с.
11. Белолобская С. В. Православные христианские храмы на территории Якутии: начало XVII — начало XXI вв. — Екатеринбург, 2011. — 26 с.

12. Крадин Н. П. Архитектурное наследие Якутска: аннотированный каталог. — Якутск, 1992. — 114 с.
13. Петров П. П. Города Якутии. 1861–1917 гг.: социально-экономический очерк истории. — Якутск: Якутское книжное изд-во, 1990. — 124 с.
14. Петров П. П. Градоякутские православные храмы (XVII–XX вв.) Город Якутск: представительные органы управления (1822–2012 гг.). — Якутск: Изд-во Якутская городская дума, 2012. — 112 с.
15. Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания его до нашего времени: В 2-х т. — Якутск, 2002. — Т. 1. 1632–1800. — 250 с. ; Т. 2. 1801–1914. — 352 с.
16. Якутск: история и современность (к 370-летию города). — Якутск: Изд-во Якутского филиала изд-ва СО РАН, 2002. — 376 с.
17. Город Якутск: история, культура, фольклор. — Якутск: Бичик, 2007. — 560 с.

УДК 908

ИСТОРИЯ КУРГАНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Менщиков В. В.

Курган, государственный университет

Аннотация. Описывается процесс развития краеведческой деятельности в Кургане как типичном российском провинциальном городе. Отмечены основные представители и организационные формы краеведческого движения в Кургане. Краеведение рассматривается как важная составляющая социокультурной реальности провинциального города.

Ключевые слова: историческое краеведение; Курган; социокультурное развитие; провинциальный город.

Парадигма социокультурного развития общества прочно вошла в систему отечественных гуманитарных исследований. Социокультурная деятельность в провинциальном городе сложна и многообразна. Составляющей ее является краеведческая работа.

Одним из первых проявлений самостоятельной творческой инициативы в российском провинциальном обществе стала краеведческая деятельность. В уездном сибирском городе Кургане основоположником этой деятельности был Н. А. Абрамов, чиновник, уроженец города Кургана [1, с. 412]. В соседнем Шадринском уезде Пермской губернии таковым стал А. Н. Зырянов. На протяжении всего XIX в. краеведческая деятельность являлась уделом одиночек, отдельных энтузиастов. Организованное краеведение появляется только в XX в., после революции в 1920-е гг.

Не случайно 1920-е годы называют «золотым веком» отечественного краеведения. Методологическое состояние исторической науки в Советской России в это время может быть охарактеризовано как некоторая растерянность. С одной стороны, старые подходы уже рассматриваются как устарелые, а марксистско-ленинская методология еще не разработана в должной мере. Если для отдельных профессиональных историков это было дело их личного методологического выбора, то для огромной массы любителей-гуманитариев создавались уникальные условия для обращения к локальной тематике исторических исследований, оставляя в стороне проблемы глобальной истории. Выбор между «старыми» и «новыми» (марксистскими) установками в данном контексте оказывались несущественными. Своего рода «ползучий эмпиризм» (позитивизм) оказался в рамках краеведческих исследований 1920-х гг. определяющим. Вполне возможно, что именно это обстоятельство стало одной из именно идейных причин ликвидации организационных форм краеведческого движения в 1930-х гг. Самодеятельность и какая-то методологическая неопределенность стали «черными метками» краеведческого движения для идеологических служб Советского государства. Думаю, что это были определяющие обстоятельства, приведшие к свертыванию краеведческой деятельности в 1930-е гг.

Наиболее подробно и досконально процесс создания краеведческой организации в Кургане описан известным курганским краеведом Александрой Михайловной Васильевой, долгие годы являвшейся научным сотрудником Курганского областного краеведческого музея [2, с. 363–380]. Примечательно, что первая попытка создания общества краеведов в Кургане была предпринята еще до создания в Москве в 1922 г. Центрального бюро краеведения. Уроженец села Бердюжского Ишимского уезда Тобольской губернии Николай Николаевич Бортвин 7 апреля 1921 г. собрал

25 человек для создания Курганского общества краеведения. Однако продолжить свою работу общество не смогло, вскоре Н. Н. Бортвин уезжает в Екатеринбург [2, с. 363]. В целом ситуация была не слишком благоприятной для какой-либо общественной деятельности — в самом разгаре Сибирское крестьянское восстание, а также голод и тиф. Только в 1924 г. по инициативе краеведа-энтузиаста М. Д. Русинова и заведующего архивным бюро И. А. Ленского при местном музее организован кружок по изучению истории местного края, который уже 28 сентября этого же года был преобразован в Общество краеведов. Председателем Общества становится В. П. Ефимов. В октябре 1924 г. М. Д. Русинов принял участие в Свердловске в создании Уральского областного бюро краеведения [2, с. 363–364]. К середине 1920-х гг. организационные структуры краеведческого движения были созданы практически на всех административно-территориальных уровнях.

По-настоящему способных к организаторской деятельности, способных мыслить стратегически, среди провинциальной уездной интеллигенции было очень мало, несмотря на обилие краеведов-энтузиастов. В 1926 г. правление Общества было переизбрано и во главе его стал заведующий музеем В. Т. Иванов, который чуть было не ликвидировал общество. Как отмечает А. М. Васильева, кроме организации не вполне удачной художественной выставки у Иванова, как председателя правления Общества краеведов, никаких идей больше не было. Большая часть членов Общества естественным путем выбыла из ее состава. Но все-таки нашлись люди, которые спасли организацию, новым председателем стал хорошо известный в Кургане И. А. Ленский, типичный советский интеллигент «первого призыва». Из семьи лесника, в годы Первой мировой войны стал Георгиевским кавалером, после революции был слушателем первого набора совпартшколы, с 1922 г. — заведую-

щий уездным политпросветом, окружным архивным бюро, книжным магазином, также работал в промкооперации. В 1930 г. неожиданно уехал в Свердловск, вновь поставив курганское Общество на грань закрытия. До сих пор недостаточно ясны взаимоотношения между членами Общества, в документах прослеживаются не вполне ясные взаимные упреки и претензии. Тем более, сам И. А. Ленский впоследствии отсидел по знаменитой политической 58-й статье [2, с. 367–368].

В 1930 г. окружные краеведческие организации должны были быть преобразованы в районные по причине административно-территориальной реформы, но это было время постепенного угасания краеведческой деятельности в прежнем виде. В 1935 г. Общество в Кургане окончательно прекращает свое существование [2, с. 372]. Очевидно, что основные причины этого связаны с общим негативным отношением власти к краеведческой деятельности в том виде, в котором оно существовало. Однако, на наш взгляд, имелись и сугубо местные причины. Явно, как мы отмечали выше, ощущался дефицит по-настоящему способных стратегически мыслить организаторов краеведческого движения. Конечно, Курган существенно уступал в этом смысле таким крупным региональным центрам, как Екатеринбург, Пермь или Омск. Хотя в данном случае определяющую роль играет исторический случай. Совсем небольшому подмосковному городу Дмитрову повезло, что там жил П. Кропоткин, отдавший много сил краеведческой деятельности. Яркий пример известного тезиса о роли личности в истории.

Для социокультурного развития города Кургана определяющим стало его превращение в областной центр в 1943 г. Краеведческое изучение стало приобретать институциональный характер, хотя и вне специфических организационных структур. По форме это была сугубо индивиду-

альная деятельность отдельных исследователей в рамках традиционных для советской действительности институтов — музеев, архивов, высших и средних учебных заведений. Для 1950–1980-х гг. можно выделить целую плеяду высококлассных исследователей в сфере курганского исторического краеведения. Это журналист Б. Н. Карсонов, много сделавший в деле изучения пребывания ссыльных декабристов в Кургане. Журналист В. А. Плющев, практически заново открывший для современной публики тему курганского маслоделия (кстати, кандидат исторических наук). Сотрудник Курганского областного краеведческого музея А. М. Васильева, которая в своих исследованиях охватила практически всю повседневную жизнь города Кургана от основания слободы в XVII в. до советского времени. Именно в эти годы историки Курганского пединститута А. А. Кондрашенков и Н. А. Лапин превращают историю нашего родного края в предмет исторической науки, что дает возможность А. А. Кондрашенкову защитить, в конечном итоге, докторскую диссертацию по истории Зауралья, по существу, заложив основы курганской исторической школы [3, с. 50–53].

Конечно же, оставались и краеведы-энтузиасты, любители, наиболее яркой личностью среди них был Е. С. Селетков, лесничий, но беззаветно преданный истории своего родного края, работавший с фондами центральных и местных архивов, публиковавшийся исключительно в газетах [4, с. 4]. Он, кстати, не побоялся открытого конфликта с профессором А. А. Кондрашенковым по научно-этическим проблемам.

Принципиально новый этап в развитии краеведения как специфической социокультурной деятельности как в Кургане, так и во всей стране начинается в 1990-е гг. Этот период чем-то напоминает 1920-е гг. в методологическом положении — старые догматы уже не воспринимаются,

а новая парадигма еще не сформирована. Все это бросает исследователей от глобалистики с ее четкими методологическими установками к локальной тематике, не требующей методологической определенности. Идет процесс организационного оформления краеведческого движения. В январе 1990 г. в Кургане проходит учредительная конференция Курганского областного общества краеведов, главным организатором которой становится профессор Курганского государственного пединститута (в дальнейшем — университета) Н. Ф. Емельянов. Именно с его именем связана дальнейшая активная краеведческая работа в Курганской области, которая вылилась в активную публикационную деятельность. Кстати, сегодня только ленивый не ругает 1990-е гг., представляя их как время всеобщего распада и деградации, однако, для развития краеведческой деятельности, хотя бы в Кургане, трудно найти более благоприятный период. Именно в это время была издана 7-томная «История Курганской области», вышло 20 выпусков краеведческого сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее», история Зауралья превратилась из исключительно краеведческой в сугубо научную тематику, по которой было защищено несколько десятков диссертаций, а сам термин Зауралье прочно вошел в научный дискурс. В целом отечественная историческая наука в это время весьма плодотворно осваивает терминологию микроистории и исторической локалистики, возвращая историческому краеведению статус научности. Удивительно, но на все указанные издания находились деньги и производственные мощности, а сегодня сделать подобное оказывается в разы сложнее [5, с. 50–54].

Опыт 1990-х гг. в Кургане наглядно показывает значение отдельной личности в краеведческой деятельности. Благодаря неумной энергии профессора Н. Ф. Емельянова оказались возможными все вышеуказанные достижения

в области краеведения. Принципиально важным Николай Филиппович считал соединение усилий профессиональных историков и краеведов-любителей. Сложившийся в Кургане союз между историками-профессионалами и краеведами-энтузиастами актуален и сегодня. Хотя в 2000-е гг. формы краеведческой деятельности вновь изменились. Определяющими стали конференции и отдельные издательские проекты.

С 2003 г. проводятся «Зырянские чтения», конференции широкой краеведческой направленности, объединяющей историков, филологов, географов, естественников. Организаторами выступают Курганский государственный университет и Курганский областной краеведческий музей. Уже семнадцать лет каждый год проходит это мероприятие и издается сборник материалов конференции (всего — 17 вып.) [6]. Редкое для современных условий постоянство. С 2006 г. силами Курганского государственного университета проводятся «Емельяновские чтения» (прошло уже восемь конференций), исключительно исторической направленности [7]. На базе Курганской областной универсальной научной библиотеки уже тринадцать лет проводится День краеведа, объединяющий, прежде всего, краеведов-любителей со всей области. В 2019 г. было принято решение провести данное мероприятие в формате полноценной конференции совместно с Курганским государственным университетом с изданием сборника материалов. Через 23 года возобновилось издание краеведческого сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее» [8], надеюсь, что издание ждет долгая и плодотворная жизнь.

За прошедшие двадцать лет в свет вышло достаточно много интересных краеведческих исследований. Среди них отмечу только два, вызвавших значительный общественный резонанс, а также ставших значительными событиями в социокультурной жизни Кургана. Это книга, посвящен-

ная истории Кургана, вышедшая в серии «Тобольск и вся Сибирь» [9], и пособие «История Курганской области» [10].

Таким образом, история курганского краеведения показывает ряд важных социокультурных обстоятельств в развитии провинциального города. Во-первых, четко прослеживается тенденция развития от индивидуальной деятельности к организационным формам. Во-вторых, несмотря на важное значение институтов в любом процессе общественного развития, роль отдельной личности остается значимой, порою, определяющей. И, в-третьих, реальная жизнь, в том числе исторический процесс, всегда шире и многообразнее любой теоретической схемы, поэтому как краеведческая деятельность, так и в целом социокультурное развитие в любом городе будет являться уникальным особенным процессом.

Список литературы

1. *Менщиков В. В.* Вклад Н. А. Абрамова в развитие сибирского краеведения (к 205-летию со дня рождения) // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. — Омск: ОГИК музей, 2017. — С. 412–414.
2. *Васильева А.* Курган. Так было. — Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2019. — 444 с.
3. *Менщиков В. В.* Итоги и перспективы развития курганского исторического краеведения // Пятые Ядринцевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (30–31 октября 2019 г.) / отв. ред. П. П. Вибе. — Омск: ОГИК музей, 2019. — С. 50–53.
4. *Менщиков В. В.* Историческое краеведение в Кургане в XX веке // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник: материалы межрегион. науч.-практ. конф.

«XIII областной день краеведа». — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. — С. 3–5.

5. *Менщиков В. В. Н. Ф. Емельянов как представитель томской исторической школы* // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): в 2-х ч. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. — Ч. 1. — С. 50–54.
6. Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003–2019.
7. Емельяновские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006–2019.
8. Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник: материалы межрегион. науч.-практ. конф. «XIII областной день краеведа». — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. — 230 с.
9. Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. XXIII т. — Тобольск: Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. — 528 с.
10. История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года). Краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов / отв. ред. Д. Н. Маслюженко. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. — 296 с.

**ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ ИСТОРИКА АРХИТЕКТУРЫ
В. И. КОЧЕДАМОВА В ЧЕТЫРЕХТОМНОМ
ИЗДАНИИ ПРОЕКТА «СОХРАНЕННАЯ
КУЛЬТУРА»: «ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА С КОММЕНТАРИЯМИ
СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ»**

Кузеванов В. С.

*Омск, государственный университет
имени Ф. М. Достоевского*

Сорокин А. П.

*Омск, государственная областная
научная библиотека имени А. С. Пушкина*

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения, сохранения и публикации творческого наследия ленинградского архитектора, профессора В. И. Кочедамова (1912–1971), осуществленного в рамках инициативного цифрового проекта «Сохраненная культура».

Ключевые слова: история градостроительства и архитектуры, цифровой архив, города Сибири, В. И. Кочедамов, сохраненная культура.

Виктор Ильич Кочедамов (1912–1971) — крупнейший историк архитектуры и градостроительства Сибири, автор многочисленных работ по истории и архитектуре отдельных местностей нашей страны. Он родился 21 апреля (4 мая) 1912 г. в Омске в семье мелкого коммерческого служащего Ильи Ефимовича Кочедамова. После окончания семилетней

школы имени В. И. Ленина летом 1927 г. он поступил на архитектурное отделение Омского художественно-промышленного техникума имени М. А. Врубеля. В 1931 г. окончил техникум и продолжил свой трудовой путь техником-архитектором Промстройпроекта в Саратове, затем в течение трех лет работал старшим архитектором Крайпрогора в Сталинграде, проектировал школы, жилые дома, административные и общественные здания, включая Дом Легпрома и гостиницы «Интурист» и «Большая Сталинградская» на главной городской площади Павших Борцов.

В 1935 г. В. И. Кочедамов поступил на архитектурный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств (Ленинград). Летом 1941 г. ушел на фронт добровольцем. Воевал на Ленинградском фронте, недалеко от Красного Села. Осенью 1941 г. вместе с другими выпускниками был отозван с военных позиций для защиты диплома. Работа над проектом здания библиотеки Академии наук велась в тяжелейших условиях блокадного Ленинграда. Защита состоялась в декабре 1941 г. В ленинградском Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Виктор Ильич последовательно занимал должности аспиранта, ассистента, доцента кафедры архитектуры проектирования, ученого секретаря, более 20 лет был деканом архитектурного факультета. В 1947 г. получил степень кандидата архитектуры. В 1966 г. ему было присвоено ученое звание профессора. В. И. Кочедамов участвовал в проектировании многочисленных объектов архитектуры и строительства от Прибалтики до Владивостока. Скончался в Ленинграде 21 января 1971 г., был похоронен на Богословском кладбище [1].

Архив ученого является уникальным историческим источником, позволяющим реконструировать эвристическую, творческую, интеллектуальную работу отдельно взятого исследователя. Понимая это, внук Кочедамова —

санкт-петербургский юрист, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН Виктор Борисович Наумов, начиная с 2012 г., оцифровал и передал личный архив В. И. Кочедамова для хранения и изучения омским исследователям, одновременно сделав его общедоступным в электронном формате. Эта акция продемонстрировала, что существует целый пласт социальной истории, который требует особого осмысления в рамках историографии истории архитектуры и градостроительства Омска в середине XX в.: поиска, изучения и придания смыслов разнородным архивным документам и опубликованным материалам, пропущенным через творческую лабораторию исследователя.

Ныне подлинная архивная коллекция документов и материалов В. И. Кочедамова стараниями архивистов, библиотекарей и музейных работников объединена и хранится в фондах Омского государственного краеведческого (ОГИК) музея. Первая часть фонда «Архив В. И. Кочедамова» поступила от В. Б. Наумова в декабре 2012 — июне 2013 гг. в Центр книжных памятников Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина (ОГОНБ) и состояла из 196 документов в трех папках. В папках: планы городов — 12, фотографии — 108, графические и живописные изображения архитектурных памятников — 74 экз. и две рукописи на 45 листов. В течение года архив хранился в центре коллективного пользования (ЦКП), с июля по декабрь 2013 г. шла работа по составлению описи к оцифровке документов заведующим сектором истории библиотечного дела ЦКП М. И. Саврушевой, оцифровка велась сотрудниками отдела «Омский региональный центр доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки и Национальной электронной библиотеки». Оцифрована почти вся коллекция (информация занимает 14 Гб). Материалы, пре-

доставленные проектом «Сохраненная культура», доступны также на сайте ОГОНБ [2].

27 января 2014 г. архив В. И. Кочедамова был передан в ОГИК музей хранителю личных коллекций Г. Б. Буслаевой. Согласно путеводителю по фондам ОГИК музея, коллекция личного происхождения В. И. Кочедамова составляет 2337 ед. хр. (1400 ед. хр. основного фонда и 1042 ед. хр. научно-вспомогательного), крайние даты фонда: 1947–1971 гг. [3, с. 217–218].

Кочедамов посвятил свою научную деятельность изучению архитектуры и градостроительства Ленинграда — Санкт-Петербурга, Сибири, Дальнего Востока, Русской Америки и Средней Азии. Книги историка архитектуры уже давно стали библиографической редкостью. Не встречается ни одного фундаментального труда по истории городов Западной Сибири, где бы ни упоминалось имя Кочедамова.

Омск в жизни и творческом наследии В. И. Кочедамова всегда занимал особое место. Наиболее значимым трудом в омской исторической библиографии стала выпущенная Омским книжным издательством и подписанная к печати ровно 60 лет назад (25 ноября 1960 г.) книга Кочедамова «Омск. Как рос и строился город» [4]. В ней впервые на основе широкого круга архивных и опубликованных источников были профессионально исследованы градостроительный и архитектурный аспекты истории нашего города в XVIII — середине XX вв. Автор обобщил значительный фактический материал, снабдил текст большим количеством фотографий [5].

Написанная в конце 1950-х гг. признанным специалистом в истории градостроительства, к тому же уроженцем Омска, книга опирается на широкий круг архивных, картографических и иллюстративных источников. Автор неоднократно приезжал в Омск, как по личным причинам,

так и для сбора материала в омском архиве, музее и библиотеке для своих исследований в области градостроительного проектирования и архитектурно-планировочного развития городов Сибири.

В труде об Омске были впервые собраны, проанализированы и представлены в единой логике развития материалы по истории двух Омских крепостей, по формированию архитектурно-планировочной среды города и, что особенно ценно, выявлены тенденции и оценены перспективы градостроительного развития формирующегося омского мегаполиса на вторую половину XX в., часть из которых реализовалась на наших глазах, а часть так и осталась в проектах.

Фундаментальное исследование по истории градостроительства и архитектуры Омска попало во все крупные библиотеки Омской области, включая школьные, и на многие годы стала настольной для краеведов, историков культуры, экскурсоводов и музейных работников. Уникальность книги В. И. Кочедамова заключается в том, что автор не только обнаружил, сформулировал и абсолютно точно описал этапы развития города, но и отметил поименно создателей «страниц каменной летописи», ранее неизвестных омичам, преданных забвению строителей и архитекторов трех столетий. Историки культуры рассматривают эту книгу как историографический и конкретно-исторический источник. Важной составляющей книги, как источниковедческого ресурса современного историка культуры, являются многочисленные визуальные материалы, фиксирующие ныне исчезнувшие объекты советского пласта городской культуры.

Работа В. И. Кочедамова не утратила своего значения и в XXI в. Реализация проекта «Сохраненная культура» с 2010 г., актуализация интереса к наследию Кочедамова в Омске, предпринятая его внуком В. Б. Наумовым и омским искусствоведом, историком архитектуры А. Н. Гуменюк к 100-летию В. И. Кочедамова в 2012–2013 гг. (проведение

презентации, выставок, дарение архива ОГИК музеем и ОГОНБ имени А. С. Пушкина), привели к резкому всплеску интереса к книге среди омичей.

На волне возобновления интереса к наследию Виктора Ильича, омскими учеными, краеведами и общественными организациями в 2013–2014 гг. были осуществлены переиздания книги В. И. Кочедамова. Омским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и Ротари-клубом «Омск», при участии ОГОНБ имени А. С. Пушкина, — репринтное фототипическое издание тиражом 700 экз. [6]; Обществом коренных омичей — издание тиражом 1000 экз. (Омск, 2014). Последнее издание с замененными и переработанными иллюстрациями было дополнено новыми, самостоятельными, третьей и четвертой частями, в которых омским культурологом, кандидатом исторических наук Ю. Р. Гореловой (при участии и с предисловием академика архитектуры А. М. Каримова) была предпринята попытка продолжить изложение истории развития омской архитектуры в 1960–2000-е гг., соединить самостоятельное очерковое исследование под одной обложкой с трудом В. И. Кочедамова [7]. Однако авторы «дополнения», с одной стороны, продолжили линию социализации истории архитектуры Омска на вторую половину XX в., но с другой — не смогли или не захотели сохранить тип и форму «кочедамовского» изложения в рамках хронологической привязки событий и построек.

Следующее событие мемориализации и актуализации наследия известного архитектора — открытие по инициативе и при участии В. Б. Наумова в августе 2016 г. на здании дома № 16 по ул. Орджоникидзе памятной доски В. И. Кочедамову. Скульптор С. А. Голованцев изобразил на ней и знаменитую книгу [8].

Весь опыт переизданий, в том числе в электронном виде, показал не критическое отношение к тексту издания 1960 г.,

который не только не снабжался уточняющими комментариями, но и не включал исправления очевидных неточностей и опечаток. Назрела необходимость подготовки исправленного и откомментированного издания.

Идея проекта «Сохраненная культура» возникла у В. Б. Наумова осенью 2010 г. В основе проекта лежит довольно простая вещь — выяснение причин создания тех или иных работ, поиск недостающих произведений и их датировка в первую очередь у тех творцов, что оказались в поле зрения руководителя проекта в силу родственных или социальных связей. В. Б. Наумов пишет: «Что же произошло за последнее время с культурным наследием XX в., особенно второй его половины, когда социальные потрясения и становление новой общественной формации — информационного общества с его цифровым представлением любой информации — усилили потери от времени и мы потеряли и продолжаем терять огромное количество созданных произведений и информацию о них». И далее: «Больше всего страдают от перемен те, кто исторически ближе всего к современной эпохе, но оказался ей не нужен и не овладел современными технологиями коммуникаций или не был “запечатлен” (“оцифрован”) в них в силу тех или иных обстоятельств. Таких, “оставшихся” в обычном реальном мире, подавляющее большинство. Не имея возможности и знаний, эти люди и их научное и художественное наследие теряются и забываются», — отмечает автор проекта «Сохраненная культура» [9, с. 380–390].

В 2011 г. были определены задачи проекта: реализовать двенадцать объектов — альбомов, CD/DVD-дисков, электронных книг, разделов сайтов в сети интернет, с последующей почтовой рассылкой их материальных копий по библиотекам, музеям и учебным заведениям; вести систематический поиск людей, творивших в прошлом веке или знавших их друзей и родственников; создать систему в ин-

формационном пространстве интернета, с помощью которой россияне, соотечественники в СНГ и мире получают возможность сохранить созданные с таким трудом культурные ценности.

В. Б. Наумов в рамках проекта «Сохраненная культура» реализует также глобальную цель собирания и обобщения всех трудов своего деда. В апреле 2013 г. материалы «В. И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства» были дополнены и переизданы на DVD-диске. В 2014 г. было осуществлено электронное репринтное издание монографий и основных статей В. И. Кочедамова в электронной форме, а также DVD-диска с архивами В. И. Кочедамова [10].

Спустя почти десять лет для создания и публикации четырехтомного собрания сочинений В. И. Кочедамова в рамках проекта потребовалось новое комплексное исследование его опубликованных работ и цифрового архива.

В осуществлении этой идеи принимали участие более десятка крупнейших российских исследователей: В. И. Царёв, Е. А. Багрин, Н. П. Крадин и др., в том числе авторы данной статьи. При подготовке издания все участники проекта отдавали себе отчет, что свои исследования Кочедамов проводил более полувека назад (в 1940–1960-е гг.), считали важным прояснить, что из наследия историка архитектуры ценно и сегодня. К участию в проекте В. Б. Наумову удалось привлечь авторитетных ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Омска, Тобольска, Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Благовещенска и Хабаровска, а также исследователей из ближнего зарубежья (Самарканд, Республика Узбекистан). Работа над полным собранием сочинений велась более года. Всего за 2019–2020 гг. было подготовлено четыре тома, которые включают работы, объединенные по географическому или хронологическому признаку, содержащие выполненные ученым в 1950–1960-х гг. авторские рисунки, наброски, планы и реконструкции.

Первый том издания В. И. Кочедамова содержит биографические материалы об архитекторе и ученом, очерк самого раннего, сталинградского периода его деятельности, статьи по педагогике, воспоминания коллег и учеников, а также исследования по истории архитектуры и градостроительства Самарканда и Бухары с комментариями современных ученых. Отдельный раздел посвящен стихам и графическим работам В. И. Кочедамова [11].

В третий том вошли две крупные монографии В. И. Кочедамова «Омск. Как рос и строился город» (1960) и «Тобольск. Как рос и строился город» (1963), труды по сибирской геральдике и уникальный материал по истории Русской Америки с актуальными статьями и комментариями современных исследователей. Отдельный подраздел посвящен оцифровке и передаче на музейное хранение обширного личного и научного архива архитектора и ученого [12].

Подготовленное авторами статьи воспроизведение текста книги «Омск. Как рос и строился город» в составе третьего тома собрания сочинений В. И. Кочедамова не является академическим. Полное комментированное издание его трудов — дело будущего, требующее глубокого изучения и переосмысления источниковой базы.

Однако творческий коллектив совместно с издателями решил снабдить текст книги подстрочными примечаниями, содержащими уточнения и дополнения, которые необходимы для корректного понимания текста книги в 2020 г., ее соотнесения с современной градостроительной и архитектурной средой миллионного Омска (ставшего таковым в 1975 г.). Прошедшие столетия серьезно изменили градостроительную среду Омска, появились новые источники, исследования и публикации, уточняющие, дополняющие и корректирующие сведения, приведенные Кочедамовым. Различные отсылки и описания к современному состоянию городской среды, понятные омичам-современникам, в том

числе многие топонимы советского времени, ныне уже нуждаются в топографическом, историческом или этимологическом комментарии.

Кроме того, нами исправлены и уточнены замеченные описки и опечатки (в годах, инициалах и т. п.), переработан список источников и литературы в соответствии с современными требованиями и современными названиями архивных учреждений для облегчения поиска материалов, используемых автором. Специфика советского книгоиздания популярной литературы (также из-за подцензурности Главлиту, имевшему специальный список тем и фактов на запрет упоминания в печати) не позволила в 1950-е гг. В. И. Кочедамову сделать полноценную научную монографию, снабженную точными библиографическими и архивными ссылками, в связи с чем он ограничился лишь кратким списком источников и литературы в конце книги, в настоящее время нуждающемся в формальном и содержательном уточнении.

Поэтому составители третьего тома пошли по пути переработки научно-справочного аппарата издания в соответствии с принципом сохранения текстов Кочедамова и их понимания в XXI в. В научно-справочный аппарат тома включены список источников и литературы, сверенный с каталогами ОГОНБ имени А. С. Пушкина и других библиотек; расширенное приложение с уточненным библиографическим описанием архивных источников (с заголовками фондов, описей и, по возможности, дел) из центральных и местных архивов, использованных В. И. Кочедамовым при подготовке книги. Этот труд не был бы возможен без помощи сотрудников ОГОНБ имени А. С. Пушкина, ОГИК музея, Исторического архива Омской области и федеральных архивов.

Четвертый том трудов В. И. Кочедамова, вышедший в сентябре 2020 г., включает монографию «Первые русские города Сибири», которая подводит итоги многолетних ис-

следований архитектора и ученого, является апогеем его научного творчества. Монография впервые была опубликована уже после смерти автора в 1978 г., содержала предисловие советского историка, археолога, этнографа, академика АН СССР А. П. Окладникова; материалы по градостроительной истории Сибири и Дальнего Востока, подготовленные В. И. Кочедамовым на рубеже 1960–1970-х гг.; очерки, статьи и научные комментарии ряда сибирских, дальневосточных, ленинградских и московских исследователей того времени [13].

Второй том опубликован на сайте в октябре 2020 г., он посвящен Ленинграду и Санкт-Петербургу. В этот том вошли две монографии В. И. Кочедамова «Набережные Невы» (1954) и «Мосты Ленинграда» (1958), а также многочисленные статьи 1950–1960-х гг., посвященные градостроительной истории Петербурга — Ленинграда. В этих работах Кочедамов первым из отечественных историков архитектуры методично и придиричливо отследил весь процесс строительства городских набережных (вначале деревянных, затем каменных), растянувшийся на сто пятьдесят с лишним лет — с начала XVIII в. до второй половины XX в. Вступительные очерки и комментарии ко всем монографиям и статьям Кочедамова подготовил петербургский историк, краевед и писатель Константин Жуков [14].

Несмотря на неакадемический и смешанный, тематико-хронологический принцип издания, внимательный читатель сможет выстроить и распределить все работы по периодам жизни Кочедамова, что покажет фундаментальность мысли и неизменность научного кредо мастера. Приведем только один пример: в 1967 г. в политическом плане идет стратегическое улучшение отношений между СССР и США — подписан договор о мирном использовании космического пространства. Предсовмина СССР А. Н. Косыгин находится в США с официальным визитом. В это время

В. И. Кочедамов пишет и издает книги по «Русской Америке». К сожалению, сейчас эта страница истории вновь интенсивно не изучается. В творчестве же Кочедамова это совсем не конъюнктурная линия, как может показаться на первый взгляд. Обращаясь к архивам историка архитектуры, можно увидеть, что первые поиски информации о первых русских городах в Северной Америке были им сделаны еще тогда, когда «отношения с Западом» были отнюдь не дружескими. Это продолжение общей истории «Первых русских городов» в Заполярье, Сибири, Америке.

Проект «Сохраненная культура» развивается, проделана большая, интересная работа. Впереди — финальная доработка томов, снабжение их именными и предметно-географическими указателями и сдача в типографию! Издание «В. И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых» обязательно выйдет в традиционном, бумажном варианте и его презентация состоится, в том числе и в Омске.

Список литературы

1. Труды по архитектуре и рисунки Виктора Кочедамова [Электронный ресурс] // Сохраненная культура: 2010–2020 [сайт]. URL: <https://www.russianlaw.net/art/kochedamov/> (дата обращения: 23.09.2020).
2. Архив В. И. Кочедамова [Электронный ресурс] // Краеведение Омского Прииртышья: [сайт]. URL: <http://kraeved.omsklib.ru/index.php/2013-09-05-20-37-19/arkhiv-v-i-kochedamova> (дата обращения: 23.09.2020).
3. Путеводитель по фондам Омского государственного историко-краеведческого музея / Мин-во культуры Омской обл.; ОГИК музей; науч. ред. П. П. Вибе; сост. Ю. Н. Супрун, отв. секр. И. В. Федотова. — Омск: ОГИК музей, 2020. — 335 с.

4. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. — Омск: Кн. изд-во, 1960. — 112 с.
5. *Кочедамов Виктор Ильич* // Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья, 2012. — Омск, 2011. — С. 56–57.
6. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. — Омск: Золотой тираж, 1960 [2013]. — 111 с.
7. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город / В. И. Кочедамов, Ю. Р. Горелова. — Омск: Наука, 2014. — 250 с.
8. *Наумов В. Б.* 100 лет и 4 года с Омском // Омский краевед: альманах. — 2017. — № 7. — С. 119–122.
9. *Наумов В. Б.* История проекта «Сохраненная культура» // Александра Махровская: ученый и градостроитель. Воспоминания друзей и коллег. — СПб.: «Сохраненная культура», 2014. — 400 с.
10. *Кочедамов В. И.* Труды по истории градостроительства. — СПб.: Виктор Наумов, 2013. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). — (Сохраненная культура).
11. *Кочедамов В. И.* Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. В 4-х т. [Электронное издание]. — СПб.: Сохраненная культура, 2020. — Т. I. — 292 с.
12. *Кочедамов В. И.* Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. В 4-х т. [Электронное издание]. — СПб.: Сохраненная культура, 2020. — Т. III. — 420 с.
13. *Кочедамов В. И.* Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. В 4-х т. [Электронное издание]. — СПб.: Сохраненная культура, 2020. — Т. IV. — 354 с.
14. *Кочедамов В. И.* Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. В 4-х т. [Электронное издание]. — СПб.: Сохраненная культура, 2020. — Т. II. — 354 с.

УДК 930.221+94(47)

ФОТОДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛАНДШАФТА ГОРОДОВ СИБИРИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 19-78-10020 «Урбанизационные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв.: комплексный подход к анализу городского населения по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.»

Чекрыжова О. И.

Барнаул, Алтайский государственный университет

Брюханова Е. А.

Барнаул, Алтайский государственный университет

Аннотация. Реконструкция пространства сибирских городов конца XIX — начала XX вв. с привлечением комплекса источников, в том числе исторических планов городов и соответствующих изучаемому периоду визуальных источников, проводится на основе междисциплинарного подхода. Восстановление городского пространства осуществляется с высокой степенью детализации, позволяющей представить статистические данные по большинству объектов и строений. Анализ исторических фотодокументов выявляет сохранившиеся до наших дней объекты, позволяет уточнить их характеристики и визуализировать городскую среду.

Ключевые слова: фотодокументы; города Тобольской губернии; социальное пространство Сибирских городов.

В решении задачи реконструкции топографии и социального пространства сибирских городов конца XIX — начала XX вв. наряду с традиционным массивом исторических

источников, таких как архивные материалы, публикации, картографический материал, важную роль играют исторические фотодокументы. Основой для реконструкции пространства является создание online-карты-основы, источником для которой являются исторические планы городов. Фотодокументы представляют интерес с точки зрения визуализации исторических данных и пространственных аспектов [1, с. 445]. Комплексный анализ и сопоставление данных этих источников позволяют составить качественную реконструкцию городского пространства и его визуализацию.

Работа по привязке исторических планов к современной подложке, как правило, осложняется недостаточным информационным сопровождением исторических планов: легендами, пояснениями, масштабом. В этом случае сохранившиеся объекты исторической застройки выступают как контрольные точки и маркеры привязки данных исторических планов к современным [2, с. 229]. Дальнейшая реконструкция пространства подразумевает идентификацию улиц и определение их исторических названий, и дальнейшую детализацию до отдельных строений. Работа по наполнению информационной системы подразумевает нанесение на карту-основу различных учреждений и жилых домов, данные по которым содержатся в переписных листах.

Реконструкция пространства должна осуществляться максимально точно и для достижения этой цели используется весь доступный исследовательскому коллективу комплекс сохранившихся источников. Здания, которые до наших дней не сохранились, наносятся на план на основе данных фотодокументов описания их расположения, переносятся с более старых планов. С этой целью дополнительно привлекаются различные материалы: искусствоведческие и краеведческие исследования, мемуары, перечни охраняемых памятников культурного наследия и т. д. Сов-

мещение данных разных источников позволило выработать оригинальную и эффективную методику восстановления исторического городского пространства [3, с. 215].

Важную роль в процессе реконструкции городского пространства играет привлечение фотодокументов, изображающих городской ландшафт. Отмена государственной монополии на изготовление почтовых открыток 19 октября 1894 г. сделала частный выпуск открыток в конце XIX — начале XX вв. одним из популярнейших видов фотографии. Коммерческий спрос на данную продукцию стимулировал фотографов и владельцев фотоателье делать свою продукцию уникальной и выпускать все новые и новые серии открыток с видами городов.

Все известные исследователям фотопейзажи можно поделить на несколько групп: это панорамные виды города, когда фотограф стремится максимально охватить пространство; сюжеты с изображением перспективы улиц, здесь особенностью являются интересные ракурсы, выявление перспективы и отдельные изображения зданий и сооружений культового (храмы, монастыри) или общественного назначения (учебные заведения, почтовые и телеграфные конторы, вокзалы, мосты и т. п.). Изображения частных домов на открытках встречаются достаточно редко.

Среди фотографий сибирских городов второй половины XIX — начала XX в. большое количество видов сибирского города Тобольска. Значительную источниковедческую ценность имеют систематизированные коллекции фотографий. Чаще всего это наборы фотооткрыток, которые выполнялись местными фотографами. Так, в адрес-календаре Тобольской губернии на 1897 г. помещена реклама фотоателье Уссаковской и фотоателье И. Шустер [4], в тексте рекламы указано, что в продаже имеется «...большой выбор видов г. Тобольска и его окрестностей ...». В большинстве уездных городов также имелись местные фотографы, дер-

жавшие фотоателье и занимающиеся тиражированием фотооткрыток. Фотографы крупных уездных городов также выезжали работать в соседние города и волости.

Помимо местных фотографов, известны и фотопейзажи, выполненные столичными фотографами. Одним из выдающихся примеров является коллекция цветных снимков пейзажей городов Тобольск, Ялуторовск и Тюмень, которые сделаны столичным фотографом Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским в 1912 г. Снимки выполнены в уникальной авторской технике, разработанной Прокудиным-Горским, и являются совершенно уникальным примером цветной фотосъемки начала XX в. Эти снимки входят в серию «Виды на Урале и Западной Сибири, обзор водных путей, Российская Империя», цифровые копии которых размещены в свободном доступе на сайте Библиотеки Конгресса США, подлинники в настоящее время хранятся в отделе печати и фотографий Библиотеки Конгресса (Вашингтон) [5].

Старейшая сохранившаяся серия фотографий с видами города Тобольска — «Альбом тобольских видов», издан в 1864 г. и принадлежит авторству Павла Семеновича Паутова [3, с. 65]. Фотографии выполнены на длинной выдержке, поэтому в кадре нет движущихся объектов, людей, повозок, животных, т. к. они просто не успевали запечатлеться при экспонировании снимка.

Из сохранившихся до наших дней городских фотопейзажей можно привести в качестве примера обширную коллекцию фотооткрыток тобольского фотографа Марии Уссаковской. Коллекция, по-видимому, регулярно тиражировалась на протяжении значительного времени, благодаря чему до наших дней дошли различные варианты снимков с примерно схожим сюжетом, выполненные с различных ракурсов и, вероятно, в разное время. Таким образом, существует возможность составить максимально полное пред-

ставление о том, как выглядели на рубеже веков отдельные районы Тобольска.

Методика работы по реконструкции исторического городского пространства с использованием в качестве маркеров сохранившихся зданий базируется на нескольких ключевых принципах.

Первым этапом фиксируются сохранившиеся до наших дней сооружения на цифровой карте-основе. Этот этап представляет наиболее кропотливую часть работы по формированию исторической карты. Как правило, такая работа основывается на соотнесении геопривязанных фото, размещенных на ресурсе YandexMaps, с данными исторических карт и фотодокументами конца XIX — начала XX вв. В процессе определения опорных точек важно опираться на материалы из перечня культурного наследия, когда отправной точкой для работы служит определенное здание, для выявления прочих сохранившихся строений отправной точкой служат именно исторические фотографии с видами улиц и запечатленными на них определенными строениями (Рис. 1).

На втором этапе ведется работа по идентификации улиц, не обозначенных на снимке, опираясь на здания-ориентиры. В качестве ориентиров чаще всего выступают зафиксированные на снимках церкви или узнаваемые здания различного назначения, сохранившиеся до наших дней или с точно известной локализацией места (если здание не сохранилось, но известно, что на его месте построено другое здание и оно сохранилось). Изображения с исторических фотографий совмещаются с современными, эти совмещенные данные соотносятся с планами YandexMaps и исторической картой-основой.

К примеру, для реконструкции участка исторического пространства современной улицы Мира в Тобольске было использовано несколько фотооткрыток конца XIX в.,

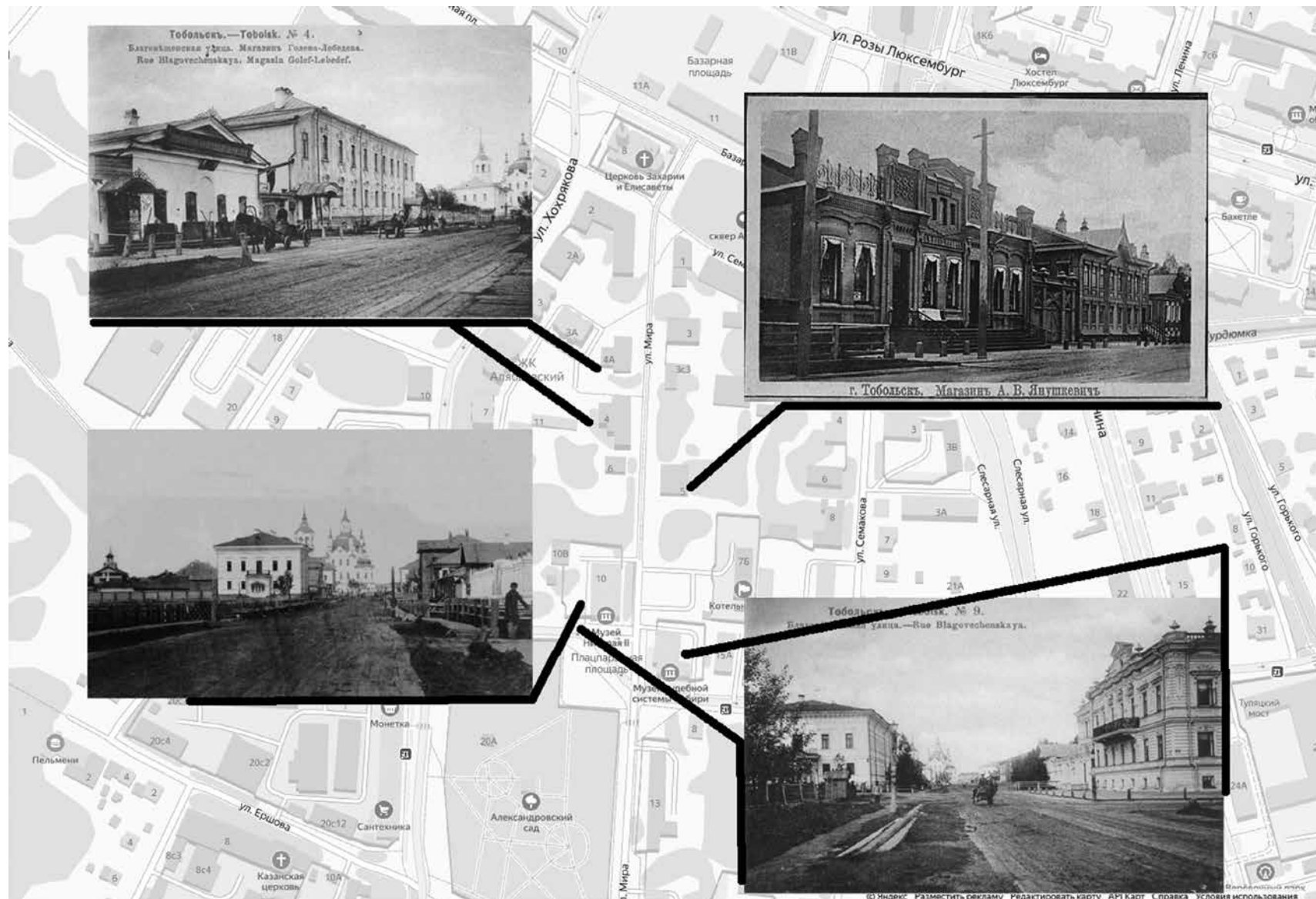

Рис. 1. Каторжная тюрьма № 1 города Тобольск как опорная точка при моделировании исторического городского пространства (Фото авторов)

на которых запечатлена улица Благовещенская (современная улица Мира). В качестве источников использовались фотографии Марии Уссаковской «Тобольск № 4. Благовещенская улица. Магазин Голева-Лебедева» и «Тобольск № 9. Улица Благовещенская»; фото П. С. Паутова 1864 г. «Дом Губернатора и ц. Захария и Елизаветы» и открытка, изображающая магазин А. В. Янушкевич (предположительно, изданная торговым домом Янушкевич).

Все фотооткрытки изображают одну и ту же улицу, однако только две фотографии имеют соответствующий пояснительный текст, позволяющий атрибутировать местность. Еще два снимка сопоставляются на основе опорной точки, которой в данном случае служит церковь Захария и Елизаветы, ее видно на всех четырех изображениях. Точки съемки фотографий практически идентичны, лишь с небольшой разницей ракурсов, однако, на всех открытках, помимо церкви, изображены разные здания, что позволяет максимально дополнить визуализацию [6]. Самое раннее изображение авторства П. С. Паутова датируется 1864 г., на фотографии мы видим в перспективе дом губернатора, а также церковь Захария и Елизаветы, справа еще нет дома купца Корнилова, он был построен в конце века (Рис. 2).

На одной из открыток авторства Уссаковской изображены дом аптекаря Александра Альбрехта и магазин купца Голева-Лебедева, вдалеке также виднеется церковь Захария и Елизаветы. Подписи на лицевой стороне открытки позволяют точно определить зафиксированные на ней здания, соотнести их с современными адресами, сопоставив со списком архитектурных сооружений на улице Мира, которые входят в «Перечень объектов культурного наследия, расположенных в г. Тобольске» [7]. Подпись на второй фотооткрытке ограничивается названием улицы, однако, в перспективе на фотографии виднеется все та же церковь Захария и Елизаветы, и мы можем определить точку, с которой произво-

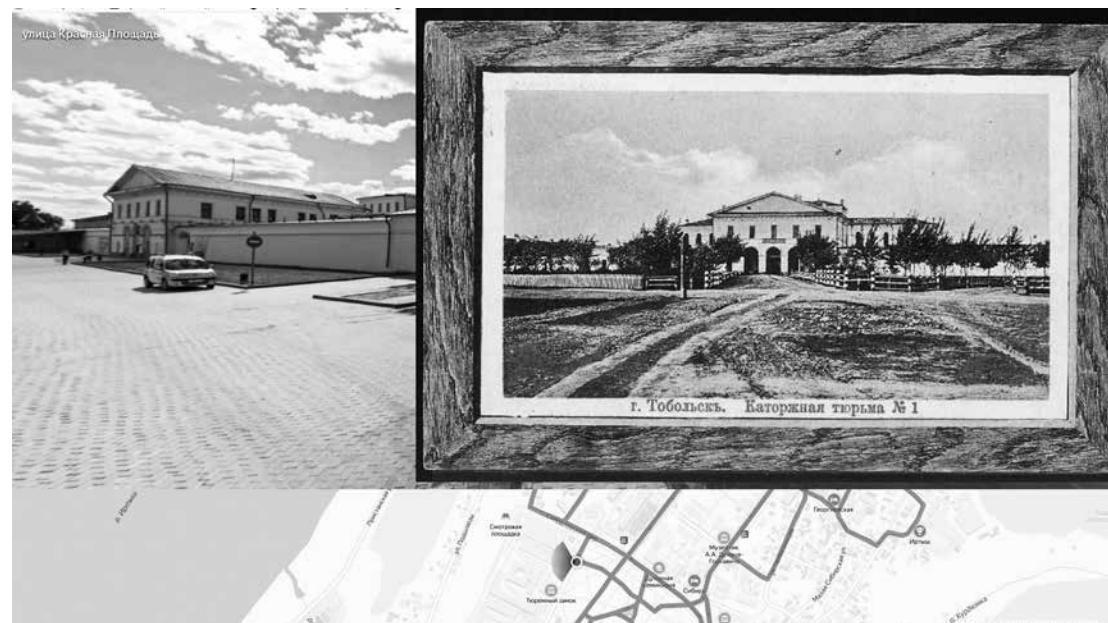

Рис. 2. Совмещение фотодокументов для реконструкции городского пространства Благовещенской улицы города Тобольск. (Фото авторов)

дилась съемка этого сюжета, и соотнести его с первым изображением. На снимке легко узнается выдающееся здание с балконом, богато украшенное барочным декором [8, с. 111], принадлежащее купцу Корнилову. Соответственно, расположенное напротив него здание в классическом стиле — это дом губернатора, известный нам по снимку Паутова.

Таким образом, работа по идентификации объектов на исторических планах и фотодокументах является значимым этапом исследовательского процесса, основанного на междисциплинарном подходе и тщательном анализе большого массива различных источников. Результатом является реконструкция и визуализация исторического городского пространства.

Список литературы

1. Чекрыжова О. И., Брюханова Е. А. Картографический метод пространственного анализа данных о занятости транспортной сферы в Сибири (по материалам переписи 1897 г.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. тр. XV Международ. науч.-практ. конф. (15–16 октября 2015, Усть-Каменогорск). — Усть-Каменогорск, 2015. — С. 438–446.
2. Чекрыжова О. И. Пространственные аспекты в изучении инфраструктуры городов юга Западной Сибири второй половины XVIII — начала XX в. (на примере Барнаула) // Человек и природа. История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики. Материалы XXX Международ. науч. конф. — М., 2017. — С. 229–230.
3. Чекрыжова О. И. Фотодокументы как источники для визуализации городского пространства исторических ГИС // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Пермь, 15–18 мая 2018 г.). — Пермь, 2018. — С. 214–216.
4. Календарь Тобольской губернии на 1897 год. — Тобольск, 1897.
5. Library of Congress: [сайт]. URL: <http://www.loc.gov/item/2018681076/> (дата обращения: 20.04.2020).
6. Панишев Е. А. Прогулка по старой улице Мира // Тобольская правда. — 2002. — 22 нояб. — С. 4.
7. Перечень объектов культурного наследия, расположенных в г. Тобольске (здания и сооружения) [Электронный ресурс] // Тюменская область. Портал органов государственной власти: [сайт]. URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/society/culture/object/more.htm?id=10532547%40cmsArticle (дата обращения: 20.04.2020).
8. Ситникова Е. В. Архитектурный облик старинного сибирского города Тобольска // Вестник ТГАСУ. — 2013. — № 4. — С. 100–114.

УДК 930.2

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА СИБИРСКОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЮБИЛЕЙНЫХ КОММЕМОРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТОЛЕТИЯ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ)

Бахтурин В. В.

*Омск, государственный университет
имени Ф. М. Достоевского*

Аннотация: статья посвящена характеристике периодической печати как источнику по изучению городского ландшафта сибирских городов. Анализ рассматриваемой проблемы проводится на материале газет «Власть труда» и «Советская Сибирь», а также статей из журналов «Наш край» и «Сибирские огни» за 1925 г. Делается вывод об информационном потенциале местной периодики и ее роли в формировании историко-культурного облика и моделировании мемориального ландшафта сибирского города.

Ключевые слова: периодическая печать; исторический источник; город; юбилей; декабристы.

Под влиянием «пространственного поворота» одной из актуальных проблем в исторической науке становится интерпретация городского пространства сквозь призму «текстов» прошлого. Город предстает как сложный комплекс, состоящий из природных и искусственных (антропогенных) элементов. В историографии делается акцент на повседневной жизни, человеческой деятельности и культуре [1; 2]. Однако отражение городского ландшафта в исторических источниках требует особого внимания.

При рассмотрении повседневной жизни российских и сибирских городов, истории инфраструктуры и благоустройства важным источником является периодика. Здесь имеются данные о политике, решениях местного руководства, экономических проблемах региона, деятельности учреждений культуры и т. д. Однако в работах по истории города характеристика газет и журналов как исторического источника носит преимущественно описательный характер [3, с. 16–17; 4, с. 37–38]. В современной литературе остаются невыясненными вопросы об информационном потенциале периодики как источнике при изучении историко-культурной среды провинциального города в условиях юбилейных коммемораций; о вероятности рассмотрения того или иного издания в качестве актора интеллектуального ландшафта. В данной статье нас будет интересовать первый вопрос.

Во время празднования крупного события ландшафт города заметно преобразуется: территория облагораживается, возводятся памятники, устраиваются культурные вечера и пр. В этом смысле интересно обратиться к тому, как в периодических изданиях передается юбилейный образ города, какую информацию об этом можно уловить на страницах печати. В фокусе нашего внимания — революционный юбилей, который проводился во многих сибирских городах в конце 1925 г., а именно: столетний юбилей восстания декабристов и его отображение в периодической печати.

Как известно, отправленные в ссылку декабристы оказали заметное влияние на культурную среду многих сибирских городов: были составлены подробные описания природы, построены школы, создан поэтический образ Сибири и т. д. Наследие, оставленное политическими ссыльными, прочно закрепилось в памяти местных жителей. Об этом свидетельствует создание мемориальных комплексов,

оформление музейных уголков и выставок. Когда большевистским руководством в 1925 г. было принято решение о праздновании столетия восстания декабристов, жители сибирских городов не остались в стороне. На местах стали создаваться комиссии по подготовке проведения юбилея, собирались сведения, составлялись программы мероприятий. Эти моменты ярко запечатлены на страницах периодической печати [5, с. 39; 6, с. 6].

Чаще всего новости о предстоящем празднике были освещены в газетах «Власть труда» и «Советская Сибирь» (вторая половина 1925 — начало 1926 гг.). О событиях в сибирских городах советских людей также оповещала «Красная газета», выходившая в Ленинграде [7, с. 2]. Нас интересует материал первых двух упоминаемых изданий, поскольку они непосредственно отражают динамику складывавшегося облика городской среды в 1925 г. в революционно-юбилейном контексте. Дополнением к указанным источникам служат статьи из журналов «Наш край» и «Сибирские огни» за 1925 г.

Прежде всего стоит отметить общие черты, характерные для газетных изданий. Во-первых, они выходили ежедневно и давали свежую сводку сообщений о текущих событиях в населенных пунктах региона. Во-вторых, была схожа внутренняя структура: на первых страницах публиковались официальные источники — доклады и речи с заседаний пленумов, съездов РКП(б); затем следовали заметки о событиях за рубежом; некоторые колонки предоставляли информацию о жизни рабочих, хлебозаготовках, планировании; отдельное место занимали вести из губернии и самого города; заканчивались, как обычно, рекламными брошюрами, афишами и объявлениями. В-третьих, газеты выступали официальными «рупорами» установок советской власти. «Советская Сибирь», например, представляла собой крупнейшую типографскую базу и одно из централь-

ных пропагандирующих изданий советского руководства на территории всей Сибири.

Как правило, вся информация о городских праздниках и торжественных мероприятиях размещалась в рубриках «Новости дня», «Вести из губернии» и т. п. Весь комплекс материалов о столетнем юбилее восстания декабристов в периодике представлен различными жанрами: интервью, заметками, статьями. Они различны по содержанию и форме подачи материала, с разных сторон освещают повседневность городской жизни. На страницах газет появляются заметки «К 100-летию декабристов», «К юбилею декабристов», «Столетие восстания декабристов» [8, с. 7; 9, с. 9]. Они раскрывают ход подготовки к празднованию и сами мероприятия, проводимые местными властями и научными корпорациями.

Проектирование городского ландшафта представлено в программных документах, которые были изложены корреспондентами газет. Подробных сведений о планах мероприятий мы вычленили не можем, однако сценарий юбилея очевиден. Организаторами выступали как научные и культурно-просветительские учреждения, так и местная власть. Например, в Томске инициатива проведения юбилея принадлежала краевому музею, в Иркутске — университету и архивбюро [10, с. 5], в Тобольске — обществу изучения края при Музее Тобольского Севера, Агитпропу РКП(б) и Окрпрофсовету [5, с. 39].

Подготовительный этап коммемораций предусматривал следующие процедуры: 1) сбор экспонатов и личных вещей декабристов, архивных материалов для публикации и написания статей; 2) оформление музейных и книжных выставок; 3) проведение этнологических экспедиций с целью фиксации и фотографирования домов, где жили ссыльные декабристы, могил и надмогильных плит, постановка памятников под охрану государства [6, с. 6; 11, с. 55–57].

На основании данных периодической печати сибирский городской ландшафт в условиях юбилейных коммемораций отражается, конечно, достаточно условно, в двух плоскостях: интеллектуальной и культурно-исторической.

Интеллектуальная среда городского пространства представлена деятельностью научных сообществ. Как правило, историки (в первую очередь, краеведы) участвовали в составлении праздничной программы мероприятий, собирали материал и выпускали научные труды. Наибольшую известность получили города Томск и Иркутск как научные центры по изучению движения декабристов. Огромную роль в формировании интеллектуального ландшафта играл университет как производитель научных знаний, коммуникативная площадка для ученых. В газетах размещены новости об археологических и этнологических экспедициях студентов исторического факультета Иркутска, а также о чтении спецкурсов по истории и деятельности декабристов («История тайных обществ в России», «Декабристы в Сибири») [9, с. 9]. Томский университет не уступал место Иркутскому, и здесь, в актовом зале, 27 декабря 1925 г., по данным «Советской Сибири», проходило научное заседание, на котором присутствовали сотрудники различных организаций: преподавательский состав университета, работники местного музея, архивного бюро и библиотеки [12, с. 6].

Периодическая печать отмечает участие Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (ВСОРО) в проведении коммеморативных акций. В конце декабря 1925 г. проводились чтения на исторической секции отделения, на которых были заслушаны доклады о тайных обществах России с демонстрацией диапозитивов [13, с. 10]. В таком же формате проходило собрание географического отдела музея в Семипалатинске [12, с. 6].

Наука и образование придавали городской среде интеллектуальный интерьер. Наряду с этим существенный вклад

в конструирование пространства внесли культурно-досуговые и просветительские учреждения. Музеи, библиотечные выставки, мемориальные комплексы воплощают визуальное воспроизведение истории города и его жителей. Во время коммеморативных акций 1925 г. эти организации создавали возможности для горожан проникнуть в дух эпохи, увидеть наследие, оставшееся от предшественников.

Информация о проводимых мероприятиях в периодике представлена в виде объявлений, афиш и приглашений. В них дается подробное описание предстоявшего события: место, время проведения, программа, иногда — участники.

В декабре 1925 г. музеи открывали жителям богатые коллекции из собранных юбилейной комиссией материалов. Они представляли экспозиции по деятельности декабристов в Сибири. К сожалению, сведений о самих выставках и обо всех экспонатах мы не имеем, однако газетные заметки позволяют представить, как проходило оформление выставок и какие материалы для этого собирались. По данным газеты «Власть труда», в иркутский Музей Революции отправлялись вещи, которые удавалось найти участникам юбилейной комиссии: мебель декабриста Трубецкого, бюст А. З. Муравьева и др. [14, с. 8]. Аналогичные сведения мы имеем и по Томскому краевому музею [6, с. 6].

Наряду с этим особый культурный облик создавали книжные выставки. Так, жители Новониколаевска могли ознакомиться с трудами по восстанию декабристов. С 15 по 28 декабря в Доме работников просвещения и печати была открыта выставка книг по революции 1905–1907 гг. Одна из секций была посвящена подготовке к революционному движению, значительное место в ней занимали и декабристы [15, с. 8].

Культура города представляет не только искусственную среду, созданную человеком, но и совокупность элементов, отражающих «дух» города: нормы и ценности жите-

лей, социальную коммуникацию, менталитет, образ жизни. В этом плане конструктивную роль выполняли просветительские организации: общеобразовательные учреждения, дома культуры, рабочие и народные клубы. Они организовывали вечера памяти, на которых слушались и обсуждались доклады, показывались сценические постановки. Такие просветительские акции проводились, например, в Иркутске. «Власть труда» сообщала, что 20 декабря в нардомах и школах Черембасса представителями общественных организаций были проведены заседания сельсоветов, в конце которых были показаны небольшие театральные постановки о декабристах, а 27 декабря по клубам читались доклады, посвященные столетнему юбилею восстания на Сенатской площади [14, с. 6].

Несмотря на информативность новостных заметок, они представляют лишь фрагменты из жизни сибирских городов; это своего рода хроника событий, что не дает возможность составить целостную картину юбилейных мероприятий. Кроме того, сложно определить участие самих сибиряков в конструировании пространства. Но городские праздники не проходят бесследно, они запечатлеваются в памяти жителей, в том числе и посредством чтения периодики, и более серьезных научных статей, предназначенных для компетентного читателя, и статей научно-популярных, доступных простому обывателю. Исторический юбилей несет в себе отпечаток прошедшей эпохи. Эти отголоски прошлого можно ощутить, обращаясь к журнальным и газетным статьям. Выделяется ряд городов, в которых продолжается увековечение памяти о декабристах: Тобольск, Красноярск (вместе с Туруханском), Иркутск и Чита.

Тобольский исследователь М. Копотилов в своей статье «Тобольский округ и исполняющиеся в текущем году революционные юбилеи» ставит вопрос: «Может ли Тобольский округ принять участие в этом деле [подготовка к юбилею

восстания декабристов]?» Утвердительно отвечая на него, он подробно описывает всю коммеморативную работу Тобольского музея: сбор и публикация архивного материала, оформление в музее «уголка Декабристов», создание мемориальных памятников [11, с. 57–59]. Данный журнал позволяет охарактеризовать деятельность местных жителей (в первую очередь, краеведов) в организации культурных мероприятий, в формировании «революционного» облика Тобольска.

Подобные сюжеты на примере других городов раскрываются в «Сибирских огнях». К примеру, статьи историка В. А. Смирнова посвящены деятельности декабристов в Красноярске и Туруханске, среди которой: обучение детей, выдача средств на постройку архитектурных сооружений, хозяйственное освоение региона и пр. [16, с. 149–162; 17, с. 102–121]. Автор в своем повествовании описывает представления, сложившиеся о Красноярске и Туруханске к 1925 г., а также сохранившиеся в памяти горожан образы декабристов, нашедшие отражение в городском пространстве (мемориальные таблички, дома, в которых жили декабристы и пр.). Рассуждая о жизни ссыльных в Сибири, В. А. Смирнов указывает на различные историографические традиции, противопоставляя общегосударственную «революционную и негативную» и краевую «ссылную и благоприятную» [16, с. 150]. Это еще раз подчеркивает сибирскую специфику изучения проблемы.

Особого внимания заслуживает статья А. Косованова, посвященная исторической памяти о декабристах в песнях и легендах жителей сибирских окраин [17, с. 122–126]. На примере Минусинского уезда автору удается зафиксировать различные версии следов, оставшихся в памяти жителей о декабристах.

Подобные размышления встречаются в декабрьских номерах газет за 1925 г., например, в статье Б. Кубалова

«Декабристы в Иркутске» [13, с. 4], В. А. Смирнова «Декабристы в Красноярске» [10, с. 5] и других заметках корреспондентов редакции. В данном случае мы сталкиваемся с субъективными рассуждениями и оценками. Мы не будем поднимать вопрос о достоверности изложенных сведений, поскольку нас интересует не конкретно-историческое событие, а его отображение в городском пространстве. Декабристы, по данным периодики, изображаются как «печальники народные», «проводники культуры» в Сибири; сама же Сибирь рисуется как «страна пыток и мучений» [10, с. 5; 13, с. 4].

Для статей и рецензий характерны аналитические рассуждения, осмысление поставленной проблемы. В них не обнаруживается точных фактических данных о самом юбилее, формах и практиках празднования его в сибирских городах. Тем не менее они освещают иную плоскость городской жизни: историческую память жителей о событии и его действующих лицах, оставивших след в культурном ландшафте пространства. Сама периодика выступает в качестве «создателя» облика сибирского города как места ссылки и каторжников, а также как культурного центра, поскольку декабристы внесли существенный вклад в благоустройство городской среды.

В газетах мы находим не только документальные письменные данные. В одном из декабрьских номеров «Советской Сибири» встречаются различные иллюстрации, в том числе и на фоне сибирских просторов, например, картина местного художника Муравова «Декабристы в Чите на каторжных работах» [13, с. 3]. Окрестности города изображены в виде острога с высокими заборами, на заднем плане виднеются поля и лес. Кроме того, читатель увидит на картине различные сценки рабочей жизни декабристов: рытье канавы, посадка семян и пр. Таким образом, газета способна не только «говорить» о жизни города, но и «показывать» его.

Рассматриваемый источник представляет собой обширный комплекс различных материалов, который раскрывает коммеморативную праздничную атмосферу сибирских городов. Однако какие цели преследовали издатели, публикуя данный материал, и какое место эти заметки занимают на страницах газет? Имела ли место установка партийного руководства? Столетие декабристов в 1925 г. совпало с другим крупным событием — 20-летием начала пролетарской революции 1905–1907 гг. В связи с этим очень часто оба события освещались в одних и тех же номерах. Эти сведения должны были придавать революционный дух, чтить память о завоеваниях рабочего класса, начиная с имперского периода. Конечно, декабристы представлены «борцами за правое дело», но в местной печати складывается совершенно иная картина: сведения создают образ культурных героев и просветителей, которые внесли особый вклад в городскую среду. Отсюда и символическое представление о Сибири как месте ссыльных декабристов, центре «каторжной» культуры. В то же самое время города выступают как локальные очаги памяти о «ссыльных просветителях». Представления о декабристах и Сибири самими горожанами, а также визуальное воспроизведение исторической эпохи местными краеведческими организациями формируют культурно-исторический ландшафт городского пространства.

Периодическая печать позволяет смоделировать географическую сетку сибирских городов с различными формами праздничной культуры и сценариями юбилея, масштабами коммеморативной деятельности. Крупнейшими центрами были Томск и Иркутск, где в организации коммеморативных акций принимали участие как научные, так и культурно-просветительские организации (музеи, народные дома, клубы). Для Семипалатинска и Читы характерно проведение научных собраний, выпуск юбилейных краеведческих изданий. Красноярск с Туруханском, Новониколаевск и То-

больск не проводили таких масштабных торжественных мероприятий, как их соседи, однако смогли сохранить память о ссыльных «героях — проводниках культуры». На основании изложенных данных можно сделать следующее методологическое допущение. Мы имеем дело с интеллектуальным конструктом — «сибирский город в условиях юбилейных коммемораций» — презентационным образом города, сконструированным образом «другой эпохи», следы которой сохранились как в самом пространстве, так и в сведениях исторических источников — «текстов» прошлого [18, с. 193]. Причем город рассматривается в нескольких плоскостях: интеллектуальном, выраженном в деятельности научных корпораций, проведении конференций и выпуске трудов; культурно-историческом, отраженном в исторической памяти о декабристах и коммеморативных акциях просветительских учреждений.

К вышесказанному стоит также добавить, что периодическая печать формирует облик городов как мест памяти о декабристах. Причем само понятие «место памяти» воспринимается двояко. Это не только материальные остатки прошлого, наблюдаемые в выставках, музеях, мемориальных досках (С. Е. Эрлих обозначает их как иерархию «символов»-памятников [19, с. 562]), призванных напомнить о декабристах. Сюда же мы относим и само городское пространство, где продолжают говорить и вспоминать о декабристах. Поэтому сибирский город представляет собой территорию памяти об исторических личностях.

Таким образом, периодическая печать является уникальной информационной базой о жизни городов во время юбилейных коммемораций в городской среде. Опираясь на этот источниковый комплекс, историк может реконструировать сценарии и акции, проводившиеся в городе, представить динамику складывавшегося интеллектуального и мемориального ландшафта, деятельность различных институтов

по преобразованию городской среды, отношение горожан к празднику (правда, последнее отражено в деятельности активного меньшинства), а также определить значимость того или иного события в жизни города. Эти данные дают возможность сконструировать облик сибирского города в ракурсе праздника. Проанализированные нами материалы газет и журналов придают пространству «ссылный» и «каторжный» акценты, что заметно отличается от революционного штампа партийного руководства. Периодическая печать может не только отображать историческую память жителей сибирских городов о событии, но и быть ее хранительницей. В то же время нельзя сбрасывать со счетов ограниченность данного источника и не в последнюю очередь в связи со складывающейся системой цензурирования.

Список литературы

1. *Гончаров Ю. М.* Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: учеб. пособие. — Барнаул: АЗБУКА, 2012. — 214 с.
2. *Митрофанов А. Г.* Повседневная жизнь провинциального города в XIX веке: пореформенный период. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 511 с.
3. *Алисов Д. А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.): монография. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. — 337 с.
4. *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 448 с.
5. Наш край. — 1925. — № 6 (10).
6. Советская Сибирь. — 1925. — 14 июля.
7. Красная газета. — 1925. — 20 нояб.
8. Власть труда. — 1925. — 23 сент.

9. Советская Сибирь. — 1925. — 12 нояб.
10. Советская Сибирь. — 1925. — 25 дек.
11. *Коптилов М.* Тобольский округ и исполняющиеся в текущем году революционные юбилеи // Наш край. — 1925. — № 1 (5). — С. 55–60.
12. Советская Сибирь. 1926. — 3 янв.
13. Власть труда. — 1925. — 25 дек.
14. Власть труда. — 1925. — 3 дек.
15. Советская Сибирь. — 1925. — 12 дек.
16. Сибирские огни. — 1925. — № 3.
17. Сибирские огни. — 1925. — № 6.
18. *Рыженко В. Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. — 340 с.
19. *Эрлих С. Е.* Dekabristy.ru. История в киберпространстве: памятные места и места памяти // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы / отв. ред. О. И. Киянская. — М.: РГГУ, 2008. — С. 550–619.

ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Абдрахманова К. К.

*Республика Казахстан, Караганда,
университет имени академика Е. А. Букетова*

Аннотация. За последние два десятилетия история повседневности, в том числе и советской городской повседневности, стала одним из перспективных направлений в современной казахстанской исторической науке. Большой научный интерес вызывают проблемы достоверности, репрезентативности и доступности источников. В данной статье автор выделил группы источников, которые позволяют объективно охарактеризовать повседневную жизнь городов Центрального Казахстана в послевоенное время. Автор приходит к выводу, что изучение истории в аспекте повседневности требует от исследователя пересмотра методов и методик работы с источниками, а также переосмысления ряда утвердившихся стереотипов.

Ключевые слова: история повседневности; Центральный Казахстан; исторические источники; документы; архивы.

В последние годы отчетливо обозначился повышенный интерес казахстанских исследователей к проблемам социальной истории, истории повседневности, истории частной жизни. Предметом исследования стали не экономические, политические процессы, а прежде всего проблемы повседневного бытия простых людей. Многоаспектность темы существенно раздвигает источниковую базу исследования.

Источниковую базу при изучении истории городской повседневности Центрального Казахстана составили документы, представленные в казахстанских и российских архивах: Центральном государственном архиве Республики Казахстан (далее — ЦГА РК), Государственном архиве Карагандинской области (далее — ГАКО), Темиртауском государственном архиве (ТГА), Государственном архиве Каркаралинского района (далее — ГАКР), Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (далее — РГАСПИ).

В целом было выделено 5 групп источников: 1. делопроизводственные документы; 2. статистические материалы; 3. периодическая печать; 4. источники личного происхождения; 5. фотодокументы.

Основную часть документационной базы исследования составляют делопроизводственные документы партийных, государственных, хозяйственных учреждений. Как наиболее информативная для нас категория источников она полно и адекватно отражает действительное положение городского населения и политику властей. Большинство из привлекаемых архивных материалов нами вводится в научный оборот впервые.

По одной из предложенных российскими источниковедами классификации [1, с. 115–117] их можно подразделить на: 1) распорядительную документацию (решения, приказы, инструкции, указания, распоряжения и т. д.); 2) протокольную документацию (протоколы собраний, съездов, конференций и т. д.); 3) текущую документацию местных учреждений; 4) информационную документацию (сводки, справки, акты, сообщения, докладные записки и т. д.); 5) отчетные материалы (отчеты, доклады, конъюнктурные обзоры).

Распорядительная документация представлена в работе следующими документами. Во-первых, решениями област-

ного, городского исполнительного комитета по вопросам развития учреждений здравоохранения, торговли, общественного питания, местной промышленности, коммунального хозяйства, бытового обслуживания, культурно-просветительских учреждений, киносети (ГАКО. Ф. 18. Оп. 1; ГАКР. Ф. 68. Оп. 1).

Во-вторых, приказами, инструкциями, указаниями ЦСУ СССР, ЦСУ Казахской ССР по составлению, разработке и обследованию месячных, квартальных и единовременных отчетов бюджета рабочих и служащих (ГАКО. Ф. 596. Оп. 7); Министерства здравоохранения СССР по лечебно-профилактической помощи населению Карагандинской области, по вопросам работы медицинских учреждений области (ГАКО. Ф. 30. Оп. 2); Карагандинского облздравотдела (ГАКО. Ф. 664. Оп. 1); Министерства коммунального хозяйства Казахской ССР по вопросам благоустройства городов, развития трамвайного, банно-прачечного хозяйства, по озеленению улиц городов (ГАКО. Ф. 636. Оп. 1; ГАКР. Ф. 67. Оп. 1); Министерства местной промышленности Казахской ССР, постановлениями Совета Министров Казахской ССР об улучшении обслуживания населения и обеспечения товарами широкого потребления, приказами областного отдела местной и топливной промышленности (ГАКО. Ф. 203. Оп. 1); Министерства торговли и пищевой промышленности СССР, Казахской ССР, Таджикской ССР, приказами областных отделов торговли (ГАКО. Ф. 555. Оп. 1); директивными указаниями, инструктивными письмами Советов по делам религиозных культов и Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Карагандинской области (ГАКО. Ф. 1364. Оп. 1а).

Особую группу в составе протокольной документации образуют протоколы заседаний исполнительного комитета Карагандинской области (ГАКО. Ф. 18. Оп. 1), протоколы совещаний медицинского совета, санитарно-эпидемиоло-

гического совета (ГАКО. Ф. 30. Оп. 2), протоколы городских лечебных конференций (ГАКО. Ф. 664. Оп. 1) и т. д.

Документация третьей группы представлена в работе перепиской Карагандинского областного совета народных депутатов с Советом Министров Казахской ССР о развитии и благоустройстве городов Центрального Казахстана (ГАКО. Ф. 18. Оп. 1); перепиской горздравотдела с Министерством здравоохранения Казахской ССР (ГАКО. Ф. 30. Оп. 2); перепиской управления торговли исполкома Карагандинской области, совета депутатов трудящихся с Министерством торговли Казахской ССР (ГАКО. Ф. 555. Оп. 1); перепиской Уполномоченного Советов по делам религиозных культов и Русской православной церкви с горрайисполкомом, учреждениями, организациями по деятельности церквей, мечетей (ГАКО. Ф. 1364. Оп. 1а) и т. д.

Информационная документация представлена в работе сообщениями, справками, сводками, докладными записками, поступавшими в организационно-инструкторский отдел ЦК КП(б)К (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88), а также аналогичным перечнем документов местных органов исполнительной власти, отделов коммунального хозяйства, управления местной промышленности, треста столовых и ресторанов, торговли, здравоохранения, плановой комиссии исполкома Карагандинского областного совета, Уполномоченного по делам религиозных культов по Карагандинской области (ГАКО. Ф. 18, Ф. 636, Ф. 203, Ф. 613, Ф. 555, Ф. 664, Ф. 30, Ф. 691, Ф. 1364).

Большой интерес представляют отчетные материалы, включающие в себя полугодовые и годовые отчеты, конъюнктурные обзоры, доклады, из которых можно выявить следующую информацию:

— по отчетам и конъюнктурным обзорам отдела здравоохранения можно проследить уровень развития системы больничных учреждений, соответствие количества

- медицинских кадров, качество оказываемых населению медицинских услуг, а также основные виды заболеваний и меры по их ликвидации. Особый интерес вызывают материалы, касающиеся охраны материнства и детства (уровень детской заболеваемости, причины высокой смертности, развитие детских лечебных учреждений и т. д.) (ЦГА РК. Ф. 1473, Оп. 4; ГАКО. Ф. 30. Оп. 2; Ф. 664. Оп. 1);
- отчетные материалы государственной санитарной инспекции характеризуют санитарно-гигиенические условия проживания городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период. В конъюнктурных обзорах особый акцент уделяется жилищно-коммунальной, пищевой санитарии (ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1);
 - отчетные документы коммунального хозяйства показывают уровень развития банно-прачечного хозяйства, парикмахерских, степень благоустроенности городов (озеленение, трамвайное хозяйство, строительство дорог и т. д.) (ГАКО. Ф. 636. Оп. 1; ГАКР Ф. 67. Оп. 1);
 - отчеты и конъюнктурные обзоры местной промышленности (ГАКО. Ф. 203. Оп. 1), а также плановой комиссии исполкома (ГАКО. Ф. 691. Оп. 1) характеризуют большой спрос на товары широкого потребления необходимого в быту среди городского населения;
 - материалы ГАКО (Ф. 634, Ф. 691) позволяют увидеть уровень развития жилищного строительства, условия жилищного проживания городского населения;
 - сведения из ГАКО (Ф. 613, Ф. 555) характеризуют уровень развития торговых сетей и общественного питания, качество обслуживания, дефицитные продовольственные товары;
 - отчетная документация из ГАКО (Ф. 469, Ф. 925, Ф. 1269) демонстрирует уровень развития среднего образования, культурно-просветительских учреждений на террито-

- рии области (библиотеки, кружки, клубы, театры, кино и прочее);
- информационные отчеты ГАКО (Ф. 1364) свидетельствуют о существовании различных религиозных объединений, общин на территории Карагандинской области в условиях жесткого идеологического запрета. Приводятся данные о количестве зарегистрированных мечетей, церквей, молитвенных домов, общин; численности верующих; соблюдении религиозных праздников и обрядов.
- Также следует отметить, что отдельные делопроизводственные документы, используемые в работе, были взяты из документальных сборников. В сборнике «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.)» представлен широкий комплекс опубликованных делопроизводственных документов партийно-государственного управления страной [2, с. 350–362, 505–511, 549–561]. Ценные сведения по истории г. Балхаша содержатся в двухтомном сборнике документов и материалов «Медный гигант на Балхаше» [3–4]. Материалы, которые включены в сборники «Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 гг.» и «Советская жизнь 1945–1953 гг.», содержат сведения, характеризующие продовольственные, жилищные, бюджетные проблемы городского населения Центрального Казахстана [5–6]. Сборник документов «Спецпереселенцы в Карагандинской области» представляет архивные материалы о правовом и социально-экономическом положении депортированных народов в Центральном Казахстане. Авторы характеризуют картину переселения, ее масштабы, те чрезвычайные меры, которые проводились советскими органами при переселении [7].

Полезным для нас является сборник «Хроника культурной жизни Карагандинской области», посвященный культурному развитию региона за 1936–2006 гг. [8]. На основе этих материалов можно отследить летопись основных

и значимых культурных событий, которые имели место в истории региона.

Такая классификация делопроизводственной документации до некоторой степени условна, так как границы отдельных групп документов на деле очень размыты. В процессе обработки информации документы одной группы могли полностью или частично преобразоваться в документы другой.

Вторая группа источников включает в себя статистические материалы по текущему учету численности городского населения, переписи жилищного фонда, по семейным бюджетам рабочих угольной промышленности и т. д. При комплексном исследовании демографической ситуации городского населения Центрального Казахстана мы столкнулись с трудностями, связанными с отсутствием статистических сведений, так как с 1939 по 1959 гг. перепись населения в СССР не осуществлялась. Однако в ГАКО нами были обнаружены ежемесячные сведения о передвижении населения, зарегистрированных в городских и прочих паспортизированных пунктах за 1945–1953 гг. [9]. Из фондов ЦГА РК были извлечены ежегодные сведения по ориентировочному расчету численности населения городов с учетом миграционного движения и итогового расчета по естественному приросту [10].

Ценными материалами являются месячные, полугодовые и годовые бюджеты рабочих, служащих и инженерно-технических работников угольной промышленности. Следует отметить, что расчет семейного бюджета рабочих других отраслей промышленности, а также сфер образования, здравоохранения, науки и т. д. сотрудники Центрального статистического управления стали осуществлять только с середины 1950-х гг. До этого сбор сведений по бюджетам был выборочный и касался в основном только наиболее высокооплачиваемых категорий. Для

выявления общей структуры потребления, расходных и приходных статей семейного бюджета рабочих угольной промышленности нами были использованы материалы государственного архива Карагандинской области из фонда 596 (Оп. 7).

При изучении жилищных условий городского населения были использованы статистические материалы, касающиеся переписи городского жилищного фонда, статистические отчеты о наличии городского обобществленного жилищного фонда (Ф. 596. Оп. 1/6).

Особый интерес представляют, на наш взгляд, статистические сборники народного хозяйства Казахстана, изданные в 1950–1960-х гг. [11–12]. Однако сведения данных сборников имели частые расхождения с данными ЦСУ. Особенно, это четко прослеживается в материалах, касающихся численности и состава городского населения. К примеру, в официальной статистике учет велся исключительно гражданского населения, тогда как сведения по таким категориям, как спецпереселенцы, заключенные, военнопленные, в силу засекреченности просто не вошли в общую статистику. Кроме того, в этих сборниках отсутствуют материалы по общей численности рабочих и служащих в различных сферах народного хозяйства, по уровню заработной платы, структуре потребления и т. д. Таким образом, в опубликованных в советское время ежегодниках статистические данные подвергались серьезной корректировке, не давали необходимой достоверной и полной картины по проблемам повседневности, поэтому требуемую цифровую информацию приходилось извлекать из текстовых материалов областных и центральных архивов, подвергать сверке, систематизации и анализу.

Сведения по административно-территориальному делению Центрального Казахстана были взяты из справочных материалов [13–16].

Важным источником по изучению городской повседневности являются материалы центральной и местной периодической прессы. В процессе работы мы обращались к таким газетам, как «Правда», «Известия», «Советтік Қарағанды», «Социалистік Қазақстан», «Балхашский рабочий», «Темиртауский рабочий», «Социалистическая Караганда». Из материалов периодической печати можно выявить наиболее актуальные для того периода проблемы городской повседневности. Однако следует иметь в виду факт, что периодика являлась мощным идеологическим рычагом государства и партии, в результате повседневная жизнь часто приукрашивалась.

Среди традиционных письменных источников выделяют, прежде всего, источники личного происхождения, которые представлены воспоминаниями городских жителей. Документы личного происхождения помогают понять настроения в обществе в переломную эпоху и оценить характер социально-экономических изменений через восприятие простых людей. В ходе сбора информации нами было проведено интервьюирование более трех десятков старожилов: А. Е. Якушевой, Р. Т. Капановой, М. Р. Иманкулова, А. Ф. Самохиной и др. Были использованы воспоминания жителей городов региона, взятые из архивных фондов ГАКО и архива Темиртау. В целом, воспоминания людей позволили иллюстрировать проблемы, с которыми они сталкивались в послевоенные годы.

Еще одну группу источников составляют фотоматериалы из семейных альбомов, из фондов местных краеведческих музеев (Карагандинский областной историко-краеведческий музей, Каркаралинский районный историко-краеведческий музей). Данный вид источника дает нам представление о внешнем облике советского человека в послевоенные годы (одежда, прическа). Кроме того, фотодокументы отражают повседневную жизнь

горожан: например, подписка на государственный заем, ларек для инженерно-технических работников, школьные фотографии, праздничные демонстрации, время досуга и т. д. Отдельные фотографии характеризуют городское пространство, в частности, это жилые и культурно-бытовые здания.

В ЦГА РК были изучены документы фондов Министерства торговли КазССР (№ 1611), Министерства здравоохранения КазССР (№ 1473). Наиболее важные сведения о численности городского населения Центрального Казахстана были взяты из ранее засекреченного фонда Центрального статистического управления (№ 698. Оп. 14).

В ГАКО основной массив документов охватил следующие фонды: Карагандинского областного совета народных депутатов и его исполнительного комитета (№ 18); отдела здравоохранения исполнительного комитета Карагандинского городского совета народных депутатов (№ 30); управления местной промышленности Карагандинской области (№ 203); отдела торговли исполнительного комитета Карагандинского городского совета (№ 346); управления торговли исполнительного комитета Карагандинского совета (№ 555); статистического управления Карагандинской области (№ 596); отдела коммунального хозяйства Карагандинской области (№ 636); Уполномоченного Советов по делам религиозных культов, Русской православной церкви и религий при Совете Министров СССР по Карагандинской области (№ 1364) и т. д. Документы из ГАКО являются наиболее информативными, так как содержат сведения, характеризующие комплекс повседневных проблем городского населения изучаемого региона.

Из архивных материалов ГАКР были использованы следующие фонды: конторы коммунальных предприятий города Каркаралинска (№ 67); исполкома Каркаралинского городского совета депутатов трудящихся (№ 68). Из фон-

дов ТГА были взяты материалы — воспоминания старожилов города (№ 73).

Из российских архивов в данном исследовании использованы документы ГАРФ из фонда Главной государственной санитарной инспекции при Министерстве здравоохранения СССР (Р-9226), а также материалы РГАСПИ из фонда Центрального Комитета КПСС (№ 17).

Таким образом, в исследовании задействован комплекс источников, который позволяет изучать историю городской повседневности Центрального Казахстана в послевоенные годы. К сожалению, следует отметить проблему, с которой до сих пор сталкиваются ученые в ходе научного поиска. Это недоступность и засекреченность архивных документов и материалов, где отражаются проблемные моменты истории советского периода. Следует отметить также, что современным исследователям необходимо отойти от предыдущих стереотипов, использовать новые методы микроистории и истории повседневности. Необходимо уделить должное внимание таким видам источников, как материалы интервью, воспоминания, фотоматериалы.

Список литературы

1. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под общ. ред. А. К. Соколова. — М., 2004. — 582 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет. — М.: Изд-во политической литературы, 1968. — Т. 3. (1941–1952). — 751 с.
3. Медный гигант на Балхаше: сборник документов: в 2-х т. / под. ред. С. Б. Бейсенбаева. — Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1977. — Т. 1. (1929–1952). — 368 с.
4. Медный гигант на Балхаше: сборник документов: в 2-х т. / под. ред. С. Б. Бейсенбаева. — Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1981. — Т. 2. (1952–1976). — 318 с.
5. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А. Я. Лившин, И. В. Орлов. — М.: РОССПЭН, 2003. — 472 с.
6. Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева и др. — М.: РОССПЭН, 2003. — 720 с.
7. Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов / сост. Р. М. Жумашев, Л. В. Михеева; под ред. Е. К. Кубеева. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. — 325 с.
8. Жумашев Р. М., Михеева Л. В., Сактаганова З. Г., Самохин А. Ю., Ускембаев К. С. Хроника культурной жизни Карагандинской области 1936–2006 гг. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. — 320 с.
9. ГАКО. Ф. 596. Оп. 1/10.
10. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14.
11. Народное хозяйство КазССР. Статистический сборник. — Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. — 381 с.
12. Народное хозяйство Карагандинской области. Статистический сборник. — Караганда, 1967. — 120 с.
13. Административно-территориальное деление на 1 января 1945 г. Информационно-статистический отдел Президиума Верховного Совета Казахской ССР. — Алма-Ата: Изд-во КазОГИЗ, 1946. — 99 с.
14. СССР. Административно-территориальное деление Союзных республик. — М.: Изд-во Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1949. — 484 с.
15. СССР. Административно-территориальное деление Союзных республик. — М., 1954. — 488 с.
16. Караганда. Справочник по истории административно-территориального устройства Карагандинской области (29.06.1936 г. — 01.01.2006 г.) / отв. ред. У. А. Амантаев; Отдел архивов и документации Карагандинской области. — Караганда, 2006. — 170 с.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА: ТРАНСФОРМАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

УДК 94(571.53)(-21)(091)

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА КИРЕНСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Оглезнева Г. В.

Иркутск, государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования культурного ландшафта уездного города Киренска, обусловленные природными, демографическими, экономическими и социокультурными факторами.

Ключевые слова: культурный ландшафт города; уездный город Киренск; вторая половина XIX — начало XX вв.

Киренск занимает особое место среди уездных городов Сибири благодаря своему островному положению, удаленности от магистральных путей сообщения и переселенческих потоков. Это позволяет рассмотреть процесс формирования его культурного ландшафта как сочетание общих черт, присущих другим малым городам, и особенностей, связанных с географическим положением, экономическими и социокультурными характеристиками.

Методологической основой исследования являются теоретические подходы к изучению культурного ландшафта

малых городов Д. А. Алисова и отдельные положения концепции В. Л. Каганского [1; 2].

Киренск, расположенный в устье р. Киренги при ее впадении в р. Лену, стал городом в 1775 г. и оставался центром округа/езда/района на протяжении всей своей истории. При этом численность его населения всегда была незначительна — в 1873 г. в нем было 823 жителя обоого пола [3, с. 149]. К концу XIX в. численность населения города выросла почти в 2,5 раза и составляла 2280 человек [4, с. 3].

Город был небольшим и по размерам. Судя по однодневной переписи 1874 г., в нем было 2 каменных и 2 деревянных церкви и 1 часовня, 1 каменный и 249 деревянных жилых домов, 8 торговых лавок, 2 ренсковых погреба и 19 питейных домов. Нежилых строений было 154, в том числе 5 оптовых винных складов [5, с. 4]. Все эти строения располагались на улицах Большая, Логовая, Верхнеподгородняя и Нижняя набережная, а также в нескольких переулках. Отдельно находились Киренская казачья станица, Балахня и «Мыс». К 1905 г. Киренск немного вырос — прибавилось 3 каменных и 17 деревянных общественных и казенных зданий, в том числе казармы, где были расквартированы нижние чины местной воинской команды. Частных домов было 318, в том числе 2 каменных. Среди нежилых зданий значилось уже 9 каменных [6, л. 4]. Значительные коррективы в расположение домов и даже улиц вносили периодические наводнения из-за разлива Лены и Киренги.

Главной причиной медленного развития города можно считать географическое положение, которое обусловило высокую зависимость процесса формирования культурного ландшафта от природной основы. Размещение населения в основном на острове ограничивало его хозяйственные возможности. Киренск можно назвать, по определению В.Л. Каганского, «территорией без значимых ресурсов» [2, с. 32].

Хлебопашеством в 1861 г. в городе занимались 11 горожан. В 1905 г. 5 домохозяев из мещан засевали в общей сложности 25 десятин, а пахотные земли, принадлежащие городу, — 63 1/8 десятины — сдавались с торгов в аренду крестьянам соседних деревень [7, л. 8]. Вблизи города было мало покосов, а городские сенокосные угодья сдавались в оброк горожанам. Так что Киренск, в отличие от многих малых городов Сибири, не был аграрным городом и его культурный ландшафт не определялся «большой значимостью сельскохозяйственной деятельности человека как в самом городе, так и в ближайшей округе» [1, с. 10]. Конечно, это не исключало огородничества, которым занимались не только для себя, но и на продажу в Бодайбо и Якутск. Это позволяет говорить о том, что он менее был вписан в окружающую природную среду, проявлял меньше заботы о ландшафте, меньше способствовал его преобразованию и освоению. Даже охотой местные жители почти не занимались — зверя вблизи не было.

Главным природным ресурсом жителей Киренска была р. Лена. Однако и здесь мы видим парадокс: рыболовство также было малоразвито, и в отчетах его масштабы оцениваются как «ничтожные». В качестве примера указывается общий улов за 1861 г. — 290 пудов рыбы, в основном ельцы и налимы [8, л. 128]. Однако ежегодно, в конце мая — начале июня действовала «плавающая ярмарка», приходили паузки с хлебом и другими необходимыми товарами. Велась в основном оптовая торговля, что способствовало развитию такого элемента культурного ландшафта, как торговые лавки. Удивляет их количество — в 1869 г. их было 30, в том числе 12 общественных и 18 частных [9, с. 346]. Объясняется это тем, что киренские купцы вели в основном внегородскую торговлю, поставляя на прииски Витимской и Олекминской системы сено, овощи, картофель. Вероятно, и значительная роль виноторговли определялась ролью

Киренска как транзитного пункта, поскольку невозможно представить, что 3 оптовых склада, 2 ренсковых погреба, 2 трактира и 42 питейных дома обслуживали население самого города [9, с. 346]. Торговая сеть в Киренске развивалась скорее качественно, чем количественно: в 1900 г. было 6 магазинов, 15 мелочных лавок, 3 винных склада, 6 ренсковых погребов, 9 питейных заведений [10, с. 65]. Таким образом, относительная близость к золотым приискам также влияла на развитие культурного ландшафта.

Значение Лены как транспортной артерии было важно всегда, поскольку она связывала Киренск с другими приленскими территориями (даже «плавающая ярмарка» в городе обычно открывалась после Качугской ярмарки), а также делала город транзитным пунктом. Однако после появления на реке пароходов Киренск становится также центром отстоя и ремонта судов на Лене. Удобное место в устье р. Телячихи в 1890 г. было арендовано крупнейшим ленским пароходоладельцем Н. Е. Готовым, и в Киренске появились затон и механические мастерские. В 1911 г. на арендованном участке было 5 деревянных домов, в которых размещались кузница, паровой молот, вагранка, лесопилка, механическая мастерская. После завершения навигации в затоне отставались суда, производился ремонт, что давало работу нескольким десяткам жителей Киренска. Было еще 2 затона — пароходства А. И. Громовой и пароходства А. М. Кушнарева. Таким образом, природная основа — река — стала компонентом культурного ландшафта.

Река Лена рассматривалась жителями Киренска как ресурс и в пределах города. В связи с этим можно говорить о конфликте природных и культурных компонентов ландшафта. Санитарное состояние Киренска, как и многих других городов второй половины XIX — начала XX вв., оставляло желать лучшего, и река не исправляла ситуацию, а ухудшала ее. Судя по отчетам врачебной управы Иркут-

ской губернии, нечистоты жители города сваливали на берег Лены, чтобы весенняя вода унесла их. В результате дно заиливалось там, где жители брали воду для питья, и этим обуславливались «заболевания желудочно-кишечного тракта, имеющие как бы эпидемический характер» [11, л. 116]. Вообще отношение к окружающей среде свидетельствует об отсутствии заботы как об окружающем, так и городском ландшафте. В конце XIX в. улицы Киренска не имели мостовых, строительный мусор оставался на них до тех пор, пока не сгнивал, помойных ям было не более пяти, отбросы и даже помои в бочках в лучшем случае вывозились за город или сваливались «как попало» [12, л. 11]. В этом смысле жители Киренска мало чем отличались от обитателей других малых городов и селений. Природные ресурсы они считали неисчерпаемыми, а от культурного ландшафта не ожидали ни упорядоченности, ни эстетической привлекательности.

Антисанитарное состояние города актуализировало проблему организации здравоохранения в Киренске. Занималось этим как государство, так и немногочисленные благотворители. Была построена гражданская больница на 30 коек, при ней — аптека. В феврале 1895 г. больница сгорела, и через несколько лет было построено два помещения: одно на тюремном дворе — для арестантов, и другое — для граждан. На средства купца Акулова был открыт родильный приют. К числу общественных зданий, способствовавших поддержанию здоровья жителей, можно отнести и общественную баню.

При этом Киренск обладал значимыми историко-культурными компонентами ландшафта. Он единственный среди уездных городов Иркутской губернии имел важный религиозный центр — Троицкий мужской второклассный монастырь, основанный в 1663 г. Во второй половине XIX в. в нем был 1 каменный храм, 1 деревянный и трехэтажная

каменная колокольня. Периодически он страдал от пожаров. В 1863 г. сгорела деревянная церковь во имя Алексея Человека Божия, построенная в 1832 г., под которой, по преданию, был погребен Гермоген — основатель монастыря. Новая церковь была освящена в 1869 г., а в 1881 г. вновь сгорела и была отстроена на средства крестьянина села Банщикова Василия Никифоровича Дмитриева [13, л. 14]. Монастырь в указанный период играл не очень заметную роль в духовной жизни прихожан: братии было мало, настоятели часто менялись, при монастыре не было ни школы, ни больницы, ни богадельни, ни приюта. Монастырская библиотека предназначалась только для духовенства. Особенно чтимыми были только две заупокойные службы по первостроителю Гермогену: 10 декабря — в день его тезоименинства и 19 декабря — в день его смерти. В отчетах о состоянии епархии на протяжении длительного времени отмечалось, что монастырь мог бы иметь благотворное влияние на окрестных жителей, т. к. «многими благоговейно чтится память почивающего в нем основателя его преподобного Гермогена, но недостаток братии за отдаленностью его из Иркутска и нужда терпеть слабых людей для поддержания богослужения много ослабляет это влияние» [14, л. 7].

Иначе выглядит в это время другой элемент историко-культурного ландшафта — Спасский собор, построенный в 1805 г. Он был каменным, трехпрестольным, с достаточным причетом. При соборе имелась библиотека, при которой в начале 1890-х гг. был открыт книжный склад для продажи Священного писания и духовно-нравственных изданий для народа. Благодаря протоиерею Константину Гавриловичу Кокоулину при соборе было основано попечительство, на собранные средства содержали богадельню, помогали вдовам, хоронили нищих, приобретали церковное имущество.

Таким образом, имеющиеся культовые сооружения полностью удовлетворяли религиозные потребности горожан, и новых храмов не требовалось. Лишь необходимость восстанавливать церкви после пожаров влияли на архитектурный облик Киренска. Те же тенденции были характерны и для других уездных городов Иркутской губернии, где также не отмечалось большого прироста храмов. В начале XX в. в Верхотенске каменный Воскресенский собор заменил деревянные церкви, которые остались частью архитектурного пространства города, но уже не использовались для богослужений; в Балаганске появилась только домовая церковь при тюремном замке; в Нижнеудинске к трехпрестольному Вознесенскому собору и каменной Воскресенской церкви прибавилась деревянная Никольская церковь при железнодорожной станции.

Формирование культурного ландшафта Киренска можно рассматривать и через распространение новых форм культуры, посредством перемещения новационной культуры из центра на периферию. Прежде всего, речь идет об образовательных учреждениях, сеть которых во второй половине XIX — начале XX вв. продолжала расширяться. Продолжали действовать мужское уездное и приходское училище, в 1873 г. к ним добавилось женское училище, через год преобразованное в прогимназию. До 1884 г. все учебные заведения находились в одном здании, что свидетельствует о незначительном влиянии этого элемента культурного ландшафта на архитектурный облик города. Но в 1885 г. было построено новое здание для прогимназии, а в 1890 г. — для уездного и приходского училищ. Дальнейшие преобразования касались повышения статуса учебных заведений: уездное училище было последовательно преобразовано в трехклассное (1899 г.), четырехклассное (1909 г.) и высшее начальное (1915 г.); женская прогимназия в 1914 г. стала гимназией. Сохранились приходские училища для мальчи-

ков и девочек. В конце XIX в. была открыта второклассная церковно-приходская школа, при ней — образцовая одноклассная и воскресная школа для взрослых. По сравнению с другими уездными городами, Киренск был обеспечен учебными заведениями лучше, чем Балаганск и Верхотенск, но хуже, чем Нижнеудинск, что вполне соответствует социально-экономическому развитию этих городов. Обращает на себя внимание и достаточно высокий уровень развития учебных заведений для девочек, что было характерно и для Нижнеудинска, но не для двух других городов, и соответствовало общесибирским тенденциям развития просвещения. Вместе с тем следует отметить, что наряду с преобладающей ролью государства в формировании культурного ландшафта, в частности, в создании образовательных учреждений в Киренске значительную роль играла и общественная инициатива, направленная не столько на учреждение школ разного типа, сколько на поддержание их существования (например, купец Н. В. Марков пожертвовал уездному училищу капитал в 6 тысяч рублей) [15, л. 518].

В начале XX в. можно заметить процесс насыщения пространства новыми элементами культурной среды. В Киренске появились общественные здания, которые, несомненно, сыграли свою роль в развитии новых для горожан форм культуры. В 1900 г. был построен Народный дом — двухэтажное здание с двумя большими залами. В одном из них был натянут экран, и проводились воскресные чтения, сопровождавшиеся демонстрацией световых картин волшебного фонаря, а также благотворительные спектакли и концерты, на которых выступал хор под управлением священника [16, с. 2]. В Народный дом перенесли небольшой музей, который существовал при городском училище. Однако в январе 1903 г. Народный дом сгорел. После этого центром культурной жизни стало общественное собрание, существовавшее с 1896 г., а в 1901 г. переехавшее в новое

здание. В нем имелась библиотека, танцевальный зал, продолжали устраиваться любительские спектакли, концерты духовной и светской музыки. К этому очагу новых форм культуры в 1909 г. прибавился клуб общества взаимного вспомоществования приказчиков, в котором также образовался кружок любителей драматического искусства. В 1913 г. оба кружка объединились в рамках единого Общества любителей драматического и музыкального искусства. Такое достаточно длительное существование любительского театра позволяет говорить о формировании устойчивого интереса к профессиональному искусству при сохранении традиционных форм досуга.

Иначе можно оценить попытки распространения книжной культуры в Киренске. Созданная в 1882 г. по инициативе исправника Петрова общественная библиотека не сохранила своей популярности после первых нескольких лет существования. При этом потенциальная читательская аудитория в городе была значительной. По подсчетам К. Кокоулина, в 1894 г. грамотность мужчин в Киренске составляла 45%, а женщин — 32% [17, с. 9]. Возрожденная в здании общественного собрания в 1901 г. библиотека, очевидно, пользовалась спросом среди его членов. В других уездных городах Иркутской губернии общественные библиотеки имели сходную судьбу, что свидетельствует об отсутствии общественной потребности в чтении.

Таким образом, формирование культурного ландшафта города Киренска во второй половине XIX — начале XX вв., при наличии общих для всех уездных городов губернии факторов, имело свои особенности.

Природный ландшафт, как и в других малых городах Сибири, определял демографические и экономические процессы в Киренске. Очевидно, что основным ресурсом города были реки — Киренга и, особенно, Лена, и в этом смысле ее можно считать «точкой роста» и интегратором культурного

ландшафта, при несомненной его ограниченности. В то же время за пределами города жители Киренска сравнительно мало взаимодействовали с окружающей природной средой, и о тесной связи их образа жизни с сельским говорить не приходится. Не вполне соответствует Киренск характерному для малых городов традиционализму и провинциализму. Конечно, продолжали существовать традиционные праздники и увеселения в соответствии с циклом православных праздников, однако и новые элементы культурной среды и формы культуры не были случайным явлением в культурном ландшафте города. Можно предполагать, что причиной этого было наличие свободного времени у горожан, не связанных с круглогодичным сельскохозяйственным трудом. Другим фактором был состав населения. По мнению Н. И. Гавриловой, структура занятости населения Киренска к концу XIX в. в значительной степени приближалась к иркутской. «Доля сельскохозяйственного населения составляла 6,1%, непромышленного населения — примерно 27%, торгово-промышленного — около 62,3%» [18, с. 152]. К этому нужно прибавить достаточно активное движение населения: в город приезжали служащие пароходных компаний, приказчики, служащие торговых домов Иркутска для ведения торговли с тунгусами, учителя, медицинские работники, священнослужители. Дальнейшее изучение темы позволит выявить и другие особенности формирования культурного ландшафта Киренска.

Список литературы

1. Алисов Д. А. Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезнёвой. — М.: Институт Наследия, 2019. — С. 4–17.

2. *Каганский В. Л.* Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // *Международный журнал исследований культуры: научное рецензируемое электронное издание.* — 2011. — № 4 (5). — С. 26–37.
3. *Восточно-Сибирский календарь на 1875 г.* — Иркутск, 1874. — 400 с.
4. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* — СПб., 1904. — Т. 75. — 172 с.
5. *Иркутские губернские ведомости.* — 1876. — 20 янв.
6. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 472. Оп. 1. Д. 240. Л. 4.
7. ГАИО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.
8. ГАИО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 305. Л. 128.
9. *Ларионов Д. Д.* Очерк экономической статистики Иркутской губернии. — Иркутск, 1870. — 380 с.
10. *Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г.* — Иркутск, 1902. — 235 с.
11. ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 102. Л. 116.
12. ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 612. Л. 11.
13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 132. Л. 14.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 574. Л. 7.
15. РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 401. Л. 518.
16. *Восточное обозрение.* — 1901. — 10 янв.
17. *Кокоулин К.* Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. *Памятная книжка.* — Иркутск, 1895. — 73 с.
18. *Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв.* — Иркутск: Востсибкнига, 2012. — 800 с.

УДК 908(470.4)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ И СИМБИРСКА)

Казанцева С. Г.

*Самара, научно-исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва*

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные характеристики губернских городов Самары и Симбирска. Показана история возникновения на рубеже XIX–XX веков основных учреждений культуры: театра, библиотеки, музея. Определяется роль городских слоев и обществ в развитии культурной жизни городов Среднего Поволжья.

Ключевые слова: город; театр; публичная библиотека; публичный музей; дворянство; купечество.

В XIX в. Россия оставалась, преимущественно, сельскохозяйственной страной и с точки зрения экономики, и с точки зрения поселенческих характеристик. Тем не менее процесс формирования городов шел довольно активно. Однако город — это не только новые виды труда, его особый политический статус, но и качественно новые формы объединения людей, объединение не на основе кровных уз, а на базе социокультурных отношений, т. е. связей, созданных не природой, а самими людьми, обществом и культурой. Город становится формой преодоления ведущей роли природы в развитии человечества, «элементом», созданным обществом. Градообразующими факторами становятся не только концентрация промышленности, место переработки сырья, но и культура, наука, отдых и т. д.

Интеллектуальный потенциал города, духовную атмосферу в нем создавали люди, имевшие общую и специальную подготовку. Поэтому город невозможно было представить без институтов духовной культуры, постоянного развития культурно просветительских учреждений, библиотек, театров, музеев, концертных залов, парков культуры.

В Самаре вплоть до 70-х гг. XIX в. инициативу в отношении культурных начинаний удерживали дворяне. Судя по сообщениям отдела местной хроники самарских периодических изданий, в залах Благородного собрания проходили практически все без исключения городские мероприятия, имеющие развлекательные, просветительские или благотворительные цели. Но из-за слабого финансового положения дворянство не смогло расширить культурные начинания до уровня общегородских.

Начиная с 80-х XIX в., приоритет в устройстве различных культурных мероприятий все больше переходит к купеческому клубу — Самарскому коммерческому собранию, которое открылось в 1872 г. [1, с. 164]. Со временем самарские купцы прониклись идеей культурного просвещения и стали развивать те культурные формы, которые считались обязательными атрибутами «просвещенного» губернского города. Это уже было определенным веянием моды иметь в каждом провинциальном городе театр, музей и библиотеку. Так как часто городские власти не могли профинансировать культурные начинания, то они обращались за помощью к «денежным» людям своей губернии.

Наиболее старинным атрибутом культурного провинциального города являлся театр. Профессиональный театр обязан своим возникновением преобразованием Самары из уездного города в губернский (1850 г.). Это повлекло за собой приток чиновников из столиц и значительного оживления местного дворянства. Уже к концу 1851 г. под театр был наскоро приспособлен дом купца Лебедева, располо-

женный на берегу Волги в так называемой Гавани. В 1854 г. дом Лебедева сгорел, и театр, не имея постоянного пристанища, кочевал до 16 ноября 1855 г. Именно тогда было открыто новое здание театра на Полицейской (Хлебной) площади, построенное на средства дворянства. Для этого была организована подписка и по ней было собрано 3 000 рублей [2, л. 7]. Это было деревянное сооружение без подъезда и крытого крыльца, поначалу даже без уборных [2, л. 7]. Но здание довольно быстро обветшало, что заставило в 1863 г. вновь прибегнуть к добровольным пожертвованиям, чтобы обложить его снаружи кирпичом и отремонтировать внутри. Таким образом, первые два десятилетия своего существования самарский театр держался на плаву только благодаря поддержке и попечительству своих основателей — местного высшего чиновничества и дворянства.

Положение начинает меняться в 70-х гг. XIX в. Театр становится излюбленным зрелищем самарцев. Он из элитного превращается в общедоступный, демократический. Великая русская актриса Пелагея Стрепетова, игравшая в те годы на самарской сцене, вспоминает: «Нашу публику привели с собою земства и судебная реформа и частично — административно-ссылные. С прибытием этих новых элементов нравственная физиономия города так быстро и конкретно изменилась, что я не узнала Самары. Ни прежней спячки, ни застоя. Куда все исчезло!» [3, с. 14]

В связи с таким оживлением театральной жизни, с одной стороны, и полной непригодностью старого здания, с другой — в апреле 1886 г. Самарская дума приняла решение о строительстве нового театра. Инициатива принадлежала городскому голове П. В. Алабину и присяжному поверенному К. К. Позерну. Изначально новому театру отводилась особая роль: он должен был стать частью нового образа Самары как передового культурного города. В судьбе театра впервые активное участие принимает купечество.

Скорее всего, его вкусы повлияли на выбор проекта здания — театр был построен в псевдорусском стиле. Проект был разработан петербургским архитектором Михаилом Николаевичем Чичаговым и представлял собой имитацию московского зодчества XVII в. Чисто купеческим размахом и тщеславием веет от стремления театральной комиссии «облагородить» внутреннее убранство здания [3, с. 42]. В результате сумма расходов на строительство к моменту его окончания выросла до 160 000 рублей, вместо 85 000 запланированных по смете, но зато он имел все новейшие вентиляционные, акустические и противопожарные приспособления, газовое освещение, а декоративная обстановка сцены восхищала современников [4, с. 143]. «Саратовский листок» в октябре 1888 г. констатировал: «Как никак, а театр вышел хорошенький, очень красивый, можно смело сказать, что Самара счастлива своим театром, гордится им, любит его, даже чванится и несколько не жалеет затраченной суммы» [5].

Симбирская губерния, несмотря на буржуазные реформы второй половины XIX в., продолжала оставаться по преимуществу дворянской в хозяйственном и политическом отношении. Из-за довольно скудного материального состояния дворянства, оно не могло себе позволить грандиозных планов в области развития культуры, тем не менее главными «атрибутом» дворяне свой город обеспечили.

В 1840 г. в Симбирске имелось деревянное здание театра. Оно не имело отопления и работало только летом. Жители города очень любили свой театр, и основной публикой было дворянство и высшее чиновничество. В 1846 г. на средства отставного полковника Михаила Михайловича Наумова было построено новое здание театра. Оно было неказистым, но каменным. Наумов в течение всей своей жизни оказывал различную поддержку театру, выделял средства на его ремонт. После его смерти в 1868 г. театр

перешел в руки помещика-меломана Сергея Николаевича Нейкова. Но тот не смог долго управлять театром и поддерживать его материально, поэтому в 1871 г. Нейков передал его в руки известного симбирского мецената, отставного полковника, князя Николая Сергеевича Вяземского. Сил и средств содержать театр у Вяземского не хватило надолго и в 1874 г. он был отдан в руки певицы-любительницы Пелагеи Ивановны Языковой, вдовы знаменитого русского поэта. Последним владельцем театра, при котором он сильно обветшал, был дворянин Дмитрий Аркадьевич Хотев. В конце 1870-х гг. штабс-капитан Митрофан Федорович Прянишников построил новое каменное здание театра. Об этом событии писали Симбирские ведомости, что «лучшего театра во всем Среднем Поволжье нет. Везде театры захудалые, деревянные, а в Симбирске здание театра — каменное» [6]. В 1879 г. в этом здании состоялось первое представление.

Другим «атрибутом» культурного губернского города была библиотека. Самарский губернатор Константин Грот серьезно занялся проблемой просвещения и в январе 1859 г. постановил создать при редакции газеты «Губернские ведомости» кабинет для чтения периодических изданий. Книги начали собирать заранее. Первое пожертвование сделал в 1854 г. отставной штаб-ротмистр Николай Алексеевич Нефедьев — около 200 книг. Первого января 1860 г. открылась Самарская общественная (публичная) библиотека с фондом более 800 томов на русском языке, иностранными книгами и номерами нескольких столичных газет и журналов.

В дальнейшем Константин Карлович Грот продолжал опекать библиотеку и постоянно дарил книги. За год до смерти Константин Карлович составил духовное завещание, по которому все оставшиеся после него издания, за исключением книг по вопросам слепых, переходили в собственность Самарской общественной библиотеки [7].

Для становления библиотеки много сделал и Петр Алабин. По его инициативе в 1882 г. библиотека стала называться в честь Александра II — Александровской. Алабин занимался вопросами комплектования и увеличения фондов библиотеки, лично составлял каталоги. Сам он был автором множества книг, которые подписывал скромно: «Самарской публичной библиотеке. Автор». Петр Владимирович Алабин добился постройки отдельного здания для нее [8].

Библиотека существовала в значительной степени на самокупаемости. За пользование книгами взималась плата. Взносы за пользование литературой являлись основным и почти единственным источником средств на содержание библиотеки. На приобретение же новой литературы оставалось совсем мало средств. На выручку приходили благотворители. Среди дарителей — землевладелец Самарского уезда К. М. Сибиряков, который пожертвовал в 1880 г. книги из своего санкт-петербургского кабинета, учитель гимназии Петр Панафидин, самарский дворянин-библиофил Александр Путилов, граф и историк Георгий Милорадович. В 1880 г. жена коллежского советника Е. Д. Симакова пожертвовала 185 томов различного содержания в Александровскую библиотеку города Самары [9, л. 2 об. — 3].

В Симбирске общественная библиотека открылась 18 апреля 1848 г. в числе первых пятидесяти губернских публичных библиотек России. Библиотека в Симбирске создавалась как памятник знаменитому земляку и первому русскому историографу Н. М. Карамзину и по просьбе местных дворян получила название Карамзинской. Согласно Уставу, библиотека учреждалась «за счет пожертвований дворянства и прочих сословий», а ее цель состояла в том, «чтобы 1) сохранить рукописи и документы, рассеянные по здешней губернии и постепенно истребляющиеся от времени и небрежения тех, кому оные принадлежат или доста-

ются <...> и 2) чтобы доставлять всем жителям города полезное чтение и способы к образованию» [10]. Управление библиотекой осуществлялось комитетом, избравшимся на ежегодных торжественных актах.

Самое деятельное участие в учреждении и работе библиотеки принимали представители известного симбирского рода Языковых. Петр Михайлович Языков — ученый-геолог и этнограф, старший брат поэта Николая Языкова, стал первым председателем комитета Карамзинской библиотеки. Основу книжных фондов составили 2325 томов личной библиотеки Н. М. Языкова. Они были переданы после смерти поэта его братьями — Петром и Александром [10]. Кроме того, многие видные деятели отечественной культуры, книгоиздатели, учебные общества делились своими книжными богатствами с симбирской библиотекой. Среди них — Общество русских литераторов, библиотеки Академии наук, Казанского университета, Генерального штаба и другие.

Но самыми активными дарителями были сами симбиряне. Среди них — князь В. И. Баюшев, передавший на вечное хранение в 1879 г. родовой архив XVII–XVIII вв., семья Карамзиных, С. Т. и К. С. Аксаковы, И. А. Гончаров, сыновья Д. В. Давыдова и многие другие [10].

В городе Симбирске одной из известных библиотек была еще одна бесплатная народная библиотека. Уникальность ее была в том, что она была создана одним благотворителем — Александрой Александровной Знаменской, происходившей из дворянской семьи обрусевших французов Деларю. Отец Знаменской, Александр Данилович, был помещиком Симбирской губернии и оставил ей неплохое наследство.

В 1890-х гг. Александре Александровне пришлось в голову создать народную библиотеку-читальню в память И. А. Гончарова для податных сословий. В то время в Симбирске такой еще не было. Знаменская положила много сил, чтобы

убедить городское начальство в необходимости такой библиотеки, и 17 января 1893 г. открылась бесплатная библиотека-читальня [11, с. 323]. Знаменская и ее муж ежегодно вносили по 100 рублей для закупки новых книг и содержания библиотеки, но этого было мало, и они устраивали любительские спектакли, вечера и концерты. Александра Александровна активно занималась своим детищем, для улучшения финансового положения библиотеки она искала благотворителей и часто ей удавалось их найти и получить средства [11, с. 339].

И, наконец, еще одно учреждение культуры, без которого облик «просвещенного» губернского города будет неполным, — это музей. Музей также являлся значимой составляющей города, формировал его культурное пространство.

Во второй половине XIX в. не было правил организации музеев. В пореформенной России характерным явлением было создание краевых музеев, они являлись научно-просветительскими центрами. Массовое появление таких музеев стало следствием активизации общественной жизни, разночинной интеллигенции и общей демократизацией культуры. Государственного финансирования они не получали, а существовали в основном на пожертвования.

История Самарского публичного музея началась в 1880 г., когда Самарская городская дума в ознаменование юбилея первого 25-летия великого царствования Государя Императора Александра II приняла решение о строительстве здания для Публичной библиотеки и учреждения при ней Публичного музея. Инициатором был гласный городской думы П. В. Алабин.

Коллекция музея начала формироваться с 1886 г. Задачи и концепция будущего музея были изложены в докладе городской думе и были следующими: музей должен «способствовать наглядно ознакомлению с Самарским краем в отношениях: антропологическом, историческом, географи-

ческом, — с его произведениями царств ископаемого, животного и растительного, с его сельским хозяйством и промышленностью» [12, л. 51]. Наряду с краеведением, проект музея предполагал в качестве «независимой» цели «способствовать развитию эстетического чувства в своих посетителях и воспитанию вкуса их представлением изящных образцов как произведений искусств и художеств, если не в оригиналах, то в их достойных копиях» [13, л. 52–56]. Так начиналось музейное дело в Самаре.

В 1911 г. «Самарская газета» писала, что в городе есть «два местных знатока-мецената из крупных капиталистов», которые готовы пожертвовать часть своих коллекций для городского музея [14, с. 4]. Это были С. Е. Пермяков, поддерживавший отношения со многими владельцами и авторами картин, и К. П. Головкин, принимавший активное участие в составлении коллекций Самарского публичного музея.

Сергей Ефремович Пермяков родился в 1863 г. в семье казанского купца. Как самарский житель, Пермяков упоминался в отчете самарского Благородного собрания с 1886 г. В 1901 г. Пермяков стал первым директором Самарского публичного музея и занимался музейным делом вплоть до января 1917 г. Сам Сергей Ефремович дарил музею монеты, старинные пистолеты и другие ценности.

Огромный вклад в развитие культурной жизни Самары и губернии оказал Константин Павлович Головкин. К. П. Головкин родился в 1872 г. в семье купца 1-й гильдии Павла Ивановича. После смерти отца, Головкин, успешно занимаясь торговлей, нажил состояние.

В 1897 г. от имени местных художников К. П. Головкин обращается в городскую управу с прошением предоставить для устройства VI периодической выставки зал при городском музее. В благодарность за бесплатное помещение художники обязуются пожертвовать часть своих лучших

произведений и положить, таким образом, основание художественному отделу при музее. Более того, К. П. Головкин предлагает и впредь «постоянно иметь об этом отделе попечение и по силе возможности делать для него новые приобретения» [15, с. 8].

Благодаря Головкину музей пополнился произведениями известных российских художников М. В. Нестерова, К. Ф. Юона, также были приобретены картины В. Г. Перова, Б. М. Кустодиева, А. Е. Егорова и многих других. К 1911 г. художественная коллекция насчитывала 117 произведений искусства: рисунки, картины, скульптуру.

Первые попытки организовать собственно музей в Симбирске были предприняты еще в 30-е гг. XIX в. при организации музеума. В «Симбирских губернских ведомостях» от 17 марта 1838 г. говорилось: «Открыт в городе Симбирске Губернский Музеум, в который поступили разные предметы, входившие в состав выставки, удостоенной Высочайшего посещения Его Императорского Высочества Государя Цесаревича» [16]. Начальство губернии, «желая поддержать и увеличить это общепольное учреждение», обратилось к жителям губернии с просьбой о пополнении музеума. Был также опубликован список предметов, которые могли бы войти в состав музеума, с точным описанием, в каком виде их необходимо доставлять: «1) Древности нередко в Губернии, находимые: старинные монеты, разная утварь, оружие и проч. 2) Естественные произведения Губернии: животные, растения и ископаемые. Животные могут быть доставляемы чучелами: млекопитающие, птицы и некоторые виды рыб; в спирте: пресмыкающиеся и также рыбы; сухими: насекомые. Растения, за исключением грибов, кои не иначе сохраняются, как в спирте, могут быть присылаемы сухими, составляя травники или гербарии. Ископаемые не орудные или минералы, в образ-

чиках длиной до 4 дюймов, шириной до 2 с пол. дюймов, орудные же: окаменелости и кости древних животных, коими Симбирская Губерния преимущественно изобилует, должны быть доставляемы во всей их целости, означая при том, как и при всех доставляемых предметах, название места или урочища, где они найдены и прилагая образчик того грунта, из которого извлечены, или тому подобное. 3) Искусственные произведения Губернии: все вообще образцы произведений фабрик, заводов, ремесел, рукоделий и модели всякого рода машин и орудий, в разных производствах употребляемых. И сии предметы, по возможности, должны быть сопровождаемы, хотя кратким, но соответствующим делу описанием» [16]. Таким образом, экспозиция этого музеума отражала достаточно полно развитие губернии, в том числе и ее культурных традиций. Предполагалось, что музеум со временем будет служить «лучшим средством к изучению губернии и составит общее драгоценнейшее достояние всех ее жителей» [16]. Идейным вдохновителем и собственно создателем музеума был П. М. Языков. К сожалению, после ухода из жизни Петра Михайловича в 1851 г. постепенно перестал существовать и музеум [17, с. 46].

Следующая попытка (увенчавшаяся успехом) создать музей в Симбирске была уже в конце XIX в. Инициатива создания музея в это время переходит от властных структур к общественности. Так, 30 июля 1895 г. В. Н. Поливановым в день торжественного открытия Симбирской губернской ученой архивной комиссии, среди ее задач было озвучено создание музея [18]. Первые экспонаты были переданы в коллекцию музея архивной комиссии уже на первом ее заседании губернатором В. Н. Акинфовым, В. Н. Поливановым, французским археологом бароном Ж. де Баем, князем С. М. Баратаевым, Императорской архео-

логической комиссией и др. Экспозиция музея изначально была упорядоченной и состояла из «следующих отделов: а) нумизматический; б) церковно-археологический; в) старинные книги, рукописи и грамоты; г) отдел раскопок (перечисленные могильники); д) отдел старинных карточек, видов гравюр и портретов; е) кости ископаемых животных; ж) отдел оружия (пушки, кольчуги и пр.); з) разные предметы старины» [19, л. 2 об.]. Официальное открытие музея было назначено на 1 января 1896 г., но интерес к нему оказался настолько велик, что посетителей он стал принимать уже в конце 1895 г. Данный факт подтверждает значимость музея для формирования культурного просвещенного города и его развития. Пополнение коллекции музея стало делом общим, не только дворяне, интеллигенция и государственные учреждения участвовали в этом, но и крестьяне вносили посильную лепту: «доставили бивни мамонта от крестьянина Василия Яковлевича Инвалидова д. Матрунина» [20, л. 41]. Музей пользовался спросом у местного населения, особенно среди учащихся, то есть был действительно научно-просветительским центром Симбирска.

Таким образом, социокультурный облик поволжских городов складывался постепенно, но особенно активно города начинали развиваться с получением губернского статуса. Теперь уже было нужно соответствовать данному положению, поэтому и Самара, и Симбирск стремились обзавестись основными «атрибутами» губернского города: театром, музеем, библиотекой. Так как Симбирск стал губернией раньше Самары, которая одно время входила в состав Симбирской губернии на основе уездного города, то и культурный облик Симбирска начал складываться раньше. Когда Самара получила статус губернии, то, ориентируясь на объекты культуры города Симбирска, тоже

стала создавать такие же культурные учреждения. Культурная жизнь поволжских городов определялась участием в ней дворянства, чиновничества и купечества. Во многом благодаря их организаторской и благотворительной деятельности Самара и Симбирск обрели свои постоянные театры, музеи с богатой коллекцией и библиотеки, то есть все атрибуты просвещенного провинциального культурного города.

Список литературы

1. Алабин П. В. Самара: 1586–1886 гг. — Самара: Кн. Изд-во, 1992. — 247 с.
2. Государственный архив Самарской области (далее — ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 840. Л. 7.
3. Молько В. И. Путешествие по одной улице. Документальное повествование. — Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1987. — 184 с.
4. Адрес-календарь Самарской губернии на 1889 год.
5. Письмо из Самары // Саратовский листок. — 1888. — 18 окт.
6. Симбирские губернские ведомости. — 1879. — № 34.
7. История библиотеки [Электронный ресурс] // Самарская областная универсальная научная библиотека: [сайт]. URL: <https://libsmr.ru/about/history/> (дата обращения: 23.08.2020).
8. Самарская публичная библиотека [Электронный ресурс] // Литературные адреса Самары: [сайт]. URL: https://samsud.ru/litadres/address/organization/organization_55.html (дата обращения: 23.08.2020).
9. ГАСО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 1. Л. 2 об. — 3.
10. Открытый библиографический архив. Полная информация по записи № 39089. Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина / АС «Библиотека». — Уль-

- яновск, 2008–2009 [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека: [сайт]. URL: http://nlr.ru/iboresh/oba/record_full.php?record_ID=39089 (дата обращения: 25.08.2020).
11. Трофимов Ж. А. Симбирск и симбиряне: Исторические и литературные поиски. — Ульяновск: Симбирская книга, 1997. — 262 с.
 12. ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 642. Л. 51.
 13. ГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 642. Л. 52–56.
 14. Самарские художники // Самарская газета для всех. — 1911. — № 37.
 15. Прощение местных художников // Самарский вестник. — 1897. — № 32.
 16. Об открытии в городе Симбирске Губернского Музеума // Симбирские Губернские Ведомости. — 1838. — 17 марта.
 17. Чапланова М. А. Музей в культурном пространстве провинциального города XIX — начала XXI в. (на материале Симбирска — Ульяновска): дис. ... канд. культурологии. — Ульяновск, 2017. — 166 с.
 18. Журнал 1-го заседания Симбирской губернской ученой архивной комиссии 30 июля 1895 г. — Симбирск, 1896. — 13 с.
 19. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 28. Л. 2 об.
 20. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 20. Л. 41.

УДК 930.85

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ МЕСТО В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии
в рамках научного проекта № 19-59-23007*

Ануфриев А. В.

Иркутск, государственный университет

Козлов Д. В.

Иркутск, государственный университет

Аннотация. Статья посвящена участию военнопленных австро-венгерской и немецкой армий в культурной жизни городов Восточной Сибири. Авторы, опираясь на обширный материал, выявленный в местных и центральных архивах, показывают на конкретных примерах влияние военнопленных на культурную жизнь городов Восточной Сибири.

Ключевые слова: Австро-Венгрия; военнопленные; война; воспоминания; города; живопись; культура; музыка.

Современные подходы к феномену плена расширяют традиционное отношение к этому явлению лишь как части военных действий. Многие исследователи рассматривают различные социокультурные аспекты положения военнопленных, связанные с их обычной повседневной жизнью, досугом, трудовой деятельностью, их взаимодействием с принимающим обществом в процессе пребывания в пле-

ну, а также с влиянием на развитие культуры той страны и того региона, где они оказались. Данные аспекты мы постараемся проанализировать в нашей работе.

Но, прежде чем переходить к анализу этих проблем, следует указать на ряд общих моментов. С появлением первых военнопленных на территории Восточной Сибири остро стал вопрос их размещения. В соответствии с распоряжением Главного управления Генерального штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом — в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке. К 1 января 1915 г. из 257 тыс. военнопленных в Сибири было размещено 186 тыс. [1, с. 16].

Первоначально было принято решение о размещении военнопленных в военных городках тех частей и соединений, которые были отправлены на фронт. Стоит более подробно рассказать, что же представляли из себя гарнизоны, которые и стали основой для формирования «концентрационных лагерей военнопленных» (термин абсолютно юридически верный) на территории Иркутского военного округа.

Начнем с самого восточного лагеря — Сретенска, где военнопленные размещались в кирпичных казармах гарнизона 16-го Сибирского стрелкового полка (хотя он там находился временно); на станции Даурия — в кирпичных казармах 15-го Сибирского стрелкового полка и 1-го Аргунского казачьего полка с 1-й конно-артиллерийской батареей ЗКВ. В Троицкосавске — в каменных казармах 20-го Сибирского стрелкового полка; в Чите и ее окрестностях (поселки Антипиha и Песчанка) — в каменных казармах двух стрелковых полков; в Нижней Березовке (под Верхнеудинском) — в капитальных казармах стрелковой бригады. В Иркутске (а точнее, Заиркутном военном городке) воен-

нопленные содержались в деревянных бараках, построенных спешно в 1904–1905 гг., однако полностью отремонтированных перед войной, и одном каменном здании, где был развернут госпиталь для военнопленных; в Нижнеудинске — в бывших казармах 8-го Восточно-Сибирского горного дивизиона (построены в 1908 г.); в Красноярске — в военном городке стрелковой бригады; в Ачинске — в каменных казармах 29-го Сибирского стрелкового полка (построены в 1908 г.); в Канске — в казармах стрелкового полка. Из первых лагерей выпадает только Нерчинск, но и там имелись казармы, принадлежащие Забайкальскому казачьему войску.

В самом Иркутске в распоряжении гарнизона остались только Белые и Красные казармы, да так и недостроенный военный городок Иркутского военного училища и кадетского корпуса, который из-за недостатка местных строителей достраивали в годы войны китайцы и военнопленные. Лучшие помещения округа были отданы под военнопленных, а вновь созданные запасные части и учебные заведения были вынуждены арендовать помещения под казармы у городов, так, развернутая в Иркутске 2-я школа прапорщиков была размещена в здании мужской губернской гимназии.

Всего на территории округа к лету 1916 г. оказалось около 200 тыс. военнопленных. Все лагеря военнопленных можно разделить на 3 группы: крупные (более 20 тыс.), средние (10–15 тыс.), малые (менее 10 тыс.). К числу крупных лагерей можно отнести Нижне-Березовский лагерь под Верхнеудинском (около 35 тыс.), Читинские лагеря — Песчанка и Антипиha (с максимальной вместимостью около 35 тыс.), Красноярский лагерь (более 15 тыс.). К средним относились Сретенский лагерь (10–12 тыс.), иркутские лагеря — Заиркутный городок и Иннокентьевский (10–12 тыс. военнопленных). Малыми лагерями можно считать

Нижнеудинский лагерь (около 1 тыс.), Троицкосавский (около 2 тыс.), Нерчинский (около 2 тыс.), Канский (около 6 тыс.), Ачинский (около 3 тыс.) и Даурский. Небольшие сибирские города были не в состоянии «переварить» массы пленных, так, Читинская дума сообщала: «Если в Читу будут посланы военнопленные в большем количестве, чем в прошлом году (35 тыс. человек), то население будет поставлено в крайне тяжелое положение, так как в настоящее время ощущается более острый недостаток продуктов, чем это было несколько месяцев назад, подвоз же продуктов стал очень затруднителен» [2, л. 166–168]. По данным коменданта Читы на 09.06.1916 г. в читинском гарнизоне находилось 30 834 нижних чинов и 1038 офицеров военнопленных Четверного союза.

Появление военнопленных волновало и местных жителей, так, иркутянин Н. С. Белоголовый в своем дневнике писал: «5 ноября (1914 г.). В городе имеются военнопленные: австрийцы и германцы, привезенные с театра войны. Говорят, что для помещения военнопленных предполагается подготовить Военный городок...», а 23 ноября (1914 г.) он отмечает и личную встречу с военнопленными: «Пленные все чаще и чаще встречаются на улицах Иркутска. Австрийцы, славяне, по-видимому, отпускаются в город без конвоя. Сегодня видел, как двое австрийцев... собрали вокруг себя небольшую кучку любопытных. Я подошел поближе и спросил пленных, кто они: поляки, русины или чехи? — Словаки, услышал я в ответ... Жаль стало этих славных парней, волею судеб вынужденных вступить в борьбу против своих же братьев славян и очутиться, наконец, в далекой и холодной Сибири» [2, л. 97].

Хотя формально военнопленные должны были быть полностью изолированными от местного населения, в реальности все было иначе. Режим содержания не всегда соблюдался, и контакты с местным населением стали, скорее,

нормой, нежели исключением. Стоит остановиться, прежде всего, на контактах с жительницами Восточной Сибири. Для многих из них военнопленные солдаты и офицеры представляли несомненный интерес. В силу изоляции военнопленных, военная и местная гражданская власть старалась свести общение с местным населением к минимуму. Однако по мере «вживания» и прежде всего с активным использованием военнопленных как рабочей силы контакты становились все чаще и теснее.

События 1917 г. окончательно разрушили жесткую стену, отделяющую военнопленных от местного населения. Конечно, здесь многое зависело от места квартирования военнопленных, в крупных лагерях, отделенных от городов (Иркутск, Верхнеудинск, Красноярск), контакты были сведены к минимуму, однако такие контакты становились обыденностью там, где военнопленные размещались вне гарнизонов в самих населенных пунктах (Сретенск, Нерчинск, лагерь в самой Чите).

Интересный материал дают для анализа досуга военнопленных фотографии, хранящиеся в фондах Иркутского областного краеведческого музея (ИОКМ). Всего в фондах музея хранится около 390 фотографий, сделанных в 11 лагерях военнопленных, размещенных на территории Иркутского военного округа (Ачинский, Березовский, Даурский, Заиркутный городок, Иркутский лагерь военнопленных нижних чинов и офицеров, Иннокентьевский гарнизон, Канский, Красноярский, Нерчинский, Сретенский, Читинский). Стоит отметить, что официально Иркутский лагерь военнопленных нижних чинов и офицеров — это «клон» Заиркутного военного городка, почему он указан, как самостоятельный лагерь, неизвестно. Судя по записям и штампам, заверенным начальником лагеря либо командиром части, они являлись приложением к какому-то официальному документу. Авторы достаточно

долго искали этот документ и это нам удалось — в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) был выявлен циркуляр Генерального штаба от 08.06.1916 г. «О подготовке сборника фотографий лагерей военнопленных для опровержения распространяемыми русскими врачами инсинуаций о крайне неудовлетворительном содержании военнопленных» [3], это полностью объясняет как время съемок (июль — август 1916 г.), так и сюжеты фотографий.

История появления отмеченных выше фотографий в архиве Иркутского краеведческого музея крайне непонятна. Формально они были зарегистрированы в книге поступлений 25–26 февраля 1965 г. и 2 ноября 1966 г. как «старые поступления».

Условно все сюжеты фотографий можно разделить на ряд групп: 1. условия жизни (интерьер помещений, спальные места, внешний вид лагеря); 2. быт военнопленных (доставка воды, стирка, питание (в т. ч. выпечка хлеба, внутренние мастерские — сапожная и др.); 3. досуг (спортивные игры, занятия музыкой, спектакли, и отдельно — возможности отправления религиозных треб); 4. возможность связи с родиной (места почтовых отправок, получение посылок и денег); 5. оказание медицинских услуг; 6. места захоронений и памятники.

Ряд фотографий по Канскому лагерю выбивается из типологии, там представлены своего рода фотопортреты (что для других лагерей скорее исключение, так, по Сретенскому лагерю имеется только одно фото подобного типа).

До 25% фотографий представляли досуг военнопленных. Самыми популярными сюжетами являются занятия спортом по всем лагерям (кегельбан — Заиркутский городок, футбол (почти все лагеря), теннис, регби (Канск): по мнению авторов — первый снимок этого вида спорта в России), метание мяча (Сретенск); концерт и оркестры —

почти все лагеря (представлен даже этнический оркестр — армянский оркестр военнопленных турецкой армии в Сретенском лагере), любительские спектакли — самые интересные в Сретенском лагере, места для богослужений — Иркутск [4].

Стоит отметить, что в силу изоляции культурная жизнь военнопленных протекала внутри лагеря. Офицерский состав, страдавший от избытка свободного времени, частично реализовывал себя именно в культурных проектах. В лагерях издавались рукописные журналы (Верхнеудинск), создавались самодеятельные театры (Красноярск, Чита, Сретенск), работали скульпторы и художники. Большая часть мероприятий имела публичный характер, и их зрителями становились нижние чины, содержащиеся в лагерях военнопленных.

Однако по мере ослабления контроля военнопленные стали активно вовлекаться в культурную жизнь сибирских городов. Особенно этот процесс усилился после революционных событий 1917 г.

Стоит рассмотреть вклад военнопленных в музыкальную жизнь Восточной Сибири. К сожалению, менее всего сведений имеется по иркутским лагерям, хотя, судя по фото, они имелись и в Иннокентьевском лагере, и в Заиркутском городке, Сретенске, Березовке.

Так, капитан австралийской армии Е. У. Лэтчфорд, направленный в 1918 г. в Сибирь для несения службы в Британской военной миссии, вспоминал, как в Иркутске услышал оркестр венгерских военнопленных. Особенно же его поразило, что все инструменты для оркестра были сделаны «прямо в лагере» и при этом «они действительно играли» [5]. Играл оркестр по заявкам. «Союз учащихся глазковцев» (Иркутск) получил разрешение на игру оркестра 14.01.1918 г. на спектакле, который состоялся в здании глазковского железнодорожного училища. Приглашались

и отдельные музыканты — так, зимой 1918 г. скрипач и пианист сопровождали кинематографические сеансы в пос. Иннокентьевском [7, л. 82, 156].

В своей работе красноярская исследовательница Е. С. Царева приводит воспоминания А. П. Иванова-Радкевича (сына известного в Красноярске общественного деятеля П. И. Иванова-Радкевича): «Вызывало восхищение известие о том, что в городке военнопленных состоится концерт симфонического оркестра, и в назначенный день мы, несколько гимназистов, отправились в городок. Когда прошли версты 2–3 по заснеженной степи, обжигаемые сухим морозным ветром, то унылые неприглядные одноэтажные бараки за забором, показались нам желанным и долгожданным приютом. Все было так необычно, так фантастично в этих условиях барака в степи, деревянные скамьи, кирпичные стены и тут же дивные, незнакомо прекрасные звуки валторны! Это неповторимое “ля” во вступлении к “Онегину” никогда не забудется» [7, с. 81].

В Красноярском лагере существовал симфонический оркестр пленных офицеров под управлением венгра Дезидерия Больдиша. Доступные для широкой публики концерты симфонического оркестра Д. Больдиша на сцене Городского театра, в зале Общественного собрания стали настоящим праздником для красноярцев, всегда собирали полные залы. В «Енисейском вестнике» писали: «Репертуар и исполнение его настолько хороши, что выступление этого оркестра удовлетворило бы знатоков музыки европейских городов» [7, с. 82].

Достаточно большой комплекс материалов, связанный с пребыванием военнопленных в Восточной Сибири, находится в Иркутском областном художественном музее (ИОХМ). Об истории художественных работ с авторством военнопленных, отложившихся в фондах ИОХМ, подробно рассказал в своей монографии А. Д. Фатьянов [8]. Он при-

водит список из 16 военнопленных — художников, графиков и скульпторов, участвовавших в 1919–1920 гг. в деятельности «Общества иркутских художников». Называет имена немцев Макса Малица, Рудольфа Штейна, Куно Гоппе, венгров С. Жотере и Ф. Кеббели, словака Франтишека Рейхенталя.

Художники-военнопленные участвовали минимум в двух выставках «Общества иркутских художников», проходивших весной и осенью 1919 г. Так, на осенней выставке свои работы представили 6 художников и 2 скульптора (Беккер, Малиц, Рейхентал, Веендорф, Ен, Куусен, Адам и Шей). Ю. П. Лыхин в своей монографии сообщает еще об одной выставке, датированной следующим годом. Так, 11–25 апреля 1920 г. Иркутское общество художников провело в здании музея Географического общества выставку, где наряду с другими экспонатами были представлены 8 работ бывших военнопленных Малица, Будденберга и Жотера [9, с. 212].

Интересно отметить, что ледяной триумфальный комплекс, через который в Иркутск входили части 5-й армии, был спроектирован и изготовлен группой художников во главе с военнопленным Рудольфом Шейном. Всего в фондах ИОХМ находится 114 экспонатов, авторами которых являются военнопленные. Среди них есть пейзажи — «Над рекой Кая» Рудольфа Прибе, этюды — «У пантона (так в тексте. — *Авторы*) на Ангаре» Франтишека Рейхенталя, портреты друзей — военнопленных. Авторы фиксировали и исторические события, так, пребыванию чехословацкого корпуса в Сибири посвящена акварель Р. Шейна «Чешская история Сибири». Особый интерес представляют работы графика Куно Гоппе, создавшего первый в Иркутске портрет В. И. Ленина. Плодовитый график и карикатурист, он активно сотрудничал с журналом «Пламя революции», более 70-ти карикатур, подготовленных для этого журнала, оказа-

лись впоследствии в коллекции искусствоведа П. Е. Корнилова и были им переданы в фонды ИОХМ [8, с. 39–43].

Таким образом, мы видим, что между пленными и принимающим обществом никогда не существовало непроницаемых перегородок. Культурные контакты осуществлялись в обе стороны. Находясь в плену, военнопленные стремились поддерживать обычную жизнь, связанную с занятиями спортом, культурными практиками, религиозной жизнью. После 1917 г. контакты с принимающим обществом становятся еще более интенсивными. Военнопленные австро-венгерской и немецкой армий, оказавшиеся в силу непреодолимых причин на сибирской земле, внесли свой яркий вклад в культуру городов Восточной Сибири. Как мы видим, такое влияние можно проследить в художественной и музыкальной жизни. Большая часть военнопленных затем покинула сибирскую землю. Однако их работы хранятся в фондах многих музеев Восточной Сибири. К сожалению, время не пощадило крупных работ скульпторов и архитекторов. Так были разрушены почти все памятники, воздвигнутые пленными на лагерных кладбищах (за исключением Читы и частично Березовки). Тем не менее в архивах сохранились картины и рисунки военнопленных, фотографии, зафиксировавшие моменты их повседневной жизни. Все эти артефакты представляют не только художественную ценность, но и бесценный исторический источник, помогающий по-новому посмотреть на феномен плена времен Первой мировой войны.

Список литературы

1. Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. — М., 1967. — 287 с.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 94. Оп. 1. Д. 943.

3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 294.
4. Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ). Ф. 555.
5. *Лэтчфорд Е.* С белой армией в Сибири (перевод и комментарии В. Крупник) [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях: [сайт]. — URL: <http://zaimka.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 294.
7. *Царева Е. С.* Военнопленные первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-российский музыкальный альманах. — 2012. — № 1. — С. 78–88.
8. *Фатьянов А. Д.* Иркутские сокровища. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 160 с.
9. *Лыхин Ю. П.* Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века): монография / Архитектур.-этнограф. музей «Тальцы». — Иркутск, 2002. — 334 с.

ОМСКИЕ ШКОЛЫ ПОДГОТОВКИ ПРАПОРЩИКОВ ПЕХОТЫ

Саблин А. Ю.

*Омск, государственный аграрный университет
имени П. А. Столыпина*

Аннотация. Статья посвящена характеристике месторасположения 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; Омск; школы прапорщиков; дислокация.

Школы подготовки прапорщиков создавались в годы Первой мировой войны в рамках Русской императорской армии как вынужденная временная мера с целью восполнения убыли кадрового офицерского состава в действующей армии. Цель данной статьи — дать представление о том, в какой части города, в каком здании или комплексе зданий в Омске в годы Первой мировой располагались 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты. Описание этих зданий приблизит нас к реалиям того времени.

Военный совет Российской империи, согласно данным журнала совета от 3 октября 1915 г., распорядился открыть в Омске одну школу подготовки прапорщиков пехоты с числом обучающихся в 400 человек [1]. В ходе фронтального просмотра газеты «Омский вестник» за 1915 г. нам удалось подтвердить сведения о том, что Омская школа подготовки прапорщиков пехоты располагалась в здании Омской мужской гимназии (Рис. 1), в это время занятия учащихся муж-

Рис. 1. Здание бывшей Омской мужской гимназии (1920-е гг.).
Источник: Почтовая открытка № 22 «Омск. Единая трудовая семилетняя школа им. В.И. Ленина», из серии, изданной в Москве типографией «Меццо-тинто Сокрышефсовета» (<https://otkrytka-omsk.livejournal.com/35312.html>)

ской гимназии проводились во вторую смену в 1-й Омской женской гимназии [2, с. 3; 3, с. 1].

Здание Омской мужской гимназии находилось на углу Тарской и Архиерейской улиц [4, с. 60]. Если мы обратимся к дореволюционной карте Омска, то увидим, что это район упраздненной в середине XIX в. Омской крепости [5]. Современный адрес здания — ул. Тарская, 2, сегодня в нем располагается Институт развития образования Омской области (Рис. 2).

Томский исследователь Е. В. Сизова в своей публикации дает исчерпывающее описание здания Омской мужской гимназии. Оно было построено в 1879 г. по проекту архитектора Э. И. Эзета. Здание было двухэтажным, кирпичным с садом и площадкой для игр в 480 кв. м, которая,

Рис. 2. Институт развития образования Омской области
(фото А.Ю. Саблина)

Рис. 3. Казармы Омской и Иркутской дисциплинарных рот
(Источник: Сайт Домофото: архитектурная фотобазы.
URL: <https://domofoto.ru/photo/94516/>)

впоследствии, вполне могла отвечать нуждам школы и использоваться как плац. Здание имело водяное и печное отопление, электричество; помещения были просторны. Поддержанию свежести воздуха способствовало и то, что «ретирады» были удалены от классов, и то, что в коридорах, как и в классах, была хорошо продумана система вентиляции [6, с. 109].

Как школа с квотой в четыреста человек обучающихся, обслуживаемым персоналом, начальствующим составом могла разместиться в относительно небольшом двухэтажном здании (третий этаж был надстроен в 20-е гг. XX в. [6, с. 110])? Вероятно, Омской школе подготовки прапорщиков пехоты принадлежал комплекс зданий. И одно из них — двухэтажное каменное здание гимназического пансиона, спроектированное военным инженером полковником Чернавным и построенное к началу XX в. [6, с. 109–110].

Тот же Военный совет в журнале от 24 декабря 1915 г. распорядился открыть в Омске еще одну школу подготов-

ки прапорщиков пехоты, которая получила № 2, а первая, соответственно, № 1 [7, 8]. 2-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты была размещена в бывших казармах Омской и Иркутской дисциплинарных рот (Рис. 3) [9, с. 4; 10, с. 3]. На это же указывает и один из приказов по Омскому военному округу, приуроченный к первому выпуску данной школы [11].

Как нам известно, казармы Омской и Иркутской дисциплинарных рот — это территория крепости. Это комплекс из двух зданий, который включает в себя также здание, переданное в конце XIX — начале XX вв. Омскому военно-топографическому отделу, а впоследствии — Омской картографической фабрике.

Представляет сложность дать их дореволюционный адрес. Нам известно, что в упраздненной крепости существовали улицы Манежная, Батальонная, Штабная и пр. [5]. Но в официальных документах дается один обобщенный адрес — «крепость» [4, с. 45; 12].

На то, что школе принадлежал комплекс зданий, указывают и пореволюционные воспоминания одного из ее бывших воспитанников, М. М. Басова. Он указывает, что школе принадлежало одно из зданий, где, по его предположению, отбывал заключение Федор Михайлович Достоевский [13, с. 86].

Н. И. Лебедева в своей публикации дает такое описание казармам. Их строительство продолжалось в 20–30-е гг. XIX в., и первым был возведен их северо-восточный корпус, т. е. корпус, который впоследствии принадлежал Омскому военно-топографическому отделу. Фундамент на сваях, этажи разделены плоскими перекрытиями, посередине помещений — несущая стена. Перекрытия поддерживаются мощными колоннами, с обеих сторон от стены — печи; дверные проемы смещены к наружным стенам. Стропильная система крыши — двухскатная, дымоходы выведены в одну трубу на коньке крыши. Объем каждого корпуса разделен на восемь больших помещений с печами в углах комнат, примыкающими к внутренним несущим стенам, выполненным в виде аркады. Посередине комнат колоннады, к которым пристроены нары. Лестничные пролеты примыкают к стенам центральных помещений. В 1895 г. деревянные лестницы были заменены на чугунные. Что касается экстерьера, то главный фасад комплекса выполнен в духе безордерного направления в классицизме. Фасад симметричен и делится на пять прясел (слева — направо): небольшая часть с четырьмя окнами, далее слабовыраженный ризалит, увенчанный аттиком с арочной нишей посередине, объединяющей оба этажа; вход с двустворчатыми дверями и декором вокруг них и тремя окнами в арке на втором этаже. Центральная часть с девятью прямоугольными окнами, правое крыло идентично левому. На углах здания имитация каменной кладки — руст. Оконные и дверные проемы ризалитов сверху украшены архивольтами с «замковыми

Рис. 4. Музей «Искусство Омска» (Источник: <https://gorod55.ru/news/culture/26-10-2019/muzeyu-iskusstvo-omska-vydali-predpisanie-iz-za-zdaniya-na-teatralnoy>)

камнями» [14, с. 37]. На фотографии периода Первой мировой войны мы можем видеть, что дверной проем предваряет деревянный тамбур.

Возможно, школе принадлежал весь комплекс зданий казармы, что объясняет, как и в случае с 1-й школой, численность контингента школы и вопрос его размещения.

Таким образом, мы можем подвести итог нашему исследованию. 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты располагались в Омске на территории упраздненной в середине XIX в. Омской крепости в зданиях Омской мужской гимназии, казарм Омской и Иркутской дисциплинарных рот, соответственно. Наше исследование мы считаем важным для исторической памяти нашего региона. На бывшем здании Омской мужской гимназии расположен целый ряд табличек с упоминаниями организаций, которые в нем располагались, кроме 1-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты. Та же ситуация с казармами дисци-

плинарных рот. Несколько лет назад была произведена их реконструкция, сейчас там располагаются музей «Искусство Омска» и курсы творчества и рукоделия «ТВОЙРИМ» (Рис. 4).

Список литературы

1. Приказ по Военному ведомству № 571 от 25 октября 1915 г.
2. Местная жизнь // Омский вестник. — 1915. — Б/д.
3. Местная жизнь // Омский вестник. — 1915. — 12 нояб.
4. Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. / Изд. Акмол. ОСК. — Омск: [Обл. тип.], 1912. — 146 с.
5. План города Омска [Карты]. — [Б.м.]: Сиб. электропечатня и хромолитогр. Иванова, [19--]. — 1 л.: цв.: указ. (133 назв.); 59 x 45 см.
6. Сизова Е. В. Из истории мужских гимназий Западной Сибири в XIX в.: обеспеченность помещениями // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 304. — С. 106–110.
7. Приказ по Военному ведомству № 24 от 12 января 1916 г.
8. Приказ войскам Омского военного округа № 75 от 6 февраля 1916 г.
9. Местная жизнь // Омский вестник. — 1915. — 5 дек.
10. По Сибири // Жизнь Алтая. — 1915. — 5 дек.
11. Приказ войскам Омского военного округа № 347 от 20 июня 1916 г.
12. Приказ Степному корпусу № 14 от 11 июня 1918 г.
13. Басов М. М. К истории юнкерских восстаний в Сибири // Сибирские огни. — 1922. — № 4. — С. 84–88.
14. Лебедева Н. И. Архитектурный комплекс Омской крепости // Энциклопедия города Омска: в 3 т. — Омск: Издат. дом «ЛЕО», 2009. — Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 г.). — 290 с.

УДК 72.03

АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЛИК АРХАНГЕЛЬСКА В 1930-Е ГГ.: СТАЛИНСКАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ

Багирова А.Р.

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Чуракова О.В.

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В культурном ландшафте Советской России в 1930-е гг. произошли значимые перемены, и это хорошо иллюстрирует изменившаяся архитектура городов, в том числе на окраинах страны. Уникальность ситуации Архангельска в том, что в период начавшейся индустриализации он превратился из патриархального города с множеством храмов в административный центр огромного по территории края — «всесоюзной лесопилки».

Ключевые слова: государство; идеология; городская среда; советская архитектура; неоклассика.

Трансформация архитектурных стилей в тоталитарные эпохи — особое социокультурное явление, подтверждающее изречение известного французского архитектора Ле Корбюзье: «Изменения социального строя и экономической политики неминуемо влекут за собой соответствующее преобразование архитектурного феномена» [1, с. 181].

Вне сомнения, история отечественной архитектуры «сталинского» периода не может быть прочитана без пря-

мой связи с политико-социальными процессами в стране. «Политические трансформации, а именно смена фигуры вождя, влекли за собой изменения во всех сферах жизни населения», — полагают исследователи [2, с. 206]. Особенно значимые перемены произошли в культурном ландшафте страны в 1930-е гг. Это касается и архитектуры, где на смену эпохе авангарда (1918–1932) пришел период сталинской неоклассики (1932–1954). Авторы статьи намеренно уходят от дискуссий о периодизации и номинациях стилевых направлений 1930–1950-х гг. (свое мнение по этому поводу авторами уже было высказано ранее [3]), так как история провинциальной архитектуры не всегда вписывается в общепринятые классификации.

В 1930-е гг. и в центральных советских городах, и в самых маленьких, в соответствии с изменением парадигмы государственной власти, находящейся в прямой зависимости от партийного руководства страной, отечественная архитектура претерпевает значительные изменения. Зодчество во все периоды существования неоклассицизма в архитектуре Европы и России отражало природу власти, транслировало государственную идеологию «в массы». В Советской России, по мнению историков и культурологов, «монументальность сталинской архитектуры выражалась средствами пропаганды, которая стала примером внушения уверенности в лучшее будущее народа» [4, с. 206]. Действительно, в парадигме «сталинского неоклассицизма» обращение к «большому стилю» преследовало цель создания жизнеутверждающего визуального образа эпохи. Однако, зачастую, в провинциальных городах масштабность возводимых сооружений имела иной эффект: неоклассика демонстрировала доминирование власти над обществом. Огромные, хорошо декорированные здания выделялись на фоне остальных строений, кроме того, очевидна была разница между жилым фондом «номенклатуры» и «простого народа».

Что касается градостроительных принципов 1930-х гг., то они были одинаковы во всех советских городах, и главными из них были следующие:

- ансамблевая застройка улиц и площадей, предпочтительно в центральной части города;
- назначение зданий исходило из приоритетов государственных интересов, в них располагались администрации городов и регионов, органы «властных» и «силовых» структур, профсоюзных организаций, учреждения культуры и образования.

Тем не менее в каждом городе были свои региональные модификации стилей (в данном — позднего конструктивизма и неоклассики) и особенности формирования городской среды. Уникальность Архангельска в том, что из окраинного портового города в период индустриализации он превратился в столицу огромной территории, призванной стать, говоря современным языком, ведущим лесопромышленным комплексом страны, работающим на экспорт. В 1929 г. Архангельск становится центром вновь образованного Северного края, который объединил территории Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и автономной области Коми [5].

В соответствии с изменением статуса, стал меняться и архитектурный ландшафт города: в Архангельске и окрестностях ускоренными темпами началось строительство промышленных предприятий, зданий административного и культурного назначения, жилищного фонда для чиновников и рабочих.

Архангельск к концу 1920-х гг. внешне все еще оставался православным городом с множеством храмов и колоколен. За 1920-е гг. в городе поменялись вывески на зданиях и были закрыты многие церкви, а их помещения приспособлены к нуждам молодой советской власти. Следовательно, первоочередной задачей в начале 1930-х гг. была необ-

ходимость «расчистить место» для создания нового облика города. В 1929 г. началось тотальное разрушение культовой архитектуры, помимо этого, в центре города были снесены и дворянские особняки, мешавшие начавшейся реконструкции.

В середине 1930-х гг. архитекторами Ленгипрогора (Ленинградский государственный институт проектирования городов) был разработан план застройки города «Большой Архангельск». Два документа — «Краткое резюме к текстовым материалам по схеме распределения территории г. Архангельска» (1935) и «Основные положения схемы распределения территории г. Архангельска» (1936) — рисовали облик будущей столицы севера. По генеральному плану центральная площадь города должна была находиться на берегу Северной Двины в начале улицы Энгельса (нынешняя Воскресенская). На этой площади должны были быть построены монументальные общественные здания: Дом городских советских и партийных организаций и Дворец культуры, спроектированные московскими архитекторами под руководством В. А. Шуко и И. В. Жолтовского. Декоративными элементами на площади могли бы стать двуростральные колонны и амфитеатр. Набережную Северной Двины, в то время носившую название Проспект Сталинских ударников, должны были застроить многоэтажными домами, а украсить — красивыми лестницами, скульптурами и бюстами «стахановцев, ударников и физкультурников» [6, с. 112]. Для занятий спортом и отдыха северян предполагалось построить стадионы, водные станции и разбить парки. Один из них планировалась сделать на месте старого городского кладбища, другой — на 17 тысяч человек! — за чертой города. В пригородах намечалось и создание санаторно-курортных комплексов.

Чтобы решить жилищную проблему, предлагалось увеличить высоту зданий до 5 этажей, однако каменные зда-

ния даже такой высотности из-за заболоченности большей части города можно было строить лишь в полосе от берега Двины до пр. Ломоносова (второй от реки проспект). Дальше предполагалось строительство малоэтажных деревянных домов. План «Большой Архангельск» не был осуществлен, но именно он, по мнению краеведов, наметил градостроительное развитие города [7, с. 90].

Уже в первой половине 1930-х гг. в Архангельске сформировался архитектурный облик главного проспекта города (бывшего и нынешнего Троицкого проспекта), в 1920-е гг. получившего имя в честь героя гражданской войны Павлина Виноградова. В центральной части проспекта в 1930-х гг. появились Дом связи (Главпочтамт), Областной драматический театр (Архангельский драматический театр), Дом Советов (Областная администрация), здание Государственного банка, здание школы № 19 имени М. В. Ломоносова, Дворец пионеров. Кроме того, здесь же размещались подвергшиеся реконструкции административное здание управления ОГПУ — НКВД [8].

Визуальная репрезентация социалистического города должна была подкрепляться за счет украшения зданий декоративными элементами: скульптурами, барельефами с изображениями трудящихся, символов мира и процветания. В столице и крупных городах в строительстве проектировщики могли позволить себе использование бронзы, мрамора и других дорогих материалов в декорировании строений, а в провинции градостроители ограничивались лепниной из гипса. Как иконостас в храме транслирует события «мира лучшего», являясь «Библией для неграмотных», так и коммунистический рай был визуализирован на барельефах и панно на зданиях города.

Очень любопытные документы, касающиеся оформления города в духе «социалистической неоклассики», находятся в государственном архиве Архангельской области.

Например, в рекомендациях по оформлению зданий предписывалось «при штукатурке избегать плоских форм и допустить применение пилястр, вертикальных и горизонтальных поясов» [9, л. 80]. Созданию образа города «светлого будущего» способствовало окрашивание и оштукатуривание домов, при этом надлежало избегать мрачных тонов и оштукатуривать (припудривать!) здания в пастельные тона, а раскрашивать по возможности ярче. На совещании при Межведомственном экспертном совете по сектору жилищно-коммунального строительства от 17 мая 1933 г. был заслушан доклад архитектора Борисова о художественно-архитектурном оформлении города Архангельска. Рекомендации были следующие: «при оформлении отдельных домов следует избегать монотонности в окраске, подчеркивая некоторые архитектурные элементы здания путем окраски др. тоном» [9, л. 80 — 80 об.]. Как следует из отчетов, в городе было оштукатурено несколько важных архитектурных объектов, среди которых «большой театр, клуб водников, гостиница в Соломбале, дом советов в Соломбале, дом специалистов в Октябрьском районе» [10, л. 13].

Подобные рекомендации в планировке городской среды и декорировании можно встретить и в другие периоды существования неоклассицизма в России. Таков, например, казус создания города София в Царском Селе Екатериной II. Российская императрица пыталась создать «образцовый» и во многом идеализированный городской ландшафт. Между тем, отличительной чертой периода социализма от эпохи Просвещения XVIII в. было строительство специальных зданий — «очагов культуры» для трудящихся масс. Действительно, важное место в программе создания нового урбо-пространства занимает устройство рабочих клубов и дворцов культуры. Причем за возведением данных объектов пристально следили партийные органы. Так, на одном из Пленумов ЦК ВКП(б) в адрес градостроителей звучала

критика: «Имеется ряд неудовлетворительных построек, не отвечающих <...> тем идеологическим требованиям, которые должны быть предъявлены к архитектурному оформлению рабочего клуба как центра культурно-политической жизни пролетарской массы» [10, с. 12–13].

На севере России строительство клубных зданий особенно интенсивно идет с середины 1930-х гг. В 1937 г. был построен Дворец молодежи «Строитель» в Судострое (с 1938 г. — Молотовск, ныне — город Северодвинск), в 1938 г. — клуб судоремонтного завода «Северпуть» в Мурманске. Появились подобные культурные центры и в Архангельске. Как и в столице, к их постройке, как площадке для идеологической пропаганды, власти относились очень требовательно. Например, на одном из заседаний Севкрайисполкома архитектор Борисов раскритиковал деревянное здание клуба милиции в Архангельске: «Решение фасада в архитектурном отношении неудовлетворительно, <...> зрительный зал не соответствует общему стилю здания» [12, л. 136].

В 1930-х гг. советские архитекторы разработали серию типовых проектов для школьного строительства, рекомендованных для применения на всей территории СССР. В Архангельске и его пригородах было построено более десятка типовых школьных зданий с огромными окнами, пристройками спортивных залов. Активно строились в краевом центре и объекты здравоохранения. В 1937 г. в столице Северного края были сданы в эксплуатацию родильный дом на 50 коек, детские ясли на 60 коек, детский инфекционный корпус областной больницы.

Тем не менее эпоха «строительного бума» не могла не породить и проблемы. Одной из них стал дефицит «рабочей силы». «Вместо 300 чел. работает 122 чел.» [13, с. л. 18], — констатировали проверяющие органы и принимали жесткие решения: «ввиду безобразной затяжки строительства

инфекционного детского отделения — прораба строительства Лебедева с работы снять и отдать под суд» [14, л. 21]. Частично решить проблему нехватки трудовых ресурсов помогло использование труда спецпереселенцев. В Архангельске они трудились на строительстве жилых и промышленных зданий.

Участвовали в создании нового облика города и представители творческой интеллигенции, отбывавшие на севере ссылку. Среди них выдающийся архитектор, прошедший путь от чертежника проектного отдела Севстроя до начальника отдела архитектуры и градостроительства Архангельского облисполкома, М. Ф. Кибирев. Михаилом Федоровичем Кибиревым были спроектированы следующие объекты: производственно-складское здание облуправления наркомсвязи, здание управления арктического морпароходства, здание УВД, здание штаба военного округа. Кроме того, он руководил реконструкцией здания областной администрации, застройкой жилых кварталов в центральной части города и многими другими проектами.

Характерной чертой создания архитектурно-градостроительной среды в период становления нового общественно-го строя стало развитие жилищного строительства, причем к середине 1930-х гг. в «соцгородах» стали проектироваться целые жилищные кварталы и даже поселки в городских предместьях.

В парадигме социальной иерархии «сталинского периода» жилые дома делились на рядовые жилые строения (типовые здания) и «номенклатурные» дома. С 1933–1940 гг. в центре Архангельска было построено несколько «сталинок» — элитных жилых домов на проспекте П. Виноградова и Набережной Северной Двины. Как и повсеместно по стране, в стиливом решении оформления фасадов данных зданий применялись элементы ордерной архитектуры. В декорировании домов использовались фронтоны, ко-

лонны и пилястры, и в меньшей степени, нежели в центре страны, — фигурные наличники на окнах, скульптуры или декоративные элементы на крышах домов. Монументальность внешнего облика и торжественность визуальных репрезентаций каменных домов, населенных «номенклатурой», контрастировала с рядовой, чаще всего деревянной, застройкой провинциальных городов. Однако в 1930-х гг. здания не были еще столь пафосными, как в послевоенный период «сталинского ампира», и их жильцами были не только государственные чиновники, но и представители творческой интеллигенции. Например, наиболее известное здание в Архангельске 1930-х гг. — так называемый «Дом специалистов», расположенный на Набережной Северной Двины (д. 98). Здание было построено в 1933 г. Весьма показателен список жильцов дома: «1. Толмачев — профессор, председатель полярной комиссии Академии наук, 2. Шведчиков П. П. — технич. директор, зам. управ. Северолеса, 3. Замятин М. К. — профессор мединститута, 4. Бешеверов Н. И. — профессор мединститута, 5. Демьяновский И. Н. — инженер-механик, нач. механико-судовой части СУРПа, 6. Игнатъев К. И. — главный инженер — зав. производством горстройтреста, 7. Паварс И. И. — старший инспектор по племенному делу КрайЗУ, 8. Капустин В. А. — главный инженер Архпорта, 9. Наливайко Г. Я. — главный инженер Сев. отд. гидростроя, 10. Ткаченко А. А. — главный инженер горкомхоза, 11. Олейник В. Е. — специалист Севсплавтреста, 12. Березин А. А. — инженер, председатель МЭС по жилком. строительству, 13. Зарубин — главный инженер телеграфа, 14. Иотсон Л. И. — врач, зав. терапевтическим отделением гор. больницы, 15. Мациевский — врач, зав. физиотерапевтич. лечебницей, 16. Николаев А. С. — директор и художественный руководитель Арх. ТЮЗа, 17. Соснин В. П. — глав. инженер Севэнерголеса, 18. Синельников С. М. — экономист, член президиума крайплана,

19. Щербаков Е. А. и Мисевич М. А. — преподаватели пединститута, 20. Агафонов К. И. — специалист по экспорту Экспортлеса, 21. Сабуров И. И. — учитель, зав. ФЭС, 22. Власов Г. Д. — профессор АЛТИ, руководитель кафедры лесопильного производства» [16].

Справедливости ради следует отметить, что в «Доме специалистов» были довольно «скромные» условия по меркам того времени, без излишнего «барства», тогда как в других «сталинках» были отдельные кабинеты не только для хозяйки квартиры, но и его библиотеки, комнаты для прислуги, огромные детские и пр. Вне сомнения, подобное жилье контрастировало с теми условиями, в которых жил «простой народ». Как правило, за чертой третьего — четвертого от набережной проспектов находился массовый жилой фонд: деревянные двухэтажные дома с коридорной системой, общей коммунальной кухней и «удобствами на этаже». Кроме того, в пригородах Архангельска в 1930-х гг. образовался значительный сегмент жилищного фонда с квартирами, в которых проживало сразу несколько семей («коммуналки» — общежития или семейные бараки). Стройка деревянных домов велась по типовым проектам Акишева. На окраинах города выросли целые кварталы подобных строений, например, поселок судоремонтного завода «Красная Кузница». Строились общежития не только для рабочих, но и для сотрудников правоохранительных органов и «силовых структур», например, для Архангельского пересыльного пункта ОГПУ. Об этом свидетельствует официальное письмо начальника Архперпункта ГУЛАГа ОГПУ Дурново начальнику Стройлагпункта Сальману с просьбой утверждения чертежа дома «под общежитие сотрудников» [17, л. 4].

Помимо архивных фондов учреждений и организаций архитектуры и строительства, большое значение в реконструкции облика города имеют воспоминания жителей. Особенно значим «взгляд со стороны» тех, кто приехал

в город из других регионов страны. Подобное описание Архангельска оставил высланный из Костромы краевед Василий Иванович Смирнов. Он поражен деревянной архитектурой города: «Архангельск — союзная лесопильня. Город почти сплошь деревянный: целые деревянные улицы. <...> Деревянный город усиленно продолжает строиться и пристраиваться. Стройка последнего времени особенно грандиозна — рубят колоссальные стандартного казенного типа дома в два этажа с большими окнами с <...> форточками» [18, с. 14–15]. Действительно, в зданиях 1930-х гг. стали делать огромные окна. Подобное проектное решение лежало в основе конструктивизма, однако, это в принципе не соответствовало традициям строительства деревянных зданий на севере, где главная цель при проектировании дома была — сохранить тепло [19].

Следует отметить и тот факт, что типовые проекты жилых домов периода социализма не выдерживали сравнения с деревянными домами стиля модерн и эклектики начала XX в. В Архангельске до революции на центральных проспектах стояли купеческие особняки индивидуальной планировки с эркерами, балконами, коваными декоративными элементами, украшавшими крыши и подъезды домов. Даже многоквартирные доходные дома имели каждый свои архитектурные особенности. Приезжающие в город отмечали «странные детали в архитектуре многих старых домов: пузатые балконы-фонари, срубленные вроде кормы корабля, и крыльца с крышей «отливом» [18, с. 15]. Советские архитекторы пытались декорировать здания, в том числе — в стиле неоклассики. Так, иногда на двухэтажных домах появлялись фронтоны, пилястры, квадратные колонны у парадного подъезда. Со временем парадный подъезд закладывали и превращали в складское помещение, а жители ходили через «черный ход». На первом этаже таких домов был большой холл, а на второй этаж шла широкая лест-

ница. Наличники на некоторых деревянных зданиях были оформлены в стиле «псевдоклассицизм» и даже «псевдобарокко». Однако все же большинство зданий, особенно на окраинах города, выглядели абсолютно безлико.

Для создания нового облика города в 1930-е гг., кроме вопросов зодчества, важно было решить проблемы с коммунальными службами и благоустройством городской территории. В Госплане РСФСР была предусмотрена сумма для коммунального строительства в Архангельске в размере 400 тысяч рублей: «125 тысяч отпускается на расширение водопроводной сети, 100 тысяч на ремонт трамвайного парка, 100 тысяч на оборудование бань, 75 тысяч на нужды городского пароходства» [20, с. 1]. К проблемам городского благоустройства следует отнести и освещение улиц в темное время суток, уборку снега (очистку крыш, тротуаров, мостовых). Особое внимание стало уделяться зонам отдыха. «Нужно все скверы, сады отдыха очищать от снега, чтобы рабочий мог бы там отдохнуть, так как у рабочего и зимой есть потребность посидеть и отдохнуть где-нибудь в саду», — писали корреспонденты газет [20, с. 1].

Изучение архитектуры невозможно без обращения к социальной истории, к истории повседневности, культурно-исторической антропологии. Обыденность в историко-культурном, политико-социальном контексте служит наполнением той самой архитектурно-градостроительной среды, которая формировалась в городах Советской России в 1930-е гг. «Стены домов только одежда их. Гораздо важнее то, что внутри», — полагают исследователи городского быта [18, с. 16].

Следовательно, лишь системный подход с его междисциплинарностью и методологическим плюрализмом позволит исследовать прошлое во всем его многообразии, в том числе историю культуры городской повседневности во

взаимосвязи с социокультурным пространством, городской средой, жилищными условиями и пр. В этом видится большой потенциал исторической урбанистики как нового исследовательского тренда.

Список литературы

1. *Ле Корбюзье*. Архитектура XX века / пер. с фр., под ред. К. Т. Топуридзе. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 1977. — 181 с.
2. *Лосева Е. С.* Влияние политических перемен в Советской России на трансформацию государственного стиля в архитектуре 1930–1960-х годов // Вестник ПАГС. — 2011. — С. 201–206.
3. *Багирова А. Р., Чуракова О. В.* Разночтения в прочтении «Большого стиля»: взгляд историка на архитектуру советского неоклассицизма // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — 2020. — № 1. — С. 6–11.
4. *Казанева Е. К., Хисматуллина Д. Д.* Сталинский ампиризм в архитектуре города Магнитогорска [Электронный ресурс] // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. — 2014. — № 1. — С. 116–121.
5. Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения [Электронный ресурс]: Постановление Президиума ВЦИК от 14 января 1929 года. — Электронные текстовые данные. URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17397#05009893807813663> (дата обращения: 14.05.2020).
6. *Тонков В.* Архангельск. — Архангельск: Северное областное издательство, 1937. — 116 с.
7. *Добрыднев В. А.* Город будущего в представлениях советских архитекторов 1930-х годов // РЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ. — М.: Перо, 2019. — С. 87–90.

8. Пинаева Н. В. Дом с историей // Известия Русского Севера. — 2015. — № 1–2. — С. 59–65.
9. Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 700. Оп. 1. Д. 923.
10. ГААО. Ф. 834. Оп. 1. Д. 194. Л. 13.
11. Кеменов В. С. Архитектура клубного здания. 10 рабочих клубов Москвы. — М.: ИЗОГИЗ, 1932. — 50 с.
12. ГААО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 1050.
13. ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 40.
14. ГААО. Ф. 834. Оп. 1. Д. 81.
15. ГААО. Ф. 3525. Оп. 1. Д. 100.
16. Лоцилов М. Первые новоселы Дома специалистов [Электронный ресурс] // Сайт Михаила Лоцилова: Архангельский Север — люди и годы: [сайт]. URL: http://www.lochchilov.com/pervye_novosjoly_doma_specialistov/2020-05-10-1161 (дата обращения: 05.05.2020).
17. ГААО. Ф. 3525. Оп. 1. Д. 82.
18. Смирнов В. И. Город Архангельск в начале 30-х XX столетия: (из записок ссыльного краеведа). — Архангельск, 2012. — 50 с.
19. Акишева В. Д. Типовая деревянная архитектура Архангельска первой половины XX века [Электронный ресурс] // Техника. Технологии. Инженерия. — 2017. — № 2. — С. 76–78.
20. Кредиты на коммунальное строительство // Правда Севера. — 1930. — 12 янв.

УДК 908+352

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ОМСКА В ЭПОХУ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Кузеванов В. С.

*Омск, государственный университет
имени Ф. М. Достоевского*

Аннотация. В статье рассматриваются основные градостроительные идеи развития городского пространства Омска, в том числе застройки Ленинск-Омского на фоне административно-территориальных преобразований. Отдельное место отводится истории генплана середины 1930-х гг., который был единственным градостроительным документом до конца 1950-х гг. определяющий характер застройки города. На основе анализа ключевых нормативно-правовых актов и трансформации города 1920–1930-х гг. доказано, что архитекторы и представители власти по-разному видели способы реализации основных положений генплана Омска.

Ключевые слова: городская трансформация; историческая урбанистика; генплан Омска; Ленинск-Омский.

Омск в 1930-х гг. стал одним из крупнейших городов-центров административно-территориальных образований Западной Сибири. Выдающийся историк архитектуры и градостроительства Сибири Б. И. Оглы отмечал: «Формирование центров крупных городов связано с общим процессом урбанизации и с его региональными особенностями» [1, с. 3]. Исходя из процесса организации градостроительного пространства и архитектурных замыслов оформления города можно выявить основные черты урбанистического развития.

Согласно п. 1 Постановления ВЦИК от 7 декабря 1934 г. «О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и образовании новых областей в Сибири», была оформлена Омская область с центром в г. Омске в составе всех районов и национальных округов бывшей Обско-Иртышской области, 13-ти районов Западносибирского края и 11-ти Челябинской области [2, с. 12]. Это административное разделение создало одну из самых обширных областей страны. В этом отношении интересна рефлексия самих архитекторов. Е. А. Степанов пишет: «Омск стал центром крупнейшей в Союзе области с границами от Казахстана до Северного Ледовитого океана площадью свыше 1,5 миллионов квадратных километров» [3, с. 7]. Е. Степанов являлся современником этих событий, поэтому эта историческая память оказывается важной для решения задач городской застройки.

Численность населения Омска в 1931 г. составляла 162 200 чел., в 1935 г. — 246 000 чел., в 1937 г. — 270 542 чел. [4, с. 65], в 1939 г. — 288 900 чел. Для сравнения приведем данные по Тюмени на тот период: в 1931 г. — 58 000 чел., в 1937 г. — 76 478 чел. [4, с. 65], в 1939 г. — 79 200 чел.; и по Тобольску — 23 500 и 32 244 чел., соответственно. Таким образом, даже численно Омск превосходил города, которые располагались на территории области. Согласно данным переписи 1939 г., на территории области проживало 506 025 чел. из числа городского населения (21,3 %) [5, с. 24]. Административный центр исторически моложе Тюмени на 130 лет, Тобольска — на 129 лет и Тары — на 122 года. Связь между этими городами была не всегда установлена, так, опираясь на архивные данные, личную переписку между архитекторами, можно утверждать, что многие письма и запросы не всегда получали должного ответа или вовсе оставались без внимания.

Градостроительная структура Омска к началу 1930-х гг. была развита слабо, «спонтанное» частное строительство не всегда позволяло отрегулировать развитие урбанистического пространства. Отдельные городские образования, прилегающие к Омску, по мере расширения городской линии включались в состав. Например, Ленинск-Омский — самостоятельный населенный пункт, выросший из Атаманского хутора, в 1923 г. получил самостоятельный план планировочной структуры, разработанный инженером Назаретовым [6, с. 62]. Этот план на протяжении десятилетия перерабатывался и обновлялся в соответствии с современными тенденциями, а позже полностью был отвергнут. В газете «Рабочий путь» за 12 мая 1927 г. отмечалось: «Заселение и застройка новых земельных участков в Ленинске-Омском в настоящее время производится не по проектному плану, составленному инженером Назаретовым» [7, с. 8]. Идея создания «зеленого города» была актуальной в 1920-х — начале 1930-х гг. не только в СССР, но и в мировой практике. Заграничные градостроители Бруно Таут (Германия) и Эбенизер Говард (Великобритания) предлагали и реализовывали свои идеи «города-сада», «рабочих поселков», «закрытых кварталов» [8, с. 241–255]. Практика рационализаторского и рационального использования городской структуры была поддержана в среде советских архитекторов, которые были заняты поиском новых направлений архитектурного дела. Инженер Назаретов, возможно, он работал при железнодорожном ведомстве, предлагал градостроительную сетку, схожую с оригинальной концепцией «города-сада» с железнодорожным узлом Э. Говарда. Лучевое сечение замкнутого урбанистического пространства определяло перспективу роста по основным радиальным направлениям. Судя по единственному изображению, приведенному в газете «Рабочий путь» [9, с. 8],

можно отметить, что магистрали и основные элементы инфраструктуры разбиты на сектора, что позволяло органично развиваться населенному пункту как самостоятельной системе, так и в качестве составной части города Омска. Центральный сектор в предлагаемом плане приобрел бы круглую форму, разбитую прямыми линиями в виде пятиконечной звезды. В личных записях В. И. Кочадамова был обнаружен листок с конспектом упомянутой статьи из газеты и схематичным изображением этого плана [10, с. 6]. Градостроительная сетка в виде «Эмблемы Республики Советов» была также упомянута в диссертации Б. И. Оглы, который дает свою оценку этому решению: «В южной части Омска, в связи со строительством в 30-х годах так называемого “Соцгорода”, инженером Назаретовым разрабатывается город-сад в виде пятиконечной звезды. В этом же году города-сады проектируются в Кузнецке и Барнауле» [11, с. 3]. Ленинск-Омский получил до присоединения к городу в 1930 г. самостоятельную структуру, которая была во многом «авангардной» и заметно отличалась от омской городской системы. Исследователь российского градостроительства В. Р. Крогиус отмечает, что вхождение подобных новых урбанистических образований в состав исторического города требует особого внимания и отдельных исследований. Необходимо согласиться с таким заключением: Ленинск-Омский в довоенный период воспринимался как чужеродный объект в составе города — на генеральных планах развития Омска Ленинск указывался отдельно или не упоминался в программах городской застройки.

После 1934 г. Омск как областной центр нуждался в реконструкции. Первый генеральный план был составлен бригадой архитекторов из Новосибирского отделения Горстройпроекта. В «Архитектурной газете» подчеркивали сильные стороны этого проекта: «Генеральный проект но-

вой планировки Омска, разрабатываемый Новосибирским отделением Горстройпроекта, ставит своей задачей реконструировать Омск, не увеличивая городской площади, а радикально улучшив ее использование» [12, с. 1]. Укрупнение кварталов позволило сохранить площадь города и имеющуюся уличную сетку. Авторский коллектив проекта: руководитель Л. С. Сивек, соавтор П. К. Куриленко, экономист С. Б. Якобсон. В статье присутствует факт, который не получил подтверждения, а именно: «Работу над генеральным проектом города, которая уже заканчивается, консультирует архитектурно-технический совет Горстройпроекта при участии акад. арх. И. В. Жолтовского» [12, с. 1]. Однако историкам архитектуры удалось установить, что в разработке схемы распределения территорий Омска занимался «европейский архитектор» в иммиграции И. К. (Соколов) Добрев [13, с. 301]. После завершения работы новосибирские архитекторы передали все материалы и чертежи омским архитекторам. В. И. Кочадамов указывал: «В 1935 году новосибирским филиалом “Горстройпроекта” были составлены четыре варианта схем размещения территории» [6, с. 67]. Ученый не останавливался на старых вариантах развития города, а предложил в одном из проектов застраивать левый берег Иртыша. Для связи с исторической частью города предполагалось построить мост напротив Омской железной дороги. Фотокопия этого проекта сохранилась [14, л. 24], поэтому с уверенностью можно сказать, что этот вариант разрабатывала архитектурная мастерская № 5 Новосибирского отделения Горстройпроекта.

Градостроительный замысел новосибирских архитекторов можно восстановить по подробному описанию отчетной выставки проектов. Архитектор В. Н. Позняков в своей статье [15, с. 4] дает подробное описание, основываясь на технико-экономических записках Новосибирско-

го отделения Горстройпроекта к плану Омска, задании на типовой квартал, схеме сетей учреждений и организаций, планах очередности строительства, схемах внутригородского транспорта, представленных на выставке. В первой части своей статьи архитектор описывает виртуальную прогулку по будущему «Большому» Омску (центр, в представлениях новосибирских проектировщиков, расширялся до ул. Кузнечной). Используя, по словам автора, «показательный метод», автор рассказывает о типовом крупном квартале в 11–12 га, в котором проживают 5 тыс. человек, о планах строительства моста через реку Омь [16, с. 4] — этот проект был реализован гораздо позже [17, с. 71], о рационализации схемы трамвайного транспорта. Во второй части автор в цифрах и положениях представляет будущий облик города. К концу реализации третьей очереди Омск увеличится «по проекту Горстройпроекта на 550 тыс. жителей» [15, с. 5]. Типовой квартал рассчитан на 2,5 или 5 тыс. жителей с соответствующей инфраструктурой и дорожно-транспортным комплексом. Высотность города достигнет четырех, пяти этажей, а в отдельных районах — здания в шесть и семь этажей. Для визуальной наглядности архитектор приводит пример: «Громада жилого дома Облисполкома уже не выскакивает из пространства» [15, с. 7]. Согласно экспликации зданий, представленных на проектах, в центральной части города планировалось разместить следующие объекты: Дом Советов (утвержден и разрабатывались рабочие чертежи), Дом горсовета (займет действующее здание Облисполкома), Дом райсоветов для партийных, профсоюзных и общественных организаций, Дом НКВД, Центральный дом юстиции, Центральный дом милиции, Дом кредитных учреждений, Дом коммунальных трестов, Дом хозорганизаций, Дом комитета Севера, областной и городской комитеты комсомола, Облпрофсовет, Дом связи

(проектировался вместе с почтамтом), гостиницы, пожарные станции и пр. В статье также упоминаются районные центры, что может свидетельствовать о предложении новосибирскими архитекторами своей концепции по развитию городских районов, в частности Сталинского (ныне — Советского административного округа).

Одним из принципиальных моментов был производственно-территориальный способ развития города. «За основной фактор при разработке перспектив социалистической реконструкции гор. Омска взято развитие промышленности» [18, с. 68]. Следуя этому принципу, градостроители выбрали семь площадок: 1. северная, рядом с кирпичным заводом № 6, для судовой верфи и ряда вредных в санитарном отношении предприятий; 2. северная правобережная прииртышская — район Трактородеталь имени Кагановича, лесозавода и судоремонтный завод — для развития уже имеющихся предприятий без расширения площадок; 3. площадка замкнутого типа завода имени Куйбышева и суконной фабрики в перспективе для размещения еще одного предприятия — новой типографии; 4. восточная площадка (три кирпичных завода, быткомбинаты, биофабрика) для размещения жилой зоны вдоль р. Омь, швейной фабрики, плодоовощного комбината; 5. центральная, между железнодорожным узлом и городским массивом, для сосредоточения основных промышленных предприятий; 6. площадка Ленинского района (паровозо-ремонтный завод, мельница «Коммунар», законсервированный маслостойный завод, подлежащий сносу) для строительства элеватора; 7. Кировская районная площадка (Левый берег, терминальный элеватор, мельница 1С и 2С, завод круп, кожзавод, шпалопропиточный завод НКПС и кирпичный завод) рядом с южной ж/д веткой для размещения макаронной, кондитерско-бисквитно-галетной фабрики, ком-

бината растительных и животных масел, мыловаренный завод [19, с. 50–51]. Городская конфигурация также должна была подлежать изменению. Предполагалось построение меридиональных магистралей, соединяющих Ленинский район с административно-культурными центрами и вузовским городком.

Таким образом, к концу 1930-х гг. Ленинский район должен был стать частью общего городского пространства. Архитектурный облик города по проекту претерпевал серьезные изменения. Основные трансформации связаны с центральной частью города. Проект Новосибирского отделения Горстройпроекта не был полностью реализован. Предлагаемая градостроительная сетка получила развитие в последующие десятилетия, но архитектурные объекты для центральной части не были построены. Современный историк архитектуры С. С. Духанов обращает внимание на дробный характер планировки. «Согласно проекту Омск располагался на двух берегах, хотя “разбросанность” города не соответствовала ни градостроительным проблемам самого Омска того времени, ни степени развития его коммунального хозяйства (отсутствие коммунального моста через Иртыш, подъездных путей и т. д.)» [20, с. 313]. Историк заметил, что для объединения промышленных территорий и Ленинска-Омского проектировщики применили принцип развития транспортных сетей, т. е. градостроительным способом проблема «компоновки» города не решалась.

Список литературы

1. *Оглы Б. И.* Формирование центров городов Сибири на современном этапе урбанизации // Проблемы формирования архитектуры Сибири: сб. науч. тр. — Иркутск: ИПИ, 1988. — С. 3–8.

2. Административно-территориальное деление Омской области в 1917–2007 гг. / сост. Г. Ю. Гурьев, Л. И. Огородникова. — Омск, 2008. — 247 с.
3. Омскгражданпроект. Служебная информация / сост. Е. А. Степанов, А. М. Курносенков, Г. Е. Чиркин. — Омск: Омскгражданпроект, 1985. — 78 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. — М., 1991. — 238 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — М., 1992. — 254 с.
6. *Кочедамов В. И.* Омск. Как рос и строился город. — Омск: Омское книжное издательство, 1960 — 114 с.
7. *Т-ин В.* Планировка города. Будущий город-сад // Рабочий путь. — 1927. — 12 мая.
8. Curtis W. J. R. Modern architecture since 1900. — N.Y.: Press NYT, 2001. — 561 p.
9. Ленинск-Омский через 10 лет // Рабочий путь. — 1927. — 12 мая.
10. ОГОНПБ имени А. С. Пушкина. Отдел рукописей и редкой книги. *Ф. Кочедамова В. И.* — П. Омск. Л. 6.
11. *Оглы Б. И.* Развитие композиционно-планировочной структуры городов Сибири — центров районов расселения: дис. ... д-ра архитектуры. — М., 1973. — 38 с.
12. *Самойлов И.* Новый Омск // Архитектурная газета. — 1937. — 23 сент.
13. *Коньшева Е. В.* Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. — М.: БуксМАрт, 2017 — 360 с.
14. Музей истории архитектуры Сибири имени С. Н. Баландина при НГАХА. Фонд городов Сибири. Д. Омск — Тара. Л. 24. Фото. 2.
15. *Позняков В. Н.* Большой Омск // Омская область. — 1937. — № 9. — С. 3–19.

16. *Розулин*. Каким будет мост через Омь // Омская правда. — 1935. — 27 окт.
17. *Волков Н. Р.* Новый мост через р. Омь в г. Омске // Омская область. — 1941. — № 4. — С. 71–73.
18. *Грассе Г. Р.* Перспективы социалистической реконструкции города Омска // Народное хозяйство Омской области. — 1935. — № 5. — С. 67–72.
19. *Грассе Г. Р.* Задачи реконструкции г. Омска // Народное хозяйство Омской области. — 1935. — № 6. — С. 50–55.
20. *Духанов С. С.* Особенности работ по генеральной планировке городов Западной Сибири в 1930-е гг. (по материалам фотофонда музея истории архитектуры Сибири имени С. Н. Баландина) // Баландинские чтения: сб. ст. VIII научных чтений памяти С. Н. Баландина (Новосибирск, 18–20 апреля 2013 г.). — Новосибирск, 2014. — С. 311–319.

УДК 93/94

ПЕРЕУСТРОЙСТВО ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДОВ СССР В 1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ БАРНАУЛА)

Коровниченко А. А.

Барнаул, Алтайский государственный университет

Аннотация. В статье приводятся данные о планах по устройству транспортных систем городов СССР в 1930-е гг. Основное внимание уделено Барнаулу. Отмечено, какие из планов по благоустройству были реально применимы, а какие из них так и остались только теорией. Сделаны выводы о возможностях применения элементов обустройства транспортной инфраструктуры 1930-х гг. в наше время.

Ключевые слова: дорожное строительство; благоустройство городов; Барнаул.

Современные города — это огромные агломерации. Они являются центром сосредоточения торговли, образования, промышленности, а транспортная система, подобно кровеносной системе организма, обеспечивает перемещение пассажиров и грузов. Основные требования, предъявляемые к транспортной системе: быстрота, комфортность и безопасность. Определяется это численностью населения, количеством автомобилей, модернизацией дорог. Города России являются наследниками той системы, которая создавалась в СССР. Именно в 1930-е гг. Советский Союз столкнулся с проблемой, когда в стране быстро растет число автомобилей, дороги находятся в ужасном состоянии, и при этом необходим огромный экономический рывок. Это вызвало необходимость детального теоретического анализа построения новой городской среды. Данная проблема в чем-то

схожа и с современным положением нашей страны: количество личных автомобилей огромно, все это влечет за собой так хорошо знакомые всем проблемы: быстрый износ дорожного полотна, пробки. Решение этих проблем требует, помимо современных подходов, еще и знание методов, выработанных в ходе исторического развития.

Историография данного вопроса включает в себя лишь фрагментарные данные в исследованиях по дорожному строительству [1–3]. Специального труда по дорожному строительству в Барнауле нет. Поэтому основой для написания статьи, помимо сведений из работ по дорожному строительству, стали архивные материалы, которые позволили определить региональную специфику. В частности, использовались материалы фонда 1037 Государственного архива Алтайского края (ГААК), где хранятся дела по деятельности городского коммунального хозяйства Барнаула, куда входил дорожный подотдел.

В конце 1920-х гг. приобрели интенсивность миграционные потоки в города, особенно в крупные промышленные и административные центры европейской части СССР. Это резко обострило проблему обеспечения городского населения жильем и коммунальной инфраструктурой. Возможности «квартирного передела» были уже весьма ограничены. Несмотря на зафиксированный статистикой рост жилищного строительства (новое строительство, достройка и восстановление), позволивший увеличить возведенную жилую площадь в городах с 1923 г. по 1930 г. почти в два раза, потребности в жилье оставались неудовлетворенными. Согласно переписи 1926 г., в 158 городах СССР с населением свыше 20 тыс. жителей на одного жителя приходилось от 3,7 до 6 кв. м, а в крупных индустриальных центрах этот показатель был еще ниже. Немаловажно, что при этом не учитывалось качество жилья, к которому причислялись жилые подвалы, полуподвалы, каморки и т. п. [1].

В 1926 г. состоялся первый Всесоюзный съезд по гражданскому и жилищному строительству, на котором были выдвинуты тезисы влияния экономических факторов на планировку городов:

1. В основу планировки должна быть положена увязка потребностей населенного пункта в отношении жилищного фонда, благоустройства и транспорта с реальными возможностями осуществления. Поэтому планы должны содержать данные по обследованию застройки, движения потоков людей и грузов.
2. В малых городах и поселках для осуществления благоустройства повышать плотность до 100–200 человек на гектар. В больших городах плотность уменьшать.
3. Для понижения стоимости перевозок в пределах населенного пункта массовый грузооборот выделяется в специальный промышленный район, оборудованный подъездными путями [4, с. 24–25].

В 1930-е гг. в СССР утверждается концепция построения «социалистического города» как некий образец комфортности и предвестник благополучия коммунистического строя [3, с. 16].

Одним из первых ученых-теоретиков, который задался проблемами градостроительства, исходя из первостепенности прокладки дорог, был Григорий Дмитриевич Дубелир. Он уделял внимание вопросам транспортного обоснования системы планировки уличной сети: «Городские улицы, определяя форму и размеры заключенных между ними строительных участков, в то же самое время сами по себе являются сетью городского сообщения. В этом смысле планировка новых частей города должна обеспечивать удобное и скорое сообщение окраин с центром и различных частей города между собой» [4, с. 22]. Исходя из этого, выделялись два типа городских дорог: 1) обслуживающие транспортные потоки (проспекты); 2) обеспечивающие до-

ступ к домам (улицы, переулки). Дубелир отстаивал планы радиального и диагонального строительства и планировки городов, анализировал архитектурно-эстетические аспекты, предлагал озеленять улицы, утверждал, что правильное сочетание группировки строений, улиц и зелени способно благотворно воздействовать на здоровье жителей и лучшему зрительному восприятию [4, с. 23].

В 1930-е гг. Барнаул, как и большинство городов СССР, еще не имел развитой транспортной системы. Замощенными камнем были около 11% улиц города, остальные имели естественное покрытие. Однако набирающая темпы автомобилизация страны, рост города и его значимости, как одного из транспортных узлов юга Сибири, ставили задачи перед городской комиссией по благоустройству о детальном планировании будущих улиц и их облика [3, с. 16].

Проследить эти планы возможно с опорой на директивы третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры Барнаула. В первую очередь было проведено четкое разграничение улиц, уже существующих и планируемых, по типу: магистральные и внутриквартальные. Стоит отметить наиболее показательные моменты детального подхода комиссии к вопросам благоустройства города. К примеру, предлагалось вкладывать в бюджеты строительства улиц деньги на озеленение улиц, идущих перпендикулярно к господствующим юго-западным ветрам. Помимо этого, требовалось ускорить работы по покрытию улиц твердой одеждой, в том числе для улучшения санитарно-гигиенического положения; предлагалось обустроить надежные спуски к берегам реки Оби ввиду активного отдыха горожан летом. Особо обращает на себя внимание акцент комиссии на комфортность пешеходов и велосипедистов: уже в 1936 г. в городе говорят об устройстве вдоль тротуаров велосипедных и мотоциклетных дорожек [5, л. 162–167]. Для ликвидации изолированности правого берега Оби к 1946 г.

планировалось построить автомобильный мост. По большей части за образец барнаульской Комиссией были приняты тезисы Г. Д. Дубелира, которые повсеместно пытались внедрять в крупных городах страны.

Одним из главных затруднений при реализации этих планов была нехватка финансирования, что было хронической проблемой всего дорожного строительства 1930-х гг. [6]. Выходить из ситуации приходилось с помощью промышленных и торговых предприятий города. В бюджет на строительство городских дорог каждый год закладывалась сумма, которую должны были внести эти организации. К примеру, в 1936 г. из запланированных 240 тыс. руб. на дорожные работы почти 170 тыс. привлекались от предприятий [5, л. 146–154]. Это являлось вынужденной мерой, однако, комиссией по благоустройству было принято решение, что в будущем эта мера сохранится. Предприятия города и дальше должны финансировать строительство прилегающих к ним дорог и тротуаров. Еще один способ экономии средств — с 1929 г. барнаульский дорожный отдел отказался от предложения Центрального управления местного транспорта и Сибирского краевого дорожного транспорта использовать гравий и щебень. Обоснование — это экономически нецелесообразно, более приемлемо улучшать устройство грунтового полотна [1].

В СССР в 1930-е гг. для устройства городских дорог чаще всего использовалось каменное мощение — способ, предполагающий укладку и подгонку камней на заранее подготовленную земельную основу [7, с. 150]. Строительство и улучшение дорог в Барнаульском районе было сильно затруднено полным отсутствием в округе камня и щебня, пригодного для дорожного строительства [8, л. 223]. Снабжение дорожного подотдела было дорогостоящим делом, так как вблизи Барнаула не находилось каменных карьеров. Ближайший — Масальский — находился в Локтевском

районе и камень подвозился по железной дороге, что удорожало работы по мощению [9, л. 145]. Асфальтирование в рассматриваемый период на автомобильных маршрутах не применялось. Это основывалось на том мнении, что в зимний период такой тип покрытия приводил к скольжению колес, что снижало скорость движения и приводило к авариям. Но сам процесс асфальтирования применялся для устройства тротуаров, для этого закупались котлы для варки асфальта.

В целом, в течение 1930-х гг. радикально изменить городскую среду Барнаула не удалось. Препятствий было много — обозначенная нехватка средств, дефицит профессиональных дорожников, ограниченное количество дорожно-строительной техники и дороговизна материалов. В итоге реализация третьего пятилетнего плана была окончательно остановлена из-за начавшейся войны. Из всех теоретических наработок не все будут реализовываться и в послевоенном строительстве.

В настоящее время Барнаул достаточно быстро развивается, строятся новые жилые кварталы, прокладываются дороги. Ввиду изменившихся условий полностью принимать установки градостроительства социалистического города, предлагаемые в 1930-х гг., довольно проблематично. Однако частично использовать некоторые аспекты — вполне реально. В ныне действующих проектах осуществляется уклон на построение безопасной дорожной среды. Возможно, будет вполне уместно обязательно вводить в сметы дорожных работ также термин «благоустройство», куда включались бы: обустройство тротуаров вместе с дорожным полотном, обеспечение спокойного движения пешеходов и велосипедистов (посредством разграничения путей их движения), озеленение, культурное облагораживание. В планы новой застройки кварталов вносить обязанность застройщиков по обустройству общедоступных парковочных мест,

что значительно снизит загруженность транспорта на обочинах дорог и внутри дворов.

Таким образом, нововведения транспортной системы города 1930-х гг. слабо реализовывались, но в них содержались рациональные подходы, которые применимы и в наше время.

Список литературы

1. Дунец А. Н., Исаев В. В., Рыгалова М. В., Колокольцев М. Г. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. — 396 с.
2. Коньшева Е. В. Восприятие европейского опыта в городском планировании и строительстве в Советской России 1920-х — 1930-х годов: этапы и формы // Вестник Пермского университета. — 2014 — Вып. 2 (25). — С. 90–100.
3. Трофименко Ю. В., Якимов М. Р. Транспортное планирование: формирование эффективных транспортных систем крупных городов. — М.: Логос, 2013. — 464 с.
4. Г. Д. Дубелир — выдающийся теоретик и практик советского дорожного строительства (1894–1942 гг.): сб. ст. / под ред. В. Н. Образцова, А.С. Кудрявцева. — М.: Дориздат, 1949. — 56 с.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1037. Оп. 1. Д. 2.
6. Гареева Р. Р. Индустриализация дорожного строительства в регионах СССР в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): на примере Башкирской АССР // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Т. 9. — № 3–1. — С. 42–49.
7. Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР (послеоктябрьский период). — М.: Науч.-техн. изд-во автотранспорт. лит., 1957. — 367 с.
8. ГААК. Ф. Р-1037. Оп. 1. Д. 5.
9. ГААК. Ф. Р-1037. Оп. 1. Д. 1.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАСЛЕДИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ. ПОТЕНЦИАЛ ТИПОВОЙ ЗАСТРОЙКИ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ 1960–1980-х гг.

*Международный исследовательский проект консорциума
университетов по теме «Нелюбимое наследие»
социалистического города 1960–70-х гг.»*

Козлов В. В.

*Иркутск, научно-исследовательский технический
университет*

Аннотация. Изложены основные результаты международного исследовательского проекта по изучению градостроительного опыта и потенциала развития жилых районов социалистических городов, выполненного консорциумом университетов в течение трех лет при поддержке научного фонда «Фольксваген». В контексте градостроительного наследия социалистического этапа развития городов и реализации программ типового жилищного строительства дана оценка потенциала жилых районов в условиях общественных перемен. Определены перспективы исследовательского проекта и направления интеграции основных положений проекта в образовательные программы архитектурных вузов как важного проектного задания различного градостроительного масштаба.

Ключевые слова: градостроительное наследие; массовое типовое жилище; исследовательский проект; модернизация массовой жилой застройки; потенциала панельной застройки жилых районов.

Типовая жилая застройка составляет огромную часть наследия XX в. в современных городах и представляет собой в будущем важнейший ресурс их развития. Динамика развития типовой жилой застройки 1950–80-х гг. обеспечивала условия для жизни больших групп населения, стала инструментом градостроительного развития и перспективной микрорайонов.

Опыт модернизации микрорайонов в целях развития устойчивой городской среды состоит в сфере интересов и ответственности всего городского сообщества. Вследствие смены социальных, экономических, функциональных и технических условий микрорайоны массовой панельной застройки нуждаются не только в исследовании опыта и методов их трансформации. Европейский опыт и прагматичные оценки реконструкции панельной застройки составили треть от суммы, необходимой для сноса и возведения новых домов, при этом снижались эксплуатационные затраты [1].

Крупнопанельное строительство продолжалось с 1959 по 1985 гг., составляя порядка 10% всего жилого фонда страны, технологические основы которой создавали более 400 заводов сборных железобетонных конструкций с моделированием деталей на площадках полигонного типа. Прежде «новые города», построенные в различных регионах страны, состояли на три четверти из панельной жилой застройки [2].

В подавляющем большинстве регионов России и союзных республик, где начало массового строительства задержалось на десяток и более лет от столичных городов, именно вопросы реконструкции районов панельной застройки становятся особенно актуальными. Несмотря на то что типовая жилая застройка имела единые стандарты производства, градостроительная практика в каждом городе базировалась на планировочных шаблонах и местных лан-

дшафтно-климатических условиях в разработке крупных проектов застройки. Преимущественно периферийное размещение жилых микрорайонов, оригинальные пространственные модели застройки жилых районов создавались на основе связей с открытыми прилегающими ландшафтами, компоновки и размещения объектов обслуживания, позволяющих акцентировать пространство микрорайона.

Исследовательский проект подтвердил, что квартальная структура микрорайонов не является исключительно градостроительным наследием прошлого, это современная градостроительная практика и практика будущего. Результаты исследовательского проекта показали значительные различия в сложившейся ситуации в состоянии и перспективах развития типовой застройки микрорайонов в различных странах. Социальный аспект отличий состоит в том, что с 1990-х гг. в Германии резко снизилась востребованность жилища в районах типовой застройки, в то время как в России она даже возросла и большинство населения микрорайона стали собственниками жилья [3].

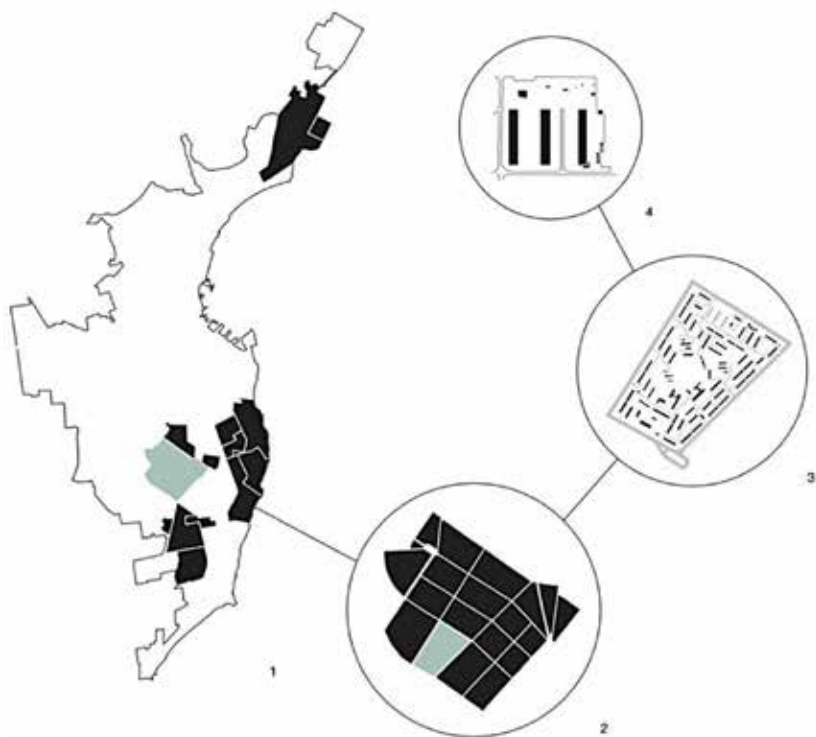
Организационно-методическая основа исследовательского проекта основывалась на взаимодействии национальных архитектурных школ, на обмене методиками градостроительного проектирования. Создавались вертикальные студии проектных групп с руководством опытных исследователей на трех основных этапах. Первый — экспедиционная программа в жилые районы: от стратегии планирования микрорайонов к обобщению теории и практики градостроительной модернизации жилой застройки. Второй — серия международных проектно-исследовательских семинаров как в национальных, так и международных проектных многопрофильных группах. Третий — публикации, дискуссии разных форматов с участием внешних экспертов с целью определения инструментов и методов градостроительного исследования и проектирования микрорайонов,

а также с целью разработки экспериментальных проектных моделей модернизации застройки микрорайона. Организация конференций в расширенном составе заинтересованных участников: от застройщиков, проектировщиков, ученых, менеджеров, девелоперов до представителей товариществ, управляющих жилищных компаний.

Экспертами названы ключевые вопросы исследовательского проекта [1]:

1. Какой потенциал предоставляет микрорайон современному городу как эмоционально-пространственный континуум?
2. Какие структурные признаки характеризуют пространство жилой застройки микрорайонов, которые исключались при модернизации (расположение, типология зданий, структура собственников и т. д.)?
3. Какие базовые градостроительные элементы, их изменения составляют пространственные условия развития жилых районов?
4. Какие технологии актуальны в современной градостроительной практике для решения задачи повышения комфортности жилой среды микрорайонов?
5. В какой мере российские проблемы совпадают с теми, которые решали европейские города в реализации с 2002 г. национальных и региональных программ реконструкции районов панельной застройки? В чем их специфика?

Методическую основу исследовательского проекта составляло сохранение преимущественно трех градостроительных масштабов оценки проблем исходных условий жилых районов (Рис. 1). Отмечая высокие структурно-планировочные качества проектных решений жилых районов 1960–1970-х гг., исследованием установлены пять основных структурных аспектов, которые вследствие социальных, экономических, планировочных перемен определяют пер-

Иерархия социалистического города на примере микрорайона Чермушки
 1. Одесса [город]
 2. Чермушки [район]
 3. Микрорайон
 4. Жилой ансамбль

Рис. 1. Градостроительная иерархия объектов исследовательского проекта, четыре основных градостроительных масштаба

спективные трансформации жилых районов: функционально-планировочное развитие, организация транспорта и сети общественных пространств, ландшафт, идентичность.

Выявление идентичности места и учет контекста являются важнейшими аспектами работы над реконструкцией исторических районов. В целях усиления идентичности:

а) сохраняются настенные росписи и исторические элементы благоустройства (DresdenGorbitz); б) усиливаются ключевые элементы существовавшей планировочной композиции (Halle-Neustadt); в) сохраняются арт-объекты периода ГДР (Halle-Neustadt); г) развиваются ландшафтно-парковые особенности (Halle-Silberhöhe) и др. В тех случаях, когда идентичность недостаточно мощная, она усиливается за счет искусственных мер: а) присвоения кварталам названий (BerlinFennpfuhl); б) формирования специфического художественного оформления (BerlinFennpfuhl, DresdenGorbitz); в) конструирования легенд и формирование арт-объектов, выражающих эти смыслы (деревянные скульптуры, памятники-инсталляции и проч.) (Halle-Silberhöhe); г) формирования нового качества среды на месте деградировавшей (DresdenProhlis) с новым качеством дворовых территорий (Berlin-Hellersdorf / Marzahn) и т. п. (Рис. 2–3). Вопросы идентичности и социальные проблемы, культурные перспективы рассматривались на следующем этапе: как процессы идентификации пространственно и морфологически проявляются в крупных жилых массивах и как их можно развивать.

Трансформация открытых пространств и изменение (формирование) ландшафта осуществлялось по следующим направлениям: а) трансформация структуры пространства в результате изменения баланса между частными пространствами и общественными в сторону увеличения площади частных, примыкающих к квартирам первого этажа (DresdenGorbitz); б) увеличение площади детских игровых пространств и более интенсивное включение зон рекреации в жилой сектор (DresdenProhlis); в) увеличение площади зеленых пространств за счет сноса значительных массивов жилья и объектов обслуживания (Halle-Silberhöhe), совмещение системы пешеходных связей с идеей «зеленого города» (Halle-Silberhöhe); г) рассмотрение и формиро-

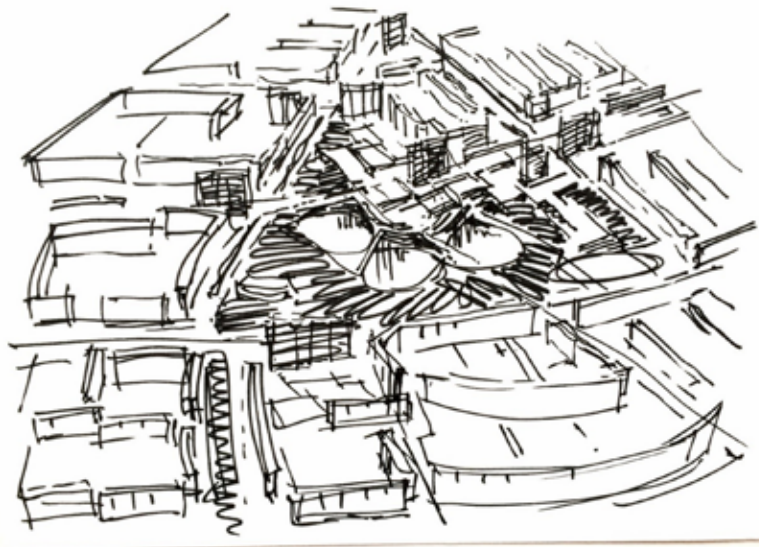

Рис. 2. Район Фенфул. Регенерация общественного пространства микрорайона и радиальные связи с жилыми группами

Halle-Silberhöhe (1979-1989): spatial, economic and social processes of segregation stimulated the development of intra-pedestrian "urban miles" of various shapes (promenade, ring, skate park, etc.) and the strengthening of their identity. The average length of such intra-pedestrian miles of the case studies is 1.600 m. Valeri Kozlov

Рис. 4. Развитие центральной променады, пешеходных связей внутри микрорайона Зильберхоэ, Халле

Рис. 3. Вид фрагмента общественного пространства микрорайона Фенфул

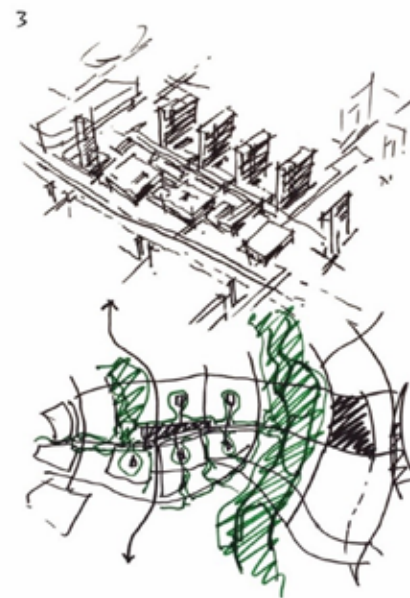
вание структуры открытых пространств (а не зданий) в качестве городского ансамбля (Halle-Silberhöhe) (Рис. 4). Необходимо разработать новые модели финансирования проектирования и содержания общественных пространств. Государственно-частное партнерство, спонсорские концепции и другие идеи могут помочь смягчить проблемы, но не решат ее полностью. Соответствующие правила и контроль необходимы для того, чтобы общественные пространства оставались под контролем государства.

Во всех изученных районах обнаружены изменение планировочной структуры, баланс территории и деконструкция зданий: а) более рациональное использование территорий (BerlinFennpfuhl); б) изменение функций зданий (например, торговый центр — в детский сад)

(BerlinFennpfuhl); в) изменение планировки квартир (Berlin-Hellersdorf / Marzahn); в) понижение этажности зданий (DresdenGorbitz, Berlin-Hellersdorf / Marzahn, Halle-Neustadt); г) внутренняя реконструкция зданий с перепланировкой (Halle-Neustadt). Эти мероприятия направлены на повышение эффективности эксплуатации территории и объектов недвижимости (Рис. 5–6).

Снижение количества населения при сохранении социальных и экономических показателей суммарной площади жилого фонда говорит об увеличении обеспеченности жилой площадью (в сравнении с периодом ГДР) (BerlinHellersdorf / Marzahn, BerlinFennpfuhl, DresdenGorbitz), что является позитивной тенденцией, за исключением тех случаев, когда оно приобрело катастрофические размеры (DresdenProhlis, Halle-Silberhöhe). Не совсем понятно, как оценивать факт увеличения числа детей и иностранцев, проживающих в районе (в отличие от 1980–1990-х гг.), — нужно сравнивать с уровнем доходов: а) в случае высоких доходов у иностранцев данный факт является свидетельством повышения качества жизни (BerlinFennpfuhl); б) в случае отсутствия работы у основной части иностранцев — свидетельством маргинализации (Рис. 7).

Важно отметить, что происходило изменение структуры населения микрорайона, чтобы уйти от однородной социально-демографической структуры (Berlin-Hellersdorf / Marzahn). Следует отметить, что частная собственность на квартиры (точно так же, как в России и на Украине) осложняет организационную сторону работ по комплексной реконструкции (как, например, процесс реновации в Южной части Halle-Neustadt осложнен большим количеством частных владельцев квартир, которых очень трудно сорганизовать). Очень интересен опыт проведения реконструкции домов без выселения жильцов (Berlin-Hellersdorf / Marzahn).

Halle-Neustadt (1964-1981): spatial and planning functionalism as the basis of urban and architectural quality for residential district. Valeri Kozlov

Рис. 5. Пространственный и планировочный функционализм микрорайона Халле-Нойештадт

Рис. 6. Вид пространства центра микрорайона Нойештадт

Рис. 7. Вид площадки проектного эксперимента модернизации жилой застройки микрорайона г. Халле

Усиление значения объектов инфраструктуры, сконцентрированных в локальном общественном центре, за счет: а) расположения на пешеходной оси детских площадок, площадок для отдыха взрослых и дополнительной массы зеленых насаждений (Halle-Neustadt); б) увеличения мобильности за счет формирования разветвленной системы пешеходных и велосипедных дорог в структуре селитьбы (Halle-Neustadt); в) размещения спортивных сооружений в шаговой доступности (Halle-Neustadt).

Разные инструменты реконструкции микрорайонов базируются на формировании социально-пространственных комплексов жилья, обеспечивающих различный уровень комфорта на реконструируемых территориях. Основу социально-пространственного комплекса составляют сложившиеся соседства, формирующие пространственно компактные группы жилых домов. Комфорт использования дворового пространства, остающегося неизменным при реконструкции, снижается при применении надстройки

и вставок [4]. Но в формируемых при помощи этих приемов социально-пространственных комплексах повышаются показатели обеспеченности жильем и обслуживанием, что дает возможность проектировать жилую среду с высокой градостроительной ценностью. Отметим, что пространственный потенциал центральной общественной активности в крупном жилом районе служит пространственно-планировочной интеграции, учитывая изменение структуры обслуживания, конфигурацию проживания разных социальных групп населения.

Потенциал жилых районов может сыграть ценную роль в обеспечении жильем: жилища отличаются высокой адаптивностью, что делает их пригодными для проектирования жилой среды с небольшим количеством барьеров, и они также имеют высокую долю открытых пространств. Они предлагают обширные, а также разнообразные варианты жилья и условия проживания, которые интересны для различных групп населения в регионе.

Предметом градостроительной идеи, на котором строилось планирование жилых районов, были, по крайней мере, официально, инновационные и экспериментальные формы жизни. Между идеей и реальностью до сих пор мало исследованы новые процессы трансформации, происходящие в крупных жилых комплексах с 1990-х гг. Быстровозводимые жилые комплексы имеют специфический характер в связи с городской планировкой (модернизм) и архитектурной формой (индустриализм). В то же время индустриальное строительство имеет свою собственную логику и приводит к определенным правилам их трансформации. В отличие от исторических городских планировок с городскими кварталами, которые четко определяют частные и общественные пространства, городские структуры послевоенного периода и современной эпохи организованы одиночными зданиями и обширными открытыми пространствами.

Градостроительная концепция пространств, которые являются более открытыми и текучими, иногда затрудняет или препятствует четкой иерархии и пространственному порядку. Кроме того, многие районы были частично утрачены из-за нового строительства; пристройки к жилым зданиям, которые часто строятся незаконно, разрушают пространственную структуру. Новое строительство киосков и функциональных зданий в неподходящих местах, плюс гаражи и дикие стоянки на открытых пространствах разрушают зонирование и иерархию пространств — четкость и ориентация становятся все более трудными.

Потребность в дополнительных зданиях для удовлетворения спроса на различные жилые здания и социальную инфраструктуру, магазины и рабочие места могли бы быть выполнены, если бы это было организовано уважительно к оригинальной планировке. Хотя многие из этих районов имеют высокую плотность населения, есть неиспользованный потенциал для дальнейшего пространственного уплотнения, так как есть еще много открытого пространства. Уплотнение должно быть сделано в балансе с существующим характером планировки, крайне важно сохранить внешний вид и аэрацию района. Строить новые здания, расширять существующие и менять ориентацию зданий только тогда, когда они акцентируют блочную структуру и текучесть пространства. В этом контексте предоставление таких услуг, как магазины, школы, детские сады и многое другое. С размещением новых, даже межрайонных видов, используя соседство, есть шанс создать новый профиль для района, укрепить его функциональную независимость и, таким образом, представить его в более широком городском контексте.

В эпоху растущей приватизации и коммерциализации городских пространств проектирование общественных пространств остается одной из важнейших обязанностей

муниципалитета. В условиях сложившейся застройки жилых районов обнаруживается поляризация в размещении объектов обслуживания, создавая различный потенциал обновления развития, повышения комфортности жилой среды. Потенциал для обновления и дальнейшего развития общественных пространств существует на многих уровнях, начиная от разработки генеральных планов и заканчивая установлением проектных стандартов и разработкой лицензионных соглашений.

В рамках исследовательского проекта «“Нелюбимое Наследие” социалистического города?» (2016–2019) выполнены исследования характерных признаков крупных жилых районов. Основное внимание было уделено выделению ценности и качества районов, построенных в 1960-е и 1970-е гг., что необходимо для выявления потенциала для их дальнейшего развития и обновления. Рассмотрены и оценены проекты реконструкции в различных странах. Использование дифференцированных анализов, потенциальных возможностей развития для обновления определило необходимость организации развитых и открытых пространственных структур, обеспечения различного использования систем мобильности. Исходя из этого, были разработаны соответствующие стратегии и подходы к планированию, чтобы заложить основы для смены парадигмы в процессе редевелопмента.

Сегодня оживлению и реконструкции исторических центров городов придается повышенное инвестиционное и политическое внимание. Тем не менее нельзя пренебрегать обновлением построенных в течение 1950–1980-х гг. жилых районов, в которых живет и пребывает гораздо большая часть населения, чем в центрах города. Едва ли какая-либо тема в настоящее время обсуждается так интенсивно в городах, как жилье. Привлекательность города и вытекающий из этого устойчивый рост притока новых жителей привели к дефициту в предложении жилья. Прежде всего,

это нехватка дешевого жилья. Более высокий спрос привел к тому, что напряженность в низком ценовом сегменте рынка жилья, в свою очередь, привела к росту в арендной плате для групп с низким и средним уровнем дохода. Тема строительства доступного жилья также интенсивно обсуждается в крупных городах [5].

Исследовательский проект подчеркивает, что сегодня не хватает позитивных социальных проектов, которые позволили исследовать объемно-пространственные приемы модернизации типовой застройки микрорайонов, обеспечивающих формирование структуры жилого фонда, дифференцированного по уровню комфорта с учетом конструктивных и градостроительных характеристик. Их применение позволяет достичь на территории разной степени социальной интеграции. Проектом рассмотрены пространственные схемы размещения объектов обслуживания в первых этажах жилых зданий, позволяющие рационально распределить их площадь на территории микрорайона. По мере технического развития приемов модернизации растет доля жилья более высокого уровня комфорта. На основе моделирования микрорайонов исследованы методы развития структуры и площади жилого фонда, численности населения и площади объектов обслуживания с учетом процессов социальной интеграции, которые дают возможность сориентироваться в ситуации реконструкции.

Следующий этап исследований логично связан с продолжением исследования и ориентирован на выявление градостроительного наследия массовой типовой застройки. Ставится задача определить ценность базовых градостроительных морфотипов типовой застройки и будущее модернизированного жилья. Процесс развития общества и образа жизни домохозяйств становится более диверсифицированным, и это должно быть исследовано на новом этапе в диверсифицированном диапазоне жилых пространств.

Прошедший этап исследовательского проекта, как и последующий, направлены непосредственно на молодых исследователей — магистрантов, аспирантов и преподавателей, которые являются не только активными участниками, но и более того, «моторами» проектов. Кроме того, это позволит убедиться, что уровни знаний, достигнутые в результате исследований, будут поддержаны всеми заинтересованными сторонами. Исследовательский проект университетов, а также сопровождающие его программы семинары, параллельные национальные проектные студии, исследования и публикации дают новый импульс и идеи для следующего этапа — модернизации панельных зданий — всем участникам строительного процесса: представителям политических и общественных кругов, проектировщикам и бизнесменам.

Список литературы

1. *Энгель Б.* Массовое жилье в социалистическом городе: наследие, ценности и перспективы. Монография. — Берлин: DOMPublishers, 2019. — 240 с.
2. *Perspectiven Grosser Wohnsiedlungen.* — Druckcenter Berlin, 2015. — 216 s.
3. *Frisch M., Servon L. J.* CDCs and the Changing Context for Urban Community Development: A Review of the Field and the Environment // *Community Development: Journal of the Community Development Society.* — 2006. — Vol. 37. — № 4. — Pp. 88–108.
4. *Eran Ben-Joseph.* Future of Standards and Rules in Shaping Place: Beyond the Urban Genetic Code // *Journal of urban planning and development.* ASCE. — 2004. — Vol. 130. — № 2. — Pp. 67–74.
5. *Housing market development trends // City of PHILADELPHIA.* — 2005. — 17 p.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ЕЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУРГУТА)

Прищепа А. И.

Сургут, государственный университет

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа истории городского строительства на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1970-е гг. Отмечается дисперсный характер управления процессом градостроения, которое характеризовалось отсутствием единого генерального проектировщика, генерального заказчика, генерального подрядчика и органов архстройконтроля. Отсутствие достаточного единства в политике городской застройки обуславливало особенности ее архитектурного облика, хроническое однообразие и повторения этапов осуществления, недостаточное внимание к формированию социально-бытовой инфраструктуры и дефициту объектов ее жизнеобеспечения.

Ключевые слова: генеральный проектировщик; генеральный заказчик; генеральный подрядчик; органы архстройконтроля; социальный объект; городская инфраструктура; архитектор; ведомственность.

Начавшееся в 1960-е гг. интенсивное промышленное освоение севера Западной Сибири при отсутствии комплексной программы социально-экономического развития и генерального планирования городов и поселков предопределило его имманентные особенности. Главной из них

являлся ведомственный характер городского строительства. Характер застройки новых городов «методом хуторского хозяйства», как иронизировали тогда проектировщики, усугублялась тем, что Совет Министров СССР в своем Постановлении от 4 декабря 1963 г. № 1208 разрешил Совету Министров РСФСР и Государственному комитету по газовой промышленности СССР, в виде исключения, осуществлять до 1 января 1965 г. жилищное и промышленное строительство, связанное с обустройством нефтяных и газовых промыслов и разведок в Тюменской области, а также строительство производственной базы и жилых домов для соответствующих строительных организаций по рабочим чертежам и сметам на отдельные объекты [1, л. 17]. Эта «временная мера» стала «постоянной» для 1960-х гг. Местническая организация строительства лежала в основе градостроительной политики на территории округа и преодолевалась весьма болезненно.

Несмотря на то что еще в 1971 г. был определен генеральный заказчик по проектированию и строительству Сургута — Миннефтепром (ПО «Сургутнефтегаз») — вопрос о едином заказчике не был решен до конца исследуемого периода. Наиболее активно за объединение заказчиков под эгидой «Сургутнефтегаза» боролся заместитель генерального директора этого объединения, возглавивший в 1977 г. его управление капитального строительства, Г. М. Кукуевицкий.

После окончания Азербайджанского института нефти и химии Г. М. Кукуевицкий трудился на нефтепромыслах Татарии, а в начале 1966 г. приехал в Сургут, которому посвятил 28 лет жизни. Опираясь на Постановление Совета Министров СССР № 919 от 21 декабря 1971 г. и совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 123 от 9 февраля 1978 г., он неоднократно официально обращался ко всем организациям города с предложением

принять от них в установленном порядке объекты капитальных вложений с планом подрядов, лимитов по труду и фондов на материалы и оборудование. Аналогичными были предложения и по проектно-изыскательским работам [2, л. 79].

С такими же предложениями «Главтюменнефтегаз» обращался к руководителям всех главков организаций, дислоцированных в Сургуте. Однако и те, и другие оставляли эти предложения без внимания, хотя на всех городских заседаниях и активах они ратовали о едином заказчике, отсутствие которого, по их формальному утверждению, препятствовало выполнению установленной государственной программы городского строительства в Сургуте. Странное консолидированное ведомственное молчание по поводу предложений Г. М. Кукуевицкого выглядело особенно нетерпимым, если учесть, что государственная программа по строительству жилья в Сургуте, очерченная в названных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предусматривала для нефтяников и миннефтегазстроевцев почти равные объемы городского строительства [3, л. 6].

Следует, однако, признать, что «отличный строитель-нефтяник, грамотный руководитель», по оценке генерального директора «Сургутнефтегаза» Н. П. Захарченко, Г. М. Кукуевицкий и специалисты УКСа нефтегазового объединения, а также строительно-монтажный трест № 1 под руководством А. Ф. Мухи внесли большой вклад в преодоление ведомственно-хуторской застройки, формирование современной инфраструктуры города, заполняя «бреши» между старыми поселками и новыми микрорайонами. Сокращалось и число заказчиков. Если в 1978 г. их насчитывалось около 30, то в 1981 г. в качестве заказчиков выступало пять основных министерств — Миннефтепром, Мингазпром, Минэнерго, Мингео, Миннефтегазстрой. Вся территория города, примерно 30 микрорайонов, была закреплена

за отдельными заказчиками. Так, например, за Миннефтепромом — 13 поселений, за Минэнерго — 5 и т. д. [2, л. 110] (Таблица 1 [1, л. 7]).

Таблица 1

Основные заказчики строительства в Сургуте

Заказчик	План года, м²	Факт года, м²
п/о «Сургутнефтегаз» Миннефтепрома	66 116	71 372
п/о «Сургуттрансгаз» Мингазпрома	23 572	29 424
РЭУ «Тюменьэнерго» Минэнерго	49 100	34 333
п/о «Обьнефтегеология» Мингео	17 195	17 149
Дирекция строящихся промпредприятий Миннефтегазстроя	31 853	35 467
Прочие	48 766	56 879

Из таблицы следует, что, несмотря на заметную концентрацию заказов пятью министерствами, ведомственную разобщенность преодолеть не удалось. Весьма показательным являлось то, что на долю «прочих» организаций приходилось 56 879 кв. м строительства, что почти в два раза превышало, за исключением «Сургутнефтегаза», строительные объемы других заказчиков.

Поэтому формирование своеобразного и выразительного архитектурно-художественного облика городов ХМАО — Югры являлось процессом сложным и во многом противоречивым, зависящим от коллективной организационно-плановой работы. В 1978 г. на пленуме Сургутского

городского комитета партии не случайно звучала критика и в адрес строителей «Сургутгазстроя»: «Нельзя не сказать о том, что ведущий городской трест, каковым является «Сургутгазстрой», по непонятным ни для кого указаниям «Главтюменнефтегазстроя», ориентирован на строительство явно негородских объектов, каковыми являются нефтеперекачивающие станции, заводы для нужд нефтяной промышленности». Ведомственная разобщенность, проявлявшаяся в различных сферах жизнедеятельности Сургута, оказывала отрицательное воздействие на возможность проведения единой централизованной градостроительной политики.

На протяжении исследуемого периода в городе не был решен вопрос и о создании службы единого генподрядчика. Осознание этого партийными и хозяйственными руководителями строительного комплекса позволило к 1985 г. в Сургуте сконцентрировать строительство в руках трех основных подрядных организаций: ДСК «Главсибжилстрой», ДСК Минэнерго, треста «Сургутгазстрой». Их вклад в жилищное строительство представлен в таблице 2 [1, л. 7].

Таблица 2

**Вклад подрядных организаций
в жилищное строительство Сургута (1985)**

Заказчик	План года,	Факт года, м ²
ДСК «Главсибжилстрой»	141 477	158 626
ДСК Минэнерго	61 530	35 518
Трест «Сургутгазстрой»	5 812	5 812

Как следует из таблицы, в качестве главной подрядной строительной организации в исследуемый период выступал Сургутский домостроительный комбинат, чьи объе-

мы вводимого жилья в 5 раз превышали показатели ДСК Минэнерго и были значительно больше, чем у «Сургутгазстроя», без учета вклада этого треста в строительство объектов социального, культурного и бытового назначения.

Однако такой концентрации и специализации подрядных работ было недостаточно. Заместитель генерального директора объединения «Сургутнефтегаз» Г. М. Кукуевич справедливо отмечал: «Вторым немаловажным фактором, влияющим на комплексную застройку города, является отсутствие единой генподрядной организации. На сегодняшний день Сургутский домостроительный комбинат, тресты «Сургутгазстрой» и «Спецгазстрой» выступают в роли генподрядчиков, при этом зачастую пикирующих друг с другом, а не решают главную задачу» [2, л. 78].

Положение осложнялось тем, что в городе не было единого подрядчика по строительству улиц, дорог и магистральных сетей. До середины 1990-х гг. в Сургуте отсутствовали специализированные подразделения по благоустройству и озеленению города.

Как мы отмечали, с 1971 г. функции генерального проектировщика стал выполнять Сургутский филиал ЛенЗНИИЭПа. Однако проектную документацию для строительной зоны готовили и другие проектные организации. А основным проектировщиком промзоны являлся Московский проектный институт № 2 и позднее — «Промстройпроект» в Тюмени.

Дисперсный характер стартовой застройки Сургута усугублялся отсутствием в городе органов архстройконтроля. В соответствии с положением о государственном архстройконтроле РСФСР, разрешения на производство работ должны были выдаваться областной инспекцией госархстройконтроля. Однако в Сургуте, как правило, строительство велось либо без разрешения на производство работ, либо разрешение выдавалось самими заказчиками, что

являлось прямым нарушением порядка, установленного законодательством. Главный архитектор города А. А. Асеева откровенно писала 4 ноября 1969 г. в служебной записке начальнику областного отдела по делам строительства В. Д. Бешкильцеву и начальнику областной инспекции архстройконтроля Л. А. Новопрудецкой: «...я не в курсе дела, какие объекты и где строятся, соответствуют ли они генплану, обеспечены или нет финансированием и необходимой проектно-сметной документацией, каковы сроки начала и окончания строительства» [1, л. 6].

В результате утверждения ведомственного фактора в сфере реализации строительства и эксплуатации города, в начале своего нового рождения Сургут представлял собой конгломерат разбросанных по обширной территории, слабо взаимосвязанных между собой, практически автономных ведомственных микрорайонов: геологов — на востоке, нефтяников — на западе, строителей — в центре, энергетиков — на севере. На приличном расстоянии за лесом чуть позже распростерся «хутор железнодорожников».

Каждое ведомство на вверенной ему территории не только имело «свой» жилой фонд, но и «свои» предприятия связи, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, учреждения культуры и отвечало за их эксплуатацию. Эксплуатацией жилого фонда города занимались 20 организаций, водозаборными сооружениями — 13, связи — 16 предприятий различных ведомств и министерств, торговлей и общественным питанием — представители пяти ОРСов восьми министерств [3, л. 6]. Освоение городской территории отдельными ведомствами затрудняло комплексную застройку Сургута. Размещение селитебных территорий на сильно расчлененных участках вызывало удорожание строительства на 15–20% [4, с. 40].

Система ведомственного формирования городов округа приводила к хроническому однообразию повторения эта-

пов его развития: дефицит всякого рода жилья переходил в дефицит детских садов и яслей, затем школ, объектов социально-бытового обслуживания. Последние чаще всего были сведены к примитивной форме клуба не как центра культуры, а как коммерческого прокатного заведения с узкой программой. Такая деформация социальной среды возникала в силу давно установленных причин: при ведомственном распределении средств на гражданское строительство городов определялся минимальный набор объектов их жизнеобеспечения, а при многоведомственном освоении картина еще более усугублялась. У новых городов Югры не было единых хозяев. Местные Советы кредитами не распорядились.

Таким образом, изучение опыта создания новых городов на севере Западной Сибири показывает, что в исследуемый период городская застройка в них осуществлялась несколькими министерствами и десятками ведомственных организаций, затрудняющих формирование в «нефтяных городах» единого архитектурно-проектировочного ансамбля и централизованной социально-бытовой инфраструктуры. Выполнение напряженных планов городского строительства тормозило отсутствие единого генерального заказчика, генерального подрядчика и генерального проектировщика. Вместе с тем при общей критической оценке отсутствия «единого хозяина» на начальном этапе городского строительства в «нефтяных городах» и формирования их селитебной зоны по профессиональному признаку — поселки геологов, строителей, нефтяников, энергетиков, железнодорожников — следует отметить, что такое районирование являлось результатом не только ведомственного финансирования, но и отражением самого процесса формирования городов по этапам освоения нефтегазовой территории: разведка, обустройство, нефтедобыча, транспорт.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации города Сургут (АОАГС). Ф. 80. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 113. Оп. 31. Д. 7. Л. 110.
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
4. Особенности градостроительства в нефтедобывающих районах Тюменской области. — Ленинград: Стройиздат, 1972. — 127 с.

УДК 930.85:90

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА КАЗАХСТАНА: УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Нуржанов А. А.

*Республика Казахстан, Алматы,
Институт археологии имени А. Х. Маргулана*

Аннотация. В статье выявляется урбанистический ландшафт степной цивилизации. Делается вывод, что на обширном пространстве Центральной Азии сложилась уникальная система взаимодополняющих друг друга культурогенезов единой степной цивилизации: оседло-земледельческой с развитыми городами, религиозными системами, письменностью, литературой, торговлей и ирригацией, с одной стороны, и номадной — с другой.

Ключевые слова: средневековый город; Казахстан; урбанистический ландшафт.

Исследование средневековых городов Казахстана имеет первостепенное значение в вопросах изучения взаимодействия культур, открывает новые возможности в ретроспективном воссоздании культурного диалога города и степи.

На обширном пространстве Центральной Азии сложилась уникальная система взаимодополняющих друг друга культурогенезов единой степной цивилизации: оседло-земледельческой с развитыми городами, религиозными системами, письменностью, литературой, торговлей и ирригацией, с одной стороны, и номадной — с другой.

Между кочевниками и земледельцами была тесная органическая связь. Существовала единая экономическая система, охватывающая как оседлую, так и кочевую часть насе-

ления какого-либо конкретного региона, система, в которой оба направления хозяйственной жизни не могли нормально функционировать без постоянного взаимодействия. Оседлое население и степь были тесно связаны и составляли части единой экономической системы: кочевник не мог обходиться без продукции земледельца и городского ремесленника, а рост ремесла и земледелия стимулировался спросом кочевнического рынка [1, с. 205]. Нарушение этого экономического единства приводило к тяжелейшим последствиям для кочевников и для жителей оседлых оазисов, что и определило специфику культурно-исторических процессов, происходивших в оседло-земледельческих регионах. Тогда города и оазисы стали частью кочевого мира. В свою очередь, степи были не менее важной территорией оазисов, городов и оседлых государств. Тесное взаимодействие и взаимопроникновение разных хозяйственно-культурных и цивилизационных комплексов оказывало значительное влияние на процессы генезиса и эволюции государств, народов этноязыковой ситуации, расогенеза и т. д.

В Евразии это стало основой для возникновения динамичной системы, условно называемой «степь — город», которая продолжает существовать вплоть до Нового времени. Структурные отношения в ней определили основные аспекты исторического развития континента, в результате чего сформировались многие народы и их система ценностей, мировосприятия, что имеет место в современном состоянии народов Казахстана и Центральной Азии. Несмотря на происходившие по евразийской оси процессы транскультурации, казахский народ на протяжении веков смог сохранить свою самобытность и ментальность, не потеряв своей этнической территории, складывавшейся на протяжении многих веков.

Специфика средневековых городов Казахстана, обусловленная ее вмещающим ландшафтом, заключалась в том,

что поддержание взаимосвязей ее отдельных частей могло обеспечиваться подвижными социальными слоями населения и прежде всего — кочевниками. Конечно, не все кочевники выполняли роль связующих элементов инфраструктуры государственной, политической и экономической системы, однако в силу своей мобильности, со временем они заняли именно эту нишу.

Появление степных городов сделало равновесие между природой и человеком менее устойчивым. Люди, заселявшие эти города, не всегда знали, как вести себя в новом социокультурном пространстве, ведь навыки, выработанные поколениями в открытом пространстве, не работали в урбанистическом ландшафте.

Говоря о концептуальном осмыслении феномена кочевой государственности и культуры, нельзя не отметить позитивные сдвиги в мировой науке, долгое время интерпретировавшей мобильные этнокультурные группы кочевников как стихийных «варваров», органически неспособных к социальному конструктивизму. Подобные идеологические воззрения мотивированы прежде всего ростом национального и имперского самосознания в самой Российской империи, а в европейских историографиях — отзвуком нашествия библейских кочевников в день Армагеддона и воспоминанием о гуннах в дни падения Рима. Однако, несмотря на это, еще в XIX в. существовала и обратная историографическая тенденция.

Понятие «город» в разное время и в разных обществах имело различное содержание. Нередко «городом» называли населенный пункт, жители которого, в отличие от деревни, занимались ремеслом и торговлей.

Важным критерием в определении статуса города на Востоке являлась его административная роль. Города обозначались термином «кент». Для обозначения города в то время употреблялся также термин «балык». К этим словам

прибавлялись термины вроде «таш» — камень, «шим» — дерн, «кум» — песок, указывающие из какого материала они были построены или в каком географическом окружении находились.

Города часто получали свои названия по имени племени или представителей элиты. В числе городов, названных в источниках, которые уверенно отождествлялись с развалинами крупных городищ, следует назвать Испиджаб (городище Сайрам), Отрар (городище Отрар-тобе), Тараз (городище на территории современного г. Тараз), Арсубаникет (городище Джуван-тобе на Арыси), Кулан (городище Луговое) и др. Эти городские центры расположены в зоне традиционных кочевий, но с использованием многовековых урбанистических традиций оседло-земледельческих народов.

Наиболее определенно и последовательно этот принцип проведен арабским географом X в. Абу Мухаммадом аль-Максиди. Он делил все города на три категории: миср, касаба и медина. Городскую иерархию он сравнивал с иерархией военной: «Мисры — как цари, касабы — как военачальники, медины — как воины» [2, с. 164].

Первоначально средневековый город являлся небольшим поселением, но постепенно разрастался. Он формировался в первую очередь там, где развивалось сельское хозяйство и ремесла. Отделение сельского хозяйства от ремесла способствовало дальнейшему развитию города, превращению его в центр ремесла и торговли. Поселения, возникшие в конце VII в., занимали не только самые удобные для земледелия предгорья, но имели выгодное стратегическое значение.

Развитие городской культуры в Казахстане имело свою специфику и ряд особенностей. Исследования выявляют общность и закономерности развития среднеазиатских городов и торгово-ремесленных центров на оседло-кочевнических окраинах, где зародышами города становятся

феодалы замки или торткули — особый тип городов и поселений. Города образуются у перекрестков караванных путей, в маргинальных ареалах. Детальные археолого-топографические исследования памятников сочетаются с данными письменных источников, с картографическим материалом и аэрофотоснимками.

Тесное сосуществование с кочевниками сказалось на топографии и фортификации поселений. Города, созданные по типу поселений на рубеже VIII–IX вв., обводятся длинными валами, а наиболее крупные из них дополняются укреплениями со стороны караванной дороги.

Усиление системы защиты средневековых городов Шуталасского междуречья продолжается и в X–XII вв., втрое увеличивается количество укреплений, большая часть из которых строится теперь в предгорной зоне, создавая линию обороны долин. Вновь построенные в IX–X вв. поселения, как и более ранние, окружаются внешними стенами. Крупные города к XII в. имеют уже по два ряда длинных валов и по три-четыре укрепления возле них [3, с. 10].

Всем городищам средневекового Казахстана присуща топография, в структуре которой различается арк-цитадель, наиболее укрепленная часть. Почти все исследованные города многослойны. Цитадель являлась типичным замковым сооружением, в ней пребывал правитель города, в центре ее размещались служебные и жилые помещения с богатым декоративным убранством. Шахристан — внутренний, укрепленный стеной город. Шахристаны городов были тесно застроены домами, группировавшимися в кварталы, что было характерно для феодального общества. Широкие раскопки южно-казахстанских городищ позволили выделить отдельные кварталы и их границы (Кок-Мардан, Куйруктобе).

Рабад являлся торгово-ремесленным предместьем, в нем сосредотачивалась вся хозяйственная жизнь города. В свя-

зи с усиливавшимся развитием феодализации структура города постепенно меняется. Все большее значение приобретают торгово-ремесленные центры. Это было связано с процессом отделения ремесла от сельского хозяйства и значительным расширением ремесленного производства, в основном обслуживавшего господствующий класс.

Установлено, что многие средневековые города непосредственно находились на раннеземледельческих поселениях. Например, нижние слои Тараза относятся к первым векам нашей эры, на месте раннеземледельческого поселения возник и Отрар. В подстилающих слоях многих семиреченских городищ обнаружена усуньская керамика [4, с. 81].

Периоды развития городской культуры условно можно разделить на несколько этапов (VI–IX вв., IX–XI вв., XI — начало XIII в.).

Раннее средневековье (VI–X вв.) отмечено коренными переменами во всех сферах жизни Центральной Азии: идет становление нового общественного строя после тяжелого экономического кризиса в оседлых цивилизациях, возникновение новых политических структур после распада древних кочевых союзов и «Великого переселения народов», массовые миграции на восток племен и народов в связи с арабским завоеванием Средней Азии, бурное развитие ремесла и торговли по трассам Великого Шелкового пути. Большие изменения в этот период произошли в аграрном секторе, в социальной структуре общества, в религиозной организации, в этногеографическом ареале. Все это не могло не отразиться на материальных условиях жизни.

Урбанизационные процессы охватывают всю территорию Жетысу, интенсивно развивается оседлая культура, причем здесь значительную роль играют тюрко-согдийские культурные стандарты, ставшие эталонными для оседлой культуры Средней Азии и Казахстана [3, с. 12].

В середине VI в. (552 г.) территория Жетысу входит в состав Тюркского каганата, а с 581 г., после смерти хана Тобо, — в состав Западно-Тюркского каганата.

Ко времени Западно-Тюркского каганата относятся первые письменные известия о семиреченских городах. Сюань-Цзянь, посетивший в 629–630 гг. Жетысу, упоминает о нескольких городах и о крупном торгово-ремесленном центре — Суябе.

Став политическим гегемоном на обширных просторах Центральной Азии и взяв под контроль торговлю по трассе Великого Шелкового пути, тюркские каганы установили прочные связи с Согдом, что не только стимулировало, но в известной мере определило рост городов и селений в Жетысу. Тюркские каганы, заинтересованные в развитии международной торговли, особенно покровительствовали согдийским купцам. Последние расселялись по всей трассе Великого Шелкового пути, оседали в городах, образуя там торговые колонии, иногда они основывали новые города [5, с. 35].

Письменные источники свидетельствуют о расселении согдийцев по трассе Великого Шелкового пути, где ими был основан ряд городов. Первые сведения о согдийцах в Шу-Таласском междуречье содержатся в сообщении Менандра о посольстве Земарха к западно-тюркскому кагану Истеми (568 г.). К этому же времени относится сообщение Нершахи о переселении из Бухары группы согдийских дехкан и купцов, основавших в Таласской долине город Хамукат (Джамукат) [6, с. 83].

В VII в. широкую известность приобретают города Тараз, Суяб, Навакет, Семекна. По мнению исследователей, в первой половине VIII в. в Семиречье существовала территориальная федерация согдийских городов.

В состав Западно-Тюркского каганата вошли южные и юго-восточные районы Казахстана. Центром его стали зем-

ли Жетысу. Отсюда началось завоевание тюрками Средней Азии. Постепенно тюрки осваивают систему административного управления среднеазиатских владений. При кагане Тон-Шеху местные среднеазиатские правители были превращены в наместников кагана и получили соответствующую титулатуру.

В настоящее время благодаря интенсивным исследованиям в самом Согде и в Жетысу выделены составные компоненты раннесредневековой культуры Казахстана, выяснена интегрирующая роль согдийского культурного комплекса. В нем находят воплощение функция города как центра административной власти, ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, терракотой, керамическими коллекциями, погребальными сооружениями, обрядом захоронения [3, с. 9].

Одновременно с согдийским распространяется и тюркский культурный комплекс. Тюркское влияние все отчетливее обнаруживается при исследовании материальной культуры не только Юго-Западного Жетысу и Южного Казахстана, но и Ферганы, Уструшаны, Тохаристана, Согда [7, с. 462].

Под воздействием тюрков вырабатывались новые типы вооружения, украшений и металлической посуды, в частности кружек, которые распространились на обширной территории Евразии. Некоторые формы керамических сосудов подражают металлическим. Велико было тюркское влияние на искусство, имело место также взаимовлияние тюркской, иранской, арабской поэзии, эпоса и литературы. В результате в раннем средневековье складывается своеобразный культурный комплекс, который можно назвать тюрко-согдийским. Одно из проявлений его — единообразие городской культуры Согда — Мавераннахра, Тохаристана, Чача, Юга и Юго-Западного Жетысу, в котором оказывался

градостроительный опыт согдийцев. Причем Жетысу, наряду с Ферганой и Восточным Туркестаном, выступает в известной мере ретранслятором ремесленно-торговых и культурных традиций [3, с. 9].

Таким образом, в период раннего средневековья на юге Казахстана и в Семиречье сложилась специфическая культура, интегрировавшая в себя культурные достижения Согда и тюркский культурный комплекс. На протяжении столетий формировались глубоко интегрированное единое геополитическое пространство и пространственно-временная общность, определившие исторические судьбы народов.

Сближение культур народов Казахстана и Средней Азии продолжается и в IX–X вв., когда часть Южного Казахстана и Семиречья вошла в состав государства Саманидов. Вместе с тем наблюдается ярко выраженная традиционная линия в культуре племен и народов, населявших в средние века территорию Казахстана. Она прослеживается в градостроительстве, архитектуре, керамическом ремесле [8, с. 3–4].

Начиная с IX–XIII вв. в Казахстане сложился типичный город феодального общества. Для своего времени он отличался высоким уровнем благоустройства и хорошими улицами. Обычным для быта крупных городов были водопроводы. Дома имели канализацию и отопительную систему. Сооружались подземные сводчатые тоннели, уложенные керамическими трубами.

Высокого мастерства достигло строительное дело, материалом служил сырцовый кирпич, глина и пахса.

Среди компонентов застройки городов Южного Казахстана и Семиречья были общественные бани. Две из них были открыты на рабаде Отрара, датируемые XI–XII вв., и две — на шахристане Тараза [9, с. 26].

Города средневекового Казахстана являлись ремесленными центрами, где главным образом производились керамика, изделия из металла, кости, стекла и камня. В письмен-

ных источниках есть упоминания о производстве изделий из кожи, шерсти, войлока.

К XI–XII вв. на всей территории Центральной Азии утвердился феодальный строй. Он определял общественно-экономическую и политическую жизнь государств, в том числе и Караханидского каганата. Глубокие перемены в экономике, социальном строе, системе государственного управления оказывали определяющее влияние на темпы и формы развития городской культуры.

Рост числа городов, их территориальное расширение, увеличение городского населения сказались на дальнейшем развитии ремесел. Однако средневековые города не только производили, но также и продавали товары. В городе сохранились три основных направления товарообмена: между странами, между городом и его округой, между городом и кочевой степью. Обменная торговля с кочевниками стимулировала развитие городского ремесла и осуществлялась на ярмарках, которые собирались в городах Испиджабе, Отраре, Таразе, Суябе, Навакете и Дех-Нуджкесе и др. [10, с. 291].

О развитии торговли свидетельствуют характеристики городов в источниках. Средневековые авторы, прежде всего, описывают рынки, расположение их в городской черте, сообщают цены на типичные для данной местности товары, где большую роль играла торговля между городом и степью. Источник сообщает: «Бурух — старый большой город, Дехт-Нуджекент — маленький город, в нем рынок три месяца весной, мясо без костей продается по 4 мана за дерхем» [6, с. 81–82]. В другом отмечается: «Товары и предметы их (кочевников), дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей» [11, с. 69].

Население городов приобретало лошадей, скот, шерсть, сырые кожи, кошмы, войлок, молочные продукты, в обмен кочевники получали ткани, хлеб, посуду. Ибн Хаукаль от-

мечал, что в Сауран кочевники приезжали для торговли в мирное время [6, с. 180].

Кроме крупных городов, учеными выявлены караван-сарай. В средневековых персидских толковых словарях этот термин обозначает гостиницу, постоянный двор, склад для товаров. Аналогичные пояснения этих построек имеются у Ибн-Хордадбега, Якута, Ибн Фадлана. Опираясь на сведения этих авторов, можно выделить две категории караван-сарая:

1. Караван-сарай вдоль торговых путей. Укрепленные оборонительными стенами, они на дорогах являлись местом защиты и отдыха для людей и животных. Здесь же совершались и торговые сделки.

2. Караван-сарай, расположенные в пригороде и внутри города, служили местом изготовления ремесленных изделий, использовались как склады для товаров и как место оптовой торговли, связанные Великим Шелковым путем с соседними регионами [3, с. 11].

В источниках нет подробной характеристики размера городов, имеются лишь данные относительно величины отдельных городских центров. Так, окружность Суяба составляла 6–7 ли (ли равен 0,3–0,5 км). Судя по этим размерам, Тараз и Испиджаб почти не уступали Самарканду и Шашу, имевшим в окружности 10 ли.

Этнический состав населения городов с момента их возникновения был пестрым. В состав его вошли усунь, племена оттарско-каратауской и жетысарской культур, в хозяйстве которых важную роль играло земледелие с традициями постоянной оседлости, развитого строительного дела.

Для освещения вопроса о социальном составе населения средневековых городов мало фактических данных. Лишь анализ письменных источников вкупе с результатами изучения жилищ позволяет судить о сложной социальной стратификации городского населения. Господствующее положение среди населения городов занимали феодальная верхушка,

жречество и купцы. Наряду с ними, в городе действовали ремесленники и мелкие рыночные торговцы. Довольно сложной рисуется иерархия бюрократического аппарата и особенности устройства властных отношений [2, с. 260].

Таким образом, в IX–XIII вв. на территории Казахстана сложился город феодального общества, который являлся административным центром ремесла и торговли.

Культура степных городов Казахской степи не опиралась на локальные урбанистические традиции (исключая территорию Юго-Восточного Казахстана, которая, впрочем, не входила в орбиту ее влияния). Крупными центрами главным образом караванной торговли были города Сарай-Бату, Сарай-Берке, Увек, Хаджи-Тархан, Бельджамен, Джукетау, Маджар, Мохши, Азак (Азов), и др. И сам факт, что города возникали там, где до и много после их не существовало, говорит о мощи и организованности государства, а также о налаженном аппарате влияния на гетерогенный социум. И в этом заключалась специфика государственных объединений на этой территории в средневековый период — их социальная гетерогенность. Социальная страта, из состава которой формировались чиновники государственного аппарата, — организующий принцип империи, была, вероятно, чрезвычайно пестрой. Местная аристократия стремилась породниться с новой знатью завоевателей и войти в круг, принимающий главные государственные решения, определяющий социально-экономическое развитие общества. Ясно также и то, что в стране, расположенной между Востоком и Западом, где торговля приносила один из главных доходов государства, купцы также играли важную роль.

В случае степных городов Казахстана мы видим, что государствогенез — это всегда процесс, в большей степени характерный для гетерогенного пространства (между степью и городом); в маргинальных зонах, ставших ареалами развития средневековых городов Великой степи, встре-

чались разнонаправленные интересы гетерогенных социальных групп, порождая конфликты и необходимость в их разрешении нейтральным арбитром, что, в свою очередь, создавало административные институты, могущие разрешать эти противоречия, впоследствии эволюционировавшие в государство.

Список литературы

1. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. — Алма-Ата, 1972. — 213 с.
2. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973. — 393 с.
3. Нуржанов А. А. Средневековые города на участке Великого Шелкового пути от Тараза до Аспары: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Алматы, 2010. — 26 с.
4. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959. — 187 с.
- 5.1 Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. — 215 с.
6. Волин С. Сведения арабских источников XI–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. — 1960. — Т. 8. — С. 72–92.
7. Гафуров Б. Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. — М.: Наука, 1972. — 425 с.
8. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Сочинения. — М.: Наука, 1966. — Т. IV. — 495 с.
9. Кайназарова А. Е. История Казахстана. — Алматы, 1992. — 212 с.
10. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов туркмен Средней Азии IX–XIII вв. — Ашхабад, 1969. — 295 с.
11. Байпаков К. М. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1968. — С. 68–84.

ИРБИТ — ГОРДОСТЬ УРАЛЬСКОГО КРАЯ

Елисафенко М. К.

*Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет*

Дружинина А. О.

*Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет*

Аннотация. В статье рассматривается история Ирбитской слободы, небольшого районного центра на восточном склоне Уральских гор. Появился населенный пункт в результате хозяйственной колонизации русскими уральского края. В результате выгодного географического положения, активного развития земледелия слобода превратилась сначала в региональный, а вскоре — в общероссийский центр товарного обмена. Судьба Ирбита демонстрирует эффективность предприимчивости и успешности населения и местной власти. Это прекрасный пример для воспитания ответственности, уважения к предкам, стремления соответствовать их памяти.

Ключевые слова: Ирбит; пошлина; слобода; торговля; ярмарка.

Традиционно отечественные историки, социологи, культурологи в своих исследованиях рассматривают различные общественные процессы в рамках больших территорий: страны или административно-территориальных единиц. В современной науке масштабы сократились до отдельных населенных пунктов, такая информация эмоционально ближе своим потребителям, зачастую она связана с историей семьи, пониманием себя как части окружающего мира.

В последние десятилетия ученых-гуманитариев все больше привлекают проблемы влияния на человека городского

пространства, сохранения исторической памяти через его объекты. Отметим большую работу по изучению вопроса сохранения социальной памяти в уральских городах, сделанную коллективом исследователей из Уральского федерального университета имени первого Президента Б. Н. Ельцина и Уральского государственного педагогического университета (РФФИ, проект № 18-011-00456 А «Масштабирование социальной памяти поколений в городах «старой» и «новой» индустриальности», 2018–2020 г.).

К числу провинциальных городов, попавших во все учебники отечественной истории, относится районный центр Свердловской области — город Ирбит. Он вырос из маленькой слободы на берегу р. Ницы. Меньше половины века понадобилось поселению, чтобы стать одним из столпов развития рыночной экономики во всей России. Буквально за несколько десятилетий в небольшом остроге развернулся Всероссийский торг, вошедший в историю как Ирбитская ярмарка, сыгравшая важную роль в становлении социально-экономической жизни Зауралья, Сибири, да и в целом в России.

Ирбитская ярмарка стала для Урала настоящим центром цивилизации, культурным феноменом, объединившим силы Европы и мощь Азии. Важно помнить, что все на свете имеет свое начало — человек, город, государство. Ирбит не явился исключением, с момента своего основания и по настоящее время был и остается примером стойкости, с каждым веком доказывая свое служение Отечеству.

В XV–XVII вв. началось активное освоение Урала и Сибири, русская колонизация привела к появлению стационарных поселений. Для расширения миграционного потока на восток государство освободило переселенцев от государственных повинностей и налогов, наделило льготами. На месте вековых лесов возникли остроги, называемые слободами, которые охранялись беломестными казаками и управлялись приказчиками. Большинство поселений в Зауралье в то вре-

мя носили оборонительный тип, чтобы обезопасить людей от набегов со стороны только что покоренных племен.

В начале XVII в. центральная власть озабочилась созданием собственной продовольственной базы в Сибири. В течение XVII в. такая база была создана в виде многочисленных крестьянских поселений в Верхотурско-Тобольском районе [1, с. 4]. Правобережье р. Ницы стало оптимальной территорией для зарождения русского земледелия в Зауралье, как наиболее удаленное от южных степей, населенных враждебными кочевыми народами [2, с. 25]. В 1620–1630-х гг. образовались первые слободы в бассейне р. Ницы, одной из них стала Ирбитская слобода, основанная слободчиком Иваном Шипицыным. Согласно Верхотурской именной книге, первопоселенцы обосновались в Ирбитской слободе в 1632 году. Первым эту дату в своих работах указал П. Н. Буцинский [3, с. 58].

Краевед И. Я. Антропов связывает название слободы с исторически сложившимся местом товарообмена на берегу р. Ирбеи от татарского «Ирыб» — «съезд», т. е. еще до прихода русских место было известно как торг. Этот факт подтвержден археологически: в Юдинском городище найдены болгарская бусина и новгородское кресало, изготовленные в X–XIII вв. [4, с. 12].

Первые годы русские поселенцы чувствовали себя неуютно на новых землях, строили для защиты остроги и крепости, хотя казаки могли селиться в близлежащих свободных землях — «диком поле» [5, с. 16]. Крестьяне работали на земле, а казаки охраняли хлебные обозы, которые на дощаниках (транспортных лодках) отправляли в Сибирь.

Постепенно торговый оборот хлеба значительно вырос, появилась необходимость в строительстве большего количества транспортных средств, «дощаничное дело» стало одной из государственных повинностей для населения Ирбитской слободы, в частности — казаков [2, с. 25].

Помимо удачного расположения слободы на берегу суходоходной реки, выгодность географического расположения заключалась и в том, что привычный путь из европейской России в Сибирь — Бабинова дорога, шедшая по безлюдным местам, — сместился южнее и пролег через ирбитские слободы, в том числе и Ирбеевскую [6, с. 8].

Активное хозяйственное освоение региона, удобное географическое положение слободы, наличие транспортной инфраструктуры, относительная защищенность поселения способствовали стихийному развитию торгового оборота в Ирбитской слободе.

Изначально реакция властей на этот факт была отрицательной, предпринимались попытки завалить дороги, по которым в слободу добирались торговцы. В дальнейшем стало очевидным, что это «бедствие» может способствовать росту доходов; взимание «полавошных денег», платы за аренду, которую взимали с купцов, укрепило казну.

В указе от 4 мая 1686 г. верхотурскому воеводе было предписано построить в Ирбитской слободе лавки и амбары [1, с. 19]. В связи со слишком большим притоком торговых людей, жители получили возможность заработать на торге — приспособивали свои дворы под склады для товаров и жилье для приезжих. Гостиный двор в Ирбите был построен в 1686 г., но в результате пожара в 1717 г. был уничтожен [6, с. 10].

Официально Ирбитская ярмарка была открыта в 1643 г. по указу Михаила Федоровича Романова. После присоединения торгу статуса ярмарки изменился порядок таможенного надзора за торговлей. С 1689 г. в Ирбит присылали целовальников из верхотурской таможни для сбора таможенных пошлин и «полавочного сбора». До 1689 г. таможенные пошлины собирал местный целовальник.

На Ирбитской ярмарке в XVII в. товары из европейской части России превышали по стоимости местные сибирские

в 10–15 раз. Тем не менее основная часть участников ярмарки состояла из местного населения Западной Сибири, число торговцев «с Руси» тоже было значительным — от 80 до 120 чел.

Общая стоимость товаров на Ирбитской ярмарке в 1699 г. составила 13 542 руб., а таможенных пошлин было собрано 1746 руб. [1, с. 19]. Начав с медленного разгона, Ирбитская ярмарка стала одним из важнейших мест в сибирской и общероссийской торговле.

История Ирбитской слободы, ставшей одним из ключевых мест, засвидетельствовавших, что уже в XVII в. Россия вступила на путь становления рыночной экономики, позволяет с неким оптимизмом оценивать социально-экономические процессы. Прошлое Ирбита, сохраненное в семейных историях, музейных экспозициях, работе краеведов и педагогов позволяет вывести тихий районный центр на общегосударственный уровень.

Список литературы

1. *Вершинин Е. В.* Ирбитская ярмарка. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. — 196 с.
2. *Еремин А.* Ирбитская деревня: Ирбитский край с начала русской колонизации до завершения сплошной коллективизации. — Ирбит: Печатный вал, 2017. — 92 с.
3. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Т. I. — Харьков: Типография Губернского правления, 1889. — 345 с.
4. *Антропов И. Я.* Были Ирбита. — Ирбит: Ирбитская типография упринформпечати, 1992. — 182 с.
5. *Герштейн Я. Л.* Край наш Ирбитский. Краеведческие очерки. — Екатеринбург: Издательство Урал, 1997. — 192 с.
6. *Смирных А. И.* Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. — Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2002. — 386 с.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

УДК 008:911.53

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)

Гефнер О. В.

*Омск, государственный аграрный университет
имени П. А. Столыпина*

*Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва*

Аннотация: В статье анализируется роль цифровых технологий в трансформации культурного ландшафта современного города на примере Новосибирска. Характеризуется влияние цифровизации на городскую среду, социальную и культурную жизнь горожан.

Ключевые слова: цифровизация; информационные технологии; город; культурный ландшафт.

Цифровизация — внедрение цифровых технологий в различные области жизни общества — является фундаментальным трендом современности. Она широко охватывает сферу экономики и управления, проникает в образование, меняет быт и повседневную жизнь человека. Современные городские ландшафты сегодня также активно трансформируются под воздействием всеохватывающей цифровизации, которая открывает новые возможности для их

развития. Особенно активно процессы цифровизации протекают в крупных городах, одним из которых является Новосибирск.

С 2018 г. в России реализуется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В ее рамках в России с 2018 г. в пилотном режиме, а с 2019 г. в обязательном, начал осуществляться проект цифровизации городского хозяйства «Умный город». Проект направлен на повышение конкурентоспособности российских городов, обеспечение высокого качества жизни в городе, создание комфортной и безопасной городской среды, эффективное и качественное управление городскими ресурсами за счет широкого внедрения передовых цифровых и инженерных решений, инновационных технологий. В рамках данного проекта предполагается внедрение интеллектуальных систем в городскую среду: создание автоматизированной системы управления дорожным движением, электронных сервисов для ЖКХ, «умных» остановок и парковок, веб-сервисов информационного обмена, «умных» школ и детских садов, формирование цифровой модели городских земель и лесов [1].

Новосибирск стал одной из первых площадок по реализации проекта «Умный город». В сентябре 2019 г. в городе прошел VII Международный технологический форум «Технопром — 2019», на котором были представлены инновационные решения для различных сфер городской инфраструктуры: интеллектуальные системы видеонаблюдения, «умное освещение», автоматизированные системы управления дорожным движением, программно-аппаратные комплексы для сбора и контроля вторичных перерабатываемых отходов, цифровая управляющая компания и др.

К настоящему времени в Новосибирске установлено 6 многофункциональных информационных комплексов «Умная остановка», планируется оборудовать еще 250 оста-

новочных павильонов, имеющих «тревожную кнопку», бесплатный Wi-Fi, зарядку для телефонов, голосовое управление, сенсорный экран, электронное расписание движения транспорта. В трех образовательных учреждениях установлена система «Умная школа», помогающая осуществлять контроль жизнедеятельности и обеспечивать безопасность. В ряде медицинских учреждений используется система распознавания голоса, которая позволяет принимать звонки и записывать пациентов на прием, применяется приложение для глухонемых и специальная тактильная доска для ориентации слабовидящих [2]. В марте 2020 г. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства России опубликовало индекс цифровизации городского хозяйства (IQ городов), который позволяет определить базовый уровень цифровизации городского хозяйства и эффективность дальнейшей реализации проекта «Умный город». Новосибирск занимает в этом рейтинге 8 место из 15 крупнейших городов с населением выше 1 млн человек [3].

Цифровизация оказывает влияние на социальную жизнь городского сообщества. Благодаря развитию цифровых технологий современный город перестает быть только явлением, существующем в реальном пространстве, постепенно он переносится в виртуальную среду. Происходит постепенная диверсификация пространств труда, отдыха, досуга. Социальные контакты, общение горожан с городских улиц и дворов все больше переносятся в сеть. Практикуется удаленная трудовая деятельность на дому, развивается работа в Интернете, работа по телефону из дома, кафе или даже со скамейки в парке. Шопинг также все больше перемещается в Интернет, горожане предпочитают делать покупки из дома в интернет-магазинах. Современные же торгово-развлекательные центры постепенно теряют свою торговую функцию и становятся в большей степени развлекательными пространствами — местами прогулок, встреч

горожан, территорией проведения досуга на различных развлекательных площадках. Горожанин сейчас может с помощью соответствующих приложений путешествовать по городу, выстраивать оптимальные маршруты, получать образование, посещать виртуальные экскурсии, тренинги и мастер-классы, любоваться достопримечательностями, «ходить» в рестораны, заказывая еду на дом. Своими фотографиями и отзывами, оставленными в социальных сетях, горожане создают образ города, формируют его имидж. Происходит постепенное складывание в интернет-пространстве виртуального или сетевого города, который не просто выступает симулятором городского пространства, но и является как бы продолжением городской среды, частью его культурного ландшафта [4, с. 34].

Цифровые информационные технологии охватывают собой и сферу сохранения и популяризации культурного наследия городов. Создаются мобильные приложения, отражающие информацию об историко-культурных памятниках и достопримечательностях города, туристических ресурсах. В 2013 г. компания МТС совместно с Музеем города Новосибирска реализовала инновационный историко-культурный проект «Виртуальная история» на основе технологии «дополненной реальности». С помощью специального приложения, установленного на смартфон, стало возможным увидеть облик города в исторической ретроспективе: посмотреть, как выглядели достопримечательности и улицы города в прошлом, что представляли собой объекты, которые не сохранились или были перестроены. Приложение способно автоматически определять местонахождение, предлагает пользователю ознакомиться с фотографиями близ расположенных исторических объектов и информацией о них; возможно также увидеть архивное изображение поверх современного здания или улицы, наведя на них камеру [5]. В 2015 г. компанией МТС, Музеем

города Новосибирска совместно с Управлением по государственной охране объектов культурного наследия начал реализовываться инновационный историко-культурный проект «Узнай Новосибирск», в рамках которого на объектах историко-культурного наследия города впервые в России появились интерактивные охранные таблички с QR-кодами. С помощью сканирования планшетом или смартфоном QR-кода горожане и туристы теперь могут получить дополнительную информацию об истории сооружения, его архивные фотографии и превратить обычную прогулку по городу в познавательное и увлекательное историческое путешествие [6]. Использование современных цифровых технологий способствует сохранению и популяризации историко-культурного наследия среди горожан, особенно молодого поколения, делает город более привлекательным для туристов.

Таким образом, в настоящее время современные цифровые технологии активно проникают в экономическую, социальную и культурную жизнь горожан, постепенно трансформируют городской культурный ландшафт, формируют феномен «цифрового города», который нуждается в специальном междисциплинарном изучении и осмыслении.

Список литературы

1. В России будут реализовывать проект «Умный город» [Электронный ресурс] // Новости сибирской науки: [сайт]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/umnyy-gorod-17012019> (дата обращения: 15.06.2020).
2. Технологии «Умного города» представят в рамках «Технопрома-2019» [Электронный ресурс] // Официальный сайт города Новосибирска: [сайт]. URL: <https://novo-sibirsk.ru/news/228383/> (дата обращения: 18.07.2020).
3. Результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства Российской Фе-

- дерации (IQ городов) по итогам 2018 года [Электронный ресурс] // Минстрой России: [сайт]. URL: https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/2a5/Indeks-IQ_Krupneyshie.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
4. *Бабинцева Е. С.* Виртуализация социального пространства города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 10. — Ч. II. — С. 32–35.
 5. «Виртуальная история» в мобильных телефонах [Электронный ресурс] // Ты молод. Молодежный информационный портал: [сайт]. URL: <https://m.timolod.ru/news/7500/> (дата обращения: 16.09.2020).
 6. Новосибирск оцифровал историю зданий к 125-летию юбилею [Электронный ресурс] // МТС: [сайт]. URL: <https://nsk.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-regione/2018-06-27/novosibirsk-ocifroval-istoriyu-zdanij-k-125-letnemu-yubileyu> (дата обращения: 21.09.2020).

УДК 94(571.14)

ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ КРУПНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВОСИБИРСКА)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
проект № 18-09-00329*

Кузнецова А. В.

*Омск, государственный университет
имени Ф. М. Достоевского*

Аннотация: В статье рассмотрены особенности трансформационных процессов постсоветского периода в культурном ландшафте Новосибирска на примере мемориального пространства отдельного городского района. Привлеченные источники позволили установить, какие памятники, мемориалы и мемориальные доски были установлены в перестроечное и постсоветское время, что позволило выявить особенности увековечивания, характерные для этого периода.

Ключевые слова: культурный ландшафт; город; мемориальное пространство; историческая память; места памяти.

В области гуманитарных наук начало XXI в. характеризуется устойчивым интересом к изучению города как социокультурного феномена. Городской культурный ландшафт рассматривается как неоднородная система, включающая в себя различные пласты, связанные с разными истори-

ческими и политическими периодами жизни города. При этом общепризнанного определения понятий «культурное пространство» и «культурный ландшафт» не сложилось: существуют различные исследовательские концепции.

А. С. Бреславский под культурным пространством города понимает систему культурных контекстов, включающую устойчивые признаки города и соответствующие им реалии и знаковые места городского ландшафта [1, с. 12]. Д. А. Алисов подчеркивает, что культурный ландшафт города — многомерное образование, включающее в себя три оси: материальную — вещественный результат деятельности людей; антропогенную (духовную) ось, содержащую «творения человеческого разума, культурные характеристики (искусственно созданные) городского пространства и населения»; третьей осью называется Время, т. е. История [2, с. 6]. С позиций семиотического дискурса культурный ландшафт — «система матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией или имеющих на территории свое материальное выражение» [3, с. 41].

Цель данной статьи — рассмотреть особенности отражения трансформационных процессов постсоветского периода в культурном ландшафте Новосибирска на примере мемориального пространства отдельного городского района. Под мемориальным пространством историки понимают совокупность памятных мест и коммеморативных практик; Е. И. Красильникова подчеркивает, что мемориальное пространство — это не набор реально существующих мест памяти, а, скорее, «умозрительная конструкция, существующая в общественном сознании той или иной социальной группы в то или иное время, изменчивая и не всегда внятная» [4, с. 33].

Изучение особенностей мемориальной культуры на разных исторических этапах — актуальная тема современных

отечественных исследований. Стоит отметить монографию А. В. Святославского, посвященную разностороннему изучению российской мемориальной культуры [5]. Различные аспекты мемориальной культуры на Сибирском материале представлены в работах М. Я. Рожанского [6], Е. И. Красильниковой [7], С. С. Наумова [8, с. 122–129], К. В. Демьянова [9, с. 320–331], В. Г. Рыженко [10, с. 134–141], и др.

Решение поставленных задач предполагает опору на ряд концепций. Значимым элементом городского культурного ландшафта являются «места памяти», определяемые французским историком П. Нора как «всякое значимое единство, материального или иного порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [11, с. 79]. Большое значение для нашего исследования имеет также условная типология «фигур памяти», согласно которой фигуры и места памяти можно распределить по трем уровням: фигуры и места общегосударственной значимости; фигуры и места регионального значения; фигуры локального значения, связанные с инициативой «снизу» [12, с. 339–340]. В практическом отношении для выявления признаков трансформаций городского культурного ландшафта применялась методика, основанная на методах «включенного наблюдения» и «натурного обследования», а также методика «исследовательских экскурсий», разработанная в 1920-е гг. И. М. Гревсом и Н. П. Анциферовым [13, с. 55–57].

Предметом внимания мы выбрали Октябрьский район Новосибирска как старейший район города (дата образования — 1929 г.), отражающий общие тенденции изменений культурного ландшафта в нецентральных районах крупных городов. Отсюда начиналась история города, когда в месте строительства железнодорожного моста через Обь Транссибирской магистрали был основан поселок, из которого в дальнейшем вырос город Новосибирск [14].

В качестве источников, помимо информации, полученной во время натурного обследования Новосибирска, нами привлекались материалы, полученные в рамках «кабинетной работы»: изучение информации, представленной в сети Интернет, справочных изданиях, а также предоставленной работниками музея Новосибирска. Среди интернет-ресурсов наиболее информативными оказались официальный сайт Новосибирска (<https://novo-sibirsk.ru>), сайт Централизованной библиотечной системы имени Л. Н. Толстого (<https://shevchenko.cbstolstoy.ru>); портал «Новости Новосибирска» (<https://nsknews.info>).

Основные памятные места в Новосибирске сосредоточены, конечно, в центральном районе города. Отметим интересное исследование О. В. Гефнер и Ю. Р. Гореловой, посвященное восприятию горожанами культурного ландшафта Новосибирска [15]. С помощью анкетирования авторы выявили, что местами, отражающими «дух города» в восприятии большинства опрошенных, являются Новосибирский театр оперы и балета, площадь Ленина, памятник В. И. Ленину, Красный проспект, часовня св. Николая Чудотворца. Все перечисленное расположено в центре Новосибирска. Упоминания «нецентральных» знаковых мест города в ответах респондентов встречаются реже. Мне хотелось бы остановиться на мемориальном пространстве нецентрального района Новосибирска, выявить особенности трансформации «образов и символов меньшей значимости» [15, с. 5].

В Октябрьском районе сохранилось немало архитектурных сооружений, построенных в конце XIX в. — первой половине XX вв. Именно в перестроечное и постсоветское время эти объекты были признаны объектами культурного наследия и взяты под охрану: дом на ул. Большевистской, 29 (1926 г. постройки) — решение облисполкома № 53 от 16.02.1987 г. [16, с. 2]; Дом культуры имени А. С. Попова

(1937 г. постройки) — постановление главы администрации НСО № 1303 от 29.12.2001 г. [16, с. 7]; дом, где с 1920 по 1928 гг. располагался Закаменский райком партии, признан объектом культурного наследия решением облисполкома № 53 от 16.02.1987 г. [16, с. 8]; сельскохозяйственный техникум (1927 г. постройки) — постановление главы администрации НСО № 1127 от 18.12.2000 г. [16, с. 10]; дом-контора, построенный для администрации строившегося ж/д моста (1897–1907 гг. [17, с. 155]) — решение облисполкома № 282 от 18.07.1990 г. [16, с. 30]; химико-технологический техникум (1932 г. постройки) — постановление главы администрации НСО № 1127 от 18.12.2000 г. [16, с. 33]; двухэтажный каменный особняк на ул. Сакко и Ванцетти, 2 (конец XIX — начало XX вв.) — решение облисполкома № 53 от 16.02.1987 г. [16, с. 33]; Военный городок — комплекс зданий военного ведомства (31 объект) (1910–1913 гг. постройки) — постановление администрации НСО № 54 от 27.07.2005 г. [16, с. 40–42]; школа на ул. Якушева, 21 (1912 г. постройки) — решение облисполкома № 53 от 16.02.1987 г. [16, с. 53].

Помимо этого, в 2015 г. был признан «выявленным объектом культурного наследия» комплекс сооружений станции «Ново-Николаевск» Алтайской железной дороги (1912–1915 гг. постройки) — приказ управления от 21.10.2015 г. № 288 [16, с. 51–52]. Отметим также здание конторы инженера Г. М. Будагова (конец XIX в.), которое включено в перечень объектов культурного наследия по постановлению главы администрации НСО № 1127 от 18.12.2000 г. [16, с. 1], реконструировано в 2017–2018 гг. накануне празднования 125-летия Новосибирска. 23 июня 2018 г. здесь был торжественно открыт филиал музея Новосибирска — «Контора инженера Будагова» [18].

Отдельной группой обозначим памятники, посвященные победе в Великой Отечественной войне, установленные

либо дополненные, либо реконструированные в интересующий нас период. В 1991 г. на территории инструментального завода был открыт памятник воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны [19]. В 1995 г. в сквере напротив Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета был установлен памятник сотрудникам и студентам, погибшим в годы Великой Отечественной войны [19]. В 1996 г. на фасаде жилого дома по ул. Кирова, 78 была открыта мемориальная доска памяти участника ВОВ А. С. Николаева [19]. В 2005 г. по инициативе общества «Блокадник» на пересечении ул. Восход и Кирова установили стелу, посвященную трудовому подвигу ленинградцев, эвакуированных в Новосибирск в 1941–1943 гг. [20]. В 2013 г. здесь была проведена реконструкция, установлены таблички с названиями эвакуированных предприятий [14]. На ул. Большевистской, 24 (завод «Труд») в 2005 г. были установлены мемориальная доска с именами Героев Советского Союза С. Д. Осипова и Г. И. Жукова [14] и обелиск в честь погибших рабочих завода [20]. На территории Новосибирского государственного аграрного университета в 2010 г. был создан мемориал памяти студентам и сотрудникам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны [19]. Силами жителей на ул. Осипова в 2012 г. был отремонтирован и приведен в порядок памятник Герою Советского Союза С. Д. Осипову [14]. В 2015 г. на территории гимназии № 11 «Гармония» установлен мемориал в честь воинов, погибших на полях сражений [19]. В 2015–2016 гг. была произведена реконструкция памятника поэту, герою Великой Отечественной войны Борису Богаткову и всего мемориального комплекса, установлены гранитные плиты со стихами поэта [14]. В сентябре 2020 г. завершилась новая реставрация памятника [21].

Особой группой памятников и мемориалов, появившихся после распада Советского Союза, являются памятники

героям локальных военных конфликтов в Афганистане, Чечне. Отразилась эта тенденция и в Октябрьском районе Новосибирска: в 2014 г. на территории отряда специального назначения «Ермак» установили памятник военнослужащим спецназа, погибшим при исполнении воинского долга на Северном Кавказе [22]. В ноябре 2017 г. на фасаде дома по ул. Потылицына, 1 была открыта мемориальная доска В. Н. Потылицыну, Герою России, погибшему в Чечне в 1996 г. [19]. В августе 2020 г. была открыта мемориальная доска в память о воинах 85-й мотострелковой Ленинградско-Павловской Краснознаменной дивизии, участвовавших в операции в Чеченской Республике [23].

В 2001 г. на набережной Оби был открыт монумент «морякам и речникам, отдавшим жизни за Отечество» [24]. Летом 2020 г. монумент был перенесен в парк «Городское начало» [14].

Во многих российских городах в последние десятилетия происходят попытки увековечения достаточно спорных фигур советской истории, в частности И. В. Сталина, А. В. Колчака. В Октябрьском районе Новосибирска в 2019 г. был установлен бюст Сталина на территории обкома КПрФ [25].

Описанные выше памятники, мемориалы и мемориальные доски отражают в первую очередь национально-государственную версию исторической памяти и относятся к первому уровню в матрице иерархии «фигур памяти». К фигурам и местам памяти региональной значимости можно отнести следующие.

Мемориальная доска заслуженному врачу РФ А. Н. Лайвину была установлена в 2006 г. на здании больницы скорой медицинской помощи № 2 [19]. В мае 2014 г. состоялось открытие мемориальной доски в память о директоре кинокопировальной фабрики Л. Н. Ездакове. В октябре 2016 г. у Государственной публичной научно-технической библи-

отеки (ГПНТБ) была открыта мемориальная доска профессору Б. С. Елепову — директору библиотеки с 1980 г. по февраль 2016 г. В апреле 2016 г. была поддержана инициатива Союза краеведов Новосибирска о присвоении набережной Оби наименования «Михайловская набережная» в честь инженера-строителя К. Я. Михайловского. На фасаде дома № 111 по ул. Ленинградской в апреле 2020 г. была установлена мемориальная доска в память об архитекторе А. Д. Крячкове [14]. Летом 2020 г. началось создание аллеи Учителя в сквере «Весна» около ГПНТБ: были высажены кустарники, установлены скамейки, а также баннеры, посвященные жизни, подвигам и работе новосибирских учителей — Героев Советского Союза [26].

Прослеживается в Октябрьском районе Новосибирска и еще одна общероссийская тенденция установки памятников и скульптур деятелям культуры. В частности, на улицах Чехова и Тургенева расположены бюсты этим выдающимся писателям. В 2007 г. на территории педагогического лицея появился бюст А. С. Пушкина, который ранее, еще с 1940-х гг., стоял в Заельцовском парке. В 2013 г. установили памятник поэтессе Татьяне Снежиной на улице, названной ее именем, как автору песни «Позови меня с собой», исполненной А. Пугачевой [19]. В 2013 г. также был установлен памятный камень на месте будущего культурного центра имени В. С. Высоцкого, однако, строительство было отложено на неопределенный срок, а к 2019 г. камень треснул и разломился [27]. В 2015 г. на пересечении ул. Кирова и Шевченко установили бюст Т. Шевченко [21].

Довольно разнообразно в Октябрьском районе представлена уличная скульптура. В 2011 г. в сквере на ул. Кирова появилась скульптурная группа — фонтан «Змей Горыныч». В том же году на ул. Кирова была установлена и маленькая «Пизанская башня» (2,5 м высотой). У входа в офис Новосибирской городской коллегии адвокатов

в 2013 г. установлена скульптура «Дон Кихот». В жилом комплексе «Оазис» появилось пять скульптур «для обнимания» (осень 2015 г., скульптор А. Агриколянский), в сквере у ГПНТБ — скульптура, посвященная первому свиданию. В июне 2019 г. на ул. Б. Богаткова была установлена скульптура «Друзья с собакой», далее на аллее — стела «Аллея друзей» [19].

Еще одна общероссийская тенденция перемен в культурном ландшафте городов заключается в восстановлении разрушенных в советские годы храмов и возведении новых. В настоящее время на территории Октябрьского района функционируют четыре храма. Церковь во имя Михаила Архангела была построена еще в 1922 г. и функционировала до 1947 г., когда вместо храма здесь был открыт кинотеатр «Заря». В 1962 г. кинотеатр переехал в новое каменное здание, построенное по соседству, а деревянное здание храма вскоре разобрали. В 1990-е гг. здание кинотеатра было передано Новосибирской епархии и переделано под храм [28]. Остальные действующие храмы Октябрьского района были возведены уже в постсоветский период: это приход во имя преподобной Евфросинии Полоцкой (открыт в 2002 г.) [29]; храм во имя преподобного и благоверного князя Олега Брянского (освящен в 2013 г.) [30] и храм во имя святого страстотерпца царя Николая — строительство началось в 2002 г. и продолжалось вплоть до 2018 г. [31].

Важным элементом мемориального пространства города, а также культурного ландшафта в целом, являются музеи: через экспозиции и выставки они участвуют в формировании исторической памяти жителей города. В Октябрьском районе Новосибирска находятся три филиала музея Новосибирска: музей Октябрьского района «Закаменка», музей «Контора инженера Будагова», и музей «Городское начало».

Музей Октябрьского района «Закаменка» был открыт в 1988 г. Здесь представлена постоянная экспозиция — «Образы старой Закаменки». Фонды содержат собрание предметов материальной и духовной культуры Закаменского (Октябрьского) района. Помимо экспонирования музейных предметов, работники проводят пешеходные экскурсии по району: «Путешествие в Закаменку или возвращение в СССР», «Три возраста площади Пименова» [32].

Музей «Контора инженера Будагова» был открыт в 2018 г. Экспозиция включает информацию об истоках Новосибирска (Новониколаевска): сооружении железнодорожного моста, поселке мостостроителей, Алтайской железной дороге; не обойден вниманием и сам Григорий Будагов (главный инженер строительства моста) и его семья [21]. Работниками музея проводятся пешеходные экскурсии для желающих — «Невиданная Инская».

Музей «Городское начало» открыт в августе 2018 г. В настоящий момент в музее действуют следующие выставки: «Мода из комода» (о женской моде первой половины XX в.), «Кружево металла» (здесь представлены изделия из металла XIX–XX вв.) и др. [32].

Таким образом, в постсоветский период не произошло серьезного обновления культурного ландшафта, заключающегося в забвении и отрицании прежних и появлении новых мест и фигур памяти. В процессе увековечивания исторических событий и имен по-прежнему преобладает национально-государственная версия исторической памяти: в основном создаются памятники и мемориалы, посвященные героям Великой Отечественной войны, а созданные ранее памятники этой тематики наиболее бережно сохраняются и реставрируются. При этом в Октябрьском районе Новосибирска не прослеживается какой-либо актуализации памяти о Гражданской войне,

хотя существующие места и фигуры памяти не «вычеркиваются», остаются на своих местах.

Тем не менее постсоветская трансформация принесла с собой и новые направления увековечивания, что во многом связано с отсутствием мемориализации некоторых событий в советский период, в частности, речь идет о памятниках участникам локальных военных конфликтов. В этот период вновь появляется и интерес к дореволюционному прошлому города — многие сохранившиеся постройки признают значимыми объектами культурного наследия с необходимостью их охраны и реставрации. Ту же тенденцию отражают и экспозиции местных музеев. Однако все же в Центральном районе города это прослеживается более ярко (здесь появились памятники Александру III, Николаю II, князю Владимиру). Как и в других городах России в постсоветский период, в Новосибирске активно возводятся новые храмы на месте утраченных. Культурный ландшафт Октябрьского района, как и Новосибирска в целом, активно обогащается и уличной скульптурой — не всегда имеющей художественную ценность, но придающей завершающие штрихи образу города в глазах его жителей и гостей.

Список литературы

1. *Бреславский А. С.* Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. — Улан-Удэ, 2011. — 23 с.
2. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт малого города: вопросы теории и методологии // Культурные ландшафты сибирского города: проблемы теории и практики [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезнёвой. — М.: Институт Наследия, 2019. — С. 4–17.

3. Лавренова О. А. Семиотическая концепция культурного ландшафта // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — М., 2019. — № 1 (36). — С. 38–47.
4. Красильникова Е. И. Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 61. — С. 32–43.
5. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. — М.: Древлехранилище, 2013. — 592 с.
6. Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. — Иркутск: Оттиск, 2014. — 180 с.
7. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.): монография. — Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. — 404 с.
8. Наумов С. С. Новые символы в мемориальном пространстве городов Западной Сибири в 1990-е — 2000-е гг.: сооружение памятников жертвам политических репрессий // Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе: сб. науч. ст. — Челябинск, 2018. — С. 122–129.
9. Демьянов К. В., Наумов С. С. Отражение трансформаций топонимических координат и памятных мест в интернет-ресурсах // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка: сборник статей Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Новокузнецк, 25–26 октября 2018 г. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. — С. 320–331.
10. Рыженко В. Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XIX — нач. XXI в.): ишимская версия // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. — 2019. — № 1. — С. 134–141.
11. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр.: Дина Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — 328 с.
12. Рыженко В. Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. — М.: Издательство ЛКИ, 2011. — С. 330–342.
13. Рыженко В. Г. О методиках выявления трансформаций образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2018. — № 4 (20). — С. 53–57.
14. Официальный сайт г. Новосибирска :[сайт].URL: <https://povo-sibirsk.ru/> (дата обращения: 19.09.2020).
15. Гейфнер О. В., Горелова Ю. Р. «Визитные карточки» культурного ландшафта современного Новосибирска в восприятии горожан [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. — 2018. — № 3 (14): — URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/3/00602.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).
16. Перечень объектов культурного наследия, расположенных на территории города Новосибирска: справочное издание [Электронный ресурс]. — Новосибирск, 2016. — Ч. 1: Архитектура и история. — 53 с. — URL: https://www.naruzhka-54.ru/download/Novosibirsk_monument.pdf (дата обращения: 03.08.2020).
17. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: каталог / отв. ред. А.В. Кошелев. Кн.1: Город Новосибирск. — 3-е изд, перераб. — Новосибирск, 2011. — 279 с.
18. Группа «Музей «Контора инженера Г. М. Будагова»: [Электронный ресурс] // «ВКонтакте»: социальная сеть: [сайт]. URL: <https://vk.com/dombudagova> (дата обращения: 14.09.20).

19. Централизованная библиотечная система имени Л. Н. Толстого Октябрьского района: [сайт]. — URL: <https://shevchenko.cbstolstoy.ru> (дата обращения: 20.09.2020).
20. День памяти и скорби. Вечная память [Электронный ресурс] / Группа «Музей «Контора инженера Г. М. Будагова» // «ВКонтакте»: социальная сеть: [сайт]. — URL: https://vk.com/wall-156569139_4843?w=wall-168209143_435 (дата обращения: 14.09.20).
21. Новосибирские новости: [сайт]. — URL: <https://nsknews.info> (дата обращения: 26.09.2020).
22. В Новосибирске установили памятник спецназовцам [Электронный ресурс] // Комсомольская правда Новосибирск: [сайт]. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/1882195/> (дата обращения: 20.09.2020).
23. Погибшим 49-ти при штурме Грозного в первую Чеченскую войну открыл мемориальную доску губернатор в Новосибирске [Электронный ресурс] // «Курьер. Среда. Бердск»: сетевое издание: [сайт]. URL: <https://kurer-sreda.ru/2020/08/23/593048-pogibshim-49-i-pri-shturme-groznogo-v-pervuyu-chechenskuyu-voynu-otkryl-memorialnuyu-dosku-gubernator-v-novosibirsk> (дата обращения: 19.09.20).
24. Монумент «Морякам и речникам, отдавшим жизни за Отечество» [Электронный ресурс] // Новосибирск+: сеть городских порталов: [сайт]. — URL: <http://novosib.holme.ru/sight/598876bc06e510347af53aa7/> (дата обращения: 19.09.20).
25. Скандальный памятник Сталину поставили на Большевистской [Электронный ресурс] // «НГС.НОВОСТИ»: сетевое издание: [сайт]. — URL: <https://news.ngs.ru/more/66081385/> (дата обращения: 05.08.20).
26. Профсоюз работников образования провел встречу с молодыми педагогами на новой аллее Учителя [Электронный ресурс] // BeZФормата: новости Новосибирска: [сайт]. URL: <https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/pedagogami-na-novoy-allee-uchitelya/87033285/> (дата обращения: 15.09.20).
27. В Новосибирске разрушили памятный камень Владимиру Высоцкому [Электронный ресурс] // «НГС.НОВОСТИ»: сетевое издание: [сайт]. — URL: <https://news.ngs.ru/more/66270775/> (дата обращения: 09.08.2020).
28. Храм во имя Михаила Архангела [Электронный ресурс] // «Родиновед»: сайт сибирских краеведов: [сайт]. URL: <http://rodinoved.ru/nsk-ust-inya/istoriya/> (дата обращения: 23.09.2020).
29. Образование и Православие: [сайт]. URL: <http://www.orthedu.ru/nskeparh/eparhia/c-gor-okrug/efrosin.htm> (дата обращения: 23.09.2020).
30. Официальный сайт храма во имя преподобного и благоверного князя Олега Брянского города Новосибирска: [сайт]. URL: <http://olega-bryanskogo.cerkov.ru/> (дата обращения: 23.09.2020).
31. Приход во имя св. страстотерпца царя Николая Новосибирской епархии Русской Православной Церкви: [сайт]. URL: <http://www.tsar-nikolay.ru/articles/5> (дата обращения: 23.09.2020).
32. Филиалы Музея города Новосибирска [Электронный ресурс] // Музей Новосибирска: [сайт]. URL: <https://m-nsk.ru/o-muzee/filialyi-muzeya-goroda-novosibirska> (дата обращения: 04.09.2020).

ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ГОРОД АРМАВИР

Подготовлена в рамках государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме: «Энциклопедическое издание «Культурное наследие Юга России».

Бондарь В. В.

Краснодар, Южный филиал

Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Аннотация. В статье излагается опыт установления степени сохранности и констатации ценностных характеристик культурного ландшафта исторического поселения регионального значения город Армавир (Краснодарский край), основанный на результатах его комплексного изучения, включавшего тотальное натурное обследование территории с учетом естественного и антропогенного контекста и реконструкцию обстоятельств формирования историко-градостроительной среды с середины XIX в. по настоящее время.

Ключевые слова: Армавир; культурный ландшафт; историческое поселение; историко-градостроительная среда; ценностные характеристики.

В 2017–2018 гг. Южным филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (далее — Южный филиал Института Наследия) совместно с архитектурным центром «Югреставрация» в целях установления предмета ох-

раны и границ территории исторического поселения город Армавир, обретшего этот статус еще в 1990 г. в ряду семи населенных мест Краснодарского края на основании совместного постановления Министерства культуры РСФСР, Госстроя РСФСР и президиума Центрального совета ВОО-ПиК, были проведены комплексные историко-культурные исследования территории, отнесенной в 2002 г. краевым законом к историческому поселению [1, с. 99–101].

Результаты анализа процессов возникновения и пространственных трансформаций Армавира, сопоставленные с итогами выявления в ходе натурных исследований подлинных элементов и качеств культурного ландшафта, позволили выделить в пространстве города собственно историческое поселение и установить его предмет охраны: территорию распространения подлинной историко-градостроительной среды, ее состав, свойства и ценностные показатели, обеспечивающие охранный статус Армавира [2].

Территория исследования в целом совпала со сложившейся к началу второго десятилетия XX в. территорией села (с 1914 г. — города) Армавир, зафиксированной историческими планами (Рис. 1) и иными источниками. Ядро города, изначально сформировавшееся на относящихся к лесостепной зоне первой и второй надпойменных террасах левого берега Кубани, сохраняет, за исключением утраты естественного древесного покрова, первоначальные ландшафтные характеристики: общий подъем к югу (в сторону Главного Кавказского хребта), спокойный в целом рельеф с выраженными локальными протяженными поднятиями по обеим сторонам улиц и прилегающих к ним квартальных территорий в северо-западной части территории — по ул. им. Ворошилова, Коммунистической, им. Ефремова, и юго-восточной части — по ул. им. Горького и ул. им. Шевченко.

Подъемы поверхности имеют протяженность на несколько кварталов по осям «юго-юго-запад — северо-се-

ро-восток». Улица Ворошилова от юго-западной стороны улицы Р. Люксембург до квартала к северу и северо-востоку от улицы Жукова; улица Коммунистическая от улицы Ленина до 2-го Нижнего переулка. Вторая ось кварталов: «юго-запад — северо-восток»: улица Ефремова от юго-западной стороны улицы Р. Люксембург до улицы Жукова; улица Горького от улицы Фрунзе до улицы Р. Люксембург и далее до 2-го Баранникова переулка; улица Шевченко от улицы Фрунзе до улицы Р. Люксембург. К рукотворным компонентам современного ландшафта, приобретенным Армавиrom в XIX–XX вв., помимо уличной сети, застройки и древесных и кустарниковых насаждений, относится искусственная насыпь в квартале по четной стороне улицы Мира между улицами Чичерина и Свердлова, сооруженная для размещения возвышающегося над окружающим пространством сторожевого поста.

Расположение исторической части города в полной мере отражает обстоятельства его исторического бытования: возникновение на берегу Кубани и характерный для многих городов Предкавказья рост территории преимущественно в сторону Главного Кавказского хребта. Историческое ядро поселения оптимально вписано в естественный ландшафт: с большинства его улиц, поднимающихся от уступа надпойменной террасы на юго-запад, открываются дальние виды в северо-восточном направлении — на возвышенное правобережье Кубани — и прослеживается визуальная взаимосвязь берегов реки; широкая панорама города и его пространственного контекста с несколькими планами открывается в обратном, юго-западном и южном направлении — с правого берега, от Старой станицы, хутора Форштадт и территории бывшей крепости Прочный Окоп.

Историко-градостроительную среду Армавира формирует структурированный планировочной композицией массив зданий и сооружений, относящихся к временному

Рис. 1. План села Армавир. 1902 г. Источник: Карта Кубанской области и близких к ней Черноморской губернии и части Сухумского округа. Сост. Н.С. Иваненков

отрезку от середины XIX в. до начала 1960-х гг. Характер застройки кварталов исторического ядра города — преимущественно периметральный, соответствующий фронтальной застройке улиц по исторически сложившимся красным линиям, что, в свою очередь, обусловлено планировочной композицией, приближенной к ортогональной. Именно по периметру кварталов располагается подавляющее большинство зданий-памятников (объектов культурного наследия) и исторически ценных градоформирующих объектов.

Границы кварталов в центральной части города определяются линиями бордюрных камней, отделяющими тротуары от проезжей части улиц, на периферийных улицах (например, на Коммунистической) и на оконечностях центральных (например, на улице Розы Люксембург) — видимым краем проезжей части дорожного полотна. Ширина проезжих частей улиц, тротуаров и, соответственно, расстояния между красными линиями противоположных сторон улиц разнятся в достаточно широких пределах. Эта характеристика справедлива и для квартальных отрезков одной улицы.

Исторически сложившиеся красные линии значительного числа кварталов в черте исторического поселения искажены выступающими от зданий на тротуары тамбурами, пандусами, крыльцами, лестницами, сокращающими ширину тротуаров. В центральной части территории исторического поселения почти повсеместно на тротуары выходят устроенные в последние годы фрагментарные расширения проезжей части, служащие местами автомобильных парковок.

Акцентными элементами уличной сети и культурного ландшафта Армавира выступают бульвар по улице Р. Люксембург и линии скверов по квартальным отрезкам улиц Кирова и Ефремова. «Классический» по происхождению бульвар, то есть возникший на линии скрытого оборонительного вала со рвом, отделяющий самую старую северо-

восточную часть поселения, простирается между двумя проезжими частями улицы на пятнадцать кварталов — от примыкания переулка Чкалова на северо-западе до улицы Пугачёва на северо-востоке. Квартальные отрезки бульвара заполнены древесными и кустарниковыми насаждениями различной плотности, ширина их почти неизменна, за исключением оконечностей, длина незначительно варьируется в соответствии с характером планировочной сетки. По всей длине бульвара по его оси проходит имеющая современное плиточное мощение пешеходная аллея, пересекаемая пешеходными тропами.

Один из главных композиционных узлов исторического поселения — место пересечения улицы Розы Люксембург с улицей Кирова — акцентирован размещенной по оси бульвара на его промежуточном (между двумя квартальными отрезками) открытом участке бульвара монументальной скульптурой — памятником С. М. Кирову. Перспектива аллеи прерывается несколькими современными дисгармоничными сооружениями утилитарно-технического назначения. В целом же бульвар сохраняет исторически сложившиеся пространственную организацию и композиционную роль в масштабах поселения.

Линии скверов по улице Кирова устроены в ее центральной — между улицей Розы Люксембург и площадью Ленина — и юго-западной, выходящей за границы территории исторического поселения, частях. Центральная часть состоит из двух скверов, отходящих на северо-восток от площади Ленина и одноименной улицы и разделенных улицей Комсомольской. Оба сквера имеют регулярную сеть пешеходных троп и открытых площадок, регулярные древесные и кустарниковые насаждения.

По улице Ефремова по обе стороны от железной дороги также устроена линия скверов: два квартальных отрезка, протяженных в северо-восточном направлении и располо-

женных по нечетной стороне улицы, к юго-востоку от дорожного полотна, и десять квартальных отрезков к юго-западу от железной дороги.

Значение композиционных узлов городского пространства имеют открытые или частично открытые озелененные пространства в размерах квартала: парк имени 30-летия Победы между улицами Р. Люксембург, К. Либкнехта, Комсомольской и К. Маркса; сквер имени 50-летия Октября между улицами Комсомольской, имени Кирова, имени Ленина и имени К. Либкнехта; сквер имени Ованесова между улицами Р. Люксембург, Урицкого, Комсомольской и Халтурина — с локальными радиально-лучевыми планировочными структурами и регулярными древесными и кустарниковыми насаждениями. Центральное положение в каждом из них занимают мемориальные объекты. В пространствах этих кварталов наличествуют как монументальные объекты (Никольский собор, здание бывшего Дворца пионеров), являющиеся акцентными элементами историко-градостроительной среды, так и современные — с нейтральными и диссонансными характеристиками.

Центральный парк культуры и отдыха имени Ленина, расположенный в центральной и северо-восточной части пространства, ограниченного улицами Ленина, Халтурина, Мира и юго-восточной границей площади Ленина, имеет выраженную радиально-кольцевую планировку аллей, разделяющих массив регулярных древесных и кустарниковых насаждений и линии рабаток и клумб, в которых размещаются аттракционы и парковые павильоны. Часть пространственного контекста парка, имеющую резко отрицательные эстетические качества, составляет примыкающий с юга и юго-запада центральный городской рынок.

Территорию размером в несколько кварталов занимает Комсомольский сквер, расположенный в пространстве между улицами Тургенева, Урицкого, Луначарского и С. Пе-

Рис. 2. Площадь Ленина. Фото Е. Б. Ващекиной, 2018 г.

ровской, также имеющий локальную регулярную сеть пешеходных троп и проездов, включающих участки регулярных и свободных древесных и кустарниковых насаждений, отдельные ценные объекты историко-градостроительной среды и объекты, неадаптированные к характеру этой среды.

Единственная полностью свободная от застройки и древесных насаждений площадь в размерах квартала — площадь имени Ленина — располагается между условными линиями, продолжающими линии двух сторон улицы Кирова, улицами Ленина и Мира (Рис. 2). Прочие площади значительно меньшего масштаба занимают части кварталов и, соответственно, не имеют самостоятельного значения в квартальной сети. К таковым относятся, например, пространство вокруг Никольского собора в западном углу квартала, занимаемого парком имени 30-летия Победы и более соответствующие понятию «аванплощадь» пространства перед зданиями городской администрации, перед зда-

нием бывшего Дворца пионеров (в том же парке имени 30-летия Победы) и перед образующим курдонер зданием вокзала на улице Мира.

Большую часть объектов, формирующих подлинную историко-градостроительную среду, составляют одноэтажные, одноэтажные с цокольным этажом и двухэтажные постройки последней четверти XIX — начала XX вв. Сохранившиеся объекты «аульского периода» единичны, ценные постройки и градостроительные акценты советского времени выступают как вторичные, по отношению к дореволюционным, компоненты исторической среды.

Количественное соотношение зданий и сооружений различной этажности в предлагаемых настоящим проектом границах исторического поселения отражено в таблице (Табл. 1).

Таблица 1

Этажность исторической застройки Армавира

Этажность объектов	Здания-объекты ценной исторической застройки
1 этаж	196
1,5 этажа	48
2 этажа	46
2,5 этажа	5
3 этажа	23
4 и 5 этажей	12
Всего объектов	330

Помимо определяющего значения одно- и двухэтажной исторической застройки, к наиболее характерным чертам пространственного облика центральной части Армавира

относится обозначенный выше преимущественно периметральный фронтальный тип квартальной застройки и, соответственно, концентрация ценных объектов историко-градостроительной среды по сторонам кварталов.

Еще одна выразительная особенность пространственной организации исторического центра Армавира — обусловленные изломами или изгибами улиц, протяженных с северо-востока на юго-запад, перекрытия прямолинейных перспектив зданиями (в основном, городских усадеб), расположенными при пересечении с поперечными улицами. Угловая постановка таких зданий акцентируется различными декоративно-пластическими приемами, преимущественно путем устройства угловых куполов, аттиков, башнеобразных объемов.

К характерным чертам архитектурного облика центральной части Армавира относится свойственное многим южнороссийским городам обилие кованых или (в меньшей степени) литых деталей в оформлении экстерьеров зданий: надкрылечных зонтов, ажурных ограждений балконов, парапетов, дверных и оконных решеток, ворот, калиток и т. п. К специфическим же декоративно-пластическим качествам историко-градостроительной среды территории обследования относятся составляющие, по выражению армавирского исследователя С. Н. Ктиторова, «триаду» характерные декоративные купола луковичной формы, надкрылечные навесы с уникальным «армавирским» орнаментальным мотивом — фантастическими фигурами «дракончиков» и изображения фамильных тамг (тавровых знаков) на фасадах домов коренных жителей Армавира — черкесогаев (горских армян) [3, с. 178–179].

Украшение угловых частей зданий куполами в форме луковок, обычно имеющими чешуйчатое покрытие, с небольшими круглыми люкарнами в нижней части, обычно служило целям придания зданию значения углового

акцента или локальной градостроительной доминанты, подчеркивающими расположение здания в уличной сети, перспективе улицы и его композицию. В пространстве исторического поселения сохраняются три здания начала XX в. с луковичными куполами: по улице Ефремова, 64; по улице Р. Люксембург, 151 и по улице Ленина, 141. «Дракончики» в орнаментальном декоре кованных с просечными деталями надкрылечных зонтов (навесов) наличествуют на нескольких десятках зданий дореволюционной постройки, расположенных в историческом ядре Армавира. Изображения фамильных тамг в современном городе сохранились лишь на фасадах двух дореволюционных зданий, расположенных по ул. Кирова, 22 / ул. Дзержинского, 47 и на углу улиц Жукова, 169 и Кирова, 2.

Участки исторических фронтов застройки и характерные видовые раскрытия сохраняются на большинстве улиц территории обследования. В некоторых местах целостное восприятие уличных перспектив и фронтов застройки затруднено располагающимися вдоль тротуаров рядами деревьев.

В массиве исторической застройки центральной части современного Армавира наличествуют произведения архитектуры различных художественных стилей — от эклектизма до послевоенных образцов советского классицизма. Наибольшее количество исторически ценных зданий и сооружений относится к эклектической архитектуре, воплотившейся в экстерьере армавирских зданий в мотивах различных «исторических» стилей — романского, готики, барокко, ренессанса, «византийского» и «русского национального». В чуть меньшей степени здесь проявлен модерн в его южнороссийских вариациях, включая распространившееся в конце первого десятилетия XX в. использование декоративного набора ампира. Произведения архитектуры советского времени ожидаемо представлены конструп-

Рис. 3. Жилой дом П. Т. Кандидатовой (1907–1910 гг.).
Фото Е. Б. Ващекиной, 2018 г.

тивистскими и постконструктивистскими постройками 1920-х — 1930-х гг. и довоенными и послевоенными зданиями, решенными в стилистике советского классицизма.

К наиболее характерным зданиям Армавира, служащим своеобразными «визитными карточками» исторической части города, идентифицирующими его историко-архитектурный облик в общественном сознании, служат дореволюционные и советские послевоенные постройки. Среди первых: здание Александровского двухклассного начального училища (1899 г.) по улице Р. Люксембург, 159; дом купцов Богарсуковых, где располагалась гостиница «Кавказ» (1890-е гг.) по улице Кирова, 41; жилой с торговыми помещениями дом купца Е. Н. Баронова (1901 г.) по улице Кирова, 47; жилой дом П. Т. Кандидатовой (1907–1910 гг.) по улице Р. Люксембург, 151 (Рис. 3.); доходный дом куп-

Рис. 4. Доходный дом купцов Меснянкиных (1911–1913 гг.).
Фото Е. Б. Ващекиной, 2018 г.

Рис. 5. Гостиница «Северная». Фото Е. Б. Ващекиной, 2018 г.

цов Меснянкиных (1911–1913 гг.) по улице Ленина, 101–103 (Рис. 4.). Послевоенные советские здания: гостиница «Северная» (1952 г.; 1958 г.) на углу улиц Мира, 47 и К. Маркса (Рис. 5), вокзал «Армавир-Ростовский» (1947–1950 гг.) по улице Мира, 20, жилые дома предприятий — электротехнического завода (1957 г.) на углу улиц Мира, 55 и Кирова, 56; маслозавода № 4 (1958 г.) на углу улиц Ленина, 97 и К. Маркса, 80; завода железнодорожного машиностроения (1958 г.) на углу улиц Кирова, 52 и Комсомольской, 131.

Экстерьеры значительного числа жилых зданий, составляющих историко-градостроительную среду Армавира, не обладают выраженными стилевыми характеристиками, имея минимальный или упрощенный набор декоративных элементов. В общем ряду зданий и сооружений, составля-

ющих современную застройку территории исследования, довольно большое количество отдельных объектов и целых комплексов резко контрастирует по своим объемно-пространственным и декоративно-пластическим характеристикам с исторически сложившимся обликом Армавира. К таковым относятся, в частности, массив панельных и кирпичных пятиэтажных и девятиэтажных многоквартирных жилых домов, сформировавших в 1970-х — 1980-х гг. новую застройку, уничтожившую фрагмент исторической планировки и застройки территории между улицами Р. Люксембург, Маркса, Жукова и Ефремова в кварталах 13, 14, 15, 16, 24, 26, 27, 25, 40, 41, 42, 43. Здесь, помимо уничтожения подлинной историко-градостроительной среды и ее выразительных акцентов, например, трех- и четырех-

этажных корпусов старинной мельницы И. А. Шехавцова, был утрачен ряд существовавших со времени основания аула панорам, открывавшихся из центральной части города в северо-восточном направлении, — на долину Кубани и склоны Ставропольского плоскогорья.

К значительным утратам исторически сложившихся объемно-пространственной структуры и ландшафтно-видовых качеств территории относится существование в непосредственном соседстве со старейшей в Армавире армянской Успенской церковью, на бывшей церковной площади, типового пятиэтажного жилого дома (по ул. Дзержинского, 35) и расположенных дальше к востоку двух пятиэтажных домов (на ул. Жукова, 132а и 136а), закрывших выразительную историческую панораму северо-восточного направления и своими экранирующими визуальными качествами резко снизивших доминантное значение храма. Наиболее ярким примером диссонирующей застройки постсоветского периода является ряд сооружений торгового назначения и гостиница на улице Мира между железнодорожным вокзалом Армавир-Ростовский и тоннелем по улице Кирова, заменившие располагавшуюся здесь ранее зеленую зону, включавшую розарий, газоны и ряды клумб. На сегодняшний день вид на «парадную» послевоенную застройку улицы Мира из-за полотна железной дороги оказался закрыт новыми объектами коммерческого назначения крайне примитивной архитектуры, создающими эффект «визуального мусора». Застроенной оказалась и Привокзальная площадь, служившая некогда «визитной карточкой» Армавира и задававшая, наряду с застройкой тяготеющей к вокзалу территории, масштаб и ритм послевоенной архитектуры города.

Объектами, нарушившими исторический силуэт центральной части Армавира и частично — пластическое единство сторон кварталов и уличных перспектив, выступают

значительно превышающие окружающую застройку девятиэтажные дома по улице Ленина, 48 и 87, Чичерина, 61, на углу улиц Р. Люксембург, 195 и Халтурина. Пятиэтажными домами по улицам Ефремова и Мира разрушена большая часть исторической застройки в квартале № 91. Отрицательные по отношению к сложившимся пространственным характеристикам исторического поселения показатели имеют стеклянно-металлические двух- и трехэтажные торговые павильоны, примыкающие к юго-восточной стороне площади Ленина, расположенное за этими павильонами, у входа в Горпарк, здание торгово-развлекательного комплекса «Досуг». К подобным объектам относятся и жилые дома: пятиэтажные по ул. К. Маркса, 3–5, на углу улицы Жукова, по улицам Урицкого, 11, Чичерина, 43, Комсомольской, 105–107; шестиэтажные: Дзержинского, 65, Лермонтова, 155, Р. Люксембург, 164; семиэтажный дом по улице Комсомольской, 162/1.

Названные утраты в историческом облике и диссонирующие объекты заметно повлияли на сохранность историко-градостроительной среды и на состав ценностных характеристик современного культурного ландшафта города, однако не лишили его основных качеств, присущих историческим поселениям. На сегодняшний день облик центральной части Армавира в достаточной мере отражает историко-культурную специфику поселения и основные этапы его пространственного развития [4, с.164–193].

Список литературы

1. Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. — 2016. — № 3. — С. 99–105.

2. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Проект предмета охраны и границ территории исторического поселения город Армавир. — Краснодар, 2018. — Т. 1–3.
3. *Ктиторов С. Н.* Проблемы формирования городской инфраструктуры Кубани и восточного Причерноморья в контексте процессов урбанизации второй половины XIX — начала XX века. — Армавир: Изд. Ершова О.А., 2019. — 214 с.
4. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) [Электронное издание]: монография. — М.: Институт Наследия, 2020. — 334 с.

УДК 930:911.53:719

ТИПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ АРМАВИРА: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Статья подготовлена по госзаданию Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва: «Энциклопедическое издание «Культурное наследие Юга России»

Маркова О. Н.

Краснодар, Южный филиал

Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения исторической застройки как неотъемлемой части культурного ландшафта исторического поселения. На примере результатов типологического анализа исторической застройки города Армавира (Краснодарский край) оценивается фактор влияния типов исторической застройки на формирование образа городского культурного ландшафта и сохранение его историко-культурной ценности.

Ключевые слова: городской культурный ландшафт; типы исторических зданий; морфотипы исторической застройки; историческое поселение город Армавир.

В проблеме сохранения городских культурных ландшафтов, с которыми могут быть соотнесены территориально-пространственные комплексы населенных мест со статусом исторических поселений, одним из ключевых вопросов является выявление типологических особенностей историче-

ской застройки. Как показывает мировой опыт, следование в градостроительной деятельности определенным типам застройки позволяет старому городу жить, не превращаясь в «музей», и успешно развиваться в современных условиях, сохраняя при этом не единичные вкрапления старины в виде объектов культурного наследия, но визуальный и ментальный образ города в целостности, тот самый уникальный историко-культурный код, который идентифицирует поселение в пространстве и времени. Наследие в таком случае выступает ресурсом для эффективного хозяйствования и обеспечения общественного благосостояния, что особенно актуально для исторических городов и сел, находящихся вне популярных туристических зон и маршрутов и вне крупных финансовых потоков. К таковым, в частности, относится расположенный в юго-восточной зоне Краснодарского края, на равнинном участке надпойменной террасы реки Кубань близ отрогов Ставропольского плато, город Армавир, включенный в 1990 г. в перечень исторических поселений.

В своем развитии Армавир прошел путь от армянского аула черкесогаев (черкесских армян христианского вероисповедания), основанного в 1839 г., через особый период его существования — в статусе села, но с функциями и обликом большого города (официально городом Армавир стал лишь в 1914 г.), до крупного регионального центра ныне.

В формировании характерного — «армавирского» — культурного ландшафта сказались и естественные природно-ландшафтные условия местности, и особенности происходивших здесь исторических процессов. В ряду последних: возникновение и попытки преодоления противоречий административного статуса Армавира (село — город) в дореволюционный период [1, с. 100–129]; обретение им значения транспортного узла с открытием Владикавказской железной дороги, давшей импульс мощному притоку миг-

рантов и бурному развитию торговли и промышленности, что позволило поселению стать в начале XX в. важнейшим торговым пунктом Северного Кавказа и крупным центром промышленного производства [1, с. 129–148; 2, с. 80–83]; в советский период — продление архитектурной эпохи советского классицизма вплоть до начала 1960-х гг. Благодаря, вероятно, отдаленности города от центров государственного управления здесь задержалось начало борьбы с «архитектурными излишествами», в то же время городской культурный ландшафт обогатился новыми художественными формами и акцентами, возникшими в первую очередь на участках разрушений, оставленных Великой Отечественной войной [3, с. 189–192].

Сложившийся к середине прошлого столетия культурный ландшафт исторической части Армавира имел целостный и хорошо узнаваемый облик, исключительное своеобразие которого, вне сомнения, определила застройка дореволюционного времени. Вышеупомянутая «отдаленность» Армавира, его нахождение на периферии интересов крупного бизнеса в постсоветский период и в начале XXI в. позволили в значительной мере сохранить ценные качества историко-градостроительной среды. Наиболее значимые элементы этой среды были зафиксированы в результате проведенных в 2017–2018 гг. комплексных историко-культурных исследований, включавших в числе прочего тотальное натурное обследование территории старого Армавира и типологический анализ исторической застройки, и вошли в предмет охраны исторического поселения [4] (Рис. 1–2).

На сегодняшний день образ историко-градостроительной среды Армавира определяют несколько эволюционно сложившихся типов исторических зданий и их устойчивых комбинаций — морфотипов, образующих визуальное своеобразие наделенных функциональной спецификой территориальных зон исторического поселения.

Рис. 1. Вид Николаевского проспекта (совр. ул. им. Кирова) при пересечении с ул. Почтовой (ныне — им. Ленина).
Источник: почтовая карточка нач. XX в.

Рис. 2. Вид Николаевского проспекта (совр. ул. им. Кирова).
Источник: почтовая карточка нач. XX в.

В большинстве своем исторические здания Армавира представляют собой прямоугольные в плане объемы или сочетание таких объемов, что обусловлено спокойным рельефом территории поселения и его планировочной структурой, приближенной к ортогональной.

Самый распространенный тип жилых зданий, который может быть условно обозначен как «дом мещанский», составляет основную часть сохранившейся подлинной исторической застройки дореволюционного времени. Это одноэтажное здание, в 4–6 световых осей на уличном фасаде, предназначенное для проживания отдельной семьи преимущественно со средним уровнем достатка. Условность термина «мещанский» объясняется и тем, что среди владельцев таких домов нередко встречались достаточно зажиточные собственники, в том числе из купеческого сословия, и потому что мещане официально появились в Армавире лишь после 1914 г., хотя уже с 1870-х гг. поселение развивалось главным образом по городскому типу.

В планировочной организации домовладения дом «мещанского» типа является основным элементом домовладения, прочие постройки имеют вспомогательное или хозяйственное назначение. Располагается такой дом в системе периметральной застройки, главным фасадом фиксируя красную линию. Пластика фасадов отличается относительно небольшим набором декоративных элементов в приемах провинциальной «кирпичной» эклектики. Зачастую главным украшением «мещанского» дома является крыльцо с ажурной «кованью» навеса над парадным входом.

На фоне простых по архитектуре «домов мещанских», преобладающих в количественном отношении и в массе своей формирующих уличные фронты, яркими акцентами армавирской застройки выступают здания с выделяющимся, всегда оригинальным и пышным декоративным убранством экстерьера. Это сложные аттики, луковичные и ку-

Рис. 3. Примеры исторических типов зданий, слева направо: фрагмент фасада «дома «мещанского», «дом господский» и «дом доходный» (дом жилой и аптека В. К. Вильде, ул. им. Кирова, 34–36). Источник: почтовая карточка нач. XX в.

польные главки над угловыми ризалитами, шатры, лепной и резной декор и так далее. Такой тип зданий может быть определен как «дом господский». Как и в первом случае, название «господский» условно — оно подчеркивает не социальный статус, но исключительно финансовую состоятельность собственника, которым в Армавире мог быть представитель любого сословия (Рис. 3).

В «господском» типе жилого дома выделяются два под-типа: первый — полтораэтажное здание с относительно компактными габаритами уличного фасада в 4–5 световых осей; второй — здание в один или полтора (основный и эксплуатируемый цокольный) этажа с протяженным уличным фасадом от 6 и более осей (часть помещений в таком доме могли быть отведены под нежилые функции — торговые, административные, производственные и иные).

Дом «господского» типа является доминирующим объектом комплекса построек городской усадьбы, к нему могли примыкать флигели и служебные постройки. «Господский» дом, находясь в системе периметральной застройки, главным уличным фасадом (при угловом расположении — фасадами) фиксирует красную линию застройки.

Гораздо реже в исторической застройке Армавира встречаются жилые дома, расположенные с отступом от красной линии или в глубине усадебного участка, которые могут быть отнесены к типу «дом господский внутриусадебный». Эти дома бывают сложной конфигурации, могут отличаться «всефасадностью» и иметь различное количество световых осей (особенно это свойственно постройкам в стиле модерн). Здание названного типа в структуре городской усадьбы служит основным домом или жилым флигелем, имеет повышенную этажность (чаще всего — два, два с половиной этажа) по сравнению с постройками, расположенными в уличном фронте. Примечательно, что внешний облик такого «господского» дома сдержаннее, нежели у домов, выходящих главными фасадами на улицу.

Ряд сложившихся в дореволюционное время типов армавирских зданий дополняют такие характерные для городской среды типы, как «дом доходный», «здание промышленного назначения», «здание общественного назначения».

Дом доходный в Армавире — здание от одного до четырех этажей в системе периметральной застройки с протяженными уличными фасадами — от пяти и более световых осей, сочетающее жилые и нежилые (торговые, гостиничные, социокультурные, производственные и иные) функции. Армавирские доходные дома отличаются выразительным, подчеркнуто «нарядным» архитектурным декором уличных фасадов, многие имеют получившую в Армавире распространение «французскую» кровлю (Рис. 4).

Рис. 4. Доходные дома И. Тарасова и Е. Баронова на Николаевском проспекте.

Источник: почтовая карточка нач. XX в.

Рис. 5. Ватная фабрика Тарасовых — здание промышленного назначения в застройке Армавира.

Источник: почтовая карточка нач. XX в.

Характерную индивидуальность культурному ландшафту поселения придает возникший благодаря особенностям исторического развития Армавира тип здания промышленного назначения, который может быть и элементом уличного фронта, и располагаться в глубине участка, в зависимости от утилитарных задач производства, которыми определялась этажность (от одного до пяти этажей) здания и разнообразие планировочных и объемно-пространственных решений. В целом промышленным зданиям, выделяющимся в окружающей застройке масштабами и силуэтом, присуща композиционная строгость и лаконичность декоративно-пластического оформления фасадов. (Рис. 5).

Функциональный тип здания общественного назначения включает постройки от одного до четырех этажей, расположенные преимущественно в ряду уличного фронта, редко — в глубине участка. Армавирским зданиям, возве-

денным для исполнения общественно значимых функций (административных, учебных, торгово-финансовых, гостиничных, социокультурных, лечебных и других), свойственна монументальность форм и сдержанность декоративного оформления экстерьера, часто с особым идейно-смысловым содержанием. Здания этого типа возводились и в дореволюционный, и в советский период, отличаясь в основном архитектурной стилистикой.

На завершающем этапе формирования исторической застройки в культурном ландшафте Армавира образовался еще один тип здания — многоквартирный дом «сталинка». Это трех-пятиэтажное многосекционное жилое здание, как правило, с помещениями нежилого (торгового, административного и иного) назначения на первом этаже. Располагается здание по красным линиям застройки, формируя периметр квартала. Уличные фасады — многоосные, протяженные

Рис. 6. Вид ул. им. Кирова при пересечении с ул. им. Ленина; слева — пример многоквартирного дома «сталинки». Фото из альбома: Армавир (М., 1982)

вдоль улицы, оформленные архитектурным декором в стилистике советского классицизма и композиционными акцентами, размещенными в зависимости от месторасположения здания на углу или в ряду застройки (Рис. 6).

Именно в своей совокупности перечисленные типы зданий, сочетаясь определенным образом и создавая объединенные общими планировочными, объемно-пространственными и композиционными параметрами стабильные формы квартальной застройки (иначе — морфотипы), обуславливают историко-культурную ценность ландшафта исторического поселения Армавир.

В пространстве поселения выделяются несколько таких морфотипов, наименования которым даны с учетом их основных качеств. Первый — «староармавирский малоэтаж-

Рис. 7

ный периметральный дискретный (усадебный)» (Рис. 7). Основу морфотипа составляют дореволюционные усадьбы с основным зданием в один-два этажа, включенным в периметр застройки квартала. Соседние здания располагаются блоками или с разрывом между собой. Непрерывность периметра уличной застройки обеспечивается помещенными между зданиями оградами и въездными воротами, через которые осуществляется связь с дворовым пространством, где располагаются флигели, хозяйственные постройки и сад. Дворовые постройки по высоте равны основному зданию или ниже его. Застроенная часть усадебного земельного участка, вытянутого вглубь квартала, составляет менее половины (обычно около трети) его общей площади.

Другой распространенный морфотип — «армавирский традиционный разноэтажный периметральный, периметрально-компактный». Морфотип сформирован преимущественно дореволюционными зданиями с включением

единичных объектов советского времени и представляет собой плотную застройку объемами высотой от одного до четырех (в единичных случаях — пяти) этажей, расположенными по красным линиям сторон квартала, с развитием застройки вглубь владельческих участков. По отдельным сторонам кварталов плотно примыкающие друг к другу торцами строения образуют сплошной уличный фасад с замкнутыми дворами-колодцами, связь уличного пространства с которыми осуществляется через сквозные проезды. Высотность внутриквартальной застройки сомасштабна аналогичным показателям уличного фронта. Процент застройки владельческого участка составляет от половины до двух третей его общей площади.

В середине XX в. сложился довольно цельный морфотип — «армавирский советский среднеэтажный периметральный», в котором доминируют постройки послевоенного времени в формах «советского классицизма», выполненные по оригинальным проектам с соблюдением характерного планировочного принципа регулярности и симметрии ансамбля. Образующие периметр квартала здания преимущественно трех- четырехэтажные, реже — пятиэтажные. Застройка подчинена уличной сети города, уличные фасады фиксируют красные линии сторон квартала. Внутриквартальные дворы общего пользования в период формирования морфотипа имели рекреационное назначение и были озеленены, площадь застройки всего квартала не превышала пятидесяти процентов (Рис. 8).

Разновременная, с преобладанием дореволюционной, историческая застройка, сочетающая элементы разреженной и периметральной застройки, составляет морфотип «армавирский разноэтажный комбинированный». Данный морфотип включает здания малой и средней этажности, расположение которых допускается как в ряду уличного фронта, так и в глубине усадебного участка. Красные линии

Рис. 8. Фрагмент застройки середины XX в.: угол ул. им. Кирова и ул. Комсомольской. Фото АЦ «Югреставрация», 2018

сторон кварталов фиксируются уличными фасадами зданий, ограждениями или рядами зеленых насаждений.

Наконец, отдельные кварталы поселения представляют особый морфотип, условно названный «армавирский пейзажный», по которому застройка предполагает наличие здания со значением градостроительной доминанты, свободно расположенного на участке с высокой степенью озеленения. Красные линии сторон кварталов в данном случае фиксируются ограждениями или рядами зеленых насаждений.

Сосредоточение определенных морфотипов на локальных участках территории исторического города и образование в границах поселения зон, наделенных индивидуальным характером и особым пространственным обликом, во многом зависело от набора преобладающих там функций. В частности, в культурном ландшафте Армавира выделяются отличающиеся собственным средовым своеобразием две крупные исторические зоны: общественно-деловой центр и жилые кварталы.

Общественно-деловой центр — это часть города с максимальной концентрацией объектов, обладающих историко-культурной ценностью, шириной от двух до четырех кварталов с центральной осью по ул. Кирова, протянувшаяся от ул. Лермонтова до ул. Мира. Зона характеризуется сочетанием общественной (преимущественная) и жилой (незначительная) функций. Основные исторически сложившиеся здесь функции — торговая (торговые дома, магазины, конторы), общественно-жилая (гостиницы, доходные дома), кредитно-финансовая (банки), административная (учреждения различных сфер управления), культурно-образовательная и рекреационная (театры, клубы, учебные заведения, зеленые зоны). Жилая функция носит ограниченный характер, преобладающая высотность — от 2-х до 4-х этажей. В общественно-деловом центре преобладают морфотипы «армавирский традиционный разноэтажный периметральный, периметрально-компактный» и «армавирский советский среднеэтажный периметральный». На участке от улицы Р. Люксембург до улицы Осипенко проявлен «староармавирский малоэтажный периметральный дискретный (усадебный)» морфотип.

Кроме того, территория общественно-делового центра включает центральную городскую площадь, зону торговли и исторические зоны зеленых насаждений. Центральная городская площадь — историческая территория, образованная в конце XIX в. путем расширения главной улицы и основной композиционной оси города — современной улицей Кирова. Площадь сохраняет значение основного узла внутригородских коммуникаций, места пересечения важнейших магистралей (современных Кирова, Ленина, Мира) и композиционных осей: ул. Кирова и полотна Владикавказской железной дороги. Зона торговли существует с 1880-х гг., вытянута вдоль линии железной дороги, ограничена современными улицами Мира, Халтурина, Кирова

и территориями бывших кладбищ — армянского, на месте которого расположен Городской парк культуры, и русского православного. К историческим зеленым зонам относятся образованные в конце XIX — начале XX вв. бульвары по ул. Р. Люксембург и ул. Кирова, бывший сквер Никольской церкви — ныне парк 30-летия Победы; Центральный сквер, созданный в конце 1940-х — начале 1950-х гг. на месте разрушенного в годы войны квартала; Городской парк, заложенный в 1924 г. на месте бывшего армянского кладбища.

Зона жилых кварталов — периферийная зона исторического поселения, с трех сторон охватывающая общественно-деловой центр. Характеризуется преобладанием жилой застройки дореволюционного периода с высокими количественными показателями усадебных домов «господского» и «мещанского» типов. На участках концентрации дореволюционной застройки градостроительными доминантами, архитектурными и композиционными акцентами выступают культовые здания, дома «господские», дома доходные, здания общественного и промышленного назначения. Основную массу построек составляют одноэтажные и полутораэтажные здания. Доходные дома имеют высоту до трех этажей. В отдельных кварталах имеются здания средней этажности — объекты промышленной архитектуры, здания общественного назначения, многоквартирные жилые дома советской архитектуры первой половины XX в., культовые здания.

В зоне выделяется локальный участок из нескольких кварталов, прилегающих к общественно-деловому центру и зоне железнодорожного вокзала, сформированный послевоенной застройкой. Основным морфотипом застройки в зоне жилых кварталов является «староармавирский малоэтажный периметральный дискретный (усадебный)»; в меньшей степени проявлены «армавирский разноэтажный комбинированный», «армавирский советский среднеэтажный периметральный», «армавирский пейзажный».

ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ ЧЕРЕЗ АРХИТЕКТУРНОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В ПРОЕКТАХ БЛАГОУСТРОЙСТВА

Витюк Е. Ю.

*Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет*

Загребин О. В.

*Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет*

Территория жилых кварталов включает исторические зеленые зоны: сквер Успенской армянской церкви, бывший сквер Георгиевской армянской церкви — ныне сквер имени А. Г. Ованесова («Тихий сквер», «Армянский сквер»).

В целом можно констатировать, что сложившиеся в исторической ретроспективе типы застройки, сохранившиеся до настоящего времени на достаточно компактной территории исторического поселения город Армавир, позволяют составить представление об особенностях его градостроительного развития, во многом формируют ценностные качества культурного ландшафта и определяют идентичность города Армавира в региональном и общероссийском масштабах.

Список литературы

1. *Ктиторов С. Н.* История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). — Армавир, 2002. — 383 с.
2. *Куприянова Л. В.* Города Северного Кавказа во 2-й половине XIX в. (К проблеме развития капитализма вширь). — М.: Наука, 1981. — 232 с.
3. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа): монография [Электронное издание]. — М.: Институт Наследия, 2020. — 334 с.
4. Приказ администрации Краснодарского края от 27.08.2019 № 160-кн «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Армавир Краснодарского края» [Электронный ресурс] // Администрация Краснодарского края: [сайт]. — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/19e/19e9acebfa2cfe8c83899a5f776e677.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).

Аннотация. В статье на примере малых исторических городов Свердловской области раскрываются особенности взаимосвязи между архитектурными формами, применяемыми при благоустройстве общественных пространств, и социокультурным наследием территории, для которой выполняется проектное предложение. Делается акцент на большую роль синтеза искусств в проектах благоустройства, целью которого является не только гармонизация пространств, но и сохранение, точная передача культурных смыслов и подтекстов через объекты и визуальные образы.

Ключевые слова: идентичность; благоустройство; архитектурная композиция; скульптура; форма; визуальный образ; культура.

Благоустройство городской среды — важный элемент создания комфортных условий для проживания людей в урбанизированной среде, а также мощный инструмент при позиционировании поселения и повышения его конкурентоспособности среди других городов. Эта сфера деятельности архитектора, где можно ограничиться типовым

решением по устройству газонов, дорожек и площадок, расстановкой типовой городской мебели; а можно создать уникальный в своем роде объект (в том числе и городское пространство) в городской среде, не просто интегрированный в сложившиеся градостроительные условия, а претендующий на роль значимого элемента в процессе социально-экономического развития города. Благоустроенная территория, будь то площадь, улица, парк или набережная, может стать визитной карточкой города, гордостью местных жителей и объектом «туристического паломничества»; мощной точкой притяжения не только для местных социальных групп, но и для многих других: туристов, ценителей искусства, блогеров и пр. Однако для достижения такой цели очень важна концепция — главная идея, лежащая в основе проектного решения. И в данном контексте концепция — это не только некое графическое воплощение проектных задумок архитектора, а сложная структура, объединяющая историю развития поселения, современный уровень его (поселения) развития, градостроительную ситуацию (причем до уровня целой агломерации), сеть культурно-бытового обслуживания, природные элементы и озеленение, транспортное обслуживание, местные социальные группы и т. д. Разработка проектного решения, основанного на таком подходе, безусловно, требует гораздо больше ресурсов (человеческих, временных, финансовых и др.), чем типовое проектирование, но и результат дает совершенно другого уровня.

Концепция выливается в проектное решение, в котором нет случайных линий и элементов: все обосновано и взаимосвязано, поэтому любые последующие изменения могут серьезно повредить проектной задумке, разорвав планируемые связи. Ввиду сложности поставленной задачи требуется научный подход, в частности, ретроспективный и градостроительный анализ территории, прогнозирование

развития территории, научный историзм, социокультурные исследования и т. д.

В настоящее время хорошим примером формирования проектов благоустройства территорий посредством первоначальной разработки концепции является Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях [1]. На примере нескольких проектных предложений благоустройства общественных пространств городов Свердловской области, принявших в нем участие, рассмотрим процесс проявления результатов исторического и градостроительного анализов поселения в архитектурном формообразовании. За время существования конкурса проектной группой научно-исследовательской части Уральского государственного архитектурно-художественного университета были разработаны и подготовлены к участию в нем три проекта общественных территорий: «Жемчужины купеческих кварталов» — концепция развития центральной улицы К. Маркса в Камышлове; «Город мастеров: возрождение традиций» — концепция сквера в поселке Бисерть; «Город-музей: живая история» — концепция развития центральной улицы Советская в Красноуфимске.

Камышлов — один из городов Свердловской области, в котором когда-то процветали торговля и купечество [2]. Его история полна легенд и исторических событий. В 1745 г. через Камышлов прошел Сибирский тракт, в связи с чем населенный пункт стал быстро расти и развиваться (также отразилась близость к Ирбиту), в 1781 г. превратившись в уездный город. В городе проводились две ежегодные ярмарки — Тихоновская и Покровская. В 1885 г. через Камышлов прошла железная дорога. К концу XIX в. Камышлов стал достаточно крупным купеческим городом: здесь было более 200 торговых лавок, работали кожевенный, винокуренный и свечносальный заводы, четыре мельницы.

Проектное предложение основано на идее создания пространства для демонстрации специфики и значимости купечества для рождения и развития Камышлова и Урала в целом, т. е. территории размещения туристических маршрутов с условием вхождения в «Самоцветное кольцо Урала».

Для этого проведено функциональное зонирование с выделением зон для организации праздников и ярмарок, связанных с деятельностью города и его историей; выставочных пространств для демонстрации результатов указанной деятельности; для проведения мастер-классов, литературных и музыкальных вечеров для детей и взрослых; для обеспечения размещения точек общественного питания; отдыха для детей и взрослых на свежем воздухе; рекреационных пространств и безопасных пешеходных путей; мест хранения личного автотранспорта.

В композиционном решении пространства преобладает продольное осевое размещение основных зон — по сложившейся оси ул. К. Маркса, на которую нанизаны как бусины разнообразные объекты. В основе формообразования лежит идея жемчужной россыпи: словно редкие, непохожие друг на друга жемчужины, рассыпались по территории Камышлова уникальные здания и пространства, а также легенды и истории, связанные с ними. Именно так формируется пространство улицы: на ось последовательно «надеваются» площадки для длительного и кратковременного отдыха, зоны для селфи, места для игр детей, подиумы для организации летних кафе, павильонов, торговых палаток и т. п. Все они дополняются арт-объектами и скульптурами, раскрывающими суть этой улицы как остова торгового города (скульптуры купцов, монетки); определяющими идентичность пространства через объективизацию легенд. Например, легенда о Черной кукушке объективизируется посредством скульптуры кукушки в начале улицы и поиль-

ника для птиц на всей ее протяженности. Легенда о купце, подарившем городу здание библиотеки в честь рождения у него сына, воплощена с помощью установки скульптуры мальчика. Скульптуры имеют большое значение в передаче и сохранении информации о событиях, людях, мифах и легендах, историко-культурном наследии местности. Это довольно простой прием фиксации важного для города момента, но требующий особого внимания с точки зрения образности и эстетичности самой скульптуры (т. к. объект должен быть понятен как жителям, так и гостям города, но в то же время производить на зрителя эмоциональное впечатление) и с точки зрения размещения его в структуре улицы (необходимо выбрать ракурсы обзора объекта для его наилучшего восприятия и уместности размещения).

На всем протяжении улицы размещаются светильники в виде белоснежных сфер разных диаметров и способов расположения (на земле, на подставке, на столбе), символизирующие рассыпанные купцом драгоценности. Идея праздничности улицы проявляется через узорчатое мощение, яркие краски на фасадах, многочисленные элементы озеленения и декоративное освещение (Рис. 1).

Бисерть — одно из самых интересных и загадочных названий населенных пунктов Среднего Урала. После войны 1941–1945 гг. в поселке особенно динамично развивались лесная и деревообрабатывающая промышленность и машиностроение [3]. В 1957 г. к Бисертскому леспромхозу присоединились лесоучастки Буйский, Кленовской, Чеботаевский, и образовался Бисертский опытный леспромхоз, в 1959 г. на нижнем складе была построена и пущена первая в стране полуавтоматическая поточная линия. Бисертский леспромхоз в социалистический период являлся образцово-показательным предприятием в своей отрасли и в 1960 г. был признан лучшим предприятием в отрасли. На базе леспромхоза проходили испытания опытные образцы новой

техники всего СССР. В связи с этим профессии, связанные с деревообработкой, для данной местности являются большой ценностью.

Проект планировки ландшафтно-рекреационного комплекса в Бисерти предполагает выполнение комплексного благоустройства его территории, прокладку новых пешеходных маршрутов, создание площадок с устройством наружного освещения, строительство капитальных и некапитальных строений, включая малые архитектурные формы. Проектное предложение основано на идее создания пространства для демонстрации специфики и значимости труда лесоруба — специалиста лесной промышленности. Для этого проведено функциональное зонирование с выделением зон для организации праздников и соревнований, связанных с профессиональными навыками работников Леспромхоза и в целом лесной промышленности; выставочных пространств для демонстрации результатов указанной деятельности; для проведения мастер-классов для детей и взрослых, связанных с традиционными ремеслами резьбы и росписи по дереву и т. п.; отдыха для детей и взрослых на свежем воздухе; рекреационных пространств и безопасных пешеходных путей.

В композиционном решении пространства парка «Город мастеров» сформирован центр в виде трапециевидной центральной площади и расположенной на ней сцене, к которому подводит главная диагонально расположенная аллея и несколько второстепенных путей, проходящих по продольным сторонам парка (Рис. 2). В основе формирования аллей и их взаимном расположении находится образ дерева — могучей сосны с толстыми ветвями и плотной зеленой кроной. Боковые второстепенные аллеи выполнены волнообразной формой, отсылающей к образу реки Бисерть. В структуру парка включены три крупные зоны — «зеленые острова», поднятые относительно уровня

земли на высоту 80 см с организацией подпорных стенок. «Острова» заполнены хвойными сортами деревьев, что обеспечивает наличие полезного лесного воздуха в центре района Леспромхоз. Наличие «зеленых островов» и многочисленных хитросплетений пешеходных путей позволяет разработать несколько разнообразных сценариев прогулок по данной территории, различные трассы для лыжных зимних прогулок и для скандинавской ходьбы. На территории парка расположились два павильона закрытого и пять павильонов полузакрытого типа, а также в зоне входной группы центральной аллеи выполнен довольно протяженный навес, что и обеспечивает возможность всесезонной эксплуатации парка.

Все архитектурные решения направлены на выделение значимости лесного хозяйства для этого поселения.

Красноуфимск — город в Свердловской области, расположенный в 224 км к западу от Екатеринбурга на правом берегу реки Уфы. Красноуфимск основан в 1736 г. в урочище Красный Яр (красивый обрывистый берег) как крепость Красноярская или Уфимская, впоследствии — Красноуфимская для защиты уральских заводов от набегов «смутных Башкирцев» [4]. Город богат различного рода уникальными реликтами, открытиями, культурными ценностями, историческими событиями, которые в свою очередь отразились на архитектурно-градостроительном облике города. Здесь находят древнейшие останки геликоприона, большерогого оленя, флоры и фауны моря пермского периода; здесь был найден первый русский самовар; здесь сохранилась Казачья изба 1736 г., земская больница 1886 г.; кирпичная архитектура периода расцвета купечества [5]. Город украшают храмы, резные ставни деревянного зодчества, кирпичные арки и многие другие достопримечательности. Одним словом, в Красноуфимске на каждом шагу можно столкнуться с чем-то уникальным, удивительным; словно

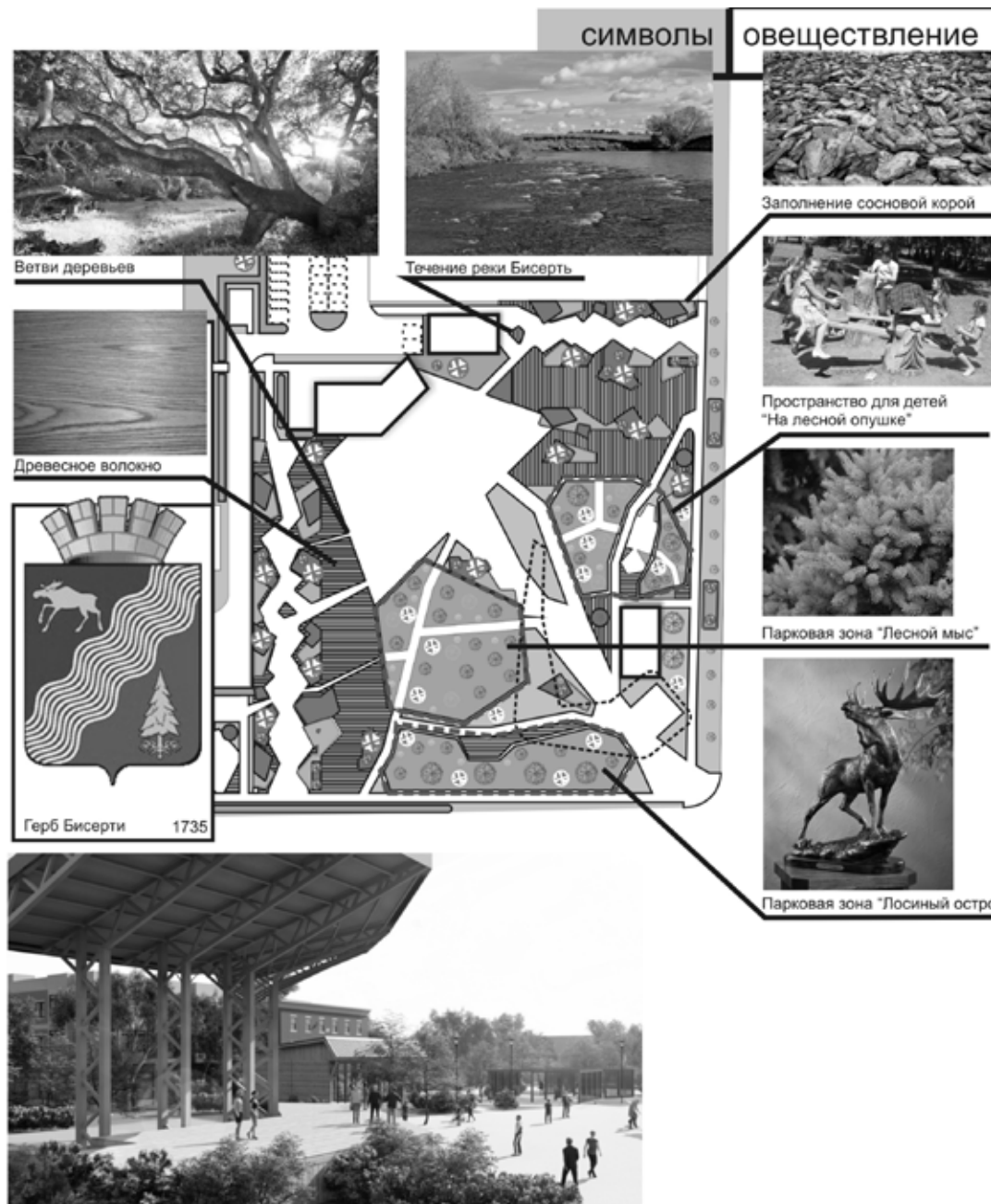
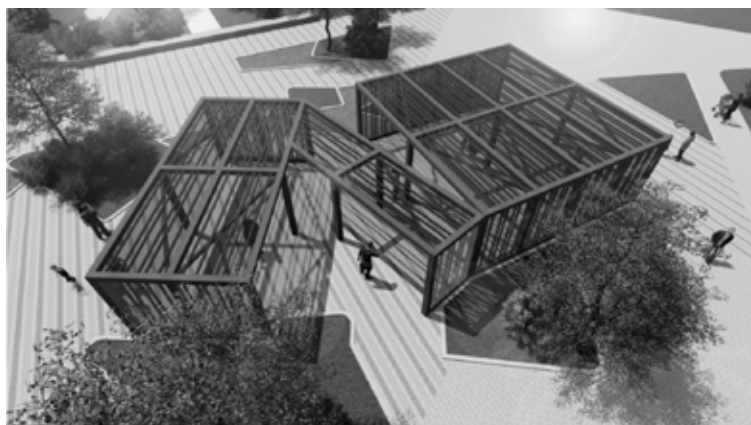

Рис. 2

движешься по историческому музею и от диорамы к диораме знакомишься с событиями и культурой прошлых лет.

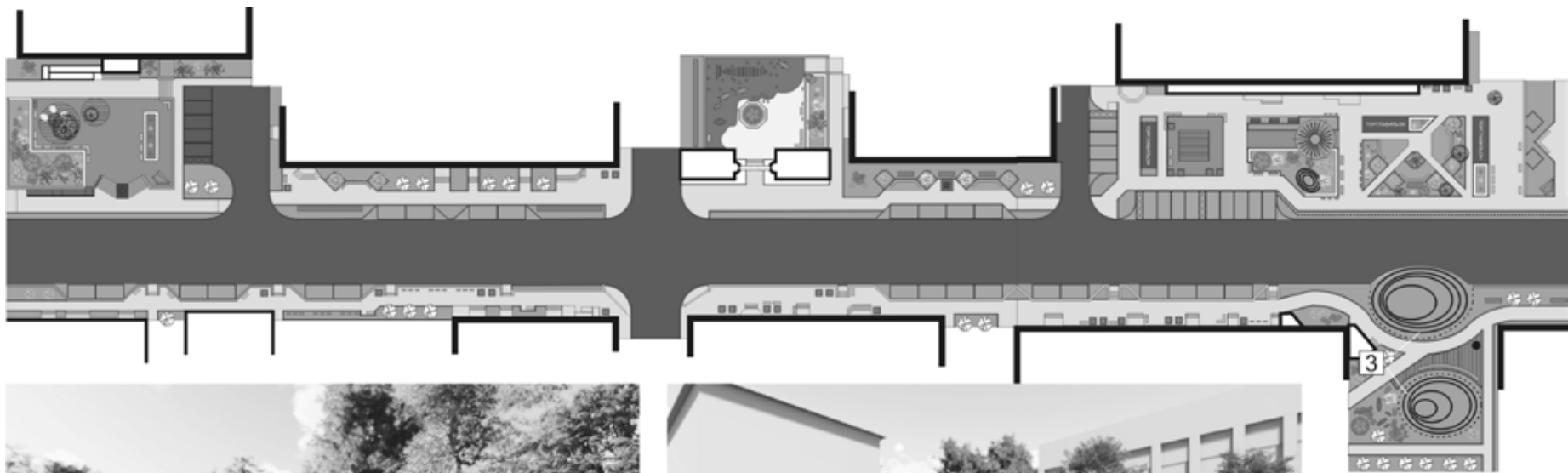
Это и стало основным лейтмотивом концепции создания комфортной городской среды в границах центральной улицы города — Советской в пересечении с улицами Интернациональной, Мизерова и Свободы: музей под открытым небом, в котором все истории живые, подвижные, интерактивные (Рис. 3).

Центр города трансформируется в туристическое ядро, каждое пространство в котором представляет собой «зал музея», посвященный отдельной исторической эпохе в развитии данной территории, а именно: *палеотропа* — фрагмент ул. Советской посвящен периоду существования здесь моря пермского периода (280 млн лет до н. э.); *Красноуфимск купеческий* — фрагмент ул. Советской, посвященный периоду становления уездного города, расцвета торговли, ремесел, купечества; *Красноуфимск героический* — фрагмент ул. Советской и ул. Мизерова, посвященный периоду Гражданской и Великой Отечественной войн; *Красноуфимск сегодня* — пространство центральной площади у здания администрации Красноуфимска; *Красноуфимск будущего* — фрагмент ул. Советской и ул. Мизерова, посвященный творческой молодежи, которая и есть будущее города, его успешного развития и процветания. Улицы Советская и Мизерова представляют собой два временных направленных вектора, пересекающихся друг с другом в зоне, которую предлагается именовать «*Перекресток времен*» с установкой в этой точке городских часов, символизирующих скоротечность времени и важность памяти о прошедшей истории.

Каждое пространство наполняется элементами, отражающими события того периода, которому посвящено, но все они наполнены необходимым для комфортного в них пребывания оборудованием (скамейки, урны, элементы осве-

щения, информационные и навигационные плакаты и указатели, павильоны, элементы озеленения, устройства для подзарядки гаджетов, оборудование для чистки обуви, общественный туалет, стоянки для автомобилей, остановочные комплексы и т. п.). Рассмотрим несколько примеров.

«Палеотропа», начинающаяся от здания Краеведческого музея, посвящена периоду 280 млн лет до н. э., когда на данной местности широко раскинулось Пермское море с его удивительными обитателями: акулами со спиралевидной челюстью — геликоприонами, оленями с огромными рогами (большерогий олень), гигантскими стрекозами, гинкгофитами и другими реликтовыми растениями. Отпечатки этих обитателей прекрасно сохранились в недрах семи холмов, на которых ныне стоит Красноуфимск. Улицу Советскую украшают два сохранившихся рифа Пермского моря. Пространство палеотропы сформировано четырьмя пространствами — площадками, соединенными пешеходными дорожками в единый туристический путь, — площадь у музея, площадка у рифов, детское пространство и зона отдыха у здания магазина. Мощение всех площадок выполнено с применением гранитной шероховатой брусчатки и фрагментами прямоугольных гранитных плит, что с одной стороны передает атмосферу гористой неровной поверхности, с другой стороны создает удобное, безопасное и долговечное покрытие. В озеленении данной территории применяются преимущественно растения — потомки реликтовых, сохранившихся с начала четвертичного периода (доледниковые и ледниковые): наперстянка крупноцветковая, тимьян башкирский, ветреничка уральская, астрагал уральский, остролодочник колосистый, фиалка удивительная, щитовник мужской, копытень европейский, вероника крапиволистная, медуница лекарственная; из растений пермского периода — потомки бывших членисто-стебельных — хвоци; папоротниковидных — папоротники;

3

голосеменных — ель, сосна, лиственница, гингко. Композиции из растений дополняются каменными валунами. На каждом из четырех пространств расположен элемент, символизирующий находки палеонтологов на территории Красноуфимска. Так, на альпинарии у здания музея расположена фигура карпинскиозавра, а лестницу, ведущую на эту площадку, украшает зубная спираль геликоприона. В облицовке подпорной стенки можно увидеть отпечатки растений и раковин диковинных моллюсков. На площадке у рифов размещены фигуры большерогих оленей. На детской площадке предложены фигуры, имитирующие древних рыб, а также размещается фигура эстемменозуха.

Центральная площадь города — универсальное место для проведения различных текущих мероприятий города, представляющее собой протяженное открытое пространство с местами отдыха, площадкой для организации представлений, в том числе импровизированных уличных концертов, вечеров поэзии, стрит-арта, скейтбординга. На площади установлен арт-объект в виде перфорированного столба с иероглифами и внутренней подсветкой. Когда наступает вечернее время и включается фонарь, то благодаря игре света и тени появляются легко читаемые надписи, содержащие информацию о городе.

Во всех рассмотренных случаях через архитектурную форму (пластику, цвет, ритм, материал) передана основная идея концепции, сформированная на базе выявленного историко-культурного значения местности.

Важную роль в создании открытых пространств играют разнообразные плоскостные объекты: площадки, дороги, проезды и др., с помощью которых задают габариты и конфигурацию пространств [6, с. 179]. Их форма и пластика в сочетании с объемными элементами, которые поддерживают основной замысел, позволяют создать уникальный образ, раскрывающий идентичность территории. Для бо-

лее точного формирования образа и передачи замысла зрителям весьма эффективно применять сочетание методов различных видов искусств в городской среде: архитектуры, скульптуры, декоративного искусства. Произведения монументально-декоративного искусства могут занимать ведущую роль в создании образа, поскольку через скульптуру достигается наибольшая точность в объективизации тех ключевых ассоциаций, связанных с территорией размещения проектируемого пространства, которые передают идентичность поселения.

Список литературы

1. Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях: официальный сайт. — URL: <https://konkurs.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 20.05.2020).
2. Камышлов: официальный сайт администрации Камышловского городского округа: [сайт]. — URL: <http://gorodkamyshlov.ru/> (дата обращения: 20.05.2020).
3. Бисерть: официальный сайт администрации Бисертского городского округа: [сайт]. — URL: <http://bisert.midural.ru/> (дата обращения: 20.05.2020).
4. Красноуфимск: городской информационный портал: [сайт]. — URL: <http://www.krasnoufimsk.ru/> (дата обращения: 20.05.2020).
5. Красноуфимский краеведческий музей: [сайт]. — URL: <http://www.museum-kruf.ru/> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Дизайн архитектурной среды: учеб. для вузов / Г. Б. Минервин, А. П. Ермолаев, В. Т. Шимко, и др. — М.: Архитектура-С, 2006. — 504 с.

НИЖНЕ-ИСЕТСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ ЕКАТЕРИНБУРГА

Булатова Е. К.

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

Аннотация. Рассматривается водоохранная зона Нижне-Исетского пруда в Екатеринбурге, определены эволюционные этапы формирования и развития зоны в историческом контексте, озвучены предложения по улучшению условий содержания и эстетической составляющей, создаваемой набережной во взаимосвязи с ландшафтным урбанизмом.

Ключевые слова: Нижне-Исетский пруд; Екатеринбург; Уктусские горы; водоем; ландшафтный урбанизм.

Нижне-Исетский пруд — одно из самых известных искусственных водохранилищ Екатеринбурга — за несколько десятилетий стал символом южной части города и излюбленной зоной отдыха жителей окрестных районов. Как и у любого знакового места, у пруда и его берегов есть своя история и перспектива развития в будущем. Нижне-Исетский пруд был образован на р. Исеть в 1789 г. и первоначально имел меньшие размеры. На рубеже XVIII и XIX вв. на его берегу появились железоделательный завод и поселок. На западе к водоему подступают Уктусские горы, а за прудом, где раньше стоял сосновый лес, вырос Химмаш. В связи с появлением большого завода и нового района старая плотина на Нижне-Исетском пруду была реконструирована. Водоем всегда привлекал к себе внимание горожан красотой окружающей природы. На лесном берегу находятся дом отдыха и санаторий «Сосновый бор», имеет-

ся водная станция с прокатом лодок. Первоначально водоем имел меньшие размеры: здесь на рубеже XVIII–XIX вв. основан казенный железоделательный завод и поселок. В связи со строительством завода «Уралхиммаш» старая плотина была реконструирована, размеры водохранилища увеличились [1].

Современный этап озеленения характеризуется уплотнением застройки, вследствие чего сокращается площадь под озеленение в жилой зоне. Высокие темпы строительства приводят к уменьшению площади некоторых парковых массивов, в частности, при строительстве торговых центров и жилых кварталов сократились площади Основинского парка, парка турбомоторного завода и массива юго-западного лесопарка. Площадь озеленения объектов общего пользования города должна составлять не менее 10 м² на человека [2], в то время как в Екатеринбурге она составляет 5,2 м² [3, с. 148]. Разрастание города происходило от центра к периферии, исходя из этого, городскую территорию условно разделили на четыре пояса с радиусами 2,5 км, 5 км, 10 км, далее — 10 км до внешних границ. Наименьшая площадь озеленения находится в первом и во втором поясах и составляет 3,3% и 4% от общей площади пояса и всего 7,3 % от общей площади объектов озеленения. В центре города, в радиусе 2,5 км, на зеленые насаждения приходится 5,7%, это ниже нормы в 2,5–3 раза [3, с. 149]. Наибольшее количество парков находится в третьем поясе — 77,3%. Основные площади под зелеными насаждениями расположены в 3, 4 поясах Екатеринбурга. На примере микрорайона Эльмаш видно, что соотношение между производственной, селитебной и рекреационной территориями составляет, соответственно, 1,4:5:3,7 (14%, 49% и 37%) [3, с. 365] вместо 1:2:3. Согласно генеральному плану развития города Екатеринбурга до 2025 г., формирование системы рекреационных зон достигнет 28,9%. А по Стратегическому плану

Екатеринбурга на 2020 г. увеличение площади зеленых насаждений на одного жителя будет равняться 20,6 м²/чел [4].

Рассмотрим рекреационные зоны Екатеринбургской агломерации, она — многолучевая, имеет вид, характерный для агломераций, сложившихся в разветвленном транспортном узле. Часть городов — агломерации поселков городского типа: Березовский, Дегтярск, Асбест, Верхняя Пышма, Первоуральск, Ревда, Заречный, Белоярский, Сысерть, Верхняя Сысерть и др. Согласно плану развития Екатеринбургской агломерации, расположен ряд объектов рекреации, многим из которых требуется реконструкция и модернизация [5]. Решением проблемы может стать разработка полноценного сбалансированного природно-экологического каркаса территории, который обеспечит сохранение основных природных территорий и экологического баланса региона в целом.

В соответствии с «Постановлением от 28 июля 2017 г. № 550-ПП «О внесении изменений в отдельные правовые акты Правительства Свердловской области в сфере особо охраняемых природных территорий» к территориям рекреационного назначения относятся особо охраняемые природные территории (ООПТ). В границах Екатеринбургской агломерации в соответствии с «Письмом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 22.03.2018 № 05-12-53/7812 о предоставлении информации для инженерно-экологических изысканий» и «Схемой развития и размещения особо охраняемых природных территорий Свердловской области на период до 2020 года» 4 территории — федерального значения, 506 — областного значения, 18 — местного значения. Площадь особо охраняемых природных территорий составляет 1 299 152,65 га, занимающих 6,69% от площади Свердловской области. Было утверждено 101 ядро экологического каркаса или ключевых природных территорий [6, с. 136]. На землях рекреацион-

ного назначения в 2005–2015 гг. были созданы такие ООПТ регионального значения, как «Бажовские места» (Сысертский ГО), «Пелымский Туман» (Гаринский ГО), «Добровольский тракт» (Махневское МО, ГО Верхотурский), «Ивдельский» (Ивдельский ГО). С 2009 г. 17 ООПТ — местного значения. ООПТ Екатеринбург представлено 16-ю объектами.

Таким образом, рекреационные системы Екатеринбургской агломерации формируются рядом с такими природными образованиями, как озера Шарташ, Песчаное; Верх-Исетское водохранилище и р. Исеть. Исеть, в свою очередь, является ключевым элементом водной эколого-рекреационной зоны Екатеринбург. Перспективными направлениями являются: застройка левого берега Исети в районе парка ЦПКиО, продолжение строительства домов в микрорайоне Академический, микрорайоне Солнечный и др. с сохранением существующей рекреационной зоны. Исеть обладает мощным потенциалом, который в настоящий момент полностью не раскрыт, а город не обращен к набережной.

В июне 2018 г. на побережье Нижне-Исетского пруда началось строительство жилого квартала «Сказы Бажова». Квартал будет формироваться очередями вдоль улицы Щербакова. Параллельно началась расчистка и обустройство побережья Нижне-Исетского пруда — здесь ведется строительство протяженной городской набережной. Побережье Нижне-Исетского пруда сильно заболочено и находится в «диком» состоянии. Сложные грунты для строительства, большие перепады высот. Но в специфичном рельефе местности есть и свои плюсы: улица Щербакова — достаточно оживленная, по ней проходит много транспорта. При этом если вы приедете на саму площадку, там спокойно и тихо, соседство дороги не ощущается (Рис. 1).

В результате проведенного строительства первого этапа набережной по ул. Щербакова река Исеть обрела свою

*Рис. 1. Стройплощадка под прибрежную территорию по ул. Щербакова и проект набережной Екатеринбурга.
Фото автора*

идентичность (Рис. 2–3): появилось обустройство берега с «контактной» водой (пешеходные мостики и террасы); установлено освещение по всей длине набережной; были обустроены дренажные емкости прибрежной зоны для деревьев и кустарников с использованием деревянного и металлического настила и ограждения по длине прибрежной территории; выполнено укрепление путем металлических свай, поднимающих прибрежную территорию над берегом; установлены детская игровая площадка, новые скамейки и малые архитектурные формы.

Деревянные эргономичные лавочки выполнены из сосны, между лавочками установлены съемные на зиму кадуш-

ки под пальмы и другие растения, есть площадки с гладкой поверхностью, все крепления скрыты пробками. Подсветка уже стоит, теплый белый свет — симметричный по горизонту протяженности и нейтральный на прогулочной пешеходной зоне, на опорах 3 м и 6 м. Собрана ниша фонтана, проведены коммуникации, есть амфитеатр с мини-сценой к воде, рядов на 15 (он еще не готов, доступ к нему перекрыт).

Для реализации принципов ландшафтного урбанизма, направленных на оздоровление и повышение attractiveness береговых и аквальных комплексов по улице Щербакова, необходимо произвести следующие рекомендуемые мероприятия: расчистка водоема и устранение камышовых

Рис. 2. Общий вид на набережную по ул. Щербакова (Екатеринбург). Фото автора

и водорослевых форм в р. Исеть; строительство остальных этапов прибрежной территории вдоль ул. Щербакова; применение экологических способов очистки воды для восстановления водной флоры и фауны р. Исеть.

Подведем итоги. Во-первых, качественные изменения городов сконцентрированы в первую очередь на создании благоприятных условий для жизни в урбанизированном ландшафте и очистку окружающей природной среды в рекреационной системе. Осуществление данных тенденций реализуется через разработку новой пространственной структуры «городов-ландшафтов», в которой экологическая и ландшафтная составляющая является главенст-

вующей. Во-вторых, рекреационные территории в функционально-планировочной структуре городской среды являются частью ландшафтной инфраструктуры города, обеспечивающей устойчивость всего городского пространства. А современные городские пространства, организованные с учетом принципов ландшафтного урбанизма в структуре крупных городов, имеют ярко выраженное общественно-рекреационное значение. В-третьих, в соответствии с отечественным и зарубежным опытом, набережные являются основными точками притяжения городов, выступающих в качестве эффективных барьеров и обеспечивающих целостность природной и урбанизированной систем,

Рис. 3. Вид на набережную с рекреационной зоной.
Фото автора

и при их реконструкции необходимо стремиться к сохранению и восстановлению природной среды.

Поскольку ландшафтный подход позволяет обеспечить необходимую географическую связанность территории, защитить городские системы от стихийных бедствий (сильных ветров, наводнений и других), то восстановление и реконструирование береговых и аквальных комплексов р. Исеть позволит не только сформировать единое рекреационное пространство и водно-рекреационный каркас с целью устойчивого развития территории, но и защитить территории от подтоплений.

Список литературы

1. Екатеринбург: карта города. Масштаб: 1:100 000. — Екатеринбург, 1994.
2. СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* // Строительные нормы и правила РФ: [сайт]. URL: <http://sniprf.ru/sp42-13330-2016> (дата обращения: 01.04.2020).
3. Тарбеева Д. А., Зобнина Ю. Р. Важность лесопарковой и рекреационной зон для поддержания экологического баланса в микрорайоне Эльмаш города Екатеринбурга // Молодой ученый. — 2016. - № 17. — С. 363–367.

4. Отчет о научно-исследовательской работе. Принципы формирования Екатеринбургской агломерации. Этап 2. Подготовка проектных предложений по формированию Екатеринбургской агломерации. Кн. 3. Ч. 3. — М., 2016. — 156 с. [Электронный ресурс] // Министерство строительства и развития инфраструктуры Свердловской области: [сайт]. URL: http://minstroy.midural.ru/uploads/2_этап_Книга_3_Отчет_Часть_3.pdf (дата обращения: 01.04.2020).
5. Стратегический план развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2020 года. Приложение к решению Екатеринбургской городской думы от 26.10.2010 № 67/30 // Екатеринбург.рф: [сайт]. — URL: <http://www.ekburg.ru/.out/file/29765.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).
6. *Аткина М. Ю., Булатова Л. В.* Нормирование и размещение озелененных территорий общего пользования г. Екатеринбурга // Пермский аграрный вестник. — 2017. — № 4 (20). — С. 146–152.

УДК 721.011:625.7/8

ОРГАНИЗАЦИЯ ОСТАНОВОК ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКА

Касаткина Л. А.

Красноярск, Сибирский федеральный университет

Попова И. А.

Красноярск, Сибирский федеральный университет

Удина И. Л.

Красноярск, Сибирский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы по созданию комфортного городского пространства на остановках общественного транспорта. Уделено внимание решению функциональных, эстетических, этических задач, созданию безопасной среды. Описаны произошедшие изменения территорий на остановочных пунктах, связанные с подготовкой к Зимней Универсиаде-2019 в Красноярске. Приведены примеры курсовых проектов студентов-архитекторов Сибирского федерального университета (СФУ), где демонстрируется комплексный подход к выполнению задания.

Ключевые слова: город; остановка общественного транспорта; городское пространство.

Город — особое пространство, в котором проходят разнообразные процессы, связанные с жизнедеятельностью людей. Чтобы человек чувствовал себя комфортно в этом пространстве, важно создать качественную среду. Для человека комфорт складывается из многих параметров: это и удобное осуществление функций, и чувство безопасности,

защищенности и эмоциональная составляющая. Одним из важных общественных пространств города является остановочный пункт. Это место, где люди ожидают общественный транспорт, пересекаются с одного вида транспорта на другой. Пространство остановки, как и другое городское пространство, должно решать и функциональные, и эстетические задачи.

Основной функциональной задачей для остановочного пункта является обеспечение комфортного ожидания транспорта. Пассажир должен быть защищен от неблагоприятных погодных условий (дождь, снег, солнце, ветер); ему должен быть обеспечен кратковременный отдых; должна быть создана доступная среда для маломобильных групп населения (пандусы, отсутствие ступеней, применение специальных тактильных плит для мощения) [1].

Эстетические задачи решаются с помощью архитектуры, законов построения композиции [2, 3]. Сооружения и окружающая среда должны быть красивыми, производить благоприятное впечатление, вызывать эстетическое наслаждение. Но сейчас уже недостаточно создавать пространства только с хорошими функциональными и эстетическими характеристиками. Сейчас стала важна и этическая составляющая. Необходимо поддерживать процессы, положительно влияющие на развитие общества, укрепляющие общение между людьми, способствующие развитию личности, здоровому образу жизни, поддерживающие экологию. Поэтому особую важность приобретают дополнительные функции, которые могут быть предоставлены на остановочном пункте. Устройство стоянки для велосипедов делает удобным их прокат, поддерживает программу велоспорта. Установка бесплатного Wi-Fi, электронного онлайн-табло будет удобна каждому пассажиру, сэкономит его время. Использование экологических строительных материалов улучшит эстетический вид остановочных павильонов, со-

Рис. 1. Снос ларьков и павильонов на остановке Торговый центр.
Фото авторов

здаст образ, гармонично вписанный в окружающую природу. Посадка зеленых насаждений, устройство газона, создание водонепроницаемого покрытия для уменьшения ливневых потоков, все это способствует поддержанию экологии в городе.

В Красноярске в преддверии Зимней Универсиады-2019 было построено множество объектов, отремонтированы дороги, все значимые общественные пространства подверглись реконструкции, в том числе и остановочные пункты. Территории, прилегающие к остановкам, раньше были застроены разностильными павильонами и ларьками, архитектурные формы которых даже не просматривались из-за грубой рекламы (Рис. 1).

Новые павильоны выполнены в едином стиле (Рис. 2), многие из них снабжены электронными онлайн-табло, на которых можно увидеть информацию о прибытии автобусов разных маршрутов. Очень удобно скорректировать свой маршрут, если на световом табло наглядно видно, какой автобус и когда прибудет на остановку. На остановках имеется две зоны ожидания. Одна часть является теплой,

Рис. 2. Новые остановочные павильоны на территории Сибирского университета. Фото авторов

Рис. 3. Остановка «Поликлиника», микрорайон Ветлужанка до реконструкции. Фото авторов

ограниченной стенами из светопрозрачного материала, другая часть — открытое пространство, защищенное стенами только с двух сторон и навесом. В условиях нашего климата теплый павильон на остановке очень востребован.

Территории остановочных пунктов, очищенные от разношерстной застройки, стали выглядеть современно и благоустроено. Но вызывает сомнение в необходимости полностью исключать коммерческую деятельность из зоны остановочного пункта. Людям, возвращающимся с работы, гораздо проще совершать небольшие покупки повседневного спроса по пути домой, а не в супермаркетах. Это удобно делать в зоне остановочного пункта. В этом случае требуется решение для создания единой архитектурной композиции для павильона, небольших сооружений торговли и обслуживания.

При исследовании пассажиропотока было выявлено, что ожидание общественного транспорта человеком в среднем составляет от 10 до 40 минут в день. Время, проведенное на остановке, можно было бы использовать более эффективно. Например, получать информацию, опла-

чивать счета или делать небольшие покупки. Для этого в зоне остановки должны появиться платежные терминалы, устройства для подзарядки телефонов и других гаджетов. Для рекламы и информации должно быть выделено особое место, иначе объявления будут наклеены прямо на стенки павильона.

Кроме функциональности, эстетической и этической составляющих, для создания комфортной среды необходимо обеспечить безопасность и защищенность. В большинстве случаев нормы безопасности соблюдаются, но иногда для того чтобы выполнить одну норму, нарушается другая. В микрорайоне Ветлужанка был установлен новый остановочный павильон. Старый навес стоял близко к заездному карману (Рис. 3), по нормам это расстояние должно быть не меньше 3 м. Новый навес был поставлен с соблюдением этой нормы (Рис. 4), но теперь между зоной ожидания и посадочной площадкой стал проходить тротуар, по которому идут пешеходы на рынок, в супермаркет, ездят велосипедисты и коляски с маленькими детьми. Когда подходит транспорт, происходит пересечение потоков пассажиров, спешащих на автобус, с транзитными пешеходами.

Рис. 4. Остановка «Поликлиника», микрорайон Ветлужанка после реконструкции. Фото авторов

На кафедре основ архитектурного проектирования СФУ студенты-архитекторы 1 курса выполняют курсовой проект «Остановка общественного транспорта». В представленных проектах демонстрируются варианты решения функциональных, эстетических и этических задач для создания качественного городского пространства (Рис. 5–6).

При проектировании остановки для экопарка «Гремячая грива» были учтены местные климатические условия. В состав автобусной остановки, помимо зоны ожидания, расположенной под навесом, входит теплый павильон, в котором находится скамья с подогревом. Для комфортного ожидания транспорта в павильоне оборудован коммуникационный узел, оснащенный интерактивными средствами связи. Дополнительной функцией остановочного комплекса является наличие велопарковки, так как по территории экопарка проходит велосипедная трасса. Создана беспрепятственная среда для удобного перемещения маломобильных групп населения. Верхний уровень посадочной площадки связан пологим пандусом с нижней террасой. Для пассажиров с физическими ограничениями

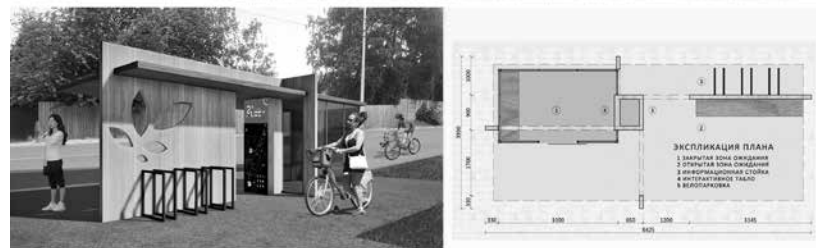

Рис. 5. Курсовой проект студентки Сибирского федерального университета А. Д. Авдеенко

по зрению по краю посадочной площадки уложена специальная плитка — уличный тактильный наземный указатель. Дизайн остановки выполнен в стилистике экопарка «Гремячая грива».

Основой композиционного решения другого студенческого проекта является модульная группа, состоящая из двух частей — места ожидания и информационной зоны. В данном проекте использованы две модульные группы, но при большем количестве маршрутов и пассажиров их число может быть увеличено. В информационную часть остановки входит зона для объявлений, рекламы и светоэлектронное табло. Остановка оснащена бесплатной сетью

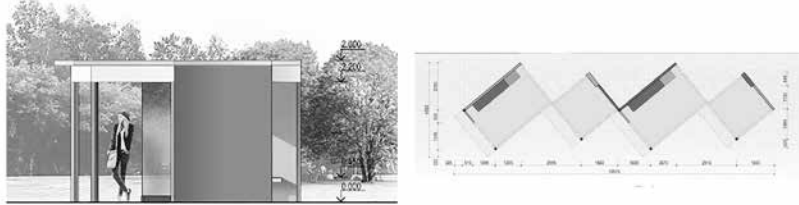

Рис. 6. Курсовой проект студентки Сибирского федерального университета С. П. Чернышевой

Wi-Fi, тревожной кнопкой, розетками для подзарядки гаджетов. В цветовом решении использованы фирменные цвета СФУ, применен логотип университета. В темное время суток предусмотрена светодиодная подсветка.

В своих учебных работах студенты стараются учитывать стилевое единство города и в то же время подчеркнуть индивидуальный образ остановки. В среде с особыми стилевыми характеристиками и вблизи со знаковыми городскими сооружениями применяют оригинальные композиционные решения, придающие остановочным пунктам яркий, выразительный характер. С учетом того, что многие существующие остановки в нашем городе не соответствуют требованиям сегодняшнего дня, они выполняют ограниченный набор функций, вследствие чего их комфортность снижена.

Для создания качественного пространства остановочного пункта необходимо учитывать не только основные,

но и дополнительные функции, такие как использование современного электронного оборудования, сохранение торговли в виде мини-киосков, включение услуг, развивающих общение между людьми, поддерживающих занятия спортом, создание безопасной среды, проектирование эстетических архитектурных форм.

Список литературы

1. ОСТ 218.1.002-2003. Стандарт отрасли «Автобусные остановки на автомобильных дорогах. Общие технические требования» [Электронный ресурс] // Техэксперт: [сайт]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200032189> (дата обращения: 03.03.2020).
2. Кент Ф. Плейсмейкинг — метод создания общественных пространств [Электронный ресурс] // Общественные пространства. Курс: Городская среда. — 2020: [сайт]. — URL: <https://архитекторы.рф/courses/spaces> (дата обращения: 03.03.2020).
3. Крие Р. Типологические и морфологические элементы городского пространства // Архи-текст: [сайт]. — URL: <https://архитекторы.рф/blog/arhi-tekst-rob-krie-o-ponyatii-gorodskogo-prostranstva> (дата обращения: 03.03.2020).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
проект № 19-29-07366*

Скосырева Н. Д.

*Омск, государственный аграрный университет
имени П. А. Столыпина*

Аннотация: В статье анализируется процесс социализации сельской молодежи в городской среде. Показаны особенности, специфика данного процесса, рассмотрен ряд проблем, которые возникают в ходе социализации бывших сельских жителей в новом для них пространстве города. В статье приводятся данные социологического опроса, проведенного среди обучающихся аграрного вуза, демонстрирующие основные мотивации современной сельской молодежи в процессе жизненного, профессионального, территориального самоопределения.

Ключевые слова: социализация; сельская молодежь; городская среда; профессиональное самоопределение.

Проблемы социализации сельских жителей и сельской молодежи в городской среде активно начали изучаться еще в период индустриализации, когда город стал для многих сельских жителей притягательным образом новой жизни. Социализация молодых людей в городе всегда сопровождалась большими трудностями. «Серьезная бытовая неустроенность, постоянный недостаток продовольствия, тяжесть физического труда усугубляли психологический диском-

форт, стресс, вызванный переменой места и образа жизни: по существу, происходил конфликт между городской и сельской культурой. Считалось, что города буквально «переваривают индивида — его образ жизни, его ценности, способы контакта с другими людьми — все подчиняется жестким правилам, диктуемым городом» [1, с. 4]. Это описание процесса социализации сельской молодежи в городе начала XX в.

Практически то же самое происходит и спустя 100 лет. Хотя все-таки есть отличительные специфические особенности адаптации, интеграции, социализации сельских жителей в современной городской среде.

В последние десятилетия продолжают активные процессы оттока молодых сельских жителей в города. Села пустеют, исчезают, а города растут, и по оценкам экспертов к 2025 г. доля городского населения в России будет составлять 70%. А вот насколько городская среда станет благоприятной социальной экосистемой для успешной социализации личности молодого человека и городского, и сельского, становится сегодня вполне своевременным и актуальным вопросом.

Социализация — это двусторонний процесс. С одной стороны, молодой человек осваивает социальную среду через усвоение устоявшихся социальных связей и отношений, а с другой — личность через деятельность сама начинает оказывать влияние на внешнюю ему среду и изменять ее [2].

Взаимодействие бывших сельских жителей с городом, их включение в городскую среду исследователями рассматривается с двух сторон: «либо с позиции ассимиляции мигрантов существующим сообществом и их включения в существующие культурные и социальные поля, либо с позиции того, что сельские мигранты создают в городах (особенно — больших городах) особую разнообразную внутри

себя культурную среду, сочетающую и городские, и сельские характеристики» [1, с. 6].

Исходя из теории аккультурации, описанной Джоном Берри, можно выделить четыре возможных процесса социализации сельской молодежи: ассимиляцию, интеграцию, сегрегацию и маргинализацию. Процесс интеграции бывших сельских жителей в новую городскую среду сопровождается значительными противоречиями, обусловленными сформированной структурой и уровнем развития ценностно-нормативной сферы личности, и новыми условиями городской жизни. В этой ситуации возможно появление новой проблемы — проблемы маргинализации сельской молодежи [3].

В процессе социализации молодым человеком решаются следующие группы задач: социально-экономические, социально-культурные, социально-политические и социально-психологические. Исходя из этого, рассмотрим, какие же проблемы встают перед ним в ходе решения этих задач.

В процессе социально-экономической адаптации молодому человеку предстоит приспособиться к городским условиям общественной жизни, приобрести новые навыки. Приспосабливаться необходимо и к повседневным практикам городского образа жизни (так называемая бытовая адаптация): к особенностям пользования общественным транспортом; специфике ориентации в пространстве города и т. п.

Далеко не вся сельская молодежь, приехавшая в город, успешно социализируется в профессиональной среде города, находит желаемую работу. В последние годы особо обострилась проблема, связанная с тем, что появилась значительная доля среди молодежи и городской, и сельской, которая не учится, и не работает. Это так называемая НЕЕТ-молодежь. Это не только безработные (кто потерял

работу, но ищет), но и те, кто не желает искать работу или вообще не желает работать. Эта проблема ведет не только к экономическим потерям от неучастия в общественном производстве, а также к негативным социальным и политическим последствиям [4].

Среди проблем социокультурной социализации особую тревогу вызывают процессы, связанные с продолжающимся падением духовности, уменьшением межпоколенческих взаимодействий, переоценкой роли традиционных институтов семьи и брака и т. п. [5].

В рамках данного исследования проанализированы стратегии социализации сельских мигрантов в городе Омске на примере студентов Омского государственного аграрного университета (ОмГАУ). Образовательная миграция — наиболее частый повод перемены места жительства. Именно сельская студенческая молодежь становится той лакмусовой бумажкой, по которой можно выявить всю палитру проблем, связанных с адаптацией сельских жителей к городской среде. Именно в образовательном учреждении устанавливаются первые коммуникации сельских и городских жителей, происходит их совместная социализация.

Нами был проведен социологический опрос студенческой молодежи, обучающейся в ОмГАУ. Всего было опрошено 1160 респондентов, из них — 586 представителей сельской молодежи. Анкета состояла из 50 вопросов. Исследования показали, что главными жизненными ценностями сельской молодежи являются любовь, семья, дети (82%), любимая работа, карьера (53%), материальные блага, деньги (46%), образование, саморазвитие (43%), независимость, свобода (31%), далее — общение с друзьями (25%), творчество, реализация способностей (24%), получение удовольствий (20%), престиж, слава, власть, социальный статус (12 %) [6, 7].

Большая часть респондентов (80%) выбрали сельскохозяйственный вуз и профессии сельскохозяйственного профиля осознанно, по внутреннему убеждению. Как показало исследование, сельская молодежь ориентируется на традиционные средства в построении карьеры и достижении профессионального успеха (профессиональное мастерство, добросовестный труд, дисциплина), в меньшей степени готова к различного рода рискам и ориентирована на мобильность.

В целом, сельская молодежь достаточно оптимистично смотрит в будущее. Среди опрошенных 82% считают, что им вполне по силам найти работу по специальности, 73% молодых людей считают себя конкурентоспособными. В решении своих проблем и реализации жизненных и профессиональных планов сельская молодежь рассчитывает, в основном, на себя и свои собственные возможности и ресурсы (74% опрошенных), а также на помощь семьи и друзей (16% респондентов), и только 10% обучающихся полагаются в будущем на различные институциональные формы поддержки [6].

Однако исследование показало, что большинство сельской молодежи, совершив, казалось бы, сознательный выбор профессии, будучи достаточно уверенными в своих силах, конкурентоспособности и возможности трудоустройства, не планируют в дальнейшем работать по специальности. Только 35% респондентов заявили о своем желании трудоустроиться в будущем по профилю полученного образования. В планах молодых людей — продолжение учебы (21% опрошенных), переезд в другую страну или город (12% респондентов), открытие собственного бизнеса (7% молодежи), смена сферы деятельности (4% обучающихся), фрилансерство (1% респондентов), неопределенность (20% опрошенных). При этом 67% сельской молодежи заявили о принципиальной готовности в будущем поменять

профессию, лишь 14% молодых людей планируют по окончании учебы вернуться в село [6].

Каковы причины такой позиции сельской молодежи в профессиональном и территориальном самоопределении? Из числа опрошенных, в планы которых не входит работа по специальности, большинство (63%) в качестве основных причин указывает на профессионально-трудоуловую и инфраструктурную неопределенность: отсутствие рабочих мест по специальности (29% респондентов); низкую заработную плату (24% опрошенных). Также 10% молодежи отмечают, что условия труда и быта, образ жизни в селе пока не сравнимы по комфорту и благоустроенности с городскими, не соответствуют запросам молодых сельчан.

Исследование подтвердило, что процессы миграции сельской молодежи в город и далее будут продолжаться. А для эффективной и успешной ее социализации и минимизации проблем, которые ее сопровождают, необходимо создание благоприятной городской среды, устроенной на основе экосоциальных принципов.

Список литературы

1. Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала: препринт. — М.: Изд-во РАНХиГС, 2016. — 47 с.
2. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высшей школы. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 376 с.
3. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 26–36.
4. Блинова Т. В., Вяльшина А. А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий // Социологические исследования. — 2016. — № 9. — С. 40–49.

5. Сикорская Л. Е. Добровольческая деятельность как сфера социализации молодежи / под ред. В. А. Ситарова. — М., 2009. — 312 с.
6. Skosyreva N., Razumov V., Zinic A., Pomogaev V., Revyakina Y., Gefner O. Choosing a profession as a model in gof the youth future (base don sociological research) // Journal Gender and Law. — 2020. — № 1. — Pp. 461–474.
7. Skosyreva N., Zinich A., Pomogaev V., Revyakina Y., Vasyukova M., Avlasovich E. Youth readiness for digitalization of the economy // Revista Inclusiones. — 2020. — Vol. 7. — Pp. 541–552.

УДК130.2

ОБРАЗ МНОГОУРОВНЕВОГО ГОРОДА В АРХИТЕКТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Гераськин Д. В.

Омск, государственный педагогический университет

Аннотация. В статье рассматривается концепция города небоскребов (многоуровневого города) в рамках архитектуры, философии и искусства. На примере произведений в жанре научной фантастики и антиутопии был продемонстрирован образ высотного города в современном искусстве.

Ключевые слова: многоуровневый город; научная фантастика; небоскреб антиутопия; литература; компьютерные игры.

Искусство можно понимать как форму репрезентации человеком своих чувств, мыслей, идей. Благодаря искусству индивид способен запечатлевать образы окружающей его действительности. Однако искусство и творчество не только копирование и отражение уже данного, но и создание принципиально нового. Среди функций творчества необходимо выделить следующие: выражение принципиально невербализуемых смыслов, которые не могут быть выражены другим способом; восхождение человека на более высокий уровень бытия; гармонизация социальных взаимоотношений и, наконец, воспроизведение красоты в качестве эстетической ценности [1, с. 21].

Следует также добавить еще одну функцию — функцию предвосхищения событий. Через гениальные прозрения писателей, художников и музыкантов человечеству дана возможность заглянуть в возможное будущее. К примеру, своеобразные пророки от мира литературы задолго

до действительного осуществления их фантазий предрекли появления великого множества современных технологий, среди которых виртуальная реальность, описанная в научно-фантастическом романе «Город и звезды» английским писателем Артуром Кларком; интернет, о функциях которого писал Уильям Гибсон в своем произведении «Нейромант» и, конечно же, один из самых известных примеров — субмарина Жюль Верна из его романа «20 000 тысяч лье под водой», предвосхитившая появление подводных лодок и батискафов.

Подвергая рефлексии представления о будущих градостроительных концепциях, некоторые философы и архитекторы постулируют то, что города будущего — это города-небоскребы, многоуровневые города, непрерывно растущие и осваивающие вертикальное пространство. Теоретические концепции получают соответствующие названия: «Город небоскребов» О. Пере, «Многоуровневый город» Л. Гильбесмейера, «Город-небоскреб» Ф. Л. Райта [2, с. 7]. Американский архитектор Сен-Флориан под влиянием идей Райта предлагает «сжать» все городское пространство до пределов огромного, одиноко стоящего небоскреба, к которому подходят автомагистрали, а на вершине здания будут располагаться посадочные площадки для летательного транспорта. Теоретическое осмысление многоуровневого города предлагал еще Леонардо да Винчи, который очертил план многоугольного радиально-кольцевого города, с пересекающимися под прямым углом улицами [3]. Главное нововведение, существенно отличающее концепцию города да Винчи от подобных, система уровней. Соединенные вертикальными лестницами уровни разграничивали и разделяли в пространстве жилые районы, кварталы купцов и ремесленников и т. д. Вертикальное устройство районов позволяло городам сохранять компактность при высокой

плотности застройки и населения. Нью-йоркский архитектор Харвей Корбетт продолжил теоретические изыскания да Винчи. В 1925 г. в журнале *Popular Science* появляется изображение мегаполиса будущего. Высота небоскребов в нем достигает 800 м, а движение людей и транспорта организовано на четырех уровнях [4]. Подобная свехурбанизация позволяла перенаправлять транспортные потоки, тем самым существенно снизить уровень нагрузки на главные пути города. В целом, концепция города, состоящего из небоскребов, имеет скорее положительную коннотацию в философском и архитектурном дискурсе. Однако в урбанистическом дискурсе западной философии XX в. внимание заострялось также и на негативном фоне жизни в современных мегаполисах с их высотными доминантами, «информационных» городах, порождающих неравенство и социальную деградацию [2, с. 185].

Искусство же, воплощая концепт многоуровневого города на практике, наделяет его деструктивными свойствами, разлагающими общественный миропорядок. Уровни города в таком случае выступают в качестве материальной и, что самое важное, прямой репрезентации социальной иерархии и неравенства в обществе. Уже сейчас показательное деление по вертикали наличествует в современных крупных городах. Они делятся на нижнюю зону, так называемый подземный мир, среднюю зону — наземное пространство повседневной городской жизни и верхнюю зону. Каждая из зон многоуровневого города имеет своих обитателей, и, если верхние этажи принадлежат элите общества, крупным корпорациям, то нижние уровни, «сточные канавы», заселяются представителями маргинальных слоев [6, с. 15]. Если города продолжат следовать тенденции «уровнизации», это может привести к обострению социальных противоречий, усилению маргинализации

«низинных жителей» и общему росту относительной депривации в обществе. Наглядные примеры воплощения таких тенденций предлагает нам искусство. В частности, жанр фантастики и компьютерные игры, усиливающие визуальное восприятие города небоскребов. RememberMe — компьютерная игра, повествующая о приключениях главной героини в антураже Парижа 2084 г. Передвигаясь по французской столице конца XXI в., можно явственно ощутить наглядное влияние «уровнизации» на жизнь горожан. Нижние уровни Парижа предстают перед игроком как настоящие трущобы, пристанище различных маргинальных обществ. Многоуровневый город не решил проблему перенаселения, но скрыл ее от глаз состоятельных горожан, загнав большую часть жителей столицы на нижние ярусы. Усилилась городская поляризация, больше нет промежуточного звена — среднего класса, есть только жители Верхнего и Нижнего городов.

Многоярусные города, появляющиеся в произведениях искусства, почти всегда включаются в семантическое поле антиутопии. Будь то Лондон далекого будущего, описанный Олдосом Хаксли в антиутопии «О дивный новый мир», города-ульи из серии книг «Warhammer», футуристичный Токио из японской манги «Призрак в доспехах», а также Нью-Гринвич, показанный в фильме «Время». Итак, независимо от направления искусства (изобразительное, выразительное или зрелищное) город небоскребов описывается в русле разделения и стратификации. Монструозное слияние бетона, стали и стекла подавляет жителей нижних уровней, фрустрируя базовые витальные потребности индивида. В результате порожденная психическими процессами энергия выражается во внутренних и внешних действиях. Под внутренними действиями можно понимать «брожения» жителей нижних городов внутри

своего сообщества. Усиление отчуждения их от благ цивилизации, увеличение маргинализации и криминализации. Внешние действия выражаются в акциях протеста против существующего положения дел, нередких террористических актах и нападках на представителей верхних ярусов. Последними, в свою очередь, руководит бессознательный архетип «Вавилонской башни». Чем выше их место жительства, тем ближе они к трансцендентным силам. Вавилонская башня была разрушена из-за людской гордыни. Гордыня же — неотъемлемая часть практически каждого жителя Верхнего города.

Посредством искусства творец моделирует реальность. Благодаря произведениям литературы, живописи, музыки человечество может заглянуть в свое возможное будущее. Современные деятели искусства добавили к этим формам искусства киноиндустрию и компьютерные игры. Осмысляя город и его будущее, философы и архитекторы выдвинули градостроительную концепцию «Многоуровневого города». Ярусы, помещенные в вертикальное пространство, позволяют экономить территорию, делая город более компактным. Расширение транспортных сетей за счет приращения надземной территории облегчает нагрузку на «городские артерии». Наконец, вертикальная застройка должна избавить город от перенаселения. Искусство же, используя свой «дар» предвидения, скептически относится к подобным предположениям, рисуя перед нами картины антиутопичных городов-людоедов и максимально поляризовавшееся общество. Жители такого города максимально отдалены друг от друга и, порой, от благ цивилизации также. Город выступает оплотом свободы, горожанин мобилен и подвижен. Мобильность и социальные лифты в городе имеют наибольшую эффективность, способствующую высокому уровню свободы горожанина. Многоуровневые го-

рода будущего лишают индивида такой возможности, ведь вряд ли кто-либо из «Верхнего города» захочет опуститься в низы, а вершины закрыты для жителей «Нижнего города» из-за невозможности вместить такое количество людей. «Сверхчеловеческий» масштаб небоскребов является негативным и с точки зрения экологии. Специалисты в этой области отмечают, что преимущества высотной застройки уже не кажутся столь очевидными [7].

Список литературы

1. Бакиштейн И. М., Барабанов Е. В., Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Что такое искусство? // Философский журнал. — 2016. — № 9 (4). — С. 18–47.
2. Григорьев В. А., Огородников И. А. Проблемы экологизации городов в мире, России и Сибири. — Новосибирск, 2001. — 152 с.
3. Лысенко М. Город Будущего Леонардо да Винчи [Электронный ресурс] // Творческий альманах Artifex.ru:[сайт]. URL:<https://artifex.ru/архитектура/город-будущего-леонардо-да-винчи/> (дата обращения: 03.06.2020).
4. Элькина М. Города в движении [Электронный ресурс] // ArtElectronics.ru: интернет-журнал: [сайт]. URL: <https://artelectronics.ru/posts/goroda-v-dvizhenii> (дата обращения: 03.06.2020).
5. Горнова Г. В. Урбанистический дискурс западной философии XX века // Вестник ЧелГУ. — 2010. — № 16 (197). — С. 180–187.
6. Горнова Г. В. Философия города. — М., 2014. — 344 с.
7. Филин В. А. Видеоэкология. Что для глаз хорошо, а что плохо. — М.: Изд-во «МЦ Видеоэкология», 1997. — 250 с.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 94:930.85+911.53

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ

Алисов Д. А.

Омск, Сибирский филиал

*Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Аннотация. Автор рассматривает проблему сосуществования и взаимодействия «прошлого» и «настоящего» в едином городском пространстве на примере формирования и разрушения исторической памяти, важнейшей характеристики культурного ландшафта города.

Ключевые слова: культурный ландшафт; город; прошлое и настоящее; историческая память; memory studies.

Одним из центральных вопросов в современном ландшафтоведении является проблема сосуществования и взаимодействия «прошлого» и «настоящего» в едином городском пространстве. «Прошлое» в современном культурном ландшафте города сохраняется и «содержится» в материальных памятниках и исторической памяти социума как результат взаимодействия человека с окружающим миром.

Механизмы формирования исторической памяти в городской среде, как правило, во многих исследованиях об-

ходятся стороной. «Прошлое» во многих из них предстает как законченная и оформленная данность, а не результат сложных длительных процессов взаимодействия ранних и более поздних состояний культурного ландшафта. Подобный подход сильно ограничивает наши представления об одной из важнейших духовных (нематериальных) составляющих культурного ландшафта города — его исторической памяти.

В то же время в последние годы в исторической науке стали активно изучаться проблемы формирования и трансляции исторической памяти с опорой на западную научную школу *memory studies* (*memory research*). Основные теоретические и методологические постулаты школы были разработаны М. Хальбваксом, П. Нора, П. Рикёром, Я. Ассман, Дж. Олликом, продолжены отечественными учеными — Л. П. Репиной, А. В. Святославским, М. М. Федоровой и др., — и были применены как к городу в целом, так и его культурному ландшафту [1].

Согласно сложившимся представлениям «историческая память» — как совокупность знаний и переживаний, отражающих наиболее важную, актуальную, конкретизированную информацию об историческом прошлом — имеет более широкие рамки, чем социальная память некой группы людей, а ее носитель — не конкретная, однородная социальная группа, а социальная общность, представители которой являются одновременно членами нескольких разных социальных групп [2]. Историческая память города, который есть одновременно материальный носитель и интерпретатор памяти как социум, является важнейшей характеристикой городского культурного ландшафта, т. к. «прошлое в известной мере продолжает жить в современности, а не исчезает бесследно. Оно живет в материальных процессах, в сознании людей, в сложившихся обществен-

ных связях, политическом строе, произведениях искусства, наконец, традициях» [3, с. 13].

Историческая память городского культурного ландшафта является его важнейшей антропогенной функцией: «ибо человек никогда ни живет только своим временем: незаметно для себя — через материальную культуру, выработанные предками поведенческие нормы, речь — он вбирает в себя историю народа, страны» [4, с. 6].

Анализируя структуры культурного ландшафта, Р. Ф. Туровский отметил, что «культурный ландшафт меняется во времени, слагаясь из серии исторических пластов» и «на территории исторические пласты обычно представлены отдельными сооружениями той или иной эпохи, реже — целыми архитектурными ансамблями. Некоторые ансамбли могут гармонично включать памятники различных исторических эпох» <...> «в духовной части культурного ландшафта исторические пласты представлены в виде народной исторической памяти, исторических произведений и современных исследований, воссоздающих культурные ландшафты прошлого» [5, с. 27].

Продолжая эту мысль, следует отметить, что созданные человеком исторические события, образы и смыслы закрепляются с помощью материальных объектов в городском культурном ландшафте подобно тому, как человеческая мысль фиксируется знаками письменности. Существует множество способов фиксации исторической памяти в городском ландшафте (музеи и музейные экспозиции, памятники и мемориативные практики, планировка и архитектурные объекты, топонимические системы и многое другое).

В то же время следует отметить, что историческая память, формируемая в социуме, как бы расслаивается. Во-первых, любой материальный носитель — памятник — это

свидетельство о вполне реальных событиях и героях прошедшей истории, образах исторического прошлого. Обозначим этот вид исторической памяти как Память 1 или «память прошлого». Во-вторых, это память социума в момент мемориализации или коммеморации, в основе которой лежит современный (на момент создания мемориала) исторический образ о прошлом подвиге или историческом событии, отражающий реальный исторический процесс, но уже не вполне адекватный ему в силу обобщения и избирательности. Это Память 2 — «память момента». Наряду с этими пластами исторической памяти, закрепленными в граните и бронзе, существует еще Память 3 — «память настоящего». Это виртуальные образы, возникшие вокруг памятника в последующие годы и десятилетия его существования, в виде набора современных интерпретаций и новых смыслов [6, с. 18].

По точному определению О. О. Дмитриевой «с течением времени, когда пережитые события превращаются в историю, когда остается все меньше современников, образ все более трансформируется и видоизменяется, все более отдаляется от исторической действительности» [7, с. 134].

Каждая эпоха имеет свои смыслы и символы. Смена эпох приводит к изменению «политики памяти», пересмотру отношения к существующим памятникам и мемориалам, к созданию новых и пересмотру предыдущих интерпретаций материальных воплощений прошлого, а также к забвению и разрушению «неудобных». Историческая амнезия, забвение и разрушение исторической памяти являются, таким образом, неотрывной частью процесса формирования и развития исторической памяти. Причем необходимо четко различать процесс «естественного» забвения и амнезии отдельных структурных элементов памяти, связанный с изменениями общества во времени

и пространстве, и процесс искусственного намеренного разрушения отдельных фрагментов и связей между ними в угоду политической конъюнктуры отдельных социальных групп — лидеров.

Рассмотрим яркий пример нашего прошлого и настоящего. Распад СССР и образование суверенной Российской Федерации проходили во многом в условиях отказа от памяти советского прошлого. Это привело, с одной стороны, к многочисленным попыткам декоммунизации путем «снятия» с пьедесталов целого ряда памятников советским деятелям (Ф. Дзержинский — в Москве, К. Лигети — в Омске и т. п.). С другой — к попыткам провести массовую мемориализацию наиболее видных представителей исторически проигравшего белого движения. Так, были поставлены памятники Маркову (первый в России памятник белому офицеру) в Сальске (Ростовская обл., 2003), Колчаку в Иркутске, Корнилову в Краснодаре [8, с. 26–27]. Много лет в Омске продолжают споры о возможности установки памятника адмиралу Колчаку. Без определения концептуальных задач и общественно значимых целей в области политики памяти проведение мемориализации будет наталкиваться на сопротивление больших социальных групп и служить не созданию и сохранению гражданского мира, а расколу общества и формированию предпосылок новой «гражданской войны».

Опыт многих других стран (Испании [9], Финляндии и др.), а не только России, показывает, что основные объекты мемориализации определяет победившая сторона. Кому и какие памятники возводить, как называть города, улицы и площади. В 1917 г. в России победили «красные». Они сформулировали основные постулаты мемориализации, воздвигли немало памятников «красного пантеона». Отказ от исторической памяти и мемориалов «красным» сегодня неизбежно ведет к отказу от всей последующей со-

ветской истории, в том числе Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., которой гордятся народы России и стран ближнего зарубежья и в этом году отметили ее 75-летие. А это уже историческая шизофрения.

Другим ярким примером проявления исторической амнезии и забвения служат городские топонимические системы. Топонимические системы так же в значительной степени подвержены изменчивым политическим вкусам и предпочтениям. В определенные периоды времени переименования принимали массовый характер. Особенно это характерно при революционной смене власти и экономического строя в начале XX в., которым соответствовали также радикальные идеологические изменения в обществе. Некоторые улицы городов подвергались многократным переименованиям. Например, в Томске ул. Дворянская (1825) по идеологическим причинам переименовывается сначала в ул. Равенства (1920), а позднее становится ул. Гагарина (1961) [10]. В Омске ул. Думская (1897), которая еще ранее именовалась Полицейской, переименовывается в ул. Троцкого (1920), а затем в 10 лет Октября (1927) [11].

Актуализация темы городских топонимов в последние годы происходит не только из-за потребностей развития науки, но и под влиянием многочисленных дискуссий о переименованиях внутригородских объектов России и других государств, возникших на развалинах СССР, преодоления чрезмерной идеологической направленности, доставшейся в наследство от советской топонимической системы. Особой активностью и даже оголтелостью отличается кампания борьбы с исторической памятью, закрепленной в топонимических системах, развязанная государством и националистами на Украине с целью избавления от исторической памяти, «связывающей» Украину и Россию в относительно недалеком едином советском прошлом.

Таким образом, топонимический вопрос превратился в вопрос об исторической памяти и способах воздействия на нее, что предопределило создание таких специфических учреждений, как Институт Памяти в Украине и Польше. Однако, как оказалось, даже подверженная самой жесткой чистке любая топонимическая система несет «облака» прошлых смыслов и структурные составляющие «прошлой» исторической памяти.

В современной уже постсоветской топонимической системе сибирских городов сохранились остатки всех предшествующих исторических типов наименований внутригородских объектов. При всем сходстве принципов и подходов в создании городских топонимических систем в разных городах Сибири неизбежно обнаруживается их «непохожесть» и уникальность. И, как говорится, у каждого города «свой нор»», свое особенное топонимическое и историческое лицо. Каждый город имеет свою уникальную историческую память.

Память не может полностью слиться с политической идеологией [12, с. 19]. Но, по мнению любой власти, историческая память и любой исторический памятник (в широком смысле этого слова) должны служить ей, а иначе «тем хуже для них». Определенное исключение составляют только те монументы и мемориалы, которые объявляются общенациональным достоянием и фиксируют легитимные с позиций власти исторические события и исторических героев, или получают соответствующую новой легитимности интерпретацию. Еще одно исключение — это мемориалы и памятники, признанные как имеющие художественную (эстетическую) ценность. Это то, что не подлежит разрушению.

Список литературы

1. *Репина Л. П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153. — Кн. 3. — С. 192–201.
2. *Ростовская О. М.* Память и амнезия как социокультурные феномены // Материалы докладов 43-й научно-технической конференции преподавателей и студентов. — Витебск, 2010. — С. 135–137.
3. *Коришунов А. М., Шаповалов В. Ф.* Творчество и отражение в историческом познании. — М.: Изд-во Московского университета, 1984. — 192 с.
4. *Старикова Г. Н.* Томская история в именах // История названия томских улиц. — Томск, 2012. — С. 6–17.
5. *Туровский Р. Ф.* Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.
6. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города, или Некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города. Сборник научных работ [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. — М.: Институт Наследия, 2020. — С. 4–21.
7. *Дмитриева О. О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 6 (361). История. — Вып. 63. — С. 132–137.
8. *Алисов Д. А.* Проблемы мемориализации Гражданской войны в России. Теория и практика // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. — М.: Институт Наследия, 2016. — С. 21–28.
9. *Гранцева Е. О.* Идеология, запечатленная в архитектуре: «Долина павших» и другие проекты франкистской эпохи // Латиноамериканский исторический альманах. — 2019. — № 24. — С. 105–122.
10. Улицы города Омска: Справочник / сост. Г. Ю. Гурьев, Л. И. Огородникова. — 2-е изд., испр. и доп. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. — 280 с.
11. Улицы Томска: Атлас — справочник / сост. Г. Чупин, Г. Лячин. — Томск: ГалаПресс, 1997. — Вып. III. — 176 с.
12. *Красильникова Е. И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеративные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. — 572 с.

**ОБРАЗ РОДНОГО ГОРОДА
1930 — НАЧАЛА 1940-х гг.
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
Н. С. КОНОВАЛОВОЙ «ДЕВОЧКА ИЗ ОМСКА»**

Акелькина Е. А.

*Омск, государственный университет
имени Ф. М. Достоевского*

Аннотация: Работа посвящена выявлению образа Омска 1930–1940-х гг. в автобиографической повести Надежды Сергеевны Коноваловой «Мой милый Омск».

Ключевые слова: Омск; образ города; литература non-fiction; история семьи.

А я иду по деревянным городам,
где мостовые скрипят, как половицы.
А. Городницкий

В 2002 г. в издательстве Омского государственного педагогического университета вышел сборник рассказов Надежды Сергеевны Коноваловой «Мой милый Омск». Автор книги родилась и всю жизнь прожила в нашем городе, она — врач, кандидат медицинских наук, доцент, многие годы преподавала медицину в этом вузе и готовила студентов по фельдшерской специальности на случай войны. Я училась у нее. В эту книгу вошла ее автобиографическая повесть «Девочка из Омска». Произведение это привлекает не просто тем, что автор талантлив и внимателен к добрым и светлым сторонам жизни, но и созданием уникального образа Омска довоенных и военных лет, изображенных с точки зрения

ребенка. Это повесть о детстве автора, о родном городе и, вместе с тем, об истории страны, отразившейся в истории ее семьи. Произведение это написано в конце XX в. и принадлежит к литературе non-fiction. Взрослый человек, вспоминая свое военное детство, как бы внутренне перестраивает историю своей жизни, постигая главное, сущностное в становлении своей личности. Такому тексту присуща естественная имманентная философичность. Самые яркие впечатления, приключения нанизываются на временную ось. Очень остро ощущаются границы периодов — дошкольного и школьного, довоенного и военного времени.

Название повести цитатно и соотносится с известной повестью военных лет Л. Ф. Воронковой «Девочка из города» (1943). Н. С. Коновалова дает как бы другой вариант жизни своей героини — «Девочка из Омска», предельно точно сохраняя городскую топонимику. Первые фразы повести соединяют фактографичность, игровое начало и обобщенно-лирическое ощущение радости жизни.

«Дина родилась в Сибири, в городе на реке Иртыш, мама ее была хирургом. Папа — военный, командир. Целыми днями папа и мама были на работе. <...> Вот и гуляла она с утра до вечера. Может быть, поэтому все детство вспоминается ей ослепительно солнечным. Выйдет из прохладного темного подъезда, и ливень света обрушивается на нее целым снопом» [1, с. 133]. Впечатления дошкольного детства наполнены радостью, несмотря на бытовое неблагоустройство. Большой двор в центре, где все «удобства» — туалет, водокачка, помойка — здесь же. Постоянное появление стекольщика, угольщика, точильщика, старьевщиков, расплачивающихся с детьми цветными шариками, пищалками. Сложный быт Омска в 1930-е гг. описан с точки зрения ребенка подробно: «Из-за Иртыша дул сильный ветер, поднимая колючую пыль, желто-серым облаком стоявшую над городом от ранней весны до первого снега. На окраи-

нах и в закоулках подолгу держалась густая весенняя грязь. Возле домов были дощатые тротуары. Кроме центра города, дома везде были деревянные, маленькие. Лишь изредка встречались высокие с крылечками, балкончиками, изукрашенные деревянной резьбой, словно кружевами. Машин было мало, ездили на лошадях. Позади улицы Ленина пустился первый трамвай» [1, с. 135].

Дина вспоминает, что «развлечений вокруг было много», это и катание верхом на бронзовых львах у входа в музей, и катание на растяжке сзади извозчых пролеток, и цепляние санками за грузовик или воз с лошадьё, а еще рассматривание магазинных витрин на центральной улице (с огромным «шоколадным» медведем, с аквариумом с рыбами). «У входа в магазины стоял «гадатель» с лотком, полным пакетиков «с судьбой», сложенных как порошки. Обученный щегол, поощряемый провололочной указкой, ловко хватал один пакетик из лотка» [1, с. 139]. Дина подробно описывает лоточниц с ирисками, тянучками, мороженщиц в белых куртках, они накладывали мороженое в вафли с именами; а еще дворовые игры в чику, «зоську» и подстенку. Играла девочка в основном с мальчишками — лазила по чердакам, каталась на льдинах, прыгала с крыши сарая. А вечером, когда возвращались родители, у Дины была другая жизнь с музыкальными вечерами, чтением, с занятиями с бабушкой, с походами в церковь, со сказками.

С юмором рассказано, как Дина сама себя записала в школу и пошла в первый класс, а потом экзамены в музыкальную школу. Так и шла эта прекрасная жизнь до 1937 г., пока не арестовали отца. Семье пришлось переехать на Северные на частную квартиру. Жизнь Дины изменилась: из центра семья была выселена на окраину, девочке приходилось добывать топливо, отбиваться от шпаны, заниматься с второгодником, который стал ее защищать, занятия музыкой пришлось оставить. Перед самой войной выпустили отца, который был

тяжело болен. Семье дали двухкомнатную квартиру на Войсковой улице. Ненадолго вернулась прежняя жизнь.

«В воскресенье Дина ходила с подружками купаться на Иртыш. Прибежала, — все стоят у репродуктора и молчат.

«Что случилось?»

«Война, дочка», — папа положил ей руку на плечо». С этого момента круто изменилась жизнь Дининой семьи, как и всей страны. Мама стала работать хирургом в госпитале. Часто объявляли учебную, воздушную тревогу, противно завывала сирена. Потом отключили свет, и все стали пользоваться коптилками» [1, с. 183].

Если образ довоенного Омска озарен вечным светом, солнцем, полон нехитрых развлечений, дошедших еще от прежней дореволюционной жизни, город во время войны стал совсем другой. Это Омск небольших деревянных домов, вечерами они погружены во тьму, электричество было нужно для оборонных заводов. В каждой комнате этих домов жила целая семья, к осени 1941 г. население Омска за счет эвакуированных выросло вдвое. Военный Омск увиден глазами девочки, у которой умер отец, а мама на фронте, она пытается сохранить остатки мирной жизни — учится, оканчивает музыкальную школу, как хотел отец, едет на сельхозработы с его институтом, пишет маме оптимистичные письма. Словом, ведет свою борьбу с войной за жизнь с завидным мужеством. «В колеблющемся слабом свете коптилки она казалась себе страшной: глаза провалились, лицо обтянутое, какое-то желто-серое, волос нет. <...> Есть хотелось ужасно. Триста граммов хлеба никак не удавалось растянуть на целый день. И продавать больше было уже нечего» [1, с. 202]. Думаю, поведение героини этой повести Дины тоже входит в образ военного Омска. Ведь множество подростков вели хозяйство, собирали урожай, работали на оборонных заводах. Через год трудной одинокой жизни в тыловом городе Дину забирает в прифронтовой госпи-

галь к маме приехавшая за медикаментами операционная сестра. Три года войны Дина будет учиться и работать санитаркой в госпитале и скучать по своему родному городу.

«И вот они уже едут на поезде к фронту. Дина смотрела в окно и прощалась с окраинами, с Омском, со всеми. Прощайте, добрые люди! Соседка, давшая Дине пирожок с капустой, врачаха, подарившая ей тапочки, и бабушка Мороз, сшившая платье из маминого халата. Спасибо вам всем, не поминайте лихом! Вот кончится война, и мы снова увидимся (Дина не знала, что уезжает почти на три года)» [1, с. 204]. Войну госпиталь закончил в Львове, который девочку вспоминает как чужбину: «Триумфальные, в лепнине здания, готические соборы. Всё только из камня. Маленьких домов не было вообще. <...> Низкое оранжевое солнце освещало всю картину неестественным светом, как на сцене. Дине внезапно стало грустно и отчаянно захотелось домой, в Омск. Никогда до этой поры не тосковала она так по родине» [1, с. 224].

После войны направили госпиталь за границу, а маму Дины демобилизовали: «Дина очень соскучилась по своему родному Омску. С радостью сна отправилась с мамой домой. Налегке с одним чемоданом, возвратились они на Северные к тете Нюре. «Ой, мама, посмотри, как интересно: дома-то у нас, оказывается, все маленькие, деревянные» [1, с. 229]. Но, повидав разные города, Дина еще больше любила свой родной город Омск, который только во второй половине XX в. станет индустриальным городом с высотными зданиями.

А в начале 1946 г. пришло письмо от медсестры из Польши, почти все мамины коллеги-врачи погибли, подорвавшись на mine. «Дочитав письмо, мама долго сидела неподвижно, лицо ее постарело и осунулось. <...> Она сказала: «Вот, Динушка, это ты меня спасла. Я ведь должна была быть там, с ними...» [1, с. 230].

Повесть «Девочка из Омска» запечатлела наш город в первой половине XX в., на границе превращения провинциального поселения в индустриальный гигант и городсад. Именно война благодаря эвакуированным заводам осуществила этот переход к современному состоянию, а точнее, ко времени расцвета его промышленности, экономики и культуры в 1960–1980-е гг. В девяностые начнется время кризиса и упадка.

Самое главное в образе Омска в повести Н. С. Коноваловой это преданная любовь к родному городу. Автор писала: «Для меня нет на земле места дороже. <...> Это оттого, что здесь я родилась и прожила всю жизнь. <...> Наш прекрасный Омск. Знаю, что он провинциален, что есть множество более красивых и величественных городов. <...> Но эта любовь вне сознания, она выше нас» [1, с. 80].

Автор повести с детских лет обладает «чувством города» как одухотворенного, живого существа. Это и любовное общение с городом, и переживание его исторического ядра (крепость, центр), и архитектурное описание деревянного ландшафта с маленькими домами в сравнении с другими городами, и, наконец, яркое постижение природы Омска (река, степь, ветер) и городской топонимики. Предчувствует девочка и судьбу развития Омска после войны, которая развернется на ее глазах. Часто в повести звучат чужие голоса — поговорки, частушки, песни, шутки. Повесть «Девочка из Омска» неназойливо учит читателя интимно-личностному общению с «душой города», гармонично сочетающим старое и новое.

Список литературы

1. Коновалова Н. С. Мой милый Омск: Рассказы, повесть. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. — 231 с.

АРХИТЕКТУРНАЯ ТЕМА В МУЗЕЕ ИСТОРИИ МГУ

Арапова Е. Д.

*Москва, Музей истории государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Аннотация: Москва — мегаполис с большим количеством архитектурных форм. Большая проблема — некачественное строительство. Достойный пример для подражания — исторический облик улицы Моховой в Москве со Старым зданием Московского университета. XVIII в. в истории городских ландшафтов Москвы — важное время. Были заложены богатые культурные традиции и опробованы на практике философские идеи Просвещения.

Ключевые слова: Московский университет; архитектура; Главная аптека; Матвей Казаков.

Москва — мегаполис с большим количеством архитектурных форм. Многие сталкиваются не только в Москве, но и в историческом центре разных российских городов с несоответствием общего архитектурного ансамбля, диссоциирующим точечным строительством. Московский же университет серьезно подходил к формированию облика города, что выгодно отличалось от некоторыхстроек XVII в. и что мы до сих пор можем видеть на улицах нашего города.

В Москве в XVIII в. появляется первое высшее светское учебное заведение — Московский Елизаветинский (Шуваловский) университет. Изначально это государственное учреждение расположилось в паре непрофильных зданий близ Воскресенских (Иверских) ворот Красной площа-

ди. Речь идет о здании Главной аптеки (Рис. 1) и аустерии (харчевне). В конце XVII в. в здание аптеки попал Земский приказ. При царе Петре I рядом был заведен огород для разнообразных полезных при ранениях и болезнях лекарственных трав, так как нужно было качественное врачевание для участвующих солдат и офицеров армии и флота в годы трудной Северной войны (1700–1721) со Швецией за выход к незамерзающему Балтийскому морю. В первом зале Музея истории Московского государственного университета (МГУ) на почетном этапном начале экспозиции вместе с реликвиями университета (муляжами хранящихся в Научной библиотеке МГУ Университетского устава 1804 г. и Утвердительной грамоты к нему) и ретортой из Санкт-Петербургской академии наук, по легенде из лаборатории М. В. Ломоносова, находится макет Главной аптеки. Этот макет вместе с рядом других соответствующих макетов был изготовлен архитектурной мастерской под руководством В. Я. Либсона по историческим материалам, кропотливо и высокопрофессионально подобранным выдающимся деятелем, крупным библиографом, неистовым тружеником, радетелем Научной библиотеки МГУ В. В. Сорокиным к 200-летию университета (1955 г.). К сожалению, ко второй половине XVIII в. здание Главной аптеки обветшало и мало подходило для использования. Молодому растущему организму Московского университета с его студентами, с их проживанием, питанием, лабораториями, лекционными комнатами сразу стало тесно в зданиях Главной аптеки и аустерии. Это несмотря на то что изначально студентов и преподавателей в нашей *alma mater* было мало. Кроме того, в здании Главной аптеки протекала крыша, что было весьма неприятно в дождливые московские лета, весны, осени и суровые морозные или оттепельно сырые зимы.

Говоря о Главной аптеке, считаем значимым рассказать о ее культурно-историческом месте в традиции городской

Рис. 1. Макет здания Главной аптеки в музее истории МГУ.
Фото автора

Рис. 2. Фрагменты изразцов наружных стен Главной аптеки в музее истории МГУ.
Фото автора

среды, бытования нашей столицы, архитектуры и искусства России. Мы имеем в виду замечательные цветные майоликовые изразцы наружных стен Главной аптеки (Рис. 2), свидетельствующие о высоком уровне фантазии и исполнения отечественных художников и мастеров XVII в., времени обмирщения искусства, приближения его к реальной практической жизни. Образцы изразцов Главной аптеки дошли до нашего времени, представляют собой керамические элементы высокого уровня отливки и изящного рисунка с узорами в природных мотивах. Они хранятся в Коломенском, которое является частью Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. В 2005 году к 250-летию Московского университета эти изразцы находились в первом зале экспозиции Музея истории МГУ.

Мы неслучайно говорили о культурной традиции в Москве и России и об изразцах Главной аптеки — первом здании университета, так как в воссозданном Воскресенском соборе в Воскресенском Ново-Иерусалимском ставропигиальном мужском монастыре в Истре внешние и внутренние майоликовые изразцы — близнецы изразцов XVII в. Главной аптеки. Замечательно, что доказавшие свое достойное впечатление на человека и свою устойчивость к погодным условиям изразцы вновь украшают просторы нашей страны и являются частью нашей культурно-исторической матрицы. Достойным изменением, с точки зрения характера архитектурно-хозяйственного благоустройства в исторической динамике, стало то, что, как мы видели во время двух визитов в последние годы, здание храма в Истре перестроено качественно с учетом новейших знаний о строительстве и тщатель-

ного соблюдения классических норм строительства, правил сопромата и др. и простоит без проблем долгие годы.

Вторым нашим городским московским университетским музейным сюжетом является акварель «Вид Московского университета через реку Неглинку от Кремля». Это Старое или второе здание Московского Императорского университета на Моховой улице. Оно построено специально для университета архитектором Матвеем Казаковым в стиле классицизма. Это первое здание, сооруженное в России для светского высшего учебного заведения. Так сложилось, что зодчий Василий Баженов широко развернулся в Кремле со строительством Большого Кремлевского дворца на Боровицком холме, а подойти к фазе готовности все никак не получалось. «Это был грандиозный замысел, придающий древней столице новый, достойный просвещенной эпохи облик. Проект учитывал все, даже связь с историческим прошлым, ведь согласно ему, древнейшие храмы оставались нетронутыми. Стенами крепости, правда, предлагалось пожертвовать, оставив для памяти лишь небольшой фрагмент. Ордерные системы, старательно разработанные мастером для дворцовых фасадов, вполне оправдывали название, ведь ордер — это «порядок». Игривая пышность барокко сменилась парадной строгостью классического декора. Проект Кремлевского строения — не просто «сочинение» зодчего. Это урок, пример того, как нужно все делать правильно. Как и положено человеку той эпохи, Баженов верил в силу разума и в то, что есть единственно правильный стиль, этим разумом идеально просчитанный» [1]. Императрице же Екатерине II, немке на российском троне, требовалась стабильная «подушка безопасности», социальная база, поддержка. Ей нужны были свои люди и места по всей Российской империи, в том числе и в Москве. Напомним, что в период 1712–1918 гг. столицей Российской империи был Санкт-Петербург. В Москве Екатерине умест-

но было появиться и проявиться, венчаясь на царство в Успенском соборе, как все российские монархи, начиная со времен великого князя Ивана III до императора Николая II включительно. Раз возникли проблемы с введением в эксплуатацию высокого правительственного заказа, а именно Большого Кремлевского дворца на территории Кремля, то Екатерина II в свойственной ее правлению внешне мягкой дружелюбной рабочей манере не пошла на конфликт с не выполнившим вовремя обязательства Василием Баженовым, а выделила крупную сумму на строительство нового здания Московского университета другому архитектору — Матвею Казакову. Здание предполагалось построить тоже в центре города, если не в самом Кремле, то в ближнем квартале. Таким образом, московские обыватели каждый день вспоминали бы о наличии в Петербурге крепкой надежной власти, и что курирует ее их матушка-императрица Екатерина II. В Москве должно было бы возникнуть и возникло современное государственное здание, впечатляющее россиян и иностранцев, гостей города и страны. Москововед Зинаида Одолламская отмечает, что «в 1756 г. для разросшегося учебного заведения наняли владение князя Репнина на правом углу Большой Никитской и Моховой улиц. Усадебный дом приспособили к нуждам университета <...>. С годами территория, принадлежащая университету, разрасталась. В его состав вошли два церковных участка: церкви св. Дионисия Ареопагита на углу Б. Никитской и старого Леонтьевского переулка (ее разобрали в 1791 г. по ветхости) и церкви Святителя Леонтия Ростовского, тоже старой и обветшавшей, по которой и был назван исчезнувший переулок. Также университету отошли земли, принадлежавшие ранее коллежскому асессору Г. Д. Ивашкину, княгине А. И. Волконской <...>. В 1785 г. Екатерина II купила для университета дом генерал-поручика князя И. С. Барятинского, стоявший на Моховой справа от бывшего дома Реп-

нина. Огромная усадьба с садом и оранжереей, ставшими основой для Ботанического сада Московского университета, принадлежала ранее семье бояр Морозовых. Ее хозяйкой была известная «боярыня Морозова» с картины Сурикова — жена Глеба Ивановича Морозова Федосья.

Постепенно квартал между Моховой и Никитским переулком и Большой Никитской и Тверской становился университетским <...>. В 1786 г. началось строительство нового здания университета. Строгое классическое здание с ионическим портиком в центре и двумя симметричными крыльями, оформленными пилястрами, было закончено в 1793 г. Его изображение сохранилось на акварели сына великого архитектора, М. М. Казакова. Само здание сгорело в 1812 г. В страшном московском пожаре погиб музей, библиотека и большая часть архива старого университета. Проект нового здания, которое начали строить в 1817 г., принадлежал другому знаменитому зодчему — Д. Жилярди» [3].

Новый портик получил более мощные дорические колонны и парадную лестницу. Стены стали гладкими. Здание сохранилось до наших дней. Вдобавок к покупке земли для университета Екатерина подарила на строительство 125 тысяч рублей, заказав проект М. Ф. Казакову. Образ здания в целом определила идея «Храма Науки», храма богини мудрости Минервы. Здание вполне включалось идейно и физически в русло столь милого Екатерине в эпоху Просвещения до Французской революции 1789 г. 23 августа 1786 г. на Моховой улице было торжественно заложено новое университетское здание по проекту архитектора М. Ф. Казакова. Куратор М. М. Херасков заложил в основание будущего дома первый камень, медную доску с памятной надписью и монеты царствования Екатерины II.

Казаковым было создано три проекта — они отразили общую эволюцию классицизма к предельной строгости и обобщенности форм. Необходимый кирпич доставлялся

с принадлежащего М. М. Хераскову завода у Воробьевых гор, белый камень — из села Мячкова, а щебенку — из района современного Гоголевского бульвара, где разбирали стену Белого города. Актальный зал был задуман Казаковым как центр всего университетского ансамбля, «святилище муз», а его увенчанная куполом ротонда, судя по другим аналогичным композициям зодчего, непосредственно соответствовала церковному пространству. Современный интерьер зала восстановлен по рисункам Жилярди. Росписи на скругленных стенах и потолке выполнены в подражание скульптурной лепнине и посвящены прославлению наук и искусств. Среди многочисленных шествующих фигур — Сократ, Гомер, Пифагор, Галилей, Фидий, Гиппократ. Смысловый центр росписи — расположенная в полукругу уличной стены композиция, посвященная богу солнца и света Аполлону, покровителю муз и символу Просвещения. Жемчужиной интерьера зала стала обрамляющая его изящная колоннада с хорами над нею, поражающая своими гармоничными пропорциями и удивительно красивой прорисовкой капители.

Большая аудитория служила сценой, где разворачивалось центральное действие всей университетской жизни — ежегодный Торжественный акт. Здесь производилось зачисление в студенты, вручали награды, произносили торжественные речи, читали стихи, звучала музыка, и пел университетский хор. На акте присутствовали не только наиболее знатные и уважаемые московские сановники, но и вся просвещенная Москва, его сопровождал праздник и иллюминация, распространявшиеся далеко за стенами университета.

Во время учебного года Большая аудитория использовалась, как правило, для публичных лекций и экзаменов. Традиция публичных лекций в университете ведется от самого его основания, достаточно сказать, что здесь происхо-

Рис. 3. Вид на Старое здание Московского университета от Кремля (Музей истории МГУ). Фото автора

дили знаменитые публичные лекции по всеобщей истории Т. Н. Грановского, бюст которого находится сейчас в этом зале [1].

Отметим, что городские ландшафты России в конце XVIII в. начали запечатлеваться крупными мастерами своего дела, получившими специальную подготовку за границей. Так, крупным художником здесь был Фёдор Алексеев, рисовавший в технике акварель Санкт-Петербург, Москву, Херсон. В Музее истории МГУ в экспозиции висит акварель «Вид на Старое здание Московского университета от Кремля» (Рис. 3). Большинство искусствоведов, однако, считают автором акварели не Алексеева, а одного из его учеников, например, Мошкова. Подлинник работы кисти Мошкова хранится в Государственном Эрмитаже в г. Санкт-Петербурге. Нетипично для Алексеева было изобразить людей на переднем плане, обычно мэтр ограничивался архитекту-

рой. Кроме того, специалисты видят манеру акварели более грубой в сравнении с полными вкуса работами с изображениями городов Алексеева. Есть предположение Зинаиды Одолламской, что этот вид нарисовал сын архитектора Матвея Казакова. Городские пейзажи специально заказывались правительством, это расценивалось как пропаганда достижений императорской короны.

Важно, что эта акварель стала «визитной карточкой» эпохи, ее часто приводят как иллюстрацию к типической России времен «славы красных каблуков и величавых париков» императрицы Екатерины Великой, золотого века российского дворянства и апогея закрепощения крестьян.

Архитектурная составляющая, обширно представленная в Музее истории МГУ, говорит о том, что XVIII в. в истории городских ландшафтов Москвы — важное время. Именно тогда были заложены богатые культурные традиции и опробованы на практике философские идеи Просвещения.

Список литературы

1. Актный зал (Большая Аудитория) [Электронный ресурс] // Институт «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова»: [сайт]. — URL: https://museum.guru.ru/progulki/zdania/glavnoe_zal.phtml (дата обращения: 26.08.2020).
2. *Кавтарадзе С.* Кремлевский мечтатель и гений: кем на самом деле был Василий Баженов? [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка»: [сайт]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/cavtaradze-about-bazhenov> (дата обращения: 27.08.2020).
3. *Одолламская З.* Московский университет, ул. Моховая, д. 9–11. [Электронный ресурс] // «Узнай Москву»: [сайт]. URL: https://um.mos.ru/places/moskovskiy_universitet_ul_mokhovaya_dd_9_11/ (дата обращения: 26.08.2020).

МУЗЕЙ КАК УЧАСТНИК ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Скульмовская Л. Г.

Тюмень, государственный институт культуры

Аннотация: В статье речь идет о деятельности современного музея по сохранению и актуализации историко-культурного наследия. Осуществление музеем образовательно-воспитательной функции во взаимодействии с учреждениями культуры, образования и науки, общественными организациями, органами власти и местного самоуправления, СМИ повышает его роль как субъекта формирования массового сознания. Статья основана на материалах социологического исследования.

Ключевые слова: музейная коммуникация; музейная аудитория; социально-культурная среда; музейное пространство.

В современных условиях важно выявить связь проблем музейной деятельности с глобальными изменениями, происходящими в мировой культуре. Значительное влияние на формирование музейной аудитории оказал процесс визуализации культуры, проявившийся в значительном увеличении объема зрительной информации. Современный музей — это не только научно-просветительное учреждение, но и социально-культурный центр, объединяющий интеллектуальные силы региона [1, с. 76].

Ведущей тенденцией современной деятельности музеев является создание многоступенчатой системы музейного образования, приобщение к музею и его культуре, формирование, конструирование, трансформация музейной среды в зависимости от изменяющихся потребностей человека и общества. Работа с музейной аудиторией должна быть на-

правлена на выработку ценностного отношения к культурному наследию, формирование культуры общения с музейными ценностями и творческой активности посетителей, на развитие способности воспринимать музейную информацию, использование и популяризацию новых технологий музейного образования. При этом в современных музеях активно используется проектный метод.

Можно утверждать, что формируется новая образовательная концепция отечественного музея, то есть система представлений об общественном его предназначении и сущности работы с посетителями. Меняется отношение к самой аудитории, которая начинает восприниматься не как объект, который нужно обучать и воспитывать, а как равноправный участник коммуникативного процесса, осуществляемого в музейной среде. Одновременно музейная аудитория достаточно строго дифференцируется по возрастным, образовательным и иным признакам.

Кроме того, в последнее время впервые стала рассматриваться проблема результативности музейной коммуникации, воздействия музея на различные группы посетителей, эффективности тех или иных форм работы с ними, обозначилась потребность в появлении особого типа музейного специалиста, который мог бы подключиться к созданию экспозиций, разрабатывать и реализовывать программы работы с посетителями, экспериментировать в поисках новых форм и методов работы с детьми, осуществлять социально-психологические, социологические и маркетинговые исследования аудитории. Все это позволяет сделать вывод, что музей является важным участником формирования социально-культурной среды, источником развития познавательных интересов и совершенствования личности индивида.

Коммуникационная деятельность музея неразрывно связана с его деятельностью как организации, оказывающей

образовательные, консультационные услуги, занимающейся издательской деятельностью, изготовлением и реализацией произведений декоративно-прикладного искусства и т. д. Среди наиболее популярных мероприятий в настоящее время можно назвать музейные уроки, форумы и фестивали, где представляются и обсуждаются проблемы историко-культурной направленности, в частности, охраны конкретных исторических памятников и в целом сохранения историко-культурного наследия. Такие мероприятия позволяют привлечь интерес общественности к этим проблемам и многочисленных участников в их решении.

В настоящее время музей рассматривается как уникальное культурологическое явление со специально организованными учреждениями культуры, целью которых является хранение, изучение и публичное представление музейных экспонатов и музейных коллекций для осуществления культурных, образовательных, научно-исследовательских функций и обеспечения популяризации историко-культурного наследия.

Новые тенденции, появившиеся в мировой музейной практике, меняют традиционное представление о музее, расширяя спектр его ролей в обществе и дополняя его функции. Такое видение музея подчеркивается и в классическом его определении: «Музей — это учреждение, занимающееся собиранием, изучением, хранением и экспонированием предметов памятников естественной истории, материальной и духовной культуры» [2, с. 194].

Анализ современной музейной деятельности позволяет говорить о существовании единого музейного пространства, которое характеризуется модернизацией методов, приемов, способов музейной работы на основе принципов вариативности, гибкости, открытости по отношению к инновациям. Музеи приходят к необходимости оптимального сочетания традиционных и инновационных элементов

в современной музейной культуре. Музей становится гибким и мобильным, вбирает в себя новые достижения науки, техники, искусства, культуры и бизнеса. Современные успешные музеи репрезентируют концентрированный образ истории и культуры, становятся частью информационного пространства в условиях диверсификации социальной среды, изменения культурных ценностей, появления новых форм и управленческих структур.

Исторические парки «Россия — моя история» — это один из самых масштабных экспозиционных комплексов России, где панорамно представлена вся история России. Создатели парков — историки, художники, кинематографисты, дизайнеры, специалисты по компьютерной графике и другие — делают все для того, чтобы каждый посетитель почувствовал сопричастность к событиям истории своей страны. В недавно открывшемся в Тюмени мультимедийном историческом парке представлена история российского государства с древних времен до наших дней: четыре мультимедийные экспозиции рассказывают о тысячелетней истории России — «Рюриковичи», «Романовы», «От великих потрясений к Великой Победе», «Россия — моя история. XX век». Исторический парк реализует разнообразные культурно-массовые мероприятия: музейные уроки, мастер-классы, образовательные квесты, сюжетно-ролевые и организационно-деловые игры, а также открытые лекции и кинопросмотры.

Анализ результатов соцопроса, проведенного среди студентов Тюменского государственного института культуры (далее — ТГИК), в состав которого входит колледж искусств, в ноябре-декабре 2018 г., позволил выявить проблемы и тенденции в сфере оказания музейных услуг среди образовательных учреждений высшего и среднего образования Тюмени. Данное исследование было направлено на выявление мнения посетителей (студенческой молодежи)

о Тюменском музейно-просветительском объединении (далее — ТМПО) с целью дальнейшего совершенствования деятельности его структурных подразделений, формирования и укрепления его имиджа как стабильного учреждения, занимающего свое (особое) место в культурной жизни города [3, с. 102].

Известно, что важным показателем степени общественного интереса к музеям, культурного уровня населения и эффективности деятельности самих учреждений (богатства их фондов, информированности и качества оформления экспозиций, разнообразие форм работы с посетителями, соответствие музея запросам и ожиданиям молодежи), является их посещаемость. Исследование показало, что больше всего респондентов в течение года посетили Музейный комплекс имени И. Я. Словцова (28%), Исторический парк «Россия — моя история» (26%), Музей-усадьбу Колокольниковых (13%). Остальные музеи Тюмени: музей «Городская Дума» и музей «Дом Н. Д. Машарова» — по 8% соответственно. Незначительный процент посетивших Археологический музей-заповедник на озере Андреевском, возможно, связан с его отдаленностью от города. Ялutorовский музейный комплекс и Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, вероятно, посетили студенты, там проживающие.

Наибольшей популярностью среди молодежи пользуются Музейный комплекс имени И. Я. Словцова и мультимедийный парк «Россия — моя история» (Табл. 1). Таким образом, наша гипотеза о том, что из всех музейных учреждений наиболее предпочтительным является мультимедийный парк «Россия — моя история», подтвердилась. Интерес молодежи к Музейному комплексу имени И. Я. Словцова связан еще и с тем, что здание недавно введено в эксплуатацию и соответствует, на наш взгляд, мировым стандартам.

Таблица 1

Результаты социологического опроса о посещении респондентами музеев и музейных комплексов

Вопрос	Укажите, пожалуйста, в каком (каких) конкретно музее(ях) Тюменского музейно-просветительского объединения Вы были	%
Ответы:	Музейный комплекс имени И. Я. Словцова	28
	Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник	9
	Ялutorовский музейный комплекс	5
	Музей «Городская Дума»	8
	Музей «Дом Н. Д. Машарова»	8
	Музей-усадьба Колокольниковых	13
	Археологический музей-заповедник на оз. Андреевском	3
	Исторический парк «Россия — моя история»	26

Респонденты назвали ряд экспозиций и оценили их по пятибалльной системе: из перечисленных выставок больше всего студентов посетили семейный тур выходного дня «Открой свою Тюмень!» (34%), экскурсию «Тюмень тыловая» (24%), экскурсию «Победный рейс» (23%). Остальные экскурсии посетило незначительное число ответивших. Как показали результаты исследования, в Международной акции «Ночь в музее» приняли участие более трети опрошенных, ровно треть — в VIII Международном фестивале документального кино «КинЗА». 16% студентов побывали на выставке «Детский музей истории русской открытки»,

а примерно каждый десятый принимал участие в выставке, проводившейся в рамках IV Уральской биеннале современного искусства и международном проекте в сфере современного искусства «NEMOSKVA».

Опрос показал, что респонденты приняли участие в следующих образовательных программах и проектах для школьников и студентов в Музейном комплексе (в порядке ранжирования): «Вперед в прошлое» (23%), «Колесо истории» (20%), каждый десятый посетил «Музей — школе» и «Звезда», чуть меньше (9%) участвовали в образовательных программах «Музей дарит надежду» и «Музей — семья: точка пересечения». По 8% соответственно участвовали в программах «Отражение» и «Музей для почемучек», и совсем немного (1–2%) — в «Оде искусству» и «Медиасеть». Опрос также продемонстрировал, что значительное большинство опрошенных (79%) участвовали в мастер-классах по различным направлениям декоративно-прикладного творчества Центра промыслов и ремесел.

Результаты исследования свидетельствуют о высокой оценке студентов предоставляемых музейных услуг по различным основаниям: степени удобства ориентирования в залах, доступности экспозиций для понимания и восприятия, удобству размещения экспонатов для осмотра, доступности пояснительных текстов, уровню экскурсионного обслуживания и доброжелательности персонала.

Целый блок вопросов был связан непосредственно с деятельностью мультимедийного парка «Россия — моя история». Выяснилось, что респонденты успели посетить все четыре масштабные экспозиции, что еще раз подтверждает популярность данного учреждения среди молодежи. Ниже следующая таблица демонстрирует, что 81% опрошенных, в той или иной степени, владеют информацией об археологических памятниках на территории Западной Сибири, походе Ермака, строительстве первых русских городов за Ура-

лом (Табл. 2). Почти половина из них ответили, что знают совсем немного, и не знает почти ничего каждый пятый опрошенный.

Таблица 2

Результаты социологического опроса о степени исторической информированности респондентов

Вопрос	Владете ли Вы информацией об археологических памятниках на территории Западной Сибири, походе Ермака, строительстве первых русских городов за Уралом?	%
Ответы:	Да, все это мы изучали по курсу истории	34
	Немного знаю	47
	Не знаю почти ничего	19

Степень удовлетворенности участников опроса работой конкретного музея, а также организацией музейного дела в городе, позволяет прогнозировать их поведение по отношению к музейным учреждениям в будущем. Из предложенных вариантов ответов, направленных на улучшение музейно-выставочного дела в городе, респонденты выбрали следующие (Табл. 3).

Опрос студенческой молодежи Тюмени выявил существенные резервы совершенствования работы отдельных музеев и музейного дела в регионе в целом, условия увеличения числа посетителей и интенсивности их контактов с данными учреждениями культуры: это, по мнению ряда респондентов, — улучшение рекламной деятельности, обогащение и качественное оформление экспозиций, периодическая их сменяемость, проведение встреч с историками, искусствоведами, организация привлекательных культур-

Таблица 3

**Результаты социологического опроса
о предложениях по улучшению
экспозиционной деятельности музеев**

Вопрос	Предложения для улучшения музейно-выставочного дела в городе (несколько вариантов ответов)	%
Ответы:	Увеличить число музеев, выставочных залов	7
	Чаще обновлять экспозиции музеев и выставочных залов	17
	Улучшить оформление экспозиций	10
	Улучшить оборудование музеев	10
	Увеличить число и повысить качество экскурсий, лекций и т. п.	13
	Усилить внимание к посетителям	16
	Изменить время работы музеев и выставок	2
	Активизировать работу по популяризации среди населения памятников истории и культуры, сосредоточенных в музеях	17
	Затрудняюсь ответить точно	6
	Сделать ночной режим работы	1
	Улучшить работу с персоналом	1

но-досуговых мероприятий для молодежи и многое другое. Кроме того, часть респондентов назвали необходимость увеличить число музеев в городе, выставочных залов, шире использовать передвижные формы, сделать более удобным для посетителей время их работы.

Результаты проведенного исследования позволили сделать некоторые выводы и разработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию организационно-методической работы музеев с учетом запросов и интересов молодежи и студентов. В целях повышения качества услуг, оказываемых музеями Тюменской области, и эффективного использования ресурсов, приоритетным направлением является информатизация музейной деятельности. В области реализуется ряд проектов, направленных на внедрение в музейную деятельность современных информационных систем: электронных музейных библиотек, интерактивных тематических экспозиций, виртуальных тематических коллекций, компьютерных инсталляций и т. д. Ведутся работы по модернизации учетно-фондовой системы, по оцифровке фондовых и библиотечных ресурсов.

В целом можно отметить, что музеи Тюменской области используют синтез разных форм культурно-массовых мероприятий, внедряя в традиционные экскурсионные программы средства социально-культурной деятельности: конкурсы, музыкальные вечера, интеллектуальные турниры, киноклубы, патриотические, музейные уроки и др. Активно продолжается работа по интеграции образовательного процесса в музейную деятельность за счет использования уникальной предметной среды музейных коллекций. Разрабатываются новые культурно-просветительские программы патриотической, краеведческой направленности, развиваются экскурсионное обслуживание, лекционная деятельность, проведение музейных мероприятий, организация передвижных выставок, реализуются мероприятия,

направленные на сохранение, возрождение и развитие народных художественных промыслов.

На наш взгляд, проблема привлечения музейной аудитории носит социально-культурный и управленческо-политический характер, хотя основная ее часть находится в плоскости экономико-маркетинговых решений. Роль музеев в период повсеместного распространения информационных технологий значительна, противоречие заключается в том, что музеи современного типа располагают средствами для предоставления информации и демонстрации экспонатов, а роста посетителей и прибыли не происходит, даже несмотря на рекламные кампании.

Интернет и телевидение, вместо отражения жизненных реалий, заняты популяризацией определенного образа жизни, модели поведения, формированием предпочтений и желаний потребителей, постепенно заменяя реальную жизнь виртуальной. Но, если взрослое население в состоянии различить и отделить одно от другого, то молодежь чаще всего воспринимает получаемую информацию буквально. В связи с этим, еще более значительной становится роль музеев как хранителей материальных объектов историко-культурного наследия для воспитания поколения созидателей, а не только потребителей. Транслируемая повсеместно модель успешного потребления не предполагает саморазвитие, поиск и знакомство с объектами историко-культурного наследия и, что важнее, — проверку достоверности получаемой информации, поэтому так важны воспитательная и образовательная функции музеев, хранящих материальное подтверждение исторически свершившихся фактов, многие из которых сейчас подвергаются сомнению.

Все рекомендации, на наш взгляд, условно можно разделить на две группы: маркетинговые и административно-

управленческие решения. Комплекс маркетинговых решений может включать любые, приближающие услуги музеев к потребителю и дающие информацию о текущих и перспективных мероприятиях: активность сообществ, созданных музеями в соцсетях, ведение блогов сотрудниками музеев, розыгрыши билетов на новые экспозиции и выставки, акции на групповые посещения и др. Это экономико-маркетинговая сторона проблемы, а с административно-управленческой стороны все немного сложнее, поскольку речь идет о необходимости сделать модным интерес к посещению музеев (так же, например, как «читать модно»), формировать у детей и подростков интерес к знанию особенностей истории города, области, культуры. Это достаточно долгий процесс, но вполне возможный при помощи соответствующих технологий. Однако силами отдельно взятого музея не справиться — нужна поддержка административных структур, в том числе, финансовая помощь на проведение социальных рекламных кампаний, на то, чтобы сделать «крутым» знание своего края.

Интерактивные элементы исторического парка «Россия — моя история», а также техническое оснащение залов Музея имени И. Я. Словцова выполнены на высоком техническом уровне и привлекают учащуюся молодежь. При этом насыщение техническими средствами таких музеев, как «Дом Машарова» и «Усадьба Колокольниковых» (Тюмень), «Дом природы» и «Историко-мемориальный музей» (Ялуторовск), «Тюремный замок» и «Кабинет-музей императора Николая II» (Тобольск), возможно, будет не только неуместным, но и негативно повлияет на восприятие музейных экспозиций в указанных учреждениях.

ТМПО следует, на наш взгляд, обратить внимание на обновление следующих элементов: рекламные акции; методическое, экскурсионное обеспечение; методологию

работы гидов, экскурсоводов с туристами, посетителями музеев и экскурсий.

Результаты исследования показали, что основными источниками информации о музейных услугах являются рекомендации от друзей (знакомых), интернет (сайт музея, группа «ВКонтакте»), информация по месту учебы и т. п. В связи с этим необходимо развивать другие каналы информирования, например, использовать наружную рекламу, которая является одним из наиболее действенных рекламных средств, так как предполагает ее недифференцированное восприятие вместе со всеми средствами организации городской среды: архитектурной (домами, остановочными павильонами, киосками Роспечати и т. п.), самим транспортом, мостами, путепроводами, дорожными указателями, домовыми знаками и т. п.

В целом наружная реклама и общий дизайн в ТМПО не вызывают вопросов, однако данная реклама для молодого поколения, с их точки зрения, не так актуальна. Следует использовать контекстную рекламу в поисковых системах; профессионально вести сообщества в социальных сетях; проводить рекламные кампании с таргетированием на целевую аудиторию. У музейного объединения имеется богатый ресурс для создания разнообразных и разноплановых выставок, ориентированных на определенные группы населения, в том числе и на определенные группы молодежи. Сегментирование выставок позволит также увеличить охват аудитории музея.

Ведение экскурсии исключительно по экспозиции, разбор каждой витрины или предмета делают ее перегруженной фактологической информацией. Соответственно, такая экскурсия не будет усвоена экскурсантом до конца, впечатление от посещения музея не будет положительным, и экскурсант откажется посетить музей повторно. Необ-

ходимо подавать фактический материал, чередуя с более длительными рассказами, историями, характеристиками отдельных элементов, и т. д. Чередуя точечные факты и повествовательный элемент, экскурсовод задает темп ведения экскурсии, а правильное его соблюдение на протяжении всей экскурсии позволяет поддерживать контакт с аудиторией в течение всего академического часа. Постоянное обновление экскурсионных материалов, привлечение к этой работе молодых сотрудников позволит взглянуть на устойчивый объект новым, свежим взглядом и таким образом открыть заново этот объект для посетителей музея.

В целом проведенное исследование позволяет констатировать, что современный музей может использовать практически весь маркетинговый инструментарий для расширения аудитории. Необходимо постоянно проводить анализ соответствия полученного имиджа музея с желаемым результатом, обязательным условием при этом является доведение итогов мониторинга до всех участников подобной деятельности. Несмотря на достижение значимых успехов в формировании положительного имиджа музеев, забота о его укреплении и о высокой репутации должны проводиться постоянно и быть направлены на увеличение количества посетителей. Очевидна необходимость в системе подготовки и повышения квалификации музейных работников с целью обучения их методам проведения социологических исследований, а со стороны органов управления в сфере культуры — обеспечение музеев соответствующими методиками и инструментарием. Систематическое изучение запросов, оценок и предложений будет способствовать дальнейшему улучшению работы музейных учреждений города, расширению аудитории их посетителей и активных помощников в сохранении отечественной истории и культуры.

Список литературы

1. *Комиссарова Е. В.* Краеведческий музей как региональный центр трансляции культурного наследия // Вестник МГУКИ. — 2006. — № 4. — С. 76–78.
2. *Игнатьева В. В.* Новые направления развития музеев в сфере культуры, рекреации и туризма // Туризм и культура в современном мире: материалы Междунар. практ. конф. — СПб.: Астерион, 2011. — С. 193–198.
3. *Скульмовская Л. Г., Никифорова А. А.* Реализация региональной культурной политики средствами культуроохранных технологий: монография. — Тюмень: Белый куб, 2019. — 166 с.

УДК 069:37

«РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПАМЯТИ»: СУДЬБА ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ ГЛУХИХ ДЕТЕЙ В ОМСКЕ

Талапин А. Н.

*Омск, государственная областная научная
библиотека имени А. С. Пушкина*

Аннотация. Статья затрагивает проблему сохранения культурного и исторического наследия, представленного в музеях образовательных учреждений. На примере музея истории глухих детей показывается специфика их положения и аргументы учредителей при ликвидации. Рассказывается о ликвидации музея адаптивной школы-интерната № 7 на ул. 18-й Амурской в Омске и о последующей судьбе его музейной коллекции.

Ключевые слова: историческая память; наследие; школа; реорганизация; музеи; ликвидация.

Для оценки каких-либо сознательных перемен, особенно в такой тонкой сфере, как культура, важны их мотивы, цель и ожидаемый результат, измеримый в реальных единицах. Ведь любое изменение означает и потери: невозполнимые или несущественные, компенсируемые новым состоянием. При этом музеи образовательных учреждений оказываются самыми незащищенными. При ликвидации любого музея используется стандартный набор мотивов.

Здесь уровень музея: государственный, муниципальный, общественный — не имеет значения. Доминирующим мотивом может быть идеология или экономика. Для музеев учебных заведений аргументом могут быть интересы образовательного процесса.

История бывшего школьного музея глухих детей — пример полной физической ликвидации, вплоть до уничтожения коллекции. Процесс уничтожения был фактически увязан с образовательными и хозяйственными интересами. В мае 2018 г. в Омске были объединены две адаптивные школы-интерната — № 7 на ул. 18-й Амурской и № 19 на ул. 21-й Амурской (вторая поглотила первую). Министр образования Т. В. Дернова пояснила, что сделано это «в целях совершенствования системы адаптивного образования», что дети будут заниматься по новым методикам коррекционной работы. С хозяйственной точки зрения реорганизация должна была позволить «устранить диспропорции в эксплуатации зданий», а также «оптимизировать систему управления и имущественный комплекс» [1]. Диспропорции заключались в том, что обе школы рассчитаны на 200 учеников каждая, однако в одной по факту училось 112, а в другой — 278.

Областной кабинет министров без замечаний поддержал предложение Т. В. Дерновой, однако реорганизация, а на деле — поглощение одним административно-хозяйственным субъектом другого не была увязана с обязательствами нового руководства в отношении музея ликвидированной школы. Директор объединенной школы Г. А. Зарубина посчитала, что может свободно им распорядиться, в результате большая часть бывшего школьного музея глухих детей была выброшена в буквальном смысле на помойку и утилизирована вместе с мусором.

Уникальность уничтоженного музея заключалась в том, что в нем были представлены материалы, показывавшие историю обучения глухих детей в России (копии с 1806 г. и оригиналы с 1906 г.) и Омске (начиная с 1927 г.). Это был единственный подобный музей в нашем городе, и в России таких школьных музеев немного. Формально музей существовал с 2002 г., когда благодаря инициативе учите-

ля Л. Б. Чеснаковой и с одобрения директора школы № 7 Н. В. Максименко для него было выделено помещение и оформлена экспозиция на средства от выигранного гранта городской администрации (конкурс социальных проектов «Добрый город», проект «Музей истории глухих города Омска») [2]. Экспозиция включала 16 больших стендов, 4 горизонтальные витрины, коллекцию портретов сурдопедагогов, а также рисунки и картины, написанные глухими учениками, телевизор для демонстрации фильмов и т. п.

Не только российские, но и иностранные гости, представители европейских обществ глухих посещали музей. Однако после того как инициаторы создания музея ушли из школы, а затем и из жизни (в 2011 г. не стало Л. Б. Чеснаковой, в 2013 г. — Н. В. Максименко) с 2006 по 2016 гг. музей открывался только для разовых экскурсий. В 2016 г. по распоряжению директора Т. П. Кульченко экспозиция была разобрана и снесена в кладовку, откуда и была выброшена спустя два года новым школьным руководством (Г. А. Зарубиной). Это стало логическим завершением процесса дестематизации школьного музейного комплекса.

Лишь благодаря А. А. Королёву, история семьи которого тесно связана с историей школы № 7 (его мама и бабушка работали в ней, а мама еще и была выпускницей), часть коллекции музея — фотографии и альбомы — была спасена. А. А. Королёв является членом правления Омского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (далее — ОРО ООИ ВОГ). Трудится он в ОГОНБ имени А. С. Пушкина и по совместительству является специалистом по работе с инвалидами по слуху. Королёв занимается изучением истории глухих и вначале временно присоединил спасенные материалы к личной коллекции документов, а впоследствии передал их ОРО ООИ ВОГ.

ВИРТУАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В XXI В.

Демьянов К. В.

*Омск, государственный университет
имени Ф. М. Достоевского*

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимопроникновения и взаимовлияния онлайн-среды и городского пространства, благодаря чему культурный ландшафт современного города интегрируется в сеть, что способствует популяризации исторических знаний и культурного наследия.

Ключевые слова: цифровизация, интернет-коммуникации, городское пространство, культурный ландшафт.

Наступление века информационных технологий и влияние процессов цифровизации на историческую науку являются не только одними из самых обсуждаемых внутри профессионального сообщества, но и обрели свою рефлексию на академическом уровне. Перед историками стоит целый ряд задач, решение которого определит будущее истории как науки, сохраняющей актуальность в обществе.

Использование интернет-ресурсов — текстов, фотографий и прочего медиаконтента — давно стало частью современных исследований. Однако развитие интернет-коммуникации и интеграция исторического сообщества в онлайн-формат породило новые формы трансляции исторического знания. Интернет теперь является не только хранилищем, местом вместительности огромного количества

В 2020 г. как серьезный исследователь, давно занимающийся поиском и изучением материалов по истории глухих, А. А. Королёв был назначен руководителем (на общественных началах) нового структурного подразделения ОРО ОООИ ВОГ — «Центра изучения истории глухих Омского региона» (ЦИИГОР). Здесь он разместил спасенные им материалы школьного музея и в дальнейшем планирует составить из них небольшую экспозицию (в 2020 г. этим планам помешала пандемия COVID и личные, семейные обстоятельства). Таким образом, для части экспозиционных материалов уничтоженного уникального омского музея история обрела свой счастливый конец.

Хозяйственная «перспективность» музеев не очевидна, а у музеев учебных заведений и вовсе отсутствует. Они потребляют больше измеримых ресурсов, чем могут принести, а административно целиком зависят от учредителя — учебного заведения, которое зачастую музейных норм не знает и считаться с ними не собирается. Ответом может быть лишь равнодушие всех заинтересованных в сохранении памяти, овеянной в музеях, однако последнее слово всегда остается за администрацией.

Список литературы

1. Фомина М. В Омске объединяют две школы-интерната [Электронный ресурс] // Newsomsk.ru: новостной портал города Омска: [сайт]. — URL: https://newsomsk.ru/news/73611-v_omske_obedinyayut_dve_shkol_internata/ (дата обращения: 20.03.2019).
2. Чеснакова Л. И оживает история... // Вечерний Омск. — 2002. — 6 сент.

информации, но и влияет в обратном направлении на реальный мир и, в частности, на городское пространство.

Для городских сообществ «уход в виртуальный мир» стал своеобразным выходом в условиях постсоветской России, когда при поляризации акторов, формирующих символическое пространство города, возможность влиять на крупные и значимые символы исчезла. Отказ от последовательной декоммунизации на государственном уровне в 1990-е гг. привел к ситуации, когда смена имени города и названий его главных улиц, снос памятников стали невозможными. Как ни парадоксально, но подобные практики были важной частью советской мемориальной политики. Стоит отметить, что даже те немногие декоммунистические преобразования в топонимике формально произошли еще в СССР в 1990–1991 гг. — Ленинград стал Санкт-Петербургом, Свердловск — Екатеринбургом, а Горький — Нижним Новгородом. С их отмиранием произошло переориентирование на локальный уровень (небольшие улицы, новые памятники и городская скульптура), а также возник новый феномен — выстраивание виртуальной исторической памяти. Являясь самой по себе вещью воображаемой, память в условиях цифровизации и распространения сети Интернет в 1990-е — 2000-е гг. получила возможности для новых инвариантов своего воплощения.

За прошедшее десятилетие 2010-х гг. популярность в российских городах набрала так называемая «красная линия» — пешеходный маршрут, вдоль которого нарисована линия, связывающая разные исторические достопримечательности того или иного города. Как правило, эти ключевые точки маршрута сопровождаются информационными стендами, с которых можно считать информацию о данном историческом объекте с помощью технологии QR-кода. Когда код попадает под объектив камеры смартфона, появляется возможность открыть ссылку на закодирован-

ный сайт — где и содержится вся информация о достопримечательности. Пройти такую экскурсию можно не только непосредственно в городском пространстве, но и виртуально — сайты подобных проектов предоставляют такую возможность.

Идея родилась и первоначально была реализована в Екатеринбурге [1]. В 2010 г. блогер Дмитрий Калаев в своем «Живом Журнале» выступил с инициативой создать подобный пешеходный туристический маршрут по центру Екатеринбурга. Пользователи «Живого Журнала» отобрали целый ряд достопримечательностей — потенциальных опорных точек маршрута. Интернет-голосованием, в котором приняло участие более 11 тысячи человек, было отобрано 35 объектов. Финансирование выделила компания «Пенетрон», специализирующаяся на производстве бетона, красок и т. п. «Красная линия» была нанесена в июне 2011 г. и растянулась более чем на 6 км. С тех пор «линия» распространила свое влияние на другие города.

В Новосибирске подобный по замыслу проект был реализован в 2018 г. Инициатива принадлежала жительнице города Анне Горбач [2]. В столице Сибири маршрут линии оказался гораздо короче, чем в столице Урала — всего 2 км и 12 ключевых объектов маршрута. Он сосредотачивается лишь на главных достопримечательностях города, находящихся в относительной близости площади Ленина — Оперный театр, сквер Героев Революции, Дом Ленина и др.

Наиболее амбициозный по масштабу проект подобного типа был реализован в 2020 г. в Омске [3]. Получивший название «Город Говорит», омский вариант «красной линии» опирался на екатеринбургскую модель и стремился охватить все наиболее значимые достопримечательности города. Инициатором проекта выступил председатель Молодежного общественного совета при Омском городском совете Андрей Бем. Омская «красная линия» проложила

маршрут из 28 достопримечательностей, протянувшись более чем на 8 км. Линией охвачены два исторических ядра города — территории Первой и Второй Омской крепости, а также пространство притяжения Успенского собора, включая здание Областной библиотеки имени А. С. Пушкина, Доходный дом Печокас и Пожарную каланчу. Маршрут также предполагает наличие аудиогuida, которого можно активировать на каждой точке с помощью указанной выше технологии QR-кода. Таким образом, любой человек может организовать себе экскурсию по центру города самостоятельно, используя только смартфон с доступом в Интернет.

Обратное влияние городского пространства на развитие интернет-площадок прослеживается на примере сайтов, являющихся огромными базами данных, хранящими информацию об истории городов. Ярким примером является портал pastvu.com (автор идеи — Илья Варламов) [4], предоставляющий возможность посмотреть на карте фотографии из любой точки мира с хронологическим разбросом от 1826 до 2000 гг. Фотографии размещены на карте в виде маркеров, указано направление съемки, датировка каждого снимка. Информацию и фото может разместить любой желающий, затем они проходят через обсуждение и атрибуцию со стороны сообщества. Это формирует своеобразный виртуальный культурный ландшафт, складываемый из тысяч фотографий разных хронологических пластов, которые можно фильтровать в зависимости от заданных пользователями параметров.

Таким образом, в последнем десятилетии наметилось взаимопроникновение городского пространства и онлайн-среды. Культурный ландшафт современного российского города интегрируется в сеть и приобретает благодаря этому новые инварианты своего воплощения, расширяется и обогащается за счет этого. Также этот процесс актуализирует способы популяризации исторических знаний и куль-

турного наследия. В свою очередь, интернет-пространство насыщается «полезной» информацией, транслирует позитивный образ города и демонстрирует равнодушие и незаинтересованность горожан в сохранении локальной исторической памяти.

Список литературы

1. Красная Линия Екатеринбурга: [сайт]. URL: <https://www.ekbredline.ru/> (дата обращения: 29.09.2020).
2. Красная линия для туристов появилась в центре Новосибирска [Электронный ресурс] // Новосибирские новости: интернет-проект о полезном и понятном Новосибирске: [сайт]. URL: <https://nsknews.info/materials/krasnaya-liniya-dlya-turistov-poyavilas-v-tsentre-novosibirska/> (дата обращения: 29.09.2020).
3. Город говорит: [сайт]. URL: <http://omskgovorit.ru/> (дата обращения: 29.09.2020).
4. PastVu — проект по сбору свидетельств прошлого: [сайт]. URL: <https://pastvu.com/> (дата обращения: 29.09.2020).

ВИДЕОФЕСТИВАЛИ КАК СРЕДСТВА ОБРАЗНОГО ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Хилько Н. Ф.

Омск, Сибирский филиал

*Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Аннотация: В статье определяется пять компонентов культурного ландшафта малых городов и сельских поселений Омской области, отражающих военно-исторические события нашей страны: знаковые события, мемориалы и памятники, мемориальные доски, героическая топонимика, облик ансамблей православных храмов, просветительские видеорасказы о войне с привлечением воспоминаний ветеранов, свидетелей «живой» истории военных лет. Типология видеообразов любительских молодежных короткометражных фильмов — участников видеофестивалей выявила образы «живой» истории; зрелищные и персонифицированные образы мероприятий; образы художественных произведений, «мемориализованной» и музеефицированной истории, «зафиксированной» и «запечатленной» истории (в документальном кино, видео, фотографии и т. д., в названиях улиц).

Ключевые слова: видеофестивали; образное отражение; историческая память; культурный ландшафт; малые города и поселения; культурная среда.

Для рассмотрения содержания образов исторической памяти в культурной среде города обоснуем производное понятие «образы исторической памяти». В первом приближении «историческая память» определяется как определенное историческое наследие: «следы, фрагменты, остатки, неполнота прошлого, зафиксированные в обыденных представлениях». Другая, противоположная точка зрения, определяет историческую память как сумму изменяющихся неоднозначных представлений, «динамичный процесс постоянной организации этих фрагментов, предполагающий воспроизводство и трансформацию знаний о прошлом» [1, с. 170–220]. Третья точка зрения, принадлежащая Л. П. Репиной, соединяет в понятии «историческая память» коллективные и социальные, массовые представления о прошлом, трактуя последнюю как социальную память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), коллективную память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или в целом — как «совокупность массовых представлений социума об общем прошлом» [2, с. 42]. С четвертой точки зрения, историческая память — результат социального отношения к прошлому, предполагающий способы и механизмы фиксации прошлого, это «системообразующий элемент общественного сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения, воспроизводства социокультурной информации» [3, с. 230].

Учитывая названные точки зрения, приходим к выводу, что, на наш взгляд, историческая память — это живые, меняющиеся представления об историко-культурном наследии. Образ в философии и истории понимается как «образ прошлого», часто используется в качестве обозначения представлений о значимых исторических событиях, которые закреплены в общественном сознании в виде стабильного набора символов. При этом структура исторического

образа как абстрактно-символьной модели прошлого включает такие базовые элементы, как имя (знак) и форму (текстовую, иконографическую, аудиовизуальную) [4, с. 282].

Применительно к понятию «историческая память» следует различать индивидуальные и коллективные образы, объединяющиеся в конечном итоге в совокупность массовых представлений о прошлом. Таким образом, в исторической памяти аккумулируются индивидуальная память о прошлом и коллективная историческая память. При этом совокупность массовых представлений о прошлом отражается в образах исторической памяти как совокупный образ (Рис. 1).

Представим понятие «образы исторической памяти» в культурной среде города как устойчивый конструкт совокупности стереотипов восприятия исторического прошлого, соединяющий в себе совокупность массовых представлений и образов, отраженных в произведениях различных видеофестивалей.

Очевидно, что в культурном ландшафте малых городов и поселений Омской области, как и в любом городе, есть немало компонентов, отражающих военно-исторические со-

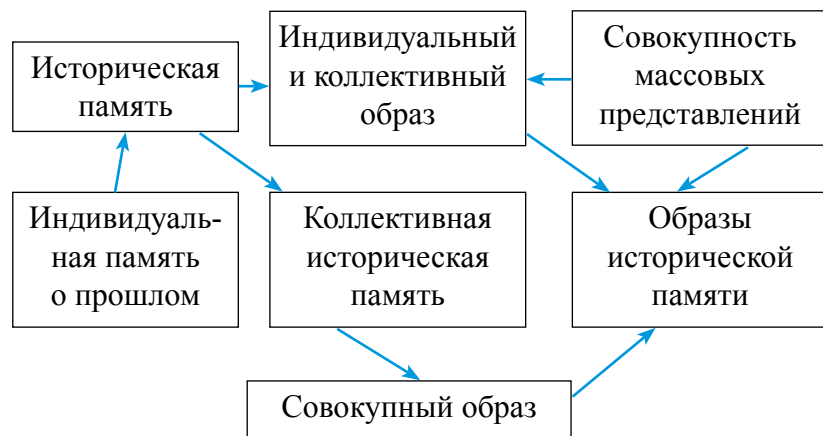

Рис. 1. Состав понятия «образы исторической памяти»

бытия нашей страны. К ним относятся знаковые события, мемориалы и памятники, мемориальные доски, героическая топонимика, облик ансамблей православных храмов, просветительские видеорассказы о войне с привлечением воспоминаний ветеранов, свидетелей «живой» истории военных лет.

Фестиваль «Светлое кино», который регулярно проходит в Омске, направлен на поддержание духа патриотизма среди молодежи средствами видеотворчества, что немало способствует распространению образов исторической памяти в культурной среде малых городов и поселений.

Какие же *типичные образы* можно выделить? На этот вопрос ответит контент-анализ видеоработ, присланных на традиционный конкурс «Светлое кино», посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, проводимый Центром духовно-нравственного развития «Исток» и Центром творческого развития «Дом пионеров» Омска в апреле 2020 г.

В различных *видах образов* фотофильмов, игровых и документальных видеороликов, видеорепортажей, видеоклипов разными средствами были отражены практически все компоненты культурной среды городов и сел Омской области.

Видеорепортажи о *знаковых памятных событиях* отражают личные образы малой Родины. Среди них — патриотические мероприятия и акции ко Дню Победы; атмосфера героизма и «героев нашего времени»: перед зрителями предстает образ героя, защитившего мирных жителей в начале XXI в. («Оперуполномоченный Олег Охрименко», «Герой нашего времени»); Вечный огонь и возложение цветов к мемориалу в поселке Кормиловка, образ павших в фильме помогают воссоздать стихи о Родине, о погибших, вокализ («Вспомним всех поименно»); видеорепортаж о траурном митинге 25 июня 2019 г., посвященном возвращению

на родную землю в пос. Таврическое найденных поисковыми отрядами останков Никифора Григорьевича Касярума.

Видеоклипы *о Великой Отечественной войне и вооруженных конфликтах* полны военно-патриотического содержания и музыкальных образов военного героизма, мужества и стойкости. Отметим музыкальный фотофильм об учителях-фронтовиках местной школы, тружениках тыла, их наградах — музыкальный контекст — музыка из песни «На безымянной высоте» («Учителя-ветераны Великой Отечественной войны», Кормиловский лицей); видеоклип С. В. Проничева «Афган — это война» передает образ «афганцев», участников военных действий.

Фильмы-воспоминания очевидцев, включающие интервью с героями (образы «живой» истории): рассказ о фронтовике Михаиле Андреевиче Будилеве дополняется показом памятника Неизвестному солдату в селе («Легенда малой Родины: село Розовка Омского района»); образ фронтовиков-односельчан в мемориале и в свидетельстве «Живой» («Мы помним: о военном конфликте в Афганистане», Кормиловский лицей); рассказ о тружениках тыла на селе — о колхозе «2-й большевистский сев» и ветеранах тыла Н. А. Ворониной, Н. А. Жукове, И. Ф. Нагорном, В.И. Хранине, С. А. Троц-Рыжаковой («Спасибо деду за победу, а бабушке — за помощь деду!», с. Новосельское Кормиловского района).

Видеоэкскурсии по мемориалам, памятникам и мемориальным доскам, малой Родине в целом (образы «мемориализованной» и музеефицированной истории): видеохроника о работе школьного музея («Мы будем помнить», группа «Поиск», СОШ № 37); история легендарного танка «Малютка» и пятилетней героини тыла Ады Занегиной (анимация «Вклад в Победу», Троицкая СОШ); видеосюжет о смысле понятия «Родина» («Что такое Родина?», Н. Цыкунова, СОШ № 13).

Героическая топонимика (образы «запечатленной истории» в памятниках и названиях улиц): улица фронтовика К. Смирнова в Черлаке («Его звали Кон Коньч», Черлакская гимназия); образ героев-земляков в топонимике («Улица Карбышева», Кормиловский лицей; «Улицы поселка Кормиловка и Омска» Л. Котоян).

Просветительско-героические видеопоэтические показы и видеорассказы о войне: история блокады глазами омичей (хроникальные фото- и видеоматериалы в фильме «Блокада», омский Дом пионеров, Омск); встречи и интервью с ветеранами ВОВ и блокадниками при помощи художественного слова, интервью, хроники; видеопоэтическое представление зрителям 13 памятников города Омска, связанных с Великой Отечественной войной (памятный камень воинам, умершим от ран в госпиталях; памятник детям блокадного Ленинграда; памятник солдатской матери Анастасии Ларионовой; скульптурная композиция «Журавли нашей памяти»; скульптурные композиции в Парке Победы; памятники Лизе Чайкиной и генералу Карбышеву, танкистам — в бронетанковом училище, ветеранам ВОВ — в Кировском округе, погибшим омичам, а также труженикам тыла).

Облик ансамблей православных храмов: видеоэкскурсия по храмам и святым местам Омска и Омского района (пос. Крутая горка — пос. Татьяновка — село Надеждино и Большекулачье); рассказ в анимации о святой Варваре — образ святого места в облике монастыря и духа милосердия («Варварина пустынь», видеостудия с. Новотроицкое).

Таким образом, можно говорить о различных видеообразах, сформированных в любительском короткометражном кино, отражающих историческую память практически во всех отмеченных компонентах культурной среды. Рассматриваемые образы делятся по принципам достовер-

ности и подлинности, выраженной в разных формах: от «живой» истории к зрелищности и отраженности исторической памяти в культурной среде (Табл. 1).

Таблица 1

Формы отраженности исторической памяти в культурной среде

№	Типология видеообразов любителей	Формы отраженности исторической памяти в культурной среде
1.	Образы «живой» истории.	Знаки уважения, почетные звания, таблички на домах, где живут ветераны.
2.	Зрелищные образы и персонализированные образы мероприятий.	Циклы патриотических акций, встреч, эстафет, уроков мужества и других мероприятий.
3.	Образы художественных произведений.	Репертуар театров, киноцентров, культурно-досуговых центров.
4.	Образы «мемориализованной» и музеефицированной истории.	Мемориальные доски, памятные знаки, экспонаты музеев, памятники.
5.	Образы «зафиксированной» и «запечатленной» истории (в документальном кино, видео, фотографии и т. д., в названиях улиц).	Памятные книги, репертуар киноцентров, сайты, фонды, архивы культурного наследия.

Следует полагать, что образы исторической памяти, содержащиеся в видеороликах, взаимодействуют с историческим сознанием и выливаются в образные представления о Великой Отечественной войне и Победе у наиболее активной молодежи, участвующей в различных видеоконкурсах. Чем же определяется патриотическое содержание этих образов? Очевидно, что основополагающим стимулом формирования чувства патриотизма являются значимые в общественном сознании социальные идеалы героизма, источниками которых являются ветераны войны, труженики тыла, блокадники, живое общение с ними, представления о героизме из книг, рассказов, интервью, фотографий, картин художников, кинофильмов, театральных постановок, патриотических песен и т. д. Эти представления аккумулируются в видеотворчестве. Таким образом, действует система взаимодействия социальных идеалов героизма и образов исторической памяти в патриотическом содержании деятельности молодежи, в частности в видеотворчестве (Рис. 2).

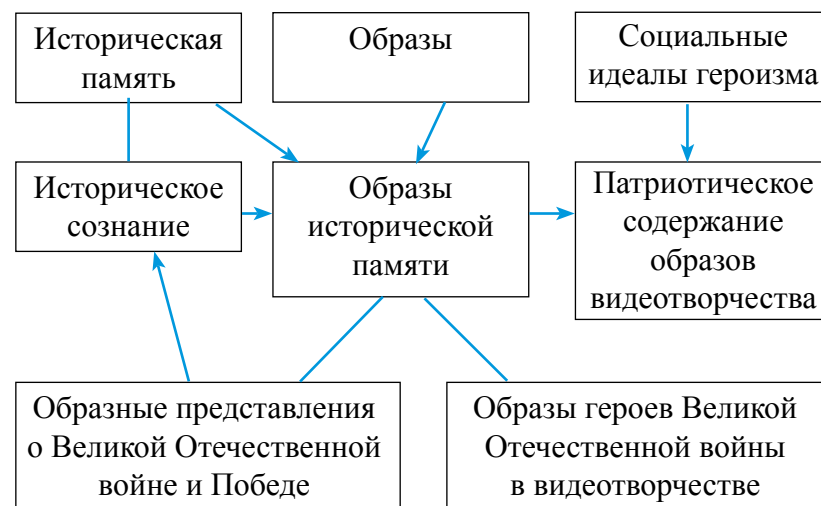

Рис. 2. Взаимодействия социальных идеалов героизма и образов исторической памяти

Таблица 2

Тематика видеосюжетов и видеообразов любительских видеофильмов конкурса «Гимн чести» (омский Дом пионеров)

№	Тематика/фильмы	Видеообразы	Социальные идеалы героизма	Средства патриотического воспитания
1.	Патриотические мероприятия и акции ко Дню Победы — «Бессмертный полк», «Письма с фронта», «Уроки мужества» и др.	Атмосфера героизма и «героев нашего времени».	Оперуполномоченный Олег Охрименко.	Репортаж, песни, интервью, художественное слово.
2.	Спортивные мероприятия, посвященные Дню Победы.	Образы мужества в спортивных достижениях.	Заслуженный мастер спорта Геннадий Комнатов.	Репортаж, песни, интервью.
3.	Встречи и интервью с ветеранами Великой Отечественной войны и блокадниками.	Образы живых свидетелей войны.	Командир дивизии Л. Н. Гуртьев.	Художественное слово, интервью, хроника.
4.	Дети войны, малолетние узники концлагерей и пионеры-герои.	Образы самоидентификации с юными героями.	Володя Дубинин.	Песни, художественное слово, интервью, хроника, дикторский текст.
5.	Представления о Родине и ее защите в видеосюжетах.	Образы патриотов России.	Петр Ильичев.	Видеосюжеты о погранзаставах, интервью с пограничниками, показ учений, песни, дикторский текст.
6.	Борьба за мир.	Образы современных патриотов — борцов за мир.	Юная американская школьница, актриса, выступавшая в борьбе за мир — Саманта Смит.	Песни, художественное слово, интервью, хроника, дикторский текст.
7.	Видеоклипы песен военно-патриотического содержания.	Музыкальные образы военного героизма, мужества и стойкости.	Герои безымянной высоты.	Исполнение песен, иллюстративные видеообразы, документы и предметы военных лет.

Для того чтобы увидеть преобладающие проявления патриотизма, нами были проанализированы 15 любительских видеофильмов конкурса «Гимн чести...», проводимого омским Домом пионеров. Видеофильм сопровождали эссе, в которых был сделан выбор любимого героя (социального идеала героизма). При этом тематика фильмов соотно-

силась с характером видеообразов, социальных идеалов героизма и средств патриотического воспитания в видеотворчестве. Все фильмы были распределены на 10 групп по тематике видеосюжетов и видеообразов, социальных идеалов героизма и средств патриотического воспитания в видеотворчестве (Табл. 2).

Итак, в завершении можно сказать, что все же большая часть молодых людей узнала о Великой Отечественной войне от своих родителей. Семьи помнят об этом событии и передают своим детям высочайшие ценности, такие как патриотизм и любовь к своей Родине. Это историческая память о великом и трагическом событии нашего народа, которую нужно пронести через года. Следует полагать, что образы исторической памяти взаимодействуют с историческим сознанием и выливаются в образные представления о Великой Отечественной войне и Победе.

Список литературы

1. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. — 2005. — С. 170–220.
2. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. — 2004. — № 5. — С. 39–52.
3. Кулиш В. В. Социальное измерение функционирования исторической памяти молодежи // Ученые записки РГСУ. — 2010. — № 6. — С. 230–235.
4. Мазур Л. Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа // Диалог со временем. — 2013. — Вып. 43. — С. 282–302.

УДК 316.752

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС РЕВИТАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
проект № 19-09-00191*

Белова А. В.

*Тверь, государственный университет,
Москва, Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

Аннотация. Статья посвящена проблематизации исследовательских интерпретаций понятия «историко-культурное наследие», дискуссионности критериев отношения к наследию. Особое внимание уделено опыту повседневности как составной части исторической целостности культуры. Делается вывод о значимости ресурса автобиографической и социальной памяти для трансляции, сохранения и изучения повседневного опыта в контексте переосмысления историко-культурного наследия с учетом его актуализации для современных практик.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; культурные ценности; повседневность; повседневный опыт; автобиографическая память; социальная память; меморизации культуры.

Современные тренды брендинга территорий, ревитализации городской среды, формирования региональной идентичности опираются на ресурс культурного наследия, понимаемого в широком смысле и реализуемого через его актуализацию в соответствии с новыми запросами потенциальной целевой аудитории. Речь идет о трансляции элементов наследия на «языке» актуальных практик, введении их в культурный оборот второго десятилетия XXI в.

Вопросы историко-культурного наследия являются в современной России предметом как политико-правового, так и научного дискурса, полем «пересечения» которых становится правовое обеспечение сохранности культурных ценностей. В течение последних двух десятилетий они подлежат особенно активному обсуждению в свете согласования принципов разграничения собственности на памятники культуры между центром и регионами, государством и церковью, государством и потенциальными частными владельцами [1–3]. Отношение к наследию имеет несколько измерений, а именно: характеризует культурную стратегию государства и общий культурный уровень того или иного социума, определяется материальной, иногда весьма внушительной, стоимостью конкретных памятников и, вместе с тем, их нематериальной ценностью, значимостью для этнокультурной самоидентификации нации. Причем независимо от того, ставятся ли проблемы в рамках политико-правового или сугубо научного поля, первоочередное значение приобретают критерии причисления к наследию феноменов и объектов, а значит и трактовка понятия «историко-культурное наследие», его юридическое или исследовательское описание. Неслучайно в современных дебатах о приватизации памятников в качестве предварительной задачи декларировалась их инвентаризация, создание полного их реестра [1, с. 63; 2, с. 22].

Несмотря на то что государственная стратегия в отношении наследия, безусловно, должна опираться на научную экспертизу, включая ее как одну из важнейших составляющих, в интересах получения адекватного представления о проблеме следует отдавать себе отчет в том, что часто не существует аналитической ясности и однозначности в оценках ученых. Это и понятно, ведь оценки эти могут формироваться в контекстах разных исследовательских или, шире, интеллектуальных парадигм. Наряду с тем, что

категория «историко-культурное наследие» — категория историческая, имеющая в разные эпохи в разных культурах свою интерпретацию, — это еще и категория ментальная, подверженная воздействию расхожих интеллектуальных стереотипов.

Не секрет, что исследовательская позиция, относящая к наследию только высшие, рафинированные культурные достижения, берет начало в просветительском проекте с его бинарными оппозициями «выдающегося» — «заурядного», «творческого» — «дилетантского», «шедевра» — «посредственности». Живучесть просвещенческих конструктов и мифов доказывается бытующими вплоть до сегодняшнего времени мнениями о культуре и наследии как о «золотом фонде», «сокровищнице» шедевров мировой архитектуры, искусства, литературы. При этом, напомню, от маркирования грифом шедевра зависит правовой статус памятника, режим его финансирования и в конечном счете качество его сохранности. Однако «наследие» или «то, что мы наследуем», — это не абстрактная «выборка» только самого лучшего, «элитарного», а весь культурный опыт, традиция в целом. Целостность же опыта неизбежно подразумевает опыт или континуум (от лат. *continuum* — непрерывное, сплошное) повседневности, который долгое время не только не учитывался при обсуждении проблемы историко-культурного наследия, но и не анализировался с научной точки зрения — ни с исторической, ни с этнологической, ни с культурологической. Вместе с тем «наследие» повседневности накладывает, возможно, наиболее существенный отпечаток на каждую из бытовавших культур, на их создательниц и создателей.

Один из выдающихся теоретиков отечественного памятниковедения академик РАО С. О. Шмидт (1922–2013) на протяжении не одного десятилетия в своих выступлениях и статьях неизменно обращал особое внимание на рассмо-

трение вопросов отношения к памятникам как к культурному наследию в контексте связи с проблемой каждодневности и повседневной жизни [4, с. 198–215; 5, с. 267–280]. Он, в частности, подчеркивал, что большинство памятников истории и культуры, воспринимаемых ныне как исторические источники, «возникло в силу необходимости обычного функционирования общества и развития личностных отношений в условиях повседневной жизни» [5, с. 269] того или иного времени. А раз так, то и оценивать их значимость следует, сообразуясь с ролью, которую они играли в культурной среде своей эпохи и в жизни современников, с тем, какие переживания и впечатления вызывали у последних, какое оказывали на них влияние. Всегда ли данное научно обоснованное обстоятельство принимается в расчет при придании или не придании статуса «памятника» тому или иному объекту, при мотивировании памятнично-охранительной деятельности? Отрицательный ответ очевиден. Иначе тверская усадебная архитектура XVIII–XIX вв. не находилась бы в столь гибельном состоянии, о чем не раз с сожалением упоминалось в краеведческих изданиях [6, с. 27–29; 7, с. 49–55] и в чем нетрудно убедиться при непосредственном осмотре год от года разрушающихся зданий.

Культура же дворянских усадеб, как сельских, так и городских, — это культура, сформированная миром повседневности и всем своим содержанием обращенная к нему. В символических «центрах мироздания», так называемых «родовых гнездах», поколения их обитателей совершали свои жизненные циклы от рождения до смерти, здесь протекали их жизни ежедневно с утра до вечера, реализовывалось множество субъективных опытов и практик, сложных отношений, переживаний, рефлексий, «чтобы единая нить культурной традиции никогда не могла быть прервана» [8, с. 33]. Не говоря о том, что тверская локальность, будучи

специфической ввиду расположения между двумя российскими столицами и сложной динамики соотношения в ней собственно провинциальной и столичной культур, вместе с тем, стала хрестоматийной, породившей через литературу «классическое» представление о русской провинции с типичным среднерусским пейзажем и характерными дворянскими усадьбами. Условность критериев при определении «историко-культурной ценности» и ее градации, выявленная С. О. Шмидтом применительно к документальным памятникам [4, с. 204], с еще большей наглядностью проявляется в отношении архитектурных сооружений, некогда оформлявших собой пространство дворянской повседневности. Иначе, как объяснить различное состояние усадебных зданий, как минимум равноценных с точки зрения эпохи бытования, современников, их населявших и посещавших, и оказанного на этих современников влияния? Как понять, например, несопоставимость судеб усадьбы Полторацких в селе Грузины, ставшей теперь прибежищем людей без определенного места жительства, и усадьбы Вульффов в Бернове, имеющей статус пушкинского музея? А ведь вспоминая о своем детстве и домах двух своих бабушек, А. П. Керн называла первый «великолепным замком, построенным Растрелли» [9, с. 355], а второй — просто «господским домом в Бернове» [9, с. 361]. Не менее значимым является опыт дифференциации городских усадеб и домов дворянства в городе, куда переселялись в ключевые моменты жизни, например, накануне рождения новых членов дворянского рода, поскольку родовспоможение в условиях города было более квалифицированным.

Апелляция к повседневному опыту людей прошлого при выработке современного отношения к историко-культурному наследию является одним из достоверных критериев определения ценности того или иного памятника. Этому в значительной мере способствует интерес к историческому

изучению повседневности, явственно проявившийся в последней трети XX в. и приведший к формированию в западных национальных историографиях особого направления, известного как «история повседневности». В свою очередь, исторические штудии были подготовлены на протяжении всего столетия рядом идей и положений философии жизни и концепции игровой культуры, феноменологии и экзистенциализма, Франкфуртской школы, постмодернизма и связанных с ним «культурных исследований».

По-настоящему новое отношение к повседневности как объекту научного интереса, придание ей значимости именно в этом качестве связано с постмодернистским вызовом гуманитарному знанию, в том числе исторической науке [10, с. 38]. Повседневная жизнь, по мнению одного из крупнейших представителей французского структурализма Р. Барта, — это «обширная область обычных человеческих отношений, целый слой «незначущей» идеологии», куда он относил «семейную жизнь, приготовление пищи, домашнее хозяйство, театр, правосудие, мораль и т. п.» [11, с. 117]. Анализирувавший изменение природы и статуса знания в эпоху постмодерна («недоверие в отношении метарассказов») Ж.-Ф. Лиотар (*Jean-Francois Lyotard*, 1924–1998) писал об обмене знаний «в рамках поддержания обыденной жизни (восстановление рабочей силы, «выживание»)» вместо распространения их в силу «образовательной» ценности или политической значимости» [12, с. 22]. В то время как не «великие рассказы» (диалектика Духа, эмансипация человечества) оправдывают постмодернистский научный дискурс, а «маленький рассказ», «повседневный дискурс» переворачивается «в своего рода метадискурс» [12, с. 144, 148]. Лиотар же цитировал в «Состоянии постмодерна» (*La condition postmoderne*, 1979) Ж.-П. Гарнье, в понимании которого «каждодневная жизнь» включала в себя достаточно широкое разнообразие сфер: «образование, здоровье,

правосудие, культурную деятельность, урбанизм и архитектуру и т. п.» [12, с. 45].

Исходившие от постмодернизма импульсы пересмотра господствовавшей ценностной иерархии, отказа от «шедевров» сыграли не последнюю роль в открытии повседневности и повседневного опыта как темы исследования и предмета научного анализа. Это открытие стало, по признанию ряда гуманитариев, одним из главных в прошлом столетии [10, с. 39–40].

В постмодернистской культуре особое значение приобретают обыденное мышление, организация повседневной жизни, повседневные жизненные практики, внимание исследователей концентрируется, в том числе, и на «феноменах культуры повседневности (костюмах, моде, манерах, интерьере, стилистике частной и деловой переписки)» [13, с. 120]. В качестве «культурных практик» последние стали предметом особого направления «культурных исследований» (*Cultural Studies*), связанных происхождением с британской интеллектуальной традицией [14, с. 432–441]. Близкое культурной антропологии расширительное толкование культуры «как способа жизни, как совокупности практик» предполагало включение ее «повседневно-бытовых» форм наряду с прочими в спектр изучения данного направления. Главный тезис о том, что «культура обыденна» (*Culture is ordinary*), пробуждал интерес к «многообразным способам жизни» обычных людей, их «повседневным практикам», формирующим образ мыслей, обретению ими культурных смыслов именно в «повседневном опыте» [14, с. 435–437].

В трактовках философов и культурологов, для которых «повседневность» была аналитической и одновременно оценочной категорией, в ее восприятии различимы как минимум два подхода: повседневность как непрерывность, сплошная среда, континуум; и повседневность как сфера

жизни или условная совокупность нескольких разрозненных сфер. Для историка повседневности первый подход, безусловно, является более продуктивным, поскольку позволяет увидеть в повседневности особое измерение человеческой жизни, многомерное «длящееся» пространство жизненных практик и восприятий. Отождествление же повседневности с одной из конкретных сфер жизни, в соответствии с другим подходом, таит в себе опасность сужения предмета исследования вплоть до сведения его к анализу исключительно бытовых аспектов культуры.

В моем понимании, «повседневность — это жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное — переживаний, реализующих субъективность». Неслучайно история повседневности, в отличие от прочих направлений и методологических подходов, — именно «пережитая» история. Повседневность имеет формальную длительность, определяемую суточным, годичным, жизненным циклом индивида. Вместе с тем время повседневности — это субъективное время, дифференцируемое собственными вехами в зависимости от значимости того или иного индивидуального переживания и последующего воспоминания о нем. Эти вехи — структурообразующие ретроспективы повседневности — результат умножения определенного субъективного опыта на поле культурных смыслов [10, с. 44].

Значимость аналитического освоения «повседневного», долгое время игнорировавшегося за счет «элитарного» и, вместе с тем, неоднозначность критериев присвоения статуса «памятника», условность категории «историко-культурная ценность» приводит к осознанию того, что повседневность — важная составляющая историко-культурного наследия, вне контекста которой трудно адекватно оценивать опыт, стоящий «за плечами» отдельной культуры. «Цивилизованное» отношение к наследию, вероятно, исходит

из видения за каждым «шедевром» повседневности его бытования, а любые проявления повседневности считает не уступающими «шедевр» по важности изучения и сохранения. Например, предусмотрительные жители Вены, одного из признанных городов-музеев мира, с равной бережливостью относятся как к памятникам далекого, оваянного ореолом исторической и культурной значительности прошлого, так и к ничем, казалось бы, сегодня не примечательным творческим проявлениям современности. Ведь неизвестно, что будут считать «шедевром» через тридцать лет? В своем не пренебрежительном подходе они, скорее всего, окажутся правы.

Одним из важнейших источников изучения повседневного опыта является ресурс автобиографической и социальной памяти. Запечатленная в эго-документах она фиксирует не только сами свидетельства о городской среде той или иной эпохи, но и отношение к ней, восприятие с учетом разделяемых ценностно-эстетических представлений. Вместе с тем память в самых разных ее проявлениях также является частью культурного наследия и связующим мостом между эпохами.

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов цивилизационной модели. Основы российской государственности исторически формировались в условиях родовой памяти поколений, приоритета семейной организации, широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зрения общественных когорт. Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и высокая степень женского участия

в общественно-политических и частноправовых процессах, которое усиливалось от средневековья к новому и новейшему времени. Исторически россиянки выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской государственности, но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого являлась жизнеспособность общества как социальной системы [15, с. 40–41].

Важно проследить механизмы преемственности консолидирующего потенциала женской социальной памяти в условиях общественно-политических катаклизмов и войн, природно-климатических бедствий и социальных потрясений, мирных будней и производительного повседневного опыта на протяжении последних трех веков российской истории. Наряду с преобладающими тенденциями вестернизации XVIII в. и модернизации XIX в., поиска баланса традиционного общества и инновационных установок, особое значение в этой связи имеет исследование женской социальной памяти и о наиболее влиятельных событиях и процессах XX в., и об обыденном, привычном, повседневном, которое всегда было фоном для событий «большого масштаба». Практики женской меморизации подлежат научной интерпретации как уникальный общественно-исторический инструмент преобразования трагических (травмирующих) опытов в конструктивную мотивацию к выживанию и дальнейшему развитию. Проблематизация многофункционального потенциала женской социальной памяти об ординарных и экстраординарных событиях, явлениях и процессах прошлого продвигает научное сообщество в изучении механизмов самоорганизации российского общества на всех уровнях выработки коллективной идентичности — семейном, поколенческом, государственном, национальном.

Изучение женской социальной памяти, специфики практик женской меморизации, выраженной в нарративных автодокументальных источниках, обусловлено значимостью их для понимания механизмов трансляции социокультурного опыта в межпоколенческом, синхронном и диахронном аспектах, выработки национальной идентичности, сохранения преемственности культурного развития, цивилизационной модели и системности общественной организации. Социальная память — мощный самозащитный механизм культуры от инокультурных и иноэтнических влияний, а также не только от вызовов извне, но и от саморазрушения; эффективный ресурс отстаивания и укрепления национальной общности и государственного единства.

В разные исторические эпохи именно на женщин возлагалась социальная ответственность не только за возобновление утраченных человеческих ресурсов на уровне практик деторождения, но и за воспроизводство ментального, эмоционального, интеллектуального, духовно и практически значимого наследия, и опыта, выступавшего главным условием выживаемости и самосохранения сообщества. «Позитивный консерватизм» женских социальных ролей, подробно представляемый женщинами — авторами нарративов, подлежит исследованию как возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы исторических наук. Особую актуальность исследование женской социальной памяти приобретает в области понимания, исторической рефлексии и переосмысления процессов, происходящих в обществе на протяжении жизни отдельно взятой семьи, целого поколения или, еще шире, народа от эпохи к эпохе.

Определенный социальный оптимизм внушает в этой связи исторический опыт воссоздания городского ланд-

шафта, связанный со сменой культурного кода города. Актуализация социальной памяти о реконструкции городского пространства и его трансформации из средневекового русского в новоевропейское (на примере восстановления по замыслу Екатерины II Твери после пожара 1763 г.) является одним из мобилизационных потенциалов для современных практик ревитализации города средствами культуры.

Список литературы

1. Чупринина Ю. Культурная резолюция // Итоги. — 2005. — № 8 (454). — С. 62–63.
2. Бабиченко Д. Попали в историю // Итоги. — 2005. — № 13 — (459). — С. 22.
3. Бабиченко Д. Духовное воздействие // Итоги. — 2005. — № 13 (459). — С. 26.
4. Шмидт С. О. Документальные памятники в системе памятниковедения // Шмидт С. О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение: сб. ст. — М.: РГГУ, 1997. — С. 198–215.
5. Шмидт С. О. Памятники в системе развития науки и общественного сознания // Шмидт С. О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение: сб. ст. — М.: РГГУ, 1997. — С. 267–280.
6. Соборы наших душ: альбом / автор-сост. С. Глушков. — Тверь: Альба, 1995. — 128 с.
7. Глушков С. В. На обломках дворянской Атлантиды // Русская провинция. — 1997. — № 4 (24). — С. 49–55.
8. Белова А. В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: науч.-метод. сб. / отв. ред. В. И. Успенская. — Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. — С. 32–44.
9. Керн А. П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. — М.: Сов. Россия, 1987. — С. 338–372.
10. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. — СПб.: Алетейя, 2010. — 480 с.
11. Барт Р. Из книги «Мифологии». Миф сегодня / пер. с фр. Б. П. Нарумова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 72–130.
12. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
13. Волкова Э. Н. Культурология. — М.: РГГУ, Издательство Ипполитова, 2002. — 278 с.
14. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. — Ч. I. — С. 432–441.
15. Белова А. В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. — 2019. — № 3 (47). — С. 39–51.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ НАСЛЕДИЯ, ВКЛЮЧЕННАЯ В СФЕРУ ТУРИЗМА

Никифорова А. А.

Нижевартовск, государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается такая категория культурного наследия, как культурные ландшафты. Удачно включенные в городскую среду культурные ландшафты могут не только ее преобразить, но и явиться базисом для формирования данной городской среды. Множественность видов культурных ландшафтов позволяет использовать их повсеместно.

Ключевые слова: культурный ландшафт; городская среда; туризм; культурное наследие; ландшафтное планирование.

Туристская индустрия, являясь высоко конкурентной средой, формирует необходимость оценки туристско-рекреационного потенциала территории, выступающего базисом для оценки предпосылок и перспектив развития дестинации.

Под туристско-рекреационным потенциалом понимается совокупность туристско-рекреационных ресурсов, их территориальных сочетаний и условий, способствующих удовлетворению потребностей населения в туристской и рекреационной деятельности [1]. Ресурсную основу туристско-рекреационного потенциала составляют природные (геологические, климатические, гидрологические, биологические, почвенные) и культурно-исторические ресурсы, а также их территориальные сочетания.

Несмотря на то что культурно-исторические памятники выступают доминирующими объектами туризма, специ-

фика культурного пространства не ограничивается одним их наличием. В качестве туристских достопримечательностей могут выступать не только точечные объекты, но и культурные ареалы. При этом особое значение играет сама этнокультурная среда территории, специфика которой становится стимулирующим или ограничивающим фактором для развития туризма и рекреации. В связи с этим активно развивается концепция культурного ландшафта, под которым понимается природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и местного сообщества людей, рационально осваивающих и преобразующих пространство согласно своим духовным и материальным потребностям [2, с. 80].

Начиная с 1992 г. во всемирном наследии стала выделяться новая субкатегория — культурные ландшафты [3, с. 33], формально отнесенная к культурному наследию, но по своей сути представляющая совместные произведения человека и природы. Отдельные культурные ландшафты могут различаться соотношением культурного и природного слоев, элементов традиционной и инновационной культуры, соотношением между наследием и современной культурой. Обычно выделяют четыре основных типа комплексов: городской, сельский, усадебный и монастырский.

Культурный ландшафт отражает как характерные особенности целого региона, так и сугубо индивидуальные черты, свойственные отдельному территориальному комплексу. Ландшафт формируется как совокупность исторических моментов адаптации человека к природной среде данной дестинации с применением ресурсов территории при существующих уровнях развития производительных сил и духовной культуры [4, с. 130]. Устойчивость культурных ландшафтов определяется сохранностью элементов предыдущих культур и постоянством природной

среды, а изменчивость — либо изменением технологий (развитием, привнесением извне), экологическими катастрофами природного и антропогенного характера, либо сменой культур, связанной с миграционной активностью населения или увеличением антропогенной нагрузки (возникновение различных типов поселений, концентрация населения на территории, эксплуатация природных ресурсов и др.).

Все культурные ландшафты можно разделить на два класса: инновационные и традиционные. Существует множество типологий культурных ландшафтов, использующих различные основания [2, с. 81]: по степени культурных преобразований и по жизнеспособности ландшафта (целенаправленно созданные, естественно сформировавшиеся и ассоциативные); по исторической функции (сельскохозяйственные, промысловые, сакральные, заповедные, мемориальные и т. д.); по типу культуры (усадебные, дворцово-парковые, монастырские, горнозаводские, военно-исторические, сельские и городские).

Ландшафт как место каждодневного пребывания человека, которое требует заботы и ухода как среда обитания, является объектом регулирования Европейской конвенции по ландшафтам [5, с. 150–160]. Россия пока, к сожалению, не является ее участником.

Ландшафты достаточно активно используют сегодня для непосредственного преобразования окружающей среды, а такое направление, как ландшафтная архитектура, превратилось в весьма востребованную область. Среди факторов, популяризирующих ландшафтную архитектуру, можно назвать социальный, обусловленный повышением благосостояния общества, появлением собственности, стремлением человека (в условиях города) приблизить себя к природе и окружить себя комфортным, гармоничным пространством, а также экологический, связанный с формированием

в крупных городах природной среды как необходимого условия для оздоровления экологии города.

Термин «ландшафтная архитектура» впервые был употреблен более ста лет тому назад в США в связи с формированием первых национальных парков. В Европу он пришел гораздо позднее. Однако ландшафтная архитектура насчитывает более чем двухтысячелетнюю историю, а своими корнями уходит в глубокую древность и берет начало с садов Древнего Востока, Древней Греции, Рима. В России Петр I уделял садово-парковому искусству большое внимание, и именно по его распоряжению строились дворцово-парковые ансамбли.

Безусловно, с каждой эпохой и каждой цивилизацией ассоциируются определенные достижения в развитии ландшафтной архитектуры. Древняя Греция — Афины, Олимпия, Александрия — дала миру понимание гармонии и единения естественного ландшафта и искусственно созданных архитектурных форм. Архитектурные решения Древнего Рима отражают власть и силу человека, подчиняющего себе природные пейзажи. Фонтаны и многочисленные каскады, аллеи со скульптурами и скамьями, и даже сады и бассейны в термах стали воплощением расцвета искусства ландшафтного дизайна.

Ландшафтная архитектура древних цивилизаций во многом является фундаментом для современного творчества, когда мировые проекты воплощаются в сотнях тысяч индивидуальных, изящных и качественных ландшафтных решениях XXI в.

Ландшафтная архитектура в энциклопедических словарях определяется как искусство, суть которого сводится к возможности гармонично сочетать естественный ландшафт с местностью, освоенной человеком (в том числе, с населенными пунктами, различными архитектурными комплексами и другими сооружениями).

Ландшафтная архитектура позволяет решить комплекс задач по формированию открытых пространств урбанизированной и природной среды — объектов, представляющих собой лесопарки, зоны и районы отдыха в пределах загородных территорий, памятники культурного наследия, культурные ландшафты на бывших территориях с техногенными авариями. Сооружения, малые архитектурные формы, оборудование, осветительные устройства, подземные коммуникации и инженерные сети выступают важными составляющими объектов ландшафтной архитектуры.

В последнее время наряду с термином «ландшафтная архитектура» зачастую употребляется как синоним термин «ландшафтный дизайн». Однако разница между этими понятиями все же существует. Ландшафтная архитектура — это гармоничная организация естественного пространства. Дизайн же предполагает более глубокие преобразования, позволяющие не просто организовать местность, а преобразовать ее в новую, предметную среду. В результате чего образуется искусственная среда, предназначенная для жизнедеятельности человека, хотя при ее создании активно используются и естественные, природные ресурсы — это рельеф, водные источники, флора и т. д. [6].

Формируемая архитекторами искусственная среда может быть качественно различной. Прежде всего, это среда искусственно созданных пространств, представленная в форме разнообразных зданий и сооружений. В основном, они располагаются на поверхности земли, однако, среди них можно найти подземные, подводные и другие достаточно необычные объекты. Другой разновидностью искусственной среды является среда открытых пространств, не замкнутых внутри ограждающих конструкций. К ним относятся улицы, площади и внутриквартальные пространства, а также система зеленых зон городов, состоящая из

парков, садов, бульваров, скверов, лесопарков, национальных парков и исторических ландшафтов.

Сегодня в ландшафтной архитектуре выделяется несколько основных направлений развития. Первостепенное значение имеет так называемое «ландшафтное планирование», тесно связанное с сохранением и развитием различных видов ландшафтной среды от кусочков нетронутой заповедной природы до тех природных районов, которые интенсивно эксплуатируются человеком. В круг вопросов, решаемых посредством ландшафтного планирования, входят также восстановление разрушенных исторических ландшафтов, трассировка и проектирование дорог и дорожных сооружений, ландшафтная организация промышленных и сельскохозяйственных территорий, зон отдыха, туризма и других объектов планирования.

Другим перспективным направлением ландшафтной архитектуры явилось создание ландшафтной структуры городов и урбанизированных районов. Это направление привело к возникновению большого числа частных проблем, центральной из которых явилась проблема создания действенных систем озеленения городов [7].

Третьей, самой популярной тенденцией развития ландшафтной архитектуры становится проектирование отдельных объектов самого различного назначения. Сады и парки могут быть декоративными, прогулочными, специального назначения (например, ботанические, зоологические, детские, спортивные и т. д.). Различны они и по техническим особенностям — разбиваются на грунте, на крышах, в закрытых пространствах, из искусственных материалов. В настоящее время существует бесчисленное множество их разновидностей.

За долгую историю развития ландшафтной архитектуры были сформированы новые стилистические тенденции, но

основными среди них являются регулярные и пейзажные направления. Базисом регулярного стиля является взаимодействие геометрии и математики, позволяющее использовать сложные геометрические формы, декоративные деревья, обстриженные в виде ромба, треугольника, круга или куба. Самым эффективным элементом такого сада становится бассейн строгой формы с фонтанами и каскадами. Возникнув достаточно давно, данный стиль остается по-прежнему популярным из-за своей «современности». Регулярную ландшафтную архитектуру можно встретить в реализации садов или парков [8].

Второй, очень распространенный стиль ландшафтной архитектуры — пейзажный. Он позволяет сформировать желаемый эффект путем минимального вмешательства в природу, добиваясь тем самым максимального соответствия природной среде. Попадая в окружение такого стиля, формируется впечатление, что это естественная среда, не тронутая человеком. Родоначальником данного стиля является древний Китай, где сложилась его тонкость и символичность. Позднее этот стиль возродился в Англии, где особое внимание уделялось самому ландшафту путем дополнения его всевозможными резервуарами для воды и цветущими деревьями. Несмотря на то что пейзажному стилю характерны черты китайского и английского менталитета, стиль стал популярным среди жителей других стран.

Дальнейшая эволюция ландшафтного дизайна породила еще несколько стилей. В зависимости от места и условий их возникновения, им присваивались соответствующие определения, например, японский, французский и т. д.

Наследие, связанное с традициями, непосредственно ориентированное на оживление культурной памяти, играет важную роль в современном обществе. Неоспоримо значение наследия как хранителя многовекового культурного

опыта народа. Интенсивное вовлечение объектов наследия в сферу туризма приводит к появлению новых специфических категорий наследия, в первую очередь, природно-культурного наследия, где сплетаются воедино природные объекты и человеческая деятельность. Ярким примером так называемого живого (формирующегося) природно-культурного наследия становятся природные парки, заповедники, природные ландшафты, которые появляются в разных регионах страны благодаря различным направлениям ландшафтной архитектуры и начинают использоваться в туристических целях.

Список литературы

1. Шабалина Н. В., Власов В. С. Эволюция представлений о туристско-рекреационном потенциале как основе формирования и развития туристско-рекреационных систем // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: сб. тр. Междунар. науч. конф. — М.: Советский спорт, 2008. — С. 391–399.
2. Дирин Д. А., Кусков А. С. Культурные ландшафты как элемент комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала территории // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 3–1 (71). — С. 80–83.
3. Кулешова М. Е. Правовая защита культурного ландшафта Кижского острова как феномена наследия // Экология культуры Архангельск: Комитет по культуре Архангельской области. — 2007. — № 2 (42). — С. 34–44.
4. Кусков А. С., Голубева Е. В., Одинцова Т. Н. Рекреационная география. — М.: Флинта, 2005. — 230 с.
5. Европейская конвенция по ландшафтам (Серия Европейских договоров, № 176) // Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. — Екатеринбург, 2001. — С. 150–160.

6. *Никифорова А. А.* Объекты нематериального культурного наследия в музейной деятельности: особенности вовлечения в сферу туризма. — Нижневартовск, 2017. — 128 с.
7. *Скульмовская Л. Г., Никифорова А. А.* Реализация региональной культурной политики средствами культуроохранных технологий (на примере Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры). — Тюмень, 2019. — 166 с.
8. *Теодоронский В. С.* Ландшафтная архитектура. — М., 2010. — 352 с.

УДК 338.48(338.483.12:338.485)

ТУРИСТСКИЙ КЛАСТЕР КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА САРАПУЛА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Голубева О. А.

Ижевск, Удмуртский государственный университет

Ившин К. С.

Ижевск, Удмуртский государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрен кластерный подход как фактор сохранения культурного наследия региона. Представлены схемы сохранения архитектурного облика территории. Приводится информация о туристическом кластере «Камский берег» и его значении для развития городского ландшафта Сарапула.

Ключевые слова: культурное наследие; туризм; туристический кластер; архитектурные ландшафты; Сарапул; территория.

Сфера туризма в России является точкой роста, в связи с этим развитие и максимальная реализация туризма является основной задачей государства, поддержка которого заключается в подготовке различного рода программ и стратегий: Федеральная целевая программа «Юг России (2014–2020 гг.)», Федеральная целевая программа «Культура и туризм 2019–2021 гг.», Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации» (2019–2025 гг.) и др. Тем не менее при функционировании туристическая отрасль сталкивается с определенными рисками, такими как нестабильная политическая

и экономическая ситуация, усугубление конкуренции на рынке туристических услуг, в связи с этим вопросы развития данного сектора экономики являются объективно актуальными. В качестве одного из эффективных инструментов для формирования привлекательной туристской дестинации выступает кластерный подход [1, с. 120].

Кластерная политика позволяет сформировать следующий набор преимуществ для развития туризма и территории в целом: 1) конкурирующие предприятия начинают работать в тесном сотрудничестве; 2) создаются новые рабочие места среди местного населения; 3) за счет налоговых поступлений развивается экономика; 4) продуктивное взаимодействие с отдельными секторами бизнеса; 5) возможность выполнения социальных обязательств; 6) появление узнаваемого бренда территории; 7) популяризация элементов культуры территории (традиций, религии, истории и т. д.); 8) сохранение и осмысленное использование культурного наследия регионов.

Фундаментальными компонентами туристического кластера служат туристско-рекреационные ресурсы, многие из которых являются объектами материального наследия. Поскольку одним из ключевых видов туризма остается культурный туризм, именно такие объекты, как архитектурные памятники, являются символами региона, его культурной принадлежности. От эстетической привлекательности объектов зависит туристический поток, люди хотят увидеть аутентичные кварталы, старинные постройки и памятники. Туристический кластер позволяет обеспечить активную эксплуатацию зданий, производящих впечатление на туристов. Кластерный подход сохраняет архитектурный облик города (Табл. 1).

Поскольку в туристический кластер входят старые здания, имеющие культурную и историческую ценность, фактор реставрации и реконструкции объектов можно считать

Таблица 1

Модель туристического кластера

Туристический кластер как фактор сохранения культурного наследия	<ul style="list-style-type: none"> – Реставрация объектов. – Приспособление исторических объектов для современного использования (инженерные сети). – Инвестиционная политика. – Привлечение узких специалистов (историков, краеведов). – Появление новой инфраструктуры в зданиях культурного наследия — кафе, гостиницы, сувенирные лавки. – Элементы маркетинга — имидж, брендинг. – Обустроенность прилегающей территории (подъездные пути, парковочные места, зеленое пространство). – Информационно-консультационная работа среди местного населения и туристов по сохранению культурного наследия.
--	---

наиболее значимым. Задачи реставрации и реконструкции — улучшить характеристики здания, привести его в соответствие с актуальными строительными нормами, требованиями безопасности, сделать их более удобными, функциональными. Для этого на объектах с исторической или культурной ценностью могут проводиться следующие виды работ (Рис. 1).

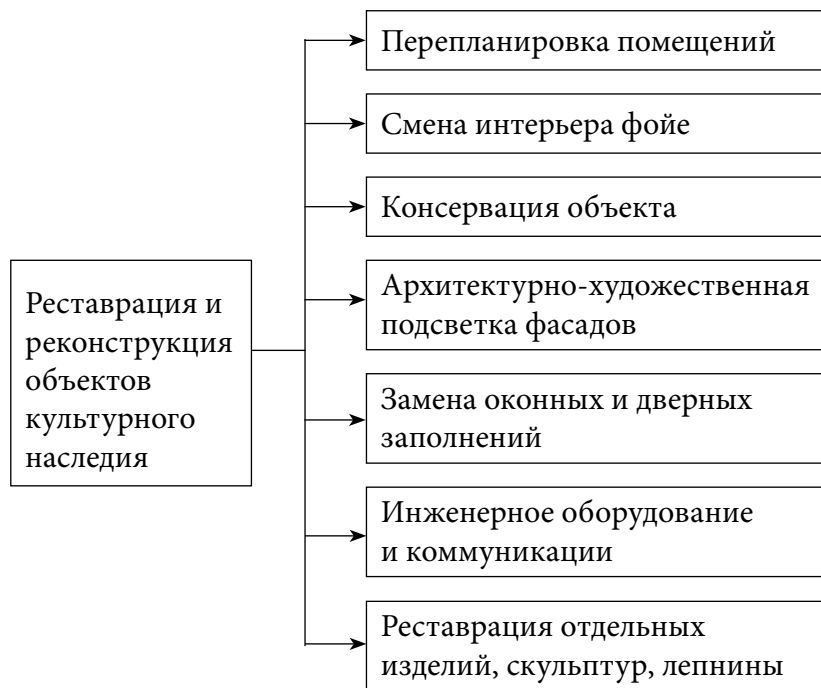

Рис. 1. Виды работ по реставрации и реконструкции объектов наследия

Таким образом, реставрационные работы как часть культурного кластера сохраняют архитектурное наследие города, и именно этот параметр формирует комфортную и безопасную городскую среду. Туристская индустрия заинтересована в сохранении объектов культурного наследия, не исключением здесь выступает культурный ландшафт территории, который в свою очередь влияет на туристское восприятие.

Изучение сотворчества природы и человека всегда вызывало интерес ученых, но концепция культурного ландшафта оформилась лишь в начале XX в. С позиции развития туризма в России мы рассматриваем культурный

ландшафт в рамках разработанного Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва подхода, где культурный ландшафт — это единый территориальный комплекс природных и культурных компонентов, которые взаимопроникают друг в друга, формируя культурное пространство городского ландшафта [2].

Таким образом, человек оставляет свой отпечаток в предметно-пространственном окружении, что позволяет проследить эволюционное развитие человеческой деятельности, при этом у каждого региона формируются свои этнические особенности. В отечественной практике изучение культурного ландшафта как этнокультурного поля впервые ввел В. Н. Калуцков. Автор рассматривал культурный ландшафт как среду жизнедеятельности местного сообщества, элементами культурного ландшафта в свою очередь выступали мифология, духовная культура, язык, традиции и т. д. [3]. Культурный ландшафт места воплощен в материальных формах, которые являются частью культурного наследия, выраженные, как правило, в объектах архитектуры. Уникальные объекты архитектуры — культурное достояние, они имеют эстетическую ценность и формируют бренд территории, чаще всего выступают частью туристического кластера. Обратимся к культурному ландшафту города Сарапула, архитектурные сооружения которого позволили сделать этот город туристически привлекательным.

Архитектура третьего по численности населения города Удмуртской Республики сохранилась до наших дней практически в первозданном виде. Большинство строений выполнены в стиле «модерн», что придает месту несравненное обаяние старинного купеческого города. Стиль «модерн» был более популярен в Европе; в уездном городе Сарапуле местные зодчие привнесли свои элементы (черты растительных узоров совмещены со свободным творчеством

мастеров). «Сарапульский» стиль выступает и как орнаментально-декоративная, и как объемно-пространственная система, а архитектура имеет ансамблевое начало.

Центр города Сарапула выходит на реку Каму, здесь можно увидеть ансамбль построек Красной площади, окруженный купеческими домами XIX–XX в.: бывшем зданием суда (сейчас городская администрация), домами купцов С. И. Бодалёва и П. Ф. Корешева. Для двух последних характерны черты стиля «модерн» — пастельные без ярких контрастов оттенки, подчеркнутая декоративность, текучесть силуэтов. Далее от Красной площади начинается ул. Труда, на которой также находится большое количество купеческих домов. К югу и западу от Красной площади расположены деревянные и типовые советские дома. Отдельно отметим историческое здание дома кондитера Вольфа, оно практически полностью сохранило первоначанный облик и планировку, орнаментальные линии присутствуют повсеместно.

Дальше начинается квартал кирпичной застройки начала XX в. в стиле модерн, среди которой здание музея истории и культуры Среднего Прикамья, а еще дальше — бывшие дачи. Самая зрелищная — дача Башенина. Яркий пример архитектурного модерна Сарапула — особняк купцов Смагиных. Здания выделяются своими ассиметричными формами, крупные элементы декора при этом выглядят гармонично и целостно. Стиль модерн проник в дома и более ранних построек, например, в доме купчихи Дедюхиной лестница была с растительным орнаментом. Элементы данного стиля проявлялись и в деревянных, и в каменных зданиях.

Благодаря домам, сохранившимся в неизменном виде, создается фон особых зрительных ощущений, которые погружают человека в прошлые эпохи. Городской ландшафт Сарапула становится информационным источником, со-

держащим сведения о культуре данной местности, вот почему строения, расположенные на улицах Азина, Раскольникова, Советская, Труда, Гагарина, Горького, Красноармейская до сих пор остаются нетронутыми.

С целью поддержания имиджа города как исторического места и памятника культуры на территории Сарапула 10 марта 2015 г. был сформирован туристско-рекреационный кластер «Камский берег». Это искусственно созданное объединение, выполняющее общую функцию организаций, оно может быть ориентировано сразу на несколько видов туризма. Одна из целей объединения — предоставление доступа туристам к использованию туристических ресурсов территории. Основная цель кластера «Камский берег» заключается в создании благоприятных условий для оказания комплекса взаимодополняющих туристических услуг, формирования современной конкурентоспособной туристской отрасли на территории кластера [4]. В данном случае кластер выступает как единица культурного ландшафта.

Туристический кластер позволяет создавать условия для сохранения культурного наследия города Сарапула, презентовать его исторические ландшафты. Территория становится узнаваемой, у нее появляется свой уникальный дизайн-код. Архитектурные и этнокультурные ландшафты подвергаются реконструкционным работам, однако сохраняется общий стиль первоначальной архитектуры зданий (колористическое решение, единство материалов, габариты и конфигурация зданий). Все это позволяет создавать новые привлекательные туристические маршруты/программы, знакомить туристов с традициями города, правда, пока в форме пассивного познавательного туризма.

Список литературы

1. *Портер М.* Конкуренция / пер с англ. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. — 356 с.
2. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
3. *Калуцков В. Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 94 с.
4. *Мерзлякова Г. В., Баталова Л. В.* Создание туристско-рекреационного кластера «Камский берег» в Удмуртской Республике // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2016. — № 1. — С. 135–141.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманова Кымбат Казалиевна — заведующая кафедрой археологии, этнологии и отечественной истории Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова (Республика Казахстан, Караганда), кандидат исторических наук (*e-mail: kimbat_abd@mail.ru*).

Акелькина Елена Алексеевна — директор Омского регионального центра изучения Ф. М. Достоевского Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук, профессор (*e-mail: fmdostocentr@yandex.ru*).

Алисов Дмитрий Андреевич — начальник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, член-корреспондент Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук (*e-mail: alisovd@rambler.ru*).

Ануфриев Александр Валерьевич — старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета, старший научный сотрудник Музея истории города Иркутска имени А. М. Сибирякова (*e-mail: nnnadezhda@mail.ru*).

Арапова Елизавета Дмитриевна — научный сотрудник Музея истории МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва), кандидат исторических наук (*e-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru*).

Багирова Алена Руслановна — магистрант кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Север-

ного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск) (*e-mail: alyona.bagirowa@yandex.ru*).

Баркова Валентина Васильевна — профессор кафедры философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск), кандидат философских наук, доцент (*e-mail: barkova.vv@yandex.ru*).

Бахтурин Виталий Валерьевич — магистрант исторического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (*e-mail: bakhturin1997@mail.ru*).

Белова Анна Валерьевна — заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор исторических наук, доцент (*e-mail: anna.belova@iea.ras.ru*).

Бондарь Виталий Вячеславович — ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Краснодар) (*e-mail: bonvita@yandex.ru*).

Брюханова Елена Александровна — доцент кафедры документоведения архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат исторических наук (*e-mail: brelenochka@mail.ru*).

Булатова Евгения Константиновна — доцент кафедры архитектуры Института строительства и архитектуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), кандидат архитектуры (*e-mail: bulatova_ek@bk.ru*).

Витюк Екатерина Юрьевна — начальник Научно-исследовательской части Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург), кандидат архитектуры (*e-mail: help_nir@mail.ru*).

Гераськин Дмитрий Вячеславович — студент кафедры философии Омского государственного педагогического университета; научный руководитель — профессор Г. В. Горнова (*e-mail: K1ngOfGod@yandex.ru*).

Гефнер Ольга Викторовна — доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина; научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, кандидат исторических наук (*e-mail: ovgefner@gmail.com*).

Голубева Оксана Александровна — заведующая отделением гуманитарных наук и педагогического образования Многопрофильного колледжа профессионального образования Удмуртского государственного университета (Ижевск) (*e-mail: Oksana_l2005@mail.ru*).

Демьянов Кирилл Владимирович — младший научный сотрудник, специалист по развитию научных журналов Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, магистрант исторического факультета (*e-mail: acdemyanovc@gmail.com*).

Дружинина Анна Олеговна — студентка исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург); научный руководитель — доцент М. К. Елисафенко (*e-mail: druzhinina_08ao@rambler.ru*).

Елисафенко Марина Константиновна — доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), кандидат исторических наук, доцент (*e-mail: elisafenko@bk.ru*).

Ермолаева Юлия Никифоровна — заведующая кафедрой всеобщей, отечественной истории, этнологии, археологии Северо-Восточного федерального университета (Якутск), кандидат исторических наук, доцент (*e-mail: Ermolaeva_yuliya@mail.ru*).

Загребин Олег Владимирович — директор Института изобразительных искусств Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург), кандидат архитектуры, профессор (*e-mail: oleg051261@gmail.com*).

Ившин Константин Сергеевич — заведующий кафедрой дизайна Института искусств и дизайна Удмуртского государственного университета (Ижевск), доктор технических наук, профессор (*e-mail: ivshic@mail.ru*).

Казанцева Светлана Генриховна — доцент кафедры философии Самарского научно-исследовательского университета имени академика С. П. Королёва, кандидат исторических наук, доцент (*e-mail: permendur@gmail.com*).

Касаткина Лариса Александровна — доцент кафедры основы архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (Красноярск), доцент (*e-mail: kraymay@gmail.com*).

Козлов Валерий Васильевич — профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского научно-исследовательского технического университета, кандидат архитектуры, профессор (*e-mail: kozlov@istu.edu*).

Козлов Дмитрий Викторович — доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук (*e-mail: dvk@home.isu.ru*).

Коровниченко Александр Александрович — аспирант Института истории и международных отношений Алтай-

ского государственного университета (Барнаул) (*e-mail: 89069402566@mail.ru*).

Кузеванов Виктор Сергеевич — доцент Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент (*e-mail: victors2@yandex.ru*).

Кузнецова Алла Владимировна — аспирант кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (*e-mail: Allartian@yandex.ru*).

Маркова Оксана Николаевна — старший научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Краснодар) (*e-mail: mona2712@mail.ru*).

Менщиков Владимир Владимирович — профессор кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (*e-mail: vmen1@yandex.ru*).

Митин Иван Игоревич — доцент Высшей школы урбанистики имени А. А. Высоковского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), кандидат географических наук (*e-mail: imitin@hse.ru*).

Никифорова Алина Александровна — старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Нижневартковского государственного университета, кандидат культурологии (*e-mail: blinks@bk.ru*).

Нуржанов Арнабай Абишевич — главный научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Маргулана (Республика Казахстан, Алматы), кандидат исторических наук (*e-mail: arnabai@mail.ru*).

Оглезнева Галина Васильевна — доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук (*e-mail: gogl@mail.ru*).

Петренко Ольга Владимировна — старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, кандидат исторических наук (*e-mail: olgap26g12@mail.ru*).

Позднякова Елена Юрьевна — доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (Барнаул), кандидат филологических наук, доцент (*e-mail: helena_poz@mail.ru*).

Попова Ирина Леонидовна — старший преподаватель кафедры основы архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (Красноярск) (*e-mail: ira_popova_1960@mail.ru*).

Прищепа Александр Иванович — профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (*e-mail: aiprishepa@yandex.ru*).

Саблин Александр Юрьевич — лаборант кафедры философии, истории, экономической теории и права экономического факультета Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина (*e-mail: alsablin2014@yandex.ru*).

Скосырева Нина Данииловна — заведующая кафедрой философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, кандидат философских наук, доцент (*e-mail: nd.skosyreva@omgau.org*).

Скульмовская Любовь Григорьевна — профессор кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии Тюменского государственного института

культуры, доктор социологических наук, профессор (*e-mail: skolimovska@mail.ru*).

Сорокин Алексей Петрович — заместитель директора государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина (*e-mail: ap40in@mail.ru*).

Талапин Анатолий Николаевич — старший научный сотрудник Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, кандидат исторических наук, доцент (*e-mail: anatolytalapin@rambler.ru*).

Удина Ирина Анатольевна — старший преподаватель кафедры основы архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (Красноярск) (*e-mail: udina.irina05@mail.ru*).

Хилько Николай Федорович — старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск), доктор педагогических наук, доцент (*e-mail: fedorovich59@mail.ru*).

Чекрыжова Оксана Ивановна — доцент кафедры документоведения архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат исторических наук (*e-mail: niigi@yandex.ru*).

Чуракова Ольга Владимировна — доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск), кандидат исторических наук, доцент (*e-mail: ochurakova@yandex.ru*).

Научное издание

**КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
ГОРОДОВ СИБИРИ
(Аксиология, история, практики)**

*Материалы X Всероссийского научного симпозиума
«Проблемы культуры городов России»
(Омск, 30 сентября 2020 г.)*

Ответственность за аутентичность и точность цитат,
имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов

Дизайн обложки: М. Ю. Маяков
Корректурa: И. А. Птицын
Компьютерная верстка: М. С. Столбова

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru